

Здесь бывал сам государь

к 175-летию
императора
Александра III

Материалы научно-практической конференции
из цикла «Императорская Гатчина»
Гатчина, 4–5 марта 2021 года

ЗДЕСЬ БЫВАЛ САМ ГОСУДАРЬ

К 175-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА III

Материалы научно-практической конференции
из цикла «Императорская Гатчина»

СОДЕРЖАНИЕ

ЗДЕСЬ БЫВАЛ САМ ГОСУДАРЬ.
К 175-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Материалы научно-практической конференции из цикла «Императорская Гатчина»
ISBN 978-5-6042190-6-5

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-художественный дворцово-парковый музей-заповедник
«Гатчина»

Адрес: 188300, Ленинградская область, г. Гатчина, Красноармейский пр., 1

Руководитель проекта – В. Ю. Панкратов
Научный руководитель – А. Н. Фарафонова
Организационная группа:

М. В. Кирпичникова, Е. В. Давыдова, А. Л. Калиновская

Иллюстрации предоставлены авторами материалов.

В оформлении обложки использованы изображения:

Подробный атлас Российской Империи с планами главных городов, 1871 г. С. 9.

Источник: <http://kartolog.ru/>

Неизвестный художник.

Портрет императора Александра III. 2-я пол. XIX в. ГМЗ «Гатчина» ISBN 978-5-6042190-6-5

Тираж 250 экз. Заказ № 10466

Отпечатано в типографии «Любавич».

ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»

Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 60

Андреев В. Е. Августейшие родственники (о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Николая Константиновича)	5
Афанасьев Г. Ю. «Высочайший стартap»: к истории испытания подлодки С. К. Дзевецкого на Серебряном озере Гатчинского дворца	18
Белоусова О. В. Визуальные презентации самодержавной власти: император Александр III в Екатеринодаре в сентябре 1888 года	30
Бельчинкова С. В. Театральная постановка «Царь Борис» в Эрмитажном театре в 1890 году	40
Герасимов В. В., Щедрин П. Г. Интерьеры «исторических комнат» Аничкова дворца на стеклянных негативах из частного собрания	50
Герасимов В. В. Последнее посещение Стрельнинского (Константиновского) дворца императором Александром III в июне 1894 года	62
Гребенкин А. Н. Организация охраны Гатчинского дворца в конце XIX – начале XX века	76
Громова А. В. Визиты Императора Александра III в Москву в 1855–1893 гг.	96
Дзюбинский Я. Р. Le Pont Alexandre III. Символизм «места памяти» двух наций и роль инженерного сооружения в контексте франко-российских отношений	108
Дорофеева В. М. «Вспоминаю... о миллом Ильинском, которое прелестно, как сон...» – из письма Александра III брату великому князю Сергею Александровичу	120

Жерихина Е. И. Личные комнаты Александра III и его супруги в Аничковом дворце, выполненные М. Е. Месмахером	130
Зимин И. В. «Все-таки моя маленькая комнатка в Аничковом куда как лучше для меня». Александр III в Аничковом дворце	139
Исаченко Т. А. Книги императорского дома Романовых в РГБ и НЭБ. К 175-летию императора Александра III	148
Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. «Царские избы» императора Александра III	158
Муравьёва И. Б. От великих князей до советских инженеров: очерк о Н. Ф. Лабзине	170
Новикова О. В. О подготовке двора великого князя Константина Николаевича к коронации Александра III	180
Пашинская И. О. Петергофский Коттедж. К истории создания загородного дома императорской семьи	189
Родионов Е. А. Памятные вещи из поездок семьи Александра III по России в коллекции оружия Гатчинского дворца	199
Романов П. К. Великий князь и царственный дед: эпизоды из детства Александра III	209
Смирнова Т. В. Встреча в Нарве императоров Александра III и Вильгельма II в августе 1890 г.	217
Фёдорова В. В. Привести в образцовый порядок	227
Шукурова А. Э. Выступления Придворного оркестра в Гатчине в 1891–1894 гг.	247
Юркевич Е. И. Уточнение атрибуции накидки по форме Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка из коллекции ВИМАИВиВС	253

Августейшие родственники (о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Николая Константиновича)

DOI: 10.48466/6943.2021.48.32.001

Андреев Владимир Евгеньевич,
Государственный Русский музей,
старший научный сотрудник

В этом году исполняется 175 лет со дня рождения императора Александра III и 170 лет – его двоюродного брата великого князя Николая Константиновича, за которым в исторической литературе прочно закрепилось мнение как об «опальном» представителе Императорского дома.

В данной статье на основании документов ГА РФ и других источников делается попытка проследить взаимоотношения между этими представителями Императорской фамилии периода с 1881 по 1894 год – времени правления императора Александра III. К этому моменту великий князь Николай Константинович уже несколько лет был признан психически нездоровым, находящимся под надзором не только медиков, но и специ-

Великий князь Николай Константинович. Фото начала 1870-х

ально уполномоченных лиц. На основании опубликованных документов, хранящихся в ГА РФ, хотелось выяснить, насколько официальная точка зрения на психическое состояние великого князя соответствовала реальному положению дел. Орел некой тайны, который окружил личность опального великого князя, породил всевозможные домыслы, облеченные некоторыми современными исследователями в фантастические версии¹. Автор статьи попытался сделать краткий анализ, насколько эти теории имеют реальную подоплеку.

¹ Голендер Б. «Августейший изгнанник» (Документальная повесть в страницах из дневника великого князя Николая Константиновича) // «Звезда Востока» № 1. 2013; Вострышев М.И. Судьба венценосных братьев. Дневники великого князя Константина Константиновича. М.: Алисторус, 2016.

Заряно С. К. Портрет цесаревича Александра Александровича. 1867. ГРМ, инв. Ж-6217

Великий князь Николай Константинович был первым из Романовых, поступивших в Николаевскую академию Генерального штаба. Это произошло в 1868 году. За свое пристрастие к учебному процессу среди родственников юноша получил прозвище «Мольтке»². Поводом к появлению такого прозвища послужил следующий случай. Однажды, находясь в театре, цесаревич несколько фамильярно поприветствовал своего родственника, бросив невинную фразу: «Здравствуй, Мольтке!» Вероятно, Александр не собирался обижать своего кузена, но последний, обладавший

импульсивным и раздражительным характером, высокомерно ответил: «Лучше быть Мольтке, чем случайным дураком на троне»³. Разразился скандал. Наследник престола не смог забыть нанесенное ему кузеном, да еще младшим по возрасту, публичное оскорбление. Возможно, именно этот случай во многом определил их дальнейшие сложные взаимоотношения.

Апрель 1874 года стал роковым для великого князя Николая Константиновича. Военный министр Д. А. Милютин в своем дневнике отметил: «18 апреля. <...> Николай Константинович после долгих грязных проделок <...> дошел до того, что ободрал золотой оклад у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи <...> императрицы. Все краденое шло на содержание какой-то американки <...>»⁴. Графиня М. Э. Клейнмихель уточняет содержание пропажи в Мраморном дворце: «<...> похищены <...> три крупных бриллианта с иконы <...> Икона эта находилась в комнате великой княгини <...>»⁵. Скоро выяснилось: похищенные бриллианты пытался сдать в ломбард адъютант Николая — Е. П. Варпаховский, признавшийся, что выполнял поручение шефа. Но тот отрицал свою вину.

² Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке (1800–1891) — граф (1870), прусский и германский военачальник и военный теоретик, генерал-фельдмаршал Пруссии (1871), начальник Большого Генерального штаба Пруссии

³ Завьялова Л. В., Орлов К. В. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи. История семьи. СПб.: Вита Нова, 2009. С. 271.

⁴ Милютин Д. А. Дневник 1873–1882. Т. 1. М. 2016. с. 92.

⁵ Дворцовые интриги и политические авантюры. Записки Марии Клейнмихель. / Автор-составитель Осин В. М. М. 2014. С. 111.

Находясь под арестом, юноша написал отцу письмо, которое по факту является признанием: «Милый Папа. <...> У меня все путается в голове <...> я один, <...> заперт под присмотром тайной полиции. <...> я осознаю свою громадную вину. <...> прости мне, я страшно перед Тобой виноват»⁶. Признать, что представитель правящей династии — вор, было немыслимо. Человек, совершивший данное преступление, явно должен страдать психическим расстройством. Медицинские наблюдения обнаружили расстройство умственных способностей у великого князя. 19 апреля Милютин записал: «<...> Государь на семейном совете решил признать Николая Константиновича психически больным»⁷. За великим князем было установлено медицинское наблюдение. 23 мая лейб-медик Н. Ф. Здекауер написал письмо императору Александру II: «<...> мы с профессором Балинским <...> вполне убеждены в невменяемости, в последних, равно как и во многих прежних поступках Его Высочества»⁸.

«Особое совещание по делу Николая Константиновича», основываясь на заключении врачей, признало этот поступок бессознательным, совершенным вследствие болезненного расстройства. 11 декабря 1874 года Александр II подписал Высочайший указ: «<...> Усмотрев ныне из представленных Нам <...> медицинских исследований, что Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Константинович, страдает расстройством умственных способностей и потому <...> не может сознательно располагать своими действиями, — Мы повелеваем: <...> Учредить над Великим Князем Николаем Константиновичем и над Его имуществом опеку, в лице Его Августейшего Родителя, Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича»⁹. Именно этим документом будут руководствоваться в дальнейшем все те, кто будет наблюдать за великим князем. Под словами «не может сознательно располагать своими дейст-

Великий князь Николай Константинович. Фото 2-й половины 1870-х

⁶ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга I. Составитель, автор предисловия, комментариев, биографического справочника Лобашкова Т. А. М. 2017. С. 191.

⁷ Милютин Д. А. Указ. соч. Т. 1. С. 93.

⁸ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга I. С. 319–320.

⁹ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга I. / Составитель, автор предисловия, комментариев биографического справочника Т. А. Лобашкова. М.: ООО «Буки Веди», 2017. С. 91–92.

виями» подразумевалась его недееспособность. Опальный князь был удален от Императорского дома, что, по сути, являлось главным наказанием для него, а все остальное — лишь следствием решения императора отдалить от Августейшей династии «Высокого больного». Поскольку великий князь признавался душевнобольным, за ним постоянно следили не только медики, но также специальные распорядители и жандармы.

В некоторых исследовательских работах эта официальная причина ссылки подвергается сомнению. Так, писатель М. И. Вострышев считает, что кражу бриллиантов из Мраморного дворца организовала мать Николая Константиновича — великая княгиня Александра Иосифовна, которая намеревалась подбросить драгоценности любовнице сына Фанни Лир и посадить ее в тюрьму. А сын распознал коварный план матери и взял ее грех на себя¹⁰. Но есть еще более фантастическая версия. Ташкентский краевед Б. Голендер в своей документальной повести «Августейший изгнанник», основанной, якобы, на дневниках великого князя, приводит фрагменты его записей, доказывающие абсолютную вменяемость последнего, а также откровенные высказывания о легитимности власти Александра II и Александра III. «Берег Амударьи у Чарджуй. 4 августа 1879 года. <...> издевающийся надо мной мой дядя-император регулярно присылает ко мне купленные врачебные консилиумы, и угодные эскулапы охотно в очередной раз объявляют меня повредившимся в уме. Это для того, чтобы оправдать в глазах людей вздорную историю с пропажей в Мраморном дворце каких-то бриллиантовых побрякушек, которая послужила основанием для моего незаконного ареста. Так они решили меня наказать за желание переменить императора, которое я не скрывал. Они придумали, что я выломал из оклада семейной иконы несколько ценных камней и приказал заложить их тут же в ломбарде»¹¹. Не лишним будет заметить, что, беседуя в 1900 году с обследовавшими его врачами, Николай Константинович признался в краже бриллиантов из Мраморного дворца: «<...> в настоящее время <...> Он уже не скрывает, что сам похитил звезду»¹². В «дневниках» Николая Константиновича, приводимых Б. Голендером, красной нитью проходит мысль об узурпировании власти императором Александром II: «Оренбург. Царские апартаменты при вокзале. 1 июля 1873 года. <...> Дядя-император — ни рыба ни мясо. <...> Папа все делает за него. Поэтому только он достоин править Россией как дофин — перворожденный в семье настоящего самодержца <...>. Ну а за царственным отцом и я — Николай Константинович — стану

¹⁰ Вострышев М. И. Судьба венценосных братьев. Дневники великого князя Константина Константиновича. М.: Алисторус, 2016 С. 21.

¹¹ Голендер Б. Указ. соч. С. 69–70.

¹² Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга III / Составитель, автор предисловия, комментариев биографического справочника Т.А. Лобашкова. М.: ООО «Буки Веди» 2017. С. 307.

российским императором, вторым Николаем»¹³. На основании этих записей делается вывод, что в плане психического здоровья у великого князя было все в порядке, а истинной причиной его опалы были вопросы, связанные с престолонаследием. Однако зададимся вопросом: почему в «документальной» повести Голендера нет никаких ссылок на место хранения этих дневников? Вместе с тем, когда он публикует текст завещания Николая Константиновича, есть ссылка на архивные данные: Архив Ташкента. Ф. 10. Оп. 13. Д. 84. Л. 14 (так в тексте Б. Голендера)¹⁴. Касательно этих «дневников» может быть две версии: 1) Это — фальшивка. Во всех опубликованных Т. А. Лобашковой документах о великом князе Николае Константиновиче (а это 6 томов!) нигде не встречаются упоминания о документах подобного рода. Конечно, материалы, связанные с этим великим князем, хранятся не только в ГА РФ. Но почему-то лишь Голендер знает об этих «дневниках» и скрывает нахождение первоисточника. 2) Если же гипотетически допустить, что такие записи существуют в действительности, то они могут лишь подтвердить неадекватность поведения великого князя, т.к. любой представитель Императорской фамилии понимал, что «порфирородность» никакой юридической силы не имела. В противном случае и Николай II не имел права занять трон после смерти Александра III.

«Высокому больному» достаточно часто меняли место жительства. Всю зиму 1881 года он провел в имении Пустынка, рядом с деревней Саблино, под Петербургом. Здесь его и застало известие о трагической гибели императора Александра II. Племянник хотел проститься с покойным дядей, что, с одной стороны, являлось естественным желанием. Но, если вспомнить «документы», опубликованные Голендером, то после всех оскорблений Николая Константиновича в адрес покойного императора, это желание выглядит несколько странно. Он через своего опекуна-отца обратился с просьбой к императору Александру III. Из дневника великого князя Константина Николаевича: «2 марта. Телеграмма от Николы, который просит разрешения поклониться телу Государя. Говорил про это вечером Адлербергу, прося его выпросить разрешение Государя. 3 марта. Меня разбудили письмом от Адлерберга, что государь не соглашается разрешить просьбу Николе, так как приезд его в город не разрешается. <...> В 4 ч[аса] у меня Кеппен и говорил про сильное волнение Николы и не берется ему передавать отказ <...>»¹⁵.

Графиня М. Э. Клейнмихель в своих мемуарах сообщает, что с аналогичной просьбой Николай Константинович обращался с письмом к своей матери, в которое была вложена записка, обращенная к императору:

¹³ Голендер Б. Указ. соч. С. 69.

¹⁴ Голендер Б. Указ. соч. С. 81.

¹⁵ Цит. по: Вострышев М. И. Указ. соч. С. 25.

Император Александр III. Фото С. Л. Левицкого. 1883.

«Ваше императорское величество, разрешите мне, закованному в кандалы, коленопреклоненному помолиться праху обожаемого мной монарха и просить у него прощения за мое преступление. Затем я немедленно безропотно вернусь на место моего заточения. Умоляю Ваше величество не отказать в этой милости несчастному Николаю <...> Великая княгиня <...> показывала мне это письмо и ответ на него императора Александра III своему кузену: «Ты недостойн поклониться праху моего отца, которого ты так глубоко огорчил. Не забывай, что ты покрыл нас всех позором. Сколько

я живу, ты не увидишь Петербурга»¹⁶. Далее графиня приводит текст еще одной записки Александра III. В ней он просит не считать его жестоким человеком за отказ в просьбе Николая. Свое решение он объясняет гневом на кузена, который, находясь в ссылке, позволял непочтительные высказывания о своей матери. Записка была подписана: «Вас любящий племянник Саша».

Конечно, смерть императора Александра II потрясла всех без исключения представителей царствующего дома. Поэтому нервное напряжение, эмоциональные срывы оказались своего рода естественной реакцией человеческого организма. Но, получив отказ на свою просьбу проститься с покойным императором, Николай Константинович предпринимает открытый демарш, о котором упоминает великий князь Константин Николаевич в своем дневнике: «10 марта. После обеда Кеппен рассказывал теперешнюю грустную картину Николы, как он до сих пор не хотел присягать и хотел возратить Андреевский орден. Положительно, у него теперь фазис усиления душевной болезни»¹⁷.

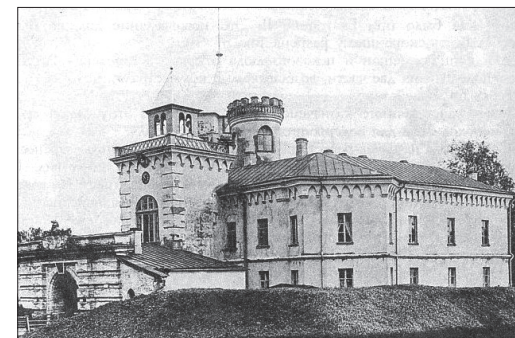
¹⁶ Дворцовые интриги и политические авантюры: записки Марии Клейнмихель ... С. 114.

¹⁷ Цит. по: Вострышев М. И. Указ. соч. С. 26.

Этот демарш не остался без внимания. Спустя всего три недели после трагических событий, по распоряжению императора Александра III, Николая Константиновича переводят в Павловск. Положение великого князя резко меняется. Если в Пустынке он вел достаточно свободный образ жизни, совершал пешие прогулки, то теперь он будет находиться под домашним арестом. Сохранился документ, датированный 23 марта 1881 года: «Копия предписания, последовавшего от Министра Императорского Двора, генерал-адъютанта графа А. В. Адлерберга, адъютанту его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича, полковнику П. Е. Кеппену»¹⁸.

«Во исполнении Высочайшей ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА воли, лично мне Государем Императором выраженной, предписываю Вам предложить Государю Великому Князю Николаю Константиновичу немедленно переехать в Павловск для жительства в назначенном Его Высочеству помещении в условиях домашнего ареста, который может продолжаться в течение некоторого непродолжительного времени <...> такая мера вызывается необходимостью охранения Особы Его Высочества ввиду различного рода слухов, представляющих при настоящих обстоятельствах тревожное значение»¹⁹. Местом для домашнего ареста была назначена крепость Мариенталь — двухэтажный замок с двумя башнями и внутренним двором, расположенный в южной части Павловска.

28 марта государственный секретарь Е. А. Перетц в своем дневнике так объяснил арест Николая Константиновича: «Причиной ареста — отчасти сумасбродные выходки молодого великого князя по кончине покойного императора, вроде следующих: когда ему не было дозволено приехать на погребение, он сказал, что если его считают сумасшедшим, то он не будет и присягать, так как сумасшедших к присяге не приводят;

Павловск. Крепость Бил (Мариенталь). Фото 1890-х

¹⁸ Кеппен Павел Егорович (1846–1911), генерал от артиллерии, адъютант вел. князя Константина Николаевича. С 1979 года в течение 23 лет управлял двором вел. князя Константина Николаевича и вел. княгини Александры Иосифовны.

¹⁹ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II / Составитель, автор предисловия, комментариев биографического справочника Т. А. Лобашкова. М.: ООО «Буки Веди» 2018 ...С. 245.

Великий князь Николай Константинович с женой Надеждой Александровной Дрейер. Фото 1890-х

затем он угрожал, что наденет андреевскую ленту и пойдет в народ»²⁰.

В крепости Мариенталь великий князь находился вместе со своей гражданской женой Н. А. Дрейер, церковный брак с которой был расторгнут Синодом еще в годы правления Александра II, т.к. венчался великий князь, не получив согласия императора, под вымышленным именем «полковник Волынский». Кроме того, признание законности этого

брака служило бы косвенным доказательством правоспособности Августейшего больного. Поэтому Н. А. Дрейер в официальных документах иногда называли девицей. Охрану арестованного осуществляли 12 жандармов во главе с майором М. П. Кузьминым, который получил инструкции о запрете допускать к заключенному ближайших родственников без разрешения товарища министра внутренних дел, шефа жандармов, генерал-майора П. А. Черевина, являвшегося доверенным лицом Александра III.

Николай Константинович, находясь под арестом, пытался найти сочувствие у хорошо знакомого ему профессора Здекауера и заручиться его поддержкой перед Александром III. 27 марта он написал профессору письмо: «<...> 25-го марта мне внезапно предложили переехать в Павловск, в старинную крепость Мариенталь, где я живу теперь под охраною <...> Я положительно недоумеваю, почему все это могло случиться. Мое единственное желание — чтобы Государь Император знал обо мне правду, но очевидно, до него доходят совершенно ложные слухи»²¹. В заключение письма автор выражает надежду, что Н. Ф. Здекауер, великий князь Алексей Александрович и доктор И. М. Балинский смогут рассеять все эти печальные недоразумения и последствия будут устранены. Но в действительности великий князь делал все возможное, чтобы убедить Александра III если не в своей вменяемости, то по крайней мере в своей оппозиционности. Майор Кузьмин в рапорте доверенному лицу императора генерал-майору Черевину сообщал, что великий князь рассуждал о причинах неэффективности мер, предпринимаемых властью по искоренению революционной

²⁰ Дневник Е. А. Перетца государственного секретаря (1880-1883). М.: Издательский дом ДЕЛО, 2018. С. 183.

²¹ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 71.

пропаганды: «<...> Меры, предпринимаемые правительством к обнаружению пропаганды, не туда направлены, куда бы следовало, и в этом случае ускользают от внимания члены судебных мест и прокуратура, в среде которых немало лиц, до некоторой степени сочувствующих пропаганде»²². Наивно думать, что об этих высказываниях не было доложено государю. Поэтому уже 23 апреля принимается решение о переводе великого князя Николая Константиновича в Туркестанский край в город Ташкент. Но об этом арестованному будет сообщено позднее.

В Павловске опальный князь находился с 25 марта по 20 мая 1881 года. На новое место жительства Августейшего больного сопровождали Н. А. Дрейер, медик, прислуга, а также жандармский офицер майор М. П. Кузьмин и генерал-лейтенант С. И. Пилсудский. Были разработаны специальные инструкции по охране великого князя Николая Константиновича: «Основываясь на ВЫСОЧАЙШЕМ Указе о болезненном состоянии ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ, обращение с ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ должно быть, как с частным лицом, а не с Членом ИМПЕРАТОРСКОГО Дома»²³. Итак, император Александр III сохранил за своим кузеном титул «Великий князь», но фактически исключил его из списков Императорской фамилии, низведя его положение в обществе до «частного лица». На основании сообщений Пилсудского, министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев докладывал императору о пути следования великого князя.

«Ташкент. Дом в Татарской слободе. 19 июня 1881года. <...> В семи тарантасах, запряженными почтовыми лошадьми, мы прибыли, наконец, в столицу Туркестанского края, куда услал меня Сашка Медведь»²⁴. В Ташкенте великий князь не собирался выполнять инструкций, заявив: «Какое мне дело до дурацких инструкций, писанных дуракам». К своему донесению 12 августа 1881 года министру внутренних дел генерал-лейтенант Г. А. Колпаковский прикрепил копию донесения штабс-капитана Кошкарова от 8 августа. В ней офицер докладывал, что на его замечания великому князю о том, что если он не собирается выполнять инструкции, Государь может разлучить его с Н. А. Дрейер, великий князь взволнованно произнес: «Тогда Его в 36 часов не будет в живых! У нас есть громадная партия, и одно мое слово — Его убьют моментально <...>. Великий князь <...> посмотрел на меня пристально и, улыбувшись, сказал: «вот до чего договорились» — был ли это бред умалишенного, или желание рисоваться, и социальничать, или, наконец, истина, высказанная невольно под влиянием раздражения, — судить не могу»²⁵. Конечно, ни о какой связи с революционерами-тер-

²² Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 256.

²³ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 45.

²⁴ Голендер Б. Указ. соч. С. 71.

²⁵ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 350

Туркестанский генерал-губернатор М. Г. Черняев.
Гравюра И.И. Хелмицкого с фотографии

рористами в реальности не могло быть речи. Да и как Николай Константинович, корреспондентия которого тщательным образом проверялась, а сам он находился под строгим визуальным надзором, мог подать сигнал террористам? Возможно, что это было желание позлить императора, который объявил войну террористам. Но, в таком случае, великий князь должен был понимать, что подобные «шутки» — это открытая угроза монарху, за которой должна последовать расплата. Попутно отметим, что о своих якобы связях с революционерами, Николай

Константинович говорил неоднократно, причем самым различным людям. Получается, что такие речи мог произносить только реально психически неуравновешенный человек.

17 января 1883 года Туркестанский генерал-губернатор М. Г. Черняев сообщил в Петербург, что великий князь совратил несовершеннолетнюю дочь полковника Берхмана, хочет жениться на ней, удалив от себя девушку Дрейер. Весьма интересен ответ, присланный 21 января телеграммой от министра внутренних дел графа Д. А. Толстого: «<...> ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР повелел мне сообщить <...>, что препятствовать Великому Князю жить с девицею Берхман нет нужды, но что о женитьбе не может быть и речи»²⁶. На первый взгляд, такое решение императора, являвшегося примерным семьянином, кажется странным. Данный ответ свидетельствовал, что Александр III считал своего кузена больным человеком и руководствовался рекомендациями лейб-медика Н. Ф. Здекауера и профессора психиатрии И. М. Балинского, которые еще в 1875 году выступили против постоянных сношений великого князя с одной женщиной, утверждавших, что это отрицательно скажется на его психическом состоянии.

Такое поведение великого князя отнюдь не означало, постоянной немняемости больного: в спокойной обстановке он вел себя как нормальный человек. Великий князь неоднократно подчеркивал, что он — натура деятельная, энергичная, ему нужна конкретная работа. За годы, проведен-

²⁶ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 403–404.

ные в Туркестанском крае, опальный Николай Константинович нашел для себя занятие, которое стало делом его жизни — создание оросительной системы Голодной степи (так назывались в Туркестане обширные безводные пространства). Все эти работы проводились великим князем за свой счет. Официальное спонсирование означало бы признание правоспособности человека с расстроенной психикой.

Неадекватное поведение «августейшего больного» чаще всего происходило под влиянием какого-нибудь стресса. Находясь в степи далеко от Ташкента, опальный князь начинал чувствовать себя местным царьком, создавал из сартов²⁷ вооруженную охрану, начинал злоупотреблять алкоголем. А когда ему предписывали останавливать работы и возвращаться в Ташкент, переходил к шантажу и угрозам. В июне 1883 года Николай Константинович фактически грозил бунтом. Поводом послужило распоряжение императора Александра III об усилении контроля за великим князем и возвращении его в Ташкент. Николай Константинович заявлял, что не хочет выполнять ничьих распоряжений, будет защищаться, а потом убьет себя «<...> «помните данную мне клятву» — обратился он к сосланным Уральцам; «помним, умрем за тебя, никого кроме тебя не хотим знать никого» — отвечали Уральцы, обнажив шашки <...> В течение полутора суток дело неоднократно совсем близилось к свалке <...> только Бог спас от беды <...>»²⁸. В конце концов, его удалось уговорить вернуться в Ташкент.

Естественно, что такое агрессивное поведение великого князя однозначно расценивалось местными властями как свидетельство его болезни. В сентябре 1883 года в депеше министру внутренних дел, генерал-губернатор Черняев высказался по этому поводу: «Поведение и образ жизни Великого Князя Николая Константиновича за последнее время, приводят меня к <...> убеждению в том, что Его Высочество безнадежно болен психически. <...> Великий Князь, при всяком случае, старается распространять противоправительственные идеи»²⁹. Далее содержалась просьба рассмотреть вопрос о возможности перевода опального князя на жительство в другое место. 27 сентября был получен отрицательный ответ. Ссылаясь на ранее принятое императором Александром III распоряжение о том, что местом пребывания великого князя должен стать именно Туркестанский край, министр внутренних дел не хотел брать ответственность передавать данную просьбу государю. Поведение же августейшего больного должно быть скорректировано заботой об улучшении способов надзора.

²⁷ Сарты — общее наименование части населения Средней Азии в XV–XIX веках. В Ташкентском, Ферганском и Хорезмском оазисах и Южном Казахстане оно являлось самоназванием оседлого населения.

²⁸ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 418.

²⁹ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 419–420.

28 декабря 1883 года из Петербурга генерал губернатору М. Г. Черняеву напомнили: «В силу Высочайшего Указа 11 декабря 1874 года, над Великим Князем Николаем Константиновичем учреждена опека, как над душевнобольным. Поэтому ни давать обязательств, ни отвечать по ним перед судом, он не может». Предписывалось усилить контроль над опальным князем.

Попытки «Высокого больного» диктовать местным властям, а через них влиять на Петербург об условиях своего проживания, и даже готовность отказаться от великокняжеского титула, не могли изменить мнения императора о своем кузене. Если в силу болезни великого князя нельзя было привлечь его к уголовной ответственности, то, с юридической точки зрения, надо было завершить оформление вопроса, связанного с недееспособностью августейшего родственника, в частности, с лишением его наследства, как утратившего права первородства.

В 1884 году был подготовлен «Проект указа Сенату об установлении опеки над великим князем Николаем Константиновичем и о праве наследования его имения в Павловске» с правкой императора Александра III. Этот документ хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В нем указывается, что с момента указа от 11 декабря 1874 года, несмотря на все предпринимаемые меры, улучшения в состоянии великого князя не произошло. «<...> Поэтому, он не сможет занимать соответствующее его высокому рождению положение в обществе <...> император Александр III признал «за благо устранить Великого Князя Николая Константиновича от Наследования Павловским имением, сохранив в мужском потомстве Государя Великого Князя Константина Николаевича, с соблюдением старшинства линии и последовательного права первородства <...> ко второму сыну Его Императорского Высочества, Великому князю Константину Константиновичу <...>»³⁰. Сам же указ вышел в том же 1884 году.

В 1889 году в связи с болезнью великого князя Константина Николаевича, согласно Манифесту, подписанному Александром III, опека над Николаем Константиновичем перешла к его матери — великой княгине Александре Иосифовне и младшему брату — великому князю Константину Константиновичу.

Следует отметить, что, испытывая антипатию к своему опальному кузену, император Александр III стремился быть объективным. В частности, государь не мог не признать вклада великого князя в развитие оросительной системы Голодной степи. Посетивший в 1890 году Туркестанский край министр финансов И. А. Вышнеградский подготовил императору доклад о проведенных великим князем в крае работах, в котором признал воз-

можным оказать финансовую помощь со стороны правительства. 15 марта 1891 года Александр III разрешил выделить 100 000 рублей на дальнейшее финансирование работ. Следить за расходованием средств возлагалось на Туркестанского генерал-губернатора.

И еще один очень важный момент. В мае 1883 года состоялась официальная коронация императора Александра III. Как было принято по традиции, она сопровождалась раздачей царских милостей: наград, титулов, подарков, орденов и т.п. Августейший больной рассчитывал, что данная традиция коснется и лично его. Но император обошел вниманием своего кузена. Тем не менее, сыновьям Николая Константиновича — Артемию (1883) и Александру (1889), которых ему родила Н. А. Дрейер, монарх своими указами 1889 и 1894 годов даровал фамилию Искандер и права личного дворянства.

Поводя итоги, следует констатировать следующие аспекты данной проблемы:

- 1) Взаимное личное неприятие между императором Александром III и великим князем Николаем Константиновичем имело место на протяжении длительного времени, начиная со времени, когда будущий монарх являлся цесаревичем.
- 2) Неадекватные действия великого князя рассматривались императором как действия больного человека и никакие уголовные санкции к нему не применялись. А все мероприятия, совершаемые относительно Августейшего больного, должны были носить исключительно лечебный характер, но с учетом требований общественной безопасности.
- 3) Осознавая умственное расстройство своего августейшего кузена, официально не признавая его брака с Н. А. Дрейер, тем не менее, Александр III согласился на присвоение фамилии Искандер сыновьям великого князя от этой связи, а затем и даровал им личное дворянство.
- 4) Касательно различного рода домыслов и фантастических теорий по поводу великого князя Николая Константиновича, появившихся в исторической литературе, лучше всего об этом сказал П. Е. Кеппен, который хорошо знал его и еще в XIX веке предвидел возможность их появления в будущем: «Пока в силе акт о болезненном состоянии Великого Князя, меньшинство будет считать ее несправедливостью, наказанием больного, невменяемого. Огромное большинство падкой до всяких пересудов публики, станет искать других объяснений такого образа действий относительно Члена Императорского дома. При этом создадутся разные легенды, они окружают Великого князя ореолом мученика за правду, народного печальника и заступника, героя демократических убеждений»³¹.

³⁰ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга I / Составитель, автор предисловия, комментариев биографического справочника Т. А. Лобашкова. М.: ООО «Буки Веди», 2017. С. 92–93.

³¹ Великий князь Николай Константинович 1850–1918 гг. Биография и документы. Книга II... С. 63.

«Высочайший старт»: к истории испытания подлодки С. К. Джевецкого на Серебряном озере Гатчинского дворца

DOI: 10.48466/2782.2021.34.53.001

Афанасьев Григорий Юрьевич,
СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина»,
научный сотрудник,
кандидат исторических наук

Испытание подводной лодки С. К. Джевецкого является одним из хорошо известных курьезных событий истории Гатчины, связанных с императором Александром III и традиционно упоминаемых во всех обзорных трудах по истории края, истории судостроения, военно-морской истории, истории Гатчинского дворца¹. Уникальность этого факта по отношению к местным условиям пространственно-географического характера г. Гатчины, ассоциации, возникающие при упоминании о нем в уме обычных людей в контексте русского шуточного народного творчества XX века, безусловно, создали все условия для мифотворчества, все дальше уводящего нас от реальных событий испытания подводной лодки в Гатчине.

Так, в статье об испытателе подводных лодок С. К. Джевецком главного хранителя фондов Центрального Военно-морского архива, контр-адмирала И. А. Семенова в 2006 г., явно имеющей юбилейную предпосылку, указывается дата «1881 г.» и упоминается, что лодка была продемонстрирована «Александр III на Серебряном озере... Степан Карлович Джевецкий продемонстрировал подводную лодку, построенную в 1879 году по его проекту в Санкт-Петербурге»². Схожий пунктир событий изложен и на юбилейном памятнике-мемориале подлодке С. К. Джевецкого, поставленном для всеобщего обозрения на аллее императора Павла I перед Гатчинским дворцом к столетию российского подводного флота по инициативе общественных организаций 22 сентября 2007 г. администрацией Гатчины³.

¹ Родионова Т. Ф. Гатчина, страницы истории. – СПб.: «Издательский дом Герда», 2001. С. 312.

² Семенов И. А. «Царица пришла в восторг. О подводной лодке С. К. Джевецкого». Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия». URL: <http://history-gatchina.ru/article/sub1.htm> (дата обращения 29.11.2020).

³ 8 лет назад в Гатчине открыли памятник подводной лодке. 22.09.2015. Электронный ресурс: «Гатчинская служба новостей». Интернет-сайт рекламного агентства «ОРЕОЛ-Инфо». URL: <https://gatchina-news.ru/novosti/8-let-nazad-v-gatchine-otkryli-pamyatnik-podvodnoj-lodke/>

Некоторые сомнения по поводу точности изложения испытаний подводной лодки и обстоятельств участия в нем Александра III, особенно в основном нарративном источнике – мемуарах академика-кораблестроителя А. Н. Крылова⁴, на который ссылаются при описании эпизода – высказывались уже тогда заместителем директора по научной работе Гатчинского дворца В. А. Семеновым⁵, однако, специального и комплексного исследования, посвященного этому эпизоду в историографии и музейных исследованиях еще не было.

Кто продвигал данную инициативу перед «августейшей особой»? Сколько было испытаний на Серебряном озере и какое из них видел Александр III? В чем состояла причина выбора Гатчинского парка в качестве места испытания нового «русского оружия»? Долгим ли было пребывание подлодки С. К. Джевецкого в дворцовом парке?

Документы о постройке и испытаниях подводной лодки С. К. Джевецкого в Гатчине, обнаруженные в фонде Добровольного флота Российского государственного исторического архива, позволяют внести в вопрос некоторую ясность.

Наиболее трудным для ответа виделся вопрос о том, каким образом информация о подводных разработках польского изобретателя С. К. Джевецкого, знакомого тогда лишь узкому кругу специалистов, стала известна Александру III. Основное количество работ, затрагивающих вопрос об изобретении С. К. Джевецкого, определяет инициативу как потенциальную разработку для военного или морского министерства, основывая свой вывод, прежде всего, на предназначенности более ранних разработок конструктора в середине 1878 г. в Одесском порту, или на окончательный результат гатчинских испытаний – приемку подлодки С. К. Джевецкого (впервые в истории подводных судов в России!) к серийному производству инженерным управлением военного министерства⁶. Однако, согласно записке самого изобретателя С. К. Джевецкого к вице-председателю Комитета общества Добровольного флота К. П. Победоносцеву от 6 декабря 1878 г., продолжение разработок конструктора подводной лодки, ввиду того, «что в [морском] министерстве явственно предвзятое отношение к подводному плаванию»⁷, изобретатель решил вести через общественную патриотическую инициативу создания Добровольного флота⁸. Стоит

⁴ Крылов А. Н. Мои воспоминания. – 10-е изд. Доп. – СПб.: Политехника, 2014. С. 96.

⁵ Семенов В. А. Гатчинский дворец. 1828–1894 годы. Штрихи истории // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. Сб. статей. СПб., «Профи Центр», 2006. С. 144–145.

⁶ Крылов А. Н. Мои воспоминания. – 10-е изд. Доп. – СПб.: Политехника, 2014. С. 96.

⁷ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

⁸ Там же.

напомнить, что это было за общественное дело, и какова степень интереса к нему была со стороны на тот момент наследника-цесаревича Александра Александровича.

Идея создания Добровольного флота появилась в 1878 г. в качестве формы реализации патриотической инициативы со стороны общественности по усилению военно-морского флота в весьма сложных внешне-политических условиях окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 9 марта 1878 г. в Московском обществе содействия торговому мореплаванию по почину графа А. Е. Комаровского возникла мысль о сборе денег на покупку кораблей-крейсеров для организации возможного отпора военно-морской силе Британии, грозившей вмешательством в русско-турецкий конфликт⁹. Московский комитет, инициированный генерал-губернатором князем В. А. Долгоруковым при поддержке московского купечества, известного своими славянофильскими и национально-патриотическими настроениями, направил делегацию в Петербург к наследнику-цесаревичу Александру Александровичу, с просьбой принять общественную инициативу под высочайшее покровительство, на что последний, по совету ближайшего окружения (К. П. Победоносцева, графа И. И. Воронцова-Дашкова, князя В. С. Оболенского), а также персонального разрешения императора, соглашается¹⁰.

Неофициальным представителем цесаревича по делам Комитета был назначен знаменитый герой русско-турецкой войны 1877–78 гг., капитан 1-ранга и флигель-адъютант Н. М. Баранов, главный сторонник и проводник идей альтернативного развития военного флота, знакомый великому князю еще по «ружейному делу» 1869 г. как талантливый русский изобретатель и моряк¹¹, ставший неофициальным инспектором Комитета, в то время как официальным являлся К. П. Победоносцев, также активно занимавшийся делами Добровольного флота в тот период. При официальном утверждении устава предприятия он стал его председателем правления. Через этих лиц наследник и получал всю актуальную информацию о деятельности Добровольного флота, а также прочих проектах в морской сфере¹².

⁹ Начало добровольного флота. Материалы для истории русского Добровольного флота. Под ред. А. Е. Носа. М., Тип.-лит. Рихтер, 1890. С. 2–3.

¹⁰ Переписка И. И. Воронцова-Дашкова и императора Александра III // Исмаил-Заде Д.И. Граф И. И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 215; Начало добровольного флота. Материалы для истории русского Добровольного флота. Под ред. А. Е. Носа. М., Тип.-лит. Рихтер, 1890. С. 2.

¹¹ Каменский Е. Заботы цесаревича Александра Александровича о перевооружении армии. / Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. — СПб.: Издательство Пушкинского фонда. 2001. С. 98–101.

¹² Афанасьев Г. Ю. Добровольный флот // Россия в 1917 году: Энциклопедия / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 324–325.

В течение 1878 г. комитеты Добровольного флота учреждались по всем губерниям и регионам России при содействии местных властей и объединяли прежде всего состоятельных людей — купечество, дворянство, религиозных лидеров. 4 июня 1878 г. подобный комитет по сбору денег для создания Добровольного флота был создан и в Гатчине с разрешения управляющего дворцом и городом генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута, ставшего одним из его членов-учредителей¹³.

Деятельность образованных комитетов сопровождалась по стране широкой патриотической компанией — воззваниями к обществу и народу в печати (самое значимое опубликовано членом Госсовета К. П. Победоносцевым в официальном издании «Правительственный вестник»)¹⁴, популярными лекциями и диспутами, выпуском агитационной литературы патриотического характера, устройством общественно-развлекательных мероприятий для выручения денег и пропаганды патриотических ценностей среди широких обывательских масс¹⁵. Инициатива общественной помощи, поданная как патриотическое движение поддержки флота «снизу», не из недр бюрократической системы, не вызывала сочувствия у многих высших государственных деятелей, особенно оборонных ведомств, видевших в ней ненужный шум в напряженной внешнеполитической обстановке, знаменовавшей завершение русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Со скепсисом на общественную инициативу активной помощи общества флоту смотрело начальство морского министерства, видевшее в этом вмешательство непрофессионалов во внутренние дела военного плана¹⁶.

Мероприятия, проводимые в морском ведомстве, давно вызывали неодобрение наследника-цесаревича Александра Александровича. Еще в канун русско-турецкой войны, в 1876 г., он пытался повлиять на недопустимость принятия решения о строительстве морским ведомством круглых судов-«поповок»¹⁷. Вышеуказанные противоречия накладывались, безусловно, и на личные моменты отношений наследника с главноначальствующим флотом и морским ведомством великим князем Константином Николаевичем, правой рукой императора Александра II в деле реформ, не просто складывавшихся у наследника-цесаревича в родственно-чело-

¹³ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 2160. Л. 29.

¹⁴ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. — М.: Центрполиграф, 2005. Т.1. С. 326.

¹⁵ Начало добровольного флота. Материалы для истории русского Добровольного флота. Под ред. А. Е. Носа. М., Тип.-лит. Рихтер, 1890. С. 30–54.

¹⁶ Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881). — СПб., «Судостроение», 2006. С. 654–656.

¹⁷ Астанков В. А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики (1865–1881). Дисс. соискание степени канд.ист.наук. М., 2014. С. 150–151.

веческом и семейно-нравственном, также и в идейно-государственном плане¹⁸. Административные структуры морского министерства, подконтрольные великому князю Константину Николаевичу с начала 1850-х гг., в период 1850–1870 гг. становятся «кузницей кадров» для формирования многих сфер государственного управления эпохи «Великих реформ». Министры финансов М. Х. Рейтерн, С. А. Грейг, министры просвещения А. В. Головин, Д. А. Толстой были воспитанниками канцелярии морского министра, единого по своим общественным ценностям слоя либеральной бюрократии. Этот слой был главным организатором и проводником реформ середины XIX века, весьма тяжело отражавшихся на жизни многих слоев общества¹⁹. Вместе с тем, с 1870-х гг. августейший начальник флота и морского ведомства все более и более подпадал под влияние вице-адмирала А. А. Попова, постоянно склонявшего первого к финансированию его собственных, но не всегда объективно мотивированных кораблестроительных проектов²⁰. Несмотря на поражение в войне, наглядно иллюстрировавшее ошибки морского руководства в 1870-е гг. в подготовке и строительстве военно-морских сил, воззрения главноуправляющего флотом и морским ведомством не давали основания рассчитывать на смену курса развития боевых кораблей²¹. К. П. Победоносцев писал наследнику в декабре 1879 г.: «Морское ведомство не сознаёт одного обстоятельства ... что оно дискредитировано во всей России: слава его дурная, повсюду и везде идёт речь о беспорядках в нём, злоупотреблениях, расхищении и трате громадных сумм и прочем»²².

Всероссийское общественное движение за сбор пожертвований на военный флот, инициированное патриотами «снизу», давало огромный задел для консолидации сил консервативного направления в весьма непростой политической обстановке второй половины 1870-х – начала 1880-х гг. в стране, способствуя единению широких масс сторонников национального курса вокруг фигуры наследника. Стоит отметить, что участие наследника-цесаревича в столь крупном, публичном и общественно-инициированном политическом деле в то время для него было не характерно. До 1878 г. наследник-цесаревич заявился только на одном крупном приеме государственного управления, вызывавшем широкое обществен-

ное участие – ликвидации последствий голода 1868 г. Однако будучи помещено в иной общеполитический контекст, оно не сопровождалось столь сильными политическими страстями²³.

В 1879–80 гг. будущий император Александр III активно занимается делами общественно-патриотического Добровольного флота: лично осматривает купленные за границей пароходы крейсерского типа²⁴, с подачи своих доверенных консультантов во флотских делах (Н. М. Баранова, К. П. Победоносцева²⁵) пытается продвигать инициативу создания инновационного флота из крейсеров и других новых типов, выискивая заинтересованность в этих делах других военных ведомств, курировавших отдельные аспекты морской охраны или корабельные флотилии (военное министерство, министерство финансов)²⁶, лоббирует продвижение своих людей в управлении Балтийской таможенной крейсерской флотилией, состоявшей в ведении Министерства финансов²⁷.

Оппозицию линии флотского управления генералу-адмиралу, великому князю Константину Николаевичу наследник находит не только среди широкой патриотической общественности, но и в среде моряков-героев войны 1877–1878 гг. Неготовность флота на Черном море к открытому противостоянию вынудила их идти в боевых условиях на экспериментирование, и, тем самым, на активное внедрение в практику новых технических изобретений и ноу-хау (минные катера с шестовой миной, первые торпеды и их пусковые аппараты). Успешность их в боевом применении убеждала моряков-героев войны, что результат противостояния на море может быть решен за счет активного внедрения современных нестандартных инноваций и изобретений. Таким моряком был участник героического боя 11 июля 1877 г. парохода «Веста» ее командир, флигель-адъютант Н. М. Баранов. Таким же был и его однополчанин изобретатель С. К. Девецкий, также член экипажа «Весты» и участник этой морской баталии. Несмотря на то, что первоначально талантливый польский изобретатель, выпускник знаменитой парижской технической школы, привлек внимание великого князя Константина Николаевича на Венской технической выставке 1873 г.²⁸ и был протезирован им в управление техники во флоте,

¹⁸ Андреев В.Е. Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы научной конференции. Сб статей. – СПб.: «Профи-Центр», 2006. С. 3, 20.

¹⁹ Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Изд. МГУ, 1990. С. 117–118.

²⁰ Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881). – СПб.: «Судостроение», 2006. С. 586.

²¹ Дневник Д. А. Милютина. Т. 3: 1878–1880 / М.: Тип. Б-ки им. В. И. Ленина, 1950. С. 238.

²² Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т.1.п/т 2. М.; Пг., 1923. С. 247.

²³ Чернуха В. Г. Александр III / Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. – СПб.: Издательство Пушкинского фонда. 2001. С. 15–16, 21.

²⁴ Начало добровольного флота. Материалы для истории русского Добровольного флота. Под ред. А. Е. Носа. М., Тип.-лит. Рихтер, 1890. С. 13–14.

²⁵ Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881). – СПб.: «Судостроение», 2006. С. 679.

²⁶ Дневник Д. А. Милютина. Т. 3: 1878–1880 / М.: Тип. Б-ки им. В. И. Ленина, 1950. С. 208–209.

²⁷ Качалов Н. А. Записки тайного советника. – М.: «Новый хронограф», 2012. С. 566–569.

²⁸ По воспоминаниям академика А. Н. Крылова, молодой С. К. Девецкий был близок кружку великого князя в Варшаве, когда тот был наместником Царства Польского. – Крылов А. Н. Мои воспоминания. – 10-е изд. Доп. – СПб.: Политехника, 2014. С. 95.

морской техникой комитет, невнимательность к его изобретениям со стороны морского чиновничества вынуждала его оставаться не у дел²⁹. Общая благотворная для творчества инженеров-конструкторов обстановка в морской корпорации на Черном море в период войны спровоцировала его начать активные опыты с подводным плаванием.

Интерес к разработкам своего бывшего подчиненного и соратника по бою парохода «Весты» не мог не проявлять Н. М. Баранов, сам обладавший изобретательскими амбициями, благодаря подвигу стремительно вознесшийся в высшие сферы государственного руководства (военный орден Георгия 4-й степени; чин флигель-адъютанта свиты его императорского величества). На всем протяжении постройки подлодки, осуществлявшейся на целевое пожертвование известного железнодорожного магната, банкира и миллионера С. С. Полякова, Н. М. Баранов, как неофициальный представитель наследника-цесаревича в текущих делах Комитета добровольного флота и специально назначенной им комиссии по исполнению проекта подводной лодки, курирует процесс работы над постройкой подлодки. Активная политическая позиция и огромные амбиции последнего способствуют активному продвижению идей инновационного флота в высших сферах государственного управления³⁰.

Первоначально подводную лодку планировали испытывать близко от места постройки – в ковше Масляного буяна, небольшом канале в районе Чекуш Васильевского острова Санкт-Петербурга, о чем был запрошен городской голова Санкт-Петербурга П. Л. Корф 4 октября 1879 г.³¹ Однако, ввиду переговоров уполномоченного обществом Добровольного флота, офицера Морского гвардейского экипажа капитан-лейтенанта И. В. Небольсина с главноуправляющим Гатчинским дворцом генерал-лейтенантом К. Ф. Багговутом о возможности воспользоваться для испытания лодки Гатчинским Серебряным озером было решено остановиться на этом месте испытаний³². В официальном прошении общества 19 ноября 1879 г. генерал-лейтенанту К. Ф. Багговуту была выражена благодарность за «доброе и предупредительное разрешение»³³. К концу ноября 1879 г. относится и перевозка подводной лодки в Гатчину³⁴. По прибытии в расположение Гатчинского дворца и спуска лодки у полукруглой пристани возле

грома «Эхо» в озеро вокруг нее в парке был выставлен военный караул, а для нужд обеспечения на пристани поставлена временная палатка-навес для укрытия³⁵.

По прибытии в Гатчину С. К. Дджевецкий начинает первые пробные подводные погружения на Серебряном озере. Эти испытания никак не подтверждаются документально, но отражены в переписке К. П. Победоносцева с наследником цесаревичем: «...на первом опыте в Гатчине лодка плавала $\frac{3}{4}$ часа под водой. Оказалось, нужно по этому поводу сделать некоторые новые приспособления, чтобы отвратить промерзание ремней. Приспособления тотчас же были сделаны и новые затем опыты не оставляют желать лучшего. В последний раз лодка пробыла под водой три часа, при чем люди не испытывали никакого неудобства в дыхании, а Дджевецкий снял подробную карту подводной части озера... 1 декабря 1879 г.»³⁶. 15 декабря 1879 г. К. П. Победоносцев, как председатель правления Общества добровольного флота, шлет уведомление о предстоящем официальном испытании лодки 19 декабря 1879 г. на «незамерзающем» Гатчинском озере³⁷ и приглашение на ее демонстрацию узкому кругу лиц, исключительно патриотически-настроенных и близких к цесаревичу, указывая на время поездки в Гатчину «...на первом поезде, в 9.30 утра»³⁸.

Согласно официальному акту Общества добровольного флота об испытании изобретенной С. К. Дджевецким лодки, первое подводное погружение аппарата в «Гатчинском дворцовом озере» произошло 21 декабря 1879 г. в присутствии членов Комиссии общества Добровольного флота и приглашенных лиц под председательством К. П. Победоносцева без наследника-цесаревича. Согласно акту об испытании «...первая часть опытов состояла из плавания лодки на поверхности воды, причем скорость ее доходила до 4,5 узлов (8 км), и лодка поворачивалась на одном месте; при наибольшей скорости лодка получала обратный ход через 10–11 секунд, проходя в этот промежуток времени не более 3-х саженьей. Во второй части опытов лодка опускалась под поверхность воды до глубины 15 футов (4,5 метра), ходила на различной глубине, делала повороты и проходила под лодками, на которых находились присутствующие. По истечении

²⁹ По воспоминаниям академика А. Н. Крылова, молодой С. К. Дджевецкий был близок кружку великого князя в Варшаве, когда тот был наместником Царства Польского. – Крылов А. Н. Мои воспоминания. – 10-е изд. Доп. – СПб.: Политехника, 2014. С. 95.

³⁰ Дневник Д. А. Милютина. Т. 3: 1878–1880 / М.: Тип. Б-ки им. В. И. Ленина, 1950. С. 236–238.

³¹ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 35.

³² Согласие на производство данной акции дал лично министр императорского двора граф А. В. Адлерберг, давший его телеграфом из Ливадии. – РГИА, Ф. 491, Оп. 2, Д. 1073, Л. 1.

³³ Там же. Л. 2–2 об.

³⁴ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.

³⁵ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 49.

³⁶ Письма Победоносцева к Александру III. – Т. 1. – М.: Новая Москва, 1926. С. 243.

³⁷ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 40.

³⁸ На испытание приглашались начальник таможенного департамента Минфина Н. С. Качалов, первый выдвигенец наследника-цесаревича в высшее управление; директор департамента внутренних сношений МИДа, путешественник-исполнитель тайных разведывательных миссий в Средней Азии и Тянь-Шане, барон Р. Ф. Остен-Сакен; городской голова Санкт-Петербурга барон П. Л. Корф, уже знавший о лодке; И. Н. Шатилов, активный помещик-хозяйственник, племянник Д. П. и П. Д. Голыхостовых, известных российских славянофилов; граф И. И. Воронцов-Дашков, бывший адъютант и друг наследника-цесаревича и на тот момент командующей 2-й гвардейской дивизией, товарищ министра путей сообщения Н. Н. Селифонтов. – Там же, Л. 40–40 об.

45 минут опыты подводного плавания были прекращены...»³⁹. Несмотря на некоторые видимые недочеты конструкции, испытания присутствующими были признаны приемлемыми «ввиду незначительности размеров озера»⁴⁰. Проведение этого испытания 19 декабря 1879 г. подтверждает и переписка К. П. Победоносцева с великим князем⁴¹.

Тем не менее, изобретатель С. К. Джевецкий и находящийся в его подчинении ассистент, французский мастер Гарут, командированный для неотлучного наблюдения за состоянием подлодки в Гатчину, в последующие недели исправляют некоторые обозначившиеся недостатки конструкции (ножной вращательный механизм, ремни вращения винта, наклон лопасти винта) на месте. В таком виде, 8 января 1880 г. в присутствии сугубо членов комиссии по исполнению проекта от Комитета добровольного флота (Н. А. Ермакова, Н. М. Баранова, В. В. Романова, М. П. Карпинского), лодка была продемонстрирована в действии С. К. Джевецким повторно. В программу действий входили те же самые испытательные манипуляции (заплывы над водой, заплывы под водой, проход под лодками и плотами на озере), а также погружение на длительность («лодка с 4-мя людьми пробыла под водой 3 часа, при благополучном самочувствии всех бывших на борту»), на что членами комиссии испытания были признаны «безусловно удовлетворительными при всех наличествующих условиях», что отражено в соответствующем акте⁴².

По свидетельству К. П. Победоносцева, это испытание должен был увидеть наследник, чего в действительности не случилось, потому второе погружение подлодки осталось сугубо технической приемкой комитета⁴³. Тогда же предложение посмотреть на подлодку «в Гатчине, на пруде перед дворцом» делается Н. М. Барановым руководителю военно-сухопутного ведомства, и одновременно представителю либерального лагеря в правительстве графу Д. А. Милютину, склонявшемуся к возможности развития «высочайшего стартапа» под эгидой инженерного управления военного министерства, ввиду изменения внешнеполитической обстановки и трансформации поэтому Добровольного флота в мирное время в торговое пароходство⁴⁴.

Обращает на себя внимание, что на повторные испытания подлодки в начале января 1880 г. глава Комитета добровольного флота К. П. Побе-

³⁹ РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 46.

⁴⁰ Там же. Л. 46 об.

⁴¹ Письма Победоносцева к Александру III [Текст] / с предисл. М. Н. Покровского; Централархив. Т. 1. – М.: Новая Москва, 1926. С. 245.

⁴² РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 53–53 об.

⁴³ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. [Текст] / с предисл. М. Н. Покровского; Централархив. Т. 1. п/т 1. М.; Пг., 1923. С. 55.

⁴⁴ Дневник Д. А. Милютин. Т. 3: 1878–1880 / М.: Тип. Б-ки им. В. И. Ленина, 1950. С. 199–200.

доносцев активно зазывает наследника-цесаревича, решив при этом, ввиду идущих переговоров о продаже проекта через либерального министра Д. А. Милютин военному ведомству, устранить от визита к лодке главного идейного инициатора этого «высочайшего стартапа» Н. М. Баранова, ставшего в текущие дни героем шумного общественного скандала и подвергавшегося усиленной травле в либеральных газетах⁴⁵. Неравнодушные к вопросу и скорейшее желание представить испытание лодки Джевецкого в Гатчине К. П. Победоносцева напрямую наследнику-цесаревичу Александру Александровичу чувствуется в их переписке в тот период. В каждый визит наследника в Гатчину учитель ждет визита «ученика» к этому чуду техники. Так, в письме от 18 января 1880 г. Победоносцев спрашивает «...Слышно, что в бытность Вашу в Гатчине, в среду, Ваше Высочество изволили подходить к пристани, где стоит наша лодка. Не знаю, случился ли на месте кто-нибудь, кто догадался или сумел указать на нее»⁴⁶.

Сам наследник в своем дневнике подробно отзывается о первом для себя визите в Гатчину в 1880 г., посещенную им в прошлом году лишь единожды, однако, визит к подлодке на Серебряном озере не отмечает: «15/27 января 1880 г. в 9 ч., простившись с Минни (*Мария Федоровна, жена наследника-цесаревича, на тот момент великая княгиня – Г. А.*) и детьми, отправился на охоту в Гатчину с Папа, братьями и прочими приглашенными. Я целый год не был в милой Гатчине и рад был снова попасть туда в симпатичные комнатки. 16/28 января. Среда. Гатчина. Встали в 8½ а в ½10 собрались в арсенале к кофе. В ½11 отправились с Владимиром, Алексеем, Гр. Хрептовичем и Воронцовым в олений парк, где Папа застрелили старого зубра, а потом поехали на охоту в ремиз. Погода теплая, всего 1 градус морозу. Охота была удачная и убили более 150 штук. Я убил 47 штук разной дичи. Потом были еще на псарне и травили медведей молодыми собаками. Вернулись домой в 4 часа. Немного поспали, а ½7 обедали в арсенале. В ½9 отправились обратно в Петербург»⁴⁷, о чем прямо отвечает в своей записке К. П. Победоносцеву: «Лодку я не видал и не подходил к ней, так как не случилось быть у озера»⁴⁸.

С инициативой, наконец, увидеть подводную лодку на Серебряном озере в действии наследник-цесаревич выступает самостоятельно, о чем свидетельствует переписка его с К. П. Победоносцевым 22 января 1880 г.: «Я только что собрался Вам писать о моем намерении ехать

⁴⁵ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. [Текст] / с предисл. М. Н. Покровского; Централархив. Т. 1. п/т 1. М.; Пг., 1923. С. 54.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. М., 2002. С. 346.

⁴⁸ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т. 1. п/т 1. М.; Пг., 1923. С. 56.

завтра в Гатчину для осмотра лодки. Я полагаю выехать отсюда с общим поездом в 11 с 1/4 ч. утра. Предлагаю ехать вместе и дайте знать Баранову и Дджевецкому»⁴⁹. Об увиденной лодке свидетельствует сам великий князь, будущий император Александр III, в своем «великокняжеском дневнике», точно указывая дату демонстрации: «23 января 1880 г. В ¾11 утра отправились с Минни на Балтийскую дорогу и в 11¼ отправились через Лигово, Красное село в Гатчину. Поехали еще с нами Алексей, Победоносцев и Н. М. Баранов, уже в статском платье. Погода сегодня совершенно весенняя, светло, тепло и чудесное солнце с самого утра. В Гатчине мы смотрели на пруду подводную лодку инженера Дджевецкого, который при нас сделал несколько удачных опытов со своей лодкой и кончил тем, что подвел мину под плот и отойдя взорвал ее отлично. Эта лодка, я уверен, будет иметь большое значение в будущем и сделает большой переполох в морских сражениях. После опытов мы зашли во дворец, а в ½3 отправились на Варшавскую станцию...»⁵⁰. Удачность испытаний подводной лодки в Гатчине спровоцировала наследника занимать активную позицию в пользу продвижения обновления военного флота новыми судами. В марте 1880 г. наследник-цесаревич вносит в Государственный совет высочайшую записку флигель-адъютанта Н. М. Баранова и К. П. Победоносцева о развитии Добровольного флота как главного орудия борьбы против Англии, показывая себя при обсуждениях сторонником создания крейсерского флота. Предложения, вызвавшего значительное обсуждение в Совете и недовольство его председателя, великого князя Константина Николаевича⁵¹.

Несмотря на то, что первоначально пребывание подводной лодки на Серебряном озере не предполагалось быть более месяца, о чем свидетельствовала составленная смета, на деле же оно растянулось на 4 месяца, и было окончено 2 апреля 1880 г., когда подводная лодка была принята комиссией помощника заведующего техническим гальваническим отделением инженерного ведомства военного министерства инженер-генерал-лейтенантом М. М. Боресковым у ответственного за лодку в Гатчине Н. М. Баранова при участии изобретателя⁵². Все это время лодка простояла у грота «Эхо» у пристани на Серебряном озере, несмотря на то, что по смете предполагалось по окончании месячных испытаний в Гатчине перевезти в Петербург и установить ее в сарай до «вскрытия вод»⁵³.

⁴⁹ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Т.1.п/т 1. М.; Пг.; 1923. С. 56.

⁵⁰ Дневник наследника цесаревича великого князя Александра Александровича. 1880 // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX в. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1995. — [Т.] VI. С. 347.

⁵¹ Дневник Д. А. Милютина. Т. 3: 1878–1880 / М.: Тип. Б-ки им. В.И. Ленина, 1950. С. 236.

⁵² РГИА. Ф. 98. Оп. 1. Д. 50. Л. 56, 59 об.

⁵³ Там же. Л.49; РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1073. Л. 3.

В итоге можно отметить, что испытание подводной лодки С. К. Дджевецкого в Гатчине являлось важным звеном применения инновационных подходов в огромной общественной патриотической инициативе по усилению флота на добровольные пожертвования. Поддержка и верховенство наследника-цесаревича над этой инициативой, нехарактерные для его стиля влияния на политические дела, позволяли ему не только занимать активную позицию в морских делах, идущую вразрез с управленцами из либеральной бюрократии, неподготовившими военно-морской флот к войне с Османской империей, но и способствовать консолидации патриотических сил в сложной политической обстановке начала 1880-х гг. Касаемо испытаний лодки в Серебряном озере оказывается, что наследник-цесаревич видел лишь последнее испытание из четырех проведенных С. К. Дджевецким в Гатчине. Испытание, виденное наследником-цесаревичем и супругой, предваряла серьезная техническая приемка аппарата, а также положительное мнение об опытах широкого круга доверенных лиц, свидетельствовавших о пользе данного изобретения.

Визуальные презентации самодержавной власти: император Александр III в Екатеринодаре¹ в сентябре 1888 года

DOI: 10.48466/8955.2021.95.17.001

Белоусова Ольга Владимировна,
МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет,
доцент, кандидат исторических наук

Длительная поездка императора Александра III на Кавказ осенью 1888 г. была предпринята в рамках административной реформы в регионе после упразднения там наместничества в начале 1880-х гг., что было призвано свидетельствовать об укреплении российской государственности на окраинах. Реформа имела целью включить Кавказ в общерусскую систему управления империей. Император внимательно следил за ходом административной реформы и ее результатами. Стремление лично познакомиться с реалиями кавказского региона подтолкнуло его на длительное путешествие, решение о котором было принято, вероятно, в феврале 1888 г. Маршрут поездки составлялся таким образом, чтобы посетить крупные города и губернские центры Кавказа. Железнодорожные коммуникации и морское сообщение вдоль восточного побережья Черного моря определяли маршрут передвижения по региону. Екатеринодар стал вторым крупным городом после Владикавказа, где царская семья остановилась на несколько дней, с 21 по 23 сентября 1888 г.

После окончания Кавказской войны город бурно развивался, не утрачивая вместе с тем статуса важнейшего военно-стратегического центра северокавказского региона. Он являлся столицей Донской области и центром Кубанского казачьего войска. Память о казачьем братстве, внесшем значительный вклад в завоевание Кавказа, во многом и предопределила включение Екатеринодара в маршрут передвижения царской четы. В царствование Александра III проводилась политика, направленная на укрепление казачьего сословия и сохранение его уникальной специфики, которая касалась не только быта, но также затрагивала вопросы материального благосостояния и землевладения. Войсковые власти добивались ограничения общественного самоуправления на своей территории, подчинения гражданского управления военному².

¹ Современное название Краснодар. Город был переименован в 1920 г.

² Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010. С. 538.

В Государственном архиве Российской Федерации, в личном фонде Александра III, хранится подарочный альбом с фотографическими снимками, который был подарен монарху во время пребывания в городе³. На сегодняшний день это единственный известный альбом подобного рода, хотя почти в каждом городе императорской семье дарили альбомы с городскими видами и изображениями достопримечательностей. Вероятно, этот альбом был настолько дорог Александру III, что остался в его личной коллекции. Альбом большого формата, в бархатном малиновом переплете, на обложке золотыми буквами имеется надпись: «Пребывание ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ в Екатеринодаре 21, 22 и 23 сентября 1888 г.» По всей видимости, альбом был подарен в последний день пребывания, поскольку на нескольких листах запечатлены торжественные мероприятия с участием царской семьи. Хотя допустимо предположить, что некоторые фотографии с городскими видами были подготовлены накануне царского путешествия.

Можно восстановить хронику посещения Екатеринодара царской семьей. В 5 часов пополудни 21 сентября царский поезд прибыл на городской вокзал, который был украшен цветами, императорскими вензелями и флагами. Здесь его ожидали высшее военное и гражданское начальство и почетный караул 3-го Пластунского батальона. В камер-фурьерском журнале отмечается: «По прибытии к станции императорского поезда его величество, выйдя из вагона, поздоровался с караулом, изволил принять хлеб-соль от городских депутатов и представление»⁴.

В городе была возведена триумфальная арка из красного кирпича, увенчанная флагом, на шпилях отливали золотом двуглавые орлы. В больших кокошниках с обеих сторон помещались иконы: на восточной стороне – образ князя Александра Невского, святого патрона императора, с восточной стороны

Фото триумфальной арки. Екатеринодар. ГАРФ

– образ великомученицы Екатерины, покровительницы города. В центре арки имелась надпись: «В память посещения Екатеринодара императором Александром III, императрицей Марией Федоровной и наследником цесаревичем Николаем Александровичем в 1888 году». В очертаниях арки легко прочитывались элементы шервудовского здания Исторического музея на Красной площади, являющегося одним из образцов русского стиля. Впоследствии горожане стали называть арку Царскими воротами. Иници-

³ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1268.

⁴ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 94. Л. 76 об.

атива создания триумфальной арки принадлежала городскому купеческому обществу. На собранные купцами средства был приглашен архитектор — В. А. Филиппов. Место строительства выбрали самое подходящее для этой цели: по дороге от вокзала к центру города.

С вокзала царский кортеж в сопровождении свиты отправился в Александро-Невский войсковой собор, освященный в 1872 г. Выстроенный в русско-византийском стиле, он являлся доминантой города, где проходили торжественные церемонии кубанского казачества. В соборе состоялась торжественная встреча духовенства и императорской семьи. Епископ Ставропольский и Екатеринодарский Владимир приветствовал высоких гостей речью: «Благочестивый государь! Начав свое отчески царственное шествие от северной столицы, по древнерусским землям, через край Новороссии, достиг ты Северного Кавказа. <...> Молим и будем молить Господа, да будет и дальнейшее путешествие таковым же, как было, — благословенным на отраду тебе, царю-отцу, на радость и другим детям земли твоей святорусской — к восточному берегу Черного моря, освященному стопами учеников Первозванного апостола, по краю Закавказскому, издревле освященному святым хитонем Искупителя мира, подвигами святой Нины Равноапостольной и многочисленных святых Церкви Грузинской, к берегам Херсонеса Таврического — святой купели просветителя земли Русской, и паки к северной столице твоей, освященной святыми мощами и хранимой молитвами тезоименитого ангела твоего»⁵.

После молебна экипажи августейших гостей двинулись в сторону дома наказного атамана, который располагался на углу Красной улицы и Графского переулка. Дом, или квартира, атамана — самое представительное городское сооружение — стало временной резиденцией императорской семьи. Здание не обладало большими площадями, и для удобства было решено в саду устроить палатку-павильон для торжественных завтраков и обедов. «После владикавказского роскошного “дворца” с хорошим садом и чудным видом на белеющую панораму гор екатеринодарский домик выглядел, правда, не парадным, но уютным помещением»⁶. В альбоме имеется несколько фотографий с интерьерами комнат, подготовленных для царской четы. На одной из фотографий представлен интерьер зала с парадным портретом императора Александра III, когда тот был цесаревичем. Из зала имелся выход в гостиную, которая была богато драпирована тканями и уставлена дорогой мебелью. В альбоме также помещены снимки комнат императрицы — уборной и будуара.

На площади перед домом заблаговременно были выстроены почет-

ный караул из стариков кубанских казаков, георгиевских кавалеров, все военнослужащие и чиновники области, отставные штаб- и обер-офицеры, депутаты от казачьих станиц во главе со станичным атаманом с палицею, депутаты от городов Екатеринодара, Ейска, Темрюка, Майкопа и Анапы, а также депутаты от селений и колоний болгар и немцев, от горцев Екатеринодарского, Лабинского и Баталпашинского отделов и ветераны кавказской армии, проживавшие в Кубанской области. По прибытии государь обошел все депутации, принял хлеб-соль, а после почетный караул прошел церемониальным маршем. День для высоких путешественников закончился торжественным обедом. В короткой дневниковой записи Александра III отразились самые значимые для него события и впечатления дня: «Прибыли в 4 ч. в Екатеринодар. Встреча великолепная, погода тоже. Были в соборе, потом почетный караул от стариков и депутатов, от войска и инородцы. Поместились в доме наказного атамана, уютно и мило устроено. В 10 ч. обедали с нашими и приглашен[ными] в палатке в саду. Вечером занимался»⁷.

На следующий день был назначен войсковой круг, который созывался в особо торжественных случаях. В XIX в. значение войскового круга как органа казачьего управления утратилось. Однако вручение войсковой булавы цесаревичу, символизировавшее назначение его атаманом всех казачьих войск, являлось значимым мероприятием. По старому обычаю, тогда с соблюдением церемониального ритуала выносились войсковые казачьи регалии, и их проносили перед войском и приглашенными зрителями. «Народ приветствует их с сердечным трепетом, войска отдают им честь по уставу» — так описывал этот ритуал составитель описания путешествия Александра III по Кавказу В. А. Потто⁸.

22 сентября к 9 часам утра у здания областного правления собрались все высшие военные и гражданские чины, а также станичные атаманы и депутаты. В это же время прибыли казачьи войска, назначенные быть конвоем, с хором войсковой музыки. Без четверти 10 прибыл в областное правление наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Г. А. Леонов, и церемониальное шествие двинулось. Его открыли урядники с двенадцатью старинными куренными значками, за ними станичные депутаты несли восемнадцать медных куренных перначей и четырнадцать куренных булав. Потом следовали старые полковые знамена, а затем отставные офицеры несли пять серебряных перначей и две медные вызолоченные булавы. После символов атаманской власти продемонстрировали высочайшие войсковые документы — грамоты Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и Александра II. «За регалиями следовал наказной

⁵ Правительственный вестник. 1888. 23 сентября. С. 2.

⁶ Кривенко В. С. Очерки Кавказа. М., 1893. С. 56.

⁷ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 284. Л. 10.

⁸ Потто В. А. Царская семья на Кавказе 18 сентября – 14 октября 1888 года. Тифлис, 1889. С. 76.

атаман генерал-лейтенант Леонов, имея в руках булаву, пожалованную войску в 1792 году, перед атаманом шли два штаб-офицера с войсковою железною булавою. За наказным атаманом следовали все генералы, штаб-офицеры и гражданские чиновники в парадной форме. За группой войсковых чинов следовали стройные взводы конвоя. За музыкантами шел, в своих красных черкесках, взвод от лейб-гвардии 2-го сводного эскадрона Собственного его величества конвоя, взводы от сводного 5-го и 6-го, от 3-го и 4-го Пластунских батальонов, от вторых льготных полков Кубанского и Атаманского, от сводного из 1-го Екатеринодарского и 10-го Урупского конных полков, от вторых полков Екатеринодарского и Кавказского, от полка малолетних, в белых папахах и белых черкесках, от 3-й батареи и от батареи малолетних»⁹. Навстречу войсковым регалиям выступил церковный ход. За крестом, хоругвями, певчими и белым духовенством следовали три архимандрита и епископ Владимир. Станичные атаманы и депутаты образовали большой круг около церковного намета, устроенного в центре соборной площади. Казачьи регалии установили внутри казачьего круга.

В 10 часов приехала императорская семья. Государь обошел войсковою круг и приблизился к церковному намету, после чего началась божественная литургия. Именно этот момент запечатлен на фотографии из царского альбома. После молебна наказной атаман передал войсковую булаву главноначальствующему на Кавказе князю А.М. Дондукову-Корсакову, атаману кавказских казачьих войск, а он, в свою очередь, поднес ее государю. Император передал булаву наследнику цесаревичу как атаману всех казачьих войск. В конце царь обратился к войсковому кругу: «Я счастлив, кубанцы, что вместе с императрицей и наследником приехал к вам. Мне это желательно было давно и наконец удалось. Я уверен, что вы будете служить и отечеству, и своим царям, как служили прежде, а молодежь кубанская – так же храбро и честно, как старики»¹⁰. После отъезда царя войсковые регалии были отнесены в областное правление с той же пышной церемонией, а августейший атаман с железной булавой замыкал торжественное шествие.

После войскового круга на обширном дворе дома наказного атамана собрались местные депутации для поднесения подарков императорской семье. Среди подарков были оружие, бурка, башлык местных мастеров. Императрице Марии Федоровне подарили альбом с видами Кавказа и фотографиями населявших его народов. Особенно привлекала внимание гигантская скульптура, изображавшая сцену казачьей тревоги: сторожевой казак заметил неприятеля, по его тревоге станичники живо готовятся

⁹ Правительственный вестник. 1888. 24 сентября. С. 2.

¹⁰ Там же. С. 2.

к бою, жены помогают седлать коней и подают оружие. Композиция была создана по эскизу знатока казачьего быта Н.Н. Каразина и выполнена из мрамора и оксидированного серебра, высота ее составляла 1 аршин (71 см), и весила она 10 пудов (164 кг). Фотография скульптуры также была помещена в подарочном альбоме, кроме того снимок композиции с подробным описанием был опубликован на обложке журнала «Всемирная иллюстрация»¹¹.

Николая Николаевича Каразина, мастера батальных сцен, участника Русско-турецкой войны и среднеазиатских кампаний, кубанские казаки пригласили еще весной 1888 г. для создания эскизов художественной скульптуры, которая предназначалась в дар императрице Марии Федоровне. Выполнив столь ответственный заказ, Каразин остался на Кавказе и как военный корреспондент-иллюстратор запечатлел высочайшие военные смотры и парады. Художник работал быстро, легко и виртуозно. Его композиции отличались сложностью и поразительной точностью в деталях. В.А. Потто, которого современники называли кавказским летописцем, приглашал исключительно Каразина для иллюстрирования своих много-томных сочинений о Кавказской войне и др.

Цесаревичу кубанцы поднесли шашку, кинжал, газыри и книгу «Сборник исторических сведений о Кубанском войске, составленный членами Кубанского статистического комитета Фелицыным и Щербиною».

В 12 часов состоялся высочайший завтрак, столы были накрыты в гигантской палатке, во дворе дома наказного атамана. В камер-фурьерском журнале содержится краткое описание этого мероприятия. Император провозгласил здравицу «славному Кубанскому войску», после чего Дондуков-Корсаков поднял тосты за государя и за «августейшего атамана всех казачьих войск», а наследник цесаревич – за императрицу. После второго тоста был исполнен гимн «Боже, царя храни!»

В полдень император дал завтрак собравшимся. В это время на смежном дворе областного управления собрались станичные атаманы и иные приглашенные. Казачьи депутаты заняли места за столом, накрытым для них от Кубанского войска. К торжественному завтраку было создано меню с художественной заставкой, автором которой стал начинаю-

Фото торжественного завтрака 22 сентября 1888 года, высочайший прием казачьих депутатов. Екатеринодар. ГАРФ

¹¹ Всемирная иллюстрация. 1888. 22 октября. С. 1.

щий художник-баталист Николай Семенович Самокиш. В 1888 г. он был командирован на Кавказ для сбора материалов для картин, заказанных Тифлисским военно-историческим музеем. Для художника это был значимый и ответственный заказ со стороны как императорского двора, так и казачьего войска. Карточки меню раздавались всем участникам торжественной трапезы. Самокиш подготовил несколько художественных меню для праздничных приемов в Екатериноодаре и Владикавказе. Меню были выполнены мастером тушью, что свидетельствовало о срочности заказа. Цветовая палитра не отличалась разнообразием, однако ставка делалась на сложную, многокомпонентную композицию и обилие батальных сцен, которые требовали виртуозного владения рисовальной техникой. При этом сжатые сроки вовсе не повлияли на качество работ.

На меню торжественного завтрака 22 сентября изображен герб Кубанского казачьего войска на фоне наградных знамен, пожалованных монархами в XVIII и XIX вв. В медальонах художник поместил портреты казаков-старейшин – героев Кавказской войны. Тем самым проводилась параллель между этими образами и участниками праздничного завтрака. Внизу карточки помещалась сцена тревоги на сторожевой линии и грозящей опасности очередного набега горцев.

По окончании завтрака члены императорской семьи в сопровождении Дондукова-Корсакова, Леонова и представителей свиты подошли к столам казаков. Государь, взяв чарку, провозгласил тост «за здоровье славного Кубанского войска». В это же время, по древним казачьим обычаям, испросив разрешения цесаревича, «казаки, подхватив на руки августейшего атамана, качали его»¹².

После торжественного обеда царственные гости отправились в город для знакомства с учебными учреждениями. Первой в маршруте была классическая гимназия, старейшая в Екатериноодаре, сюда же были приглашены ученики реального училища. Затем государь и государыня посетили женскую гимназию. Воспитанницами были подготовлены оригинальные подарки: подушка, с одной стороны которой были вышиты гербы всех казачьих войск, а с другой – карта Кубанской области. Далее императорский кортеж направился в профессиональную школу и Кубанское Мариинское женское училище. В последнем воспитанницы выступили с небольшими номерами – читали басни, исполняли музыкальные произведения, пели хором.

Царский маршрут заканчивался посещением войсковой больницы и оружейной мастерской Кубанского войска. Изделия кубанских мастеров-оружейников были не только продемонстрированы: государю подарили шашку, императрице – изящный веер, сделанный из тончайших

железных пластинок, царским сыновьям – арчак казачьего седла и миниатюрную винтовку Бердана.

Вечером того же дня было устроено народное гулянье. К этому времени на Красной улице и на улицах, примыкавших к ней, а также на площадях зажгли иллюминацию. Во всех окнах горели свечи, повсюду были расставлены транспаранты, щиты и вензеля. В городском саду к приезду императорской семьи построили павильон. Фасад здания украшали резные конструкции и государственная символика. Для декорирования фасада было использовано много цветных шкаликов (светильников), вечером – в сочетании с резьбой – это мерцающее освещение воссоздавало буквально былинную атмосферу.

В этой ротонде вечером был накрыт чай от Кубанского казачьего войска для высоких гостей. В интерьере ротонды доминировала имперская и военная символика. В центре зале стоял бюст императора, значки кубанских полков, составленные из шашек и кинжалов, украшали стены¹³. Зал был отделан золотой тканью и декорирован изображениями тропических растений. В подарочном альбоме представлены несколько снимков этой ротонды.

Августейшие гости прибыли в городской сад около 10 часов вечера, в разгар народных гуляний. Играла музыка, пелись казачьи песни, особенно выделялся хор казачьих малолеток, который исполнил старинную песню: «По стогнам шум, повсюду торжество, и ты среди толпы, России божество». Праздник закончился фейерверком. Незначительное происшествие произошло в царской беседке: вспыхнули два фонаря, и огонь мгновенно перекинулся на один из венков, украшавших потолок. Реакция стоявших в карауле унтер-офицеров была мгновенной: они вскочили на эстраду беседки, сорвали горевшие украшения и загасили огонь. В благодарность за быстрое устранение пожара государь пожаловал каждому из них по 25 рублей¹⁴.

В дневнике Александр III так описал столь знаменательный для казачьего войска день: «В 10 ч. войсковой круг у собора, молебен, а потом встреча регалий и конвоя из войсков[ого] правления. Потом у дома прием депутаций и подношений и большой завтрак у нас в палатке и всеми депутатами на дворе. Потом ездили по городу, в госпиталь, гимназию и училища. Вернулись, пили чай. Обед в палатке общий. Вечером фейерверк, танцы и песни в городском саду. В 12 ч. легли спать»¹⁵.

На следующий день, 23 сентября, в двух верстах от Екатериноодара состоялся военный парад, в котором принимало участие только кубан-

¹² РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 94. Л. 87 об.–91 об.

¹³ Потто В. А. Указ. соч. С. 84.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 719. Л. 99 об.

¹⁵ Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 284. Л. 10.

ское казачество. Войсками командовал генерал-майор Г. Г. Рубашевский. В параде были задействованы 4 батальона, 1 эскадрон, 34 сотни и 3 батареи. Пехоту представляли Кубанский местный батальон, а также 3-й и 4-й сборный (льготный) Пластунские батальоны. От кавалерии были эскадрон Собственного его величества конвоя, две сотни 1-го Екатеринодарского полка, две сотни 1-го Урупского полка, а также по шесть сотен от 2-го (льготного) Екатеринодарского, 2-го Таманского, 2-го Кубанского и 2-го Кавказского полков. Участвовали и сотни сборного полка малолеток. Артиллеристы выставили две конные Кубанские батареи и батарею из подростков. О последней стоит упомянуть отдельно, поскольку участию в парадах молодежи придавалось исключительное значение. «Малолетки и подростки входили в состав этого отряда. Предполагалось в начале собрать лишь четыреста человек детей, но явилось столько домогавшихся в строю показаться государю, что пришлось принять шестисот человек. Они образовали особый “сборный полк” и батарею. Оказывается, дети рвались на учения, начавшиеся за две недели до высочайшего приезда, и успели действительно достигнуть блестящих результатов»¹⁶.

В 9 часов на поле прибыл наследник цесаревич в окружении почетного эскорта, позже по железной дороге приехали Александр III и Мария Федоровна. Для провода августейших гостей на городском вокзале были выстроены воспитанники приготовительной школы кадетского корпуса, открытой накануне. Царский поезд остановился у специально выстроенного деревянного павильона, который больше напоминал сказочный терем с крышей, увенчанной двуглавым орлом. Стойки павильона украшали декоративные элементы в русском стиле. Крыша состояла из купола и многоступенчатых переходов, к которым крепились флагштоки.

Около полотна железной дороги с северной стороны войска построились в одну линию, фронтом к путям. После объезда парадных расчетов государем войска пошли церемониальным маршем. «Во главе войск ехал на коне с булавою в руке августейший атаман казачьих войск наследник цесаревич. Отсалютовав, его императорское высочество стал возле государя императора. Войска проходили один раз: пластунские батальоны частью шагом, частью бегом; кавалерия шагом и рысью; одна из сотен малолетних была пропущена рысью; за сотнями малолетних следовала батарея из них. Его величество благодарил каждую проходившую часть. Малолетние казаки привлекли к себе общее внимание»¹⁷. (Вскоре после парада в полк и батарею малолеток был прислан «царский гостинец» — серебряный рубль с изображением Александра III.)

¹⁶ Кривенко В.С. Указ. соч. С. 59.

¹⁷ Правительственный вестник. 1888. 28 сентября. С. 2.

После парада состоялся высочайший завтрак. К завтраку были приглашены командиры частей и офицеры. Во время трапезы играла музыка, пели певчие, полковые песенники и хоры малолетних. «Во время стола государь император пил “за здоровье Кубанского войска”, а генерал-адъютант Дондуков-Корсаков провозгласил тосты “за здоровье его величества”, “за здоровье ее величества” и “за здоровье августейшего атамана всех казачьих войск”. Тосты сопровождались громким и продолжительным “Ура!”»¹⁸.

Художественная заставка меню завтрака отражала суть торжественного события. Государственные регалии, двуглавый орел и герб Кубанской области подчеркивали значимость мероприятия. На рисунках были изображены сцены, демонстрировавшие мастерство верховой езды, стрельбы, джигитовки кубанского казачества. После завтрака государь некоторое время беседовал с гостями, а после в полдень в сопровождении особ свиты отбыл в Новороссийск.

Изображение царской поездки в Екатеринодар из «Всемирной иллюстрации» Каразина объединяет несколько событий: собственно казачий круг, военный смотр, торжественный прием и демонстрацию подарков. Художник как будто использовал метод аппликации: одну картину накладывал на другую. На дальнем плане прочитываются очертания триумфальных ворот, затем крупным планом даны портреты казачьих старейшин, «караул стариков», напротив парадная сцена «казаков-малолеток», в центре военный смотр. Значительное место уделено представлению подарков царской чете — кабардинских скакунов, оружия, подносных тарелок «хлеб-соль».

Таким образом, и сам плотный сценарий екатеринодарского приема императорской семьи, и созданные специально для него сооружения, и проведенные мероприятия — торжественные приемы, войсковые и казачьи прохождения и парад, общегородские праздничные действия, — и многочисленные артефакты, изготовленные для этих событий, — все это вместе составляло общую комплексную презентацию самодержавной власти, адресованную как конкретному северокавказскому городу, так и всей стране в целом. На примере частного события — царского посещения Екатеринодара — видно, как выстраивалась официальная пропаганда, которая должна была обосновывать единство имперского пространства не через его образную унификацию, а путем представления сложного и вместе с тем прочно взаимосвязанного единства различных национальных и местных особенностей, интегрированных в нечто целое русской культурой.

¹⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (206/2703). Д. 94. Л. 100.

Театральная постановка «Царь Борис» в Эрмитажном театре в 1890 году

DOI: 10.48466/9851.2021.86.50.001

Бельчинкова Светлана Владимировна,
Фонд содействия возрождению традиций милосердия
и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское
просветительское общество»,
руководитель научно-издательского отдела,
Институт всеобщей истории РАН, аспирант

Царствование императора Александра III стало периодом подъёма русской национальной культуры — искусства, музыки, литературы. Значительных успехов достигло театральное искусство: реформа 1882 года, когда по личному распоряжению Александра III была отменена монополия на Императорские театры и разрешены частные антрепризы в столицах, дала импульс к широкому привлечению в театр молодых талантов, улучшению положения театральных служащих всех рангов. Основная идея реформы состояла в том, что Императорский театр должен был стать «образцовым правительственным учреждением в ряду всех русских театральных предприятий», «учреждением блестящим, соответствующим достоинству Российского Императорского Двора», а также «учреждением хозяйственным, в котором расходование экономично, а щедрость — производительна»¹. Более того, Императорские театры теперь являлись не просто местом развлечения, но важным звеном в идеологии царствования Александра III. Они считались «отныне как государственное педагогическое учреждение, отвечающее воспитательным задачам правительства»².

Директором Императорских театров был назначен большой поклонник русской оперы И. А. Всеволожский. Родоначалника русского национального театра писателя А. Н. Островского назначили на должность, учрежденную специально для него — заведующего репертуарной частью московских Императорских театров. Александр III высоко ценил талант Островского и значение его произведений для русской литературы. Император стремился помочь отечественным писателям и композиторам. Он постоянно выделял личные средства и средства из казны для поддержки многих русских писателей, театральных деятелей, артистов — об этом свидетельствуют, в том числе, сохранившиеся документы в фондах императорского двора в Рос-

сийском Государственном Историческом архиве и фонде императора Александра III в Государственном Архиве Российской Федерации.

Император и его семья были заядлыми театрами: в традиционное воспитание и образование членов императорской фамилии всегда включались домашние любительские спектакли и посещение театров. В 1869 году в Аничковом дворце цесаревич Александр Александрович и его супруга Мария Фёдоровна обустроили домашний театр, где сами вместе с приближенными выступали в качестве актёров³. Августейшие супруги в течение великосветских сезонов несколько раз в неделю посещали драматические театры и оперу⁴. Взойдя на российский престол, Александр III и Мария Фёдоровна не изменили своих привычек и продолжали регулярно бывать в театрах⁵. При этом Александр III лично просматривал репертуар театров на будущий сезон, проверял отчеты о состоянии дел⁶. Император и императрица часто присутствовали на генеральных репетициях, беседовали с директорами и артистами.

Большой знаток русской истории Александр III способствовал постановке драматических и музыкально-драматических произведений на сюжеты, освещающие историю Российского государства. Такими произведениями стали и пьесы известного русского поэта и драматурга графа А. К. Толстого — трилогия «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Фёдор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870). Части трилогии отражают в хронологической последовательности события трех царствований — царя Иоанна Грозного, его наследника Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова. Эти три пьесы, как считается, значительно повлияли на развитие русского национального театра и предвосхитили такое явление, как «новая драма»⁷. В научной литературе существует мнение, что наиболее художественно значимой является вторая часть трилогии, пьеса «Царь Фёдор Иоаннович»⁸. Сценическая судьба всей трилогии это подтверждает. Пьеса «Царь Борис» вышла в печать в 1870 году, но была запрещена к постановке и впервые поставлена только в сезон 1881 года в Москве, уже после смерти автора. Борис Годунов является главным героем трилогии, так как он — одно из ведущих лиц в первых двух пьесах, а третья

³ Локотникова И. Г. Любительский театр Наследника престола в Аничковом дворце // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Материалы IV науч. конф. [«Императорская Гатчина» (окт. 2006 г.)]. СПб., 2006. С. 55, 56.

⁴ Кудрина Ю. Александр III и театральное искусство в России в конце XIX века // Иные берега. 2019. № 2. Электронное издание. С. 110.

⁵ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2687-2697.

⁶ Кудрина Ю. Указ. соч. С. 111.

⁷ Модникова Е. О. Художественное своеобразие драматической трилогии А. К. Толстого: автореф. дис. ... к. ф. н. Ульяновск, 2012. С. 6.

⁸ Модникова Е. О. Указ. соч. С. 18.

¹ Погожев В. П. Проект законоположений об Императорских театрах. Т. 1. СПб., 1900. С. 17.

² Погожев В. П. Указ. соч. С. 17.

пьеса целиком посвящена ему. Образ Годунова меняется на протяжении всей пьесы, в течение которой проходит семь лет, но исторические события скомпонованы автором произвольно. А. К. Толстой создал качественно новый тип героя, характер которого противоречив, сложен и многогранен, что отличает творческую манеру Толстого от его предшественников и превосходит позднейшие открытия «новой драмы» конца XIX века⁹. Основными источниками исторических сведений Толстому послужили труды именитых российских историков: «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» Н. И. Костомарова и «История в лицах о Царе Борисе Феодоровиче Годунове» М. П. Погодина¹⁰. Толстой изобразил Бориса Годунова не просто властолюбцем, который рвется к власти всеми способами, а патриотом, который желает блага отечеству, пытается вывести страну из кризиса и сделать Россию великой державой. Скорее всего, именно подобный образ Годунова повлиял на решение ставить спектакль при поддержке императора, несмотря на то, что бояре Романовы (предки царствующей династии) выведены в пьесе бунтовщиками. Весной 1889 года «Царя Бориса» предложил к любительской постановке великий князь Сергей Александрович¹¹, который, как и его старший брат Александр III, прекрасно знал русскую историю и разбирался в литературе.

Зимний сезон 1889–1890 годов в Санкт-Петербурге отличался «необыкновенной деятельностью великосветских любителей»¹². Тремя выдающимися театральными событиями стали «Борис Годунов» по произведению А. С. Пушкина, «Царь Фёдор Иоаннович» и «Царь Борис» А. К. Толстого. «Бориса Годунова» поставили в доме графа А. Д. Шереметева, «Царя Фёдора Иоанновича» — в доме князя М. С. Волконского, а «Царь Борис» прошел на подмостках Эрмитажного театра (вторая постановка пьесы после 1881 года). Все постановки отличались широким размахом, богатством декораций и костюмов. Кроме того, была соблюдена тенденция, которая поддерживалась на Высочайшем уровне, что декорации и костюмы должны соответствовать исторической и бытовой правде.

Постановка «Царь Борис» в Эрмитажном театре стояла несколько особняком от постановок у Шереметева и Волконского. Эрмитажный театр — старейший императорский театр, построенный при императрице Екатерине II. С середины XIX века спектакли в нём давались только в сезон балов, то есть в середине зимы. Зрительный зал состоял из скамеек, расположенных полукругом, амфитеатром, с проходом в середине

⁹ Модникова Е. О. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Толстой А. К. Драматическая трилогия. Л., 1939. С. 529–575.

¹¹ Джунковский В. Ф. Воспоминания. 1865–1904. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2016. С. 156.

¹² Дризен Н. В. Сорок лет театра. Воспоминания. 1875–1915. Репринт. изд. М., 2015. С. 85.

и по бокам и вмещал около трехсот зрителей¹³. Попасть на представление сюда мог далеко не каждый человек даже из высшего общества, поэтому вокруг постановок в нём создавался ореол уникальности и избранности. В случае с пьесой «Царь Борис» постановка приобрела широкий резонанс в великосветской среде, потому что в спектакле принимали участие великие князья, а император был идейным вдохновителем и практически режиссёром. Как пишет в своих воспоминаниях барон Н. В. фон Дризен: «Официально режиссировал спектакль премьер Александринского театра Н. Ф. Сазонов, но неофициально душой спектакля был покойный Государь Александр III. По словам участников, он частенько присутствовал на репетициях, давал ценные указания, касавшиеся как стиля пьесы, так и общего её характера»¹⁴. Действительно, согласно камер-фурьерскому придворному журналу за январь 1890 года император вместе с супругой пять раз посещали репетиции спектакля и каждый раз репетиции длились более четырех часов¹⁵. Приготовления же к постановке были начаты еще осенью 1889 года, а первые репетиции — в декабре 1889 года. Рисунки костюмов исполнил театральный художник Императорских театров Е. П. Пономарев¹⁶, который впоследствии создаст рисунки костюмов к знаменитому костюмированному балу 1903 года. За декорации отвечал академик и профессор декорационной живописи Императорской Академии художеств М. А. Шишков, который придавал декорациям к русским пьесам и операм историческую и бытовую достоверность. Современники говорили о необыкновенно роскошном реквизите. «Костюмы свиты иностранных послов обошлись чуть ли не в 700 р. каждый. На сцене, в качестве бутафории, красовались вещи, с Высочайшего разрешения взятые из эрмитажных коллекций. Например, посол турецкий подносил царю Борису подлинное седло, осыпанное бирюзой и драгоценными камнями. В том же роде была утварь — золотые и серебряные чаши, оружие и пр.»¹⁷. В. Ф. Джунковский в своих воспоминаниях отмечает: «Костюмы все были сшиты за счет дирекции Императорских театров, все вновь, декорации все были также заново написаны в мастерских Императорских театров. Все было устроено красиво и богато. Средств не жалели»¹⁸.

В спектакле принимали участие великосветские любители, а также 29 офицеров лейб-гвардии Преображенского полка, которых пригласил

¹³ Теляковский В. А. Воспоминания. 1898–1917. Пг., 1924. С. 27.

¹⁴ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 92–93.

¹⁵ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2694.

¹⁶ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

¹⁷ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 94.

¹⁸ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 157.

командир полка, великий князь Сергей Александрович¹⁹. Он играл роль царевича Феодора, сына царя Бориса. Его младший брат великий князь Павел Александрович исполнял роль герцога Христиана Датского, жениха дочери царя Бориса. Принц Пётр Александрович Ольденбургский играл бессловесную роль столыника. Роль царя Бориса была отдана А. А. Стаховичу, известному любителю и знатоку театра. Женские роли играли великосветские дамы-любительницы и фрейлины императорского двора — многие из них входили в ближнее окружение великого князя Сергея Александровича и его супруги ве-

Великий князь Сергей Александрович в роли царевича Феодора. Спектакль «Царь Борис» в Эрмитажном театре. 1890

ликой княгини Елизаветы Фёдоровны. Царицу Марию Григорьевну играла фрейлина М. А. Васильчикова, дочь директора Императорского Эрмитажа и приятельница великой княгини Елизаветы Фёдоровны. На сцену вышел даже бывший воспитатель великого князя Сергея Александровича, адмирал Д. С. Арсеньев, в роли одного из иностранных послов. Помимо исполнителей главных и второстепенных ролей, в постановке были задействованы в массовых сценах нижние чины лейб-гвардии Преображенского полка, воспитанники Пажеского и Морского корпусов, а также 43 ученика Театрального училища и драматических курсов при Театральном училище²⁰. Более ста человек обслуживающего персонала — декораторы, гардеробщики, бутафоры, машинисты сцены, осветители, костюмеры, портнихи и парикмахеры — было командировано от Императорских театров в дни генеральной репетиции и премьеры спектакля в Эрмитажный театр²¹.

Для участников спектакля репетиции и премьеры запомнились на всю жизнь. В. Ф. Джунковский вспоминает: «Во время репетиции в зале на арке, перекинутой через Зимнюю канавку, был открытый буфет, и мы, участники и участницы спектакля, вместе сходились в этом зале в свободное время, шутили, смеялись, ухаживали, и эти постоянные встречи как-то сближали

¹⁹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 156.

²⁰ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 4041. Л. 4–4об.

²¹ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 4041. Л. 5–6об.

нас всех между собой. Во время репетиции бывали и комичные сцены...»²². Самую комичную сцену, произошедшую на генеральной репетиции и во время премьеры, пересказывали в своих воспоминаниях и В. Ф. Джунковский, и другие участники спектакля. Князь С. М. Волконский, будущий директор Императорских театров, играл роль нунция папы Римского, и его выход объявлял боярин Салтыков в исполнении Д. Б. Нейдгардта, офицера Преображенского полка. «Однажды на одной из репетиций, вместо того чтобы сказать: «Миранда, нунций папы», он сказал: «нунций папский», а на следующей репетиции он провозгла-

Великий князь Павел Александрович в роли принца Христиана. Спектакль «Царь Борис» в Эрмитажном театре. 1890

сил: «Миранда, нунцкий папций». Всеобщее веселье. Только великий князь Сергей Александрович, который считался хозяином этого спектакля, очень напустился и просил Нейдгардта в другой раз быть внимательнее. Но было поздно — он уже не мог владеть собой: всякий раз при приближении страшного места наступало замешательство и он выпаливал не то, что надо. Он уже не старался: видя веселье, которое вызывала его ошибка, он вошел во вкус, и говорят, что на одном из представлений он сказал: «Миранда, нанский пупций». Но на последнем представлении он пошел еще дальше: докладывая о шведском после Эрике Гендриксоне, он сказал: «Посол от Свей Эрик Норденстрем». А это было имя самого модного в то время в Петербурге военного портного. Можно себе представить веселье, вызванное среди всей нашей труппы, в большинстве состоявшей из гвардейских офицеров. Только представьте себе весь двор царя Бориса, трясущийся от сдержанного смеха, и самого царя, в бармах и шапке Мономаха, прячущего в большой красный платок свое не менее красное лицо. Один только царевич Фёдор — великий князь Сергей Александрович — рядом с хохочущим отцом был мрачен и не поддавался всеобщей заразе веселья»²³. Шуток на репетициях не поддерживала и великая княгиня Елизавета Фёдоровна, как и супруг ответственно подходившая к происходящему на сцене. Графиня А. И. Шувалова в своих воспоминаниях приводит розыгрыш, случившийся на генераль-

²² Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 157.

²³ Волконский С. Мои воспоминания. Т. 1. М.: Искусство, 1992. С. 45–46.

ной репетиции спектакля: «Я, мои две сестры и другие девушки играли роль боярынь, которые парами выходили вслед за царицей (ее играла Мария Александровна Васильчикова). В сцене, где она спорила с Борисом, царица говорила нам: «А вы, голубушки, ступайте в сени. Пождите там». Репетиции были нескончаемыми — снова и снова мы входили, кланялись и выходили. На генеральной репетиции (в присутствии Их Величеств) мы сказали Васильчиковой перед нашим выходом, что нам надоело молчать и когда она скажет нам ступать в сени, мы ответим хором: «Не пойдем». Васильчикова приняла наши слова всерьёз и скомкала свою роль: вместо того, чтобы повернуться к нам, она через плечо сказала нам уходить. Разумеется, мы вышли молча. Затем в перерыве за кулисы пришла великая княгиня Елизавета Фёдоровна и сделала критическое замечание, а Васильчикова ответила, что это наша вина. Великая княгиня попросила нас больше не устраивать розыгрышей, а мы ответили, что не думали, что Васильчикова так глупа и поверит нам...»²⁴

Генеральная репетиция в присутствии императорской семьи прошла 26 января 1890 года (ст. ст.). На ней побывал великий князь Константин Константинович (поэт К. Р.). Он записал свои впечатления в дневник: «Играющим было предоставлено раздать билеты родным и знакомым и амфитеатр наполнился зрителями, многие из которых были неизвестны в нашем обществе... Это блестящее представление с начала и до конца было настоящим праздником для глаз. Роскошь, пышность и красота обстановки производили впечатление даже на избалованных театральными зрелищами. Были и промахи, но не в постановке, а в игре. Стахович мне не нравился в роли царя, его не было хорошо слышно, произношение его невнятно. Зато Павел был бесподобен Христианом Датским»²⁵. Следует упомянуть, что трагическую роль Христиана Датского очень хотел играть сам Константин Константинович, и еще летом 1889 года он выучил часть этой роли²⁶. Но болезнь отца не позволила ему вести активную светскую жизнь и участвовать в театральные постановках.

Премьера состоялась 31 января при полном театре. Спектакль смотрели вся императорская фамилия и высший свет. Великий князь Константин Константинович отметил, что «играли лучше, чем на репетиции»²⁷. Постановка длилась с семи часов вечера до часа ночи, с одним антрактом. После спектакля для его участников и зрителей был накрыт ужин на 400 персон. Через два дня, 2 февраля, спектакль вновь был повторен с таким же аншлагом²⁸.

²⁴ Obolenski D. Bread of Exile. L., 1999. P. 68–69.

²⁵ Дневник великого князя Константина Константиновича, 1890–1891 гг. / сост. Т. А. Лобашкова. М.: Буки веда, 2015. С. 30.

²⁶ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 66. Л. 34.

²⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 33.

²⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

«Царь Борис» действительно поразил знатоков театра и сцены. Театральный критик барон фон Дризен полагал, что наиболее эффектно были поставлены массовые сцены и движение народных толп. Они выглядели естественно и реалистично. «Особенно эффектно вышла сцена на площади — второй акт. Вот мальчик-торговец с бубликами на лотке. Какой-то озорник толкнул его сзади. Лоток упал, бублики рассыпались. Шум, гам, свалка»²⁹. Что касается игры актёров, то мнения критиков сошлись в том, что царь Борис в исполнении Стаховича — это откровенный провал. «У старика не хватало голоса. Держался он на сцене вяло, безжизненно, без всякого намека на царское величие»³⁰, — высказался барон фон Дризен. «Старик Стахович был известный театрал, хороший чтец, но роль Бориса ему совсем не удалась; его читка была вязкая, тягучая. Все вместе было удручающе скучно и бесконечно длинно»³¹, — вторил князь С. М. Волконский. Великого князя Павла Александровича многие удостоили похвал как талантливого актёра-любителя, но князь Волконский едко заметил, что он играл бездушно и однообразно, хотя некоторые светские дамы рыдали над трагической участью его героя³². Безусловно, нет возможности объективно судить о качестве актёрского исполнения на основании мнений нескольких рецензентов, исходивших в своих выводах из личных предпочтений и условностей того времени. Но представление о том, какой, например, была речь любителей, можно получить исходя из слов барона фон Дризена: «Большинство любителей принадлежало к высшему слою петербургского общества. В этом кругу иностранное воспитание преобладает. По-русски говорят очень литературно, но речь всегда немножко акцентирована, а буква «р» из всех выделяется»³³. Таким образом, на русскую речь накладывалось владение французским языком и не всегда это звучало естественно на русском языке.

Сцена из спектакля «Царь Борис» в Эрмитажном театре. 4-е действие. Постановка Н. Ф. Сазонова. 1890

²⁹ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 94.

³⁰ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 93.

³¹ Волконский С. Указ соч. С. 45–46.

³² Волконский С. Указ соч. С. 45–46.

³³ Дризен Н. В. Указ. соч. С. 88.

ке. Противоречивы общие впечатления от постановки: князь С. М. Волконский считал, что «Царь Борис» в постановке 1890 года «был спектакль блистательный — для глаз; было на сцене больше бриллиантов, нежели талантов»³⁴. Императрица Мария Фёдоровна в письме к матери также высказала свое мнение о спектакле и актёрах: «Серж [великий князь Сергей Александрович. — С.Б.] и Польш [великий князь Павел Александрович. — С.Б.] заняты репетициями большой драмы графа Толстого. Она будет поставлена в Эрмитажном театре. Вчера мы были на репетиции в костюмах, она длилась с семи вечера до часа ночи. Слишком длинно, но очень интересно — хорошо играют любители из общества, и некоторые из них просто замечательные. Среди них Польш; он очень хорош. Серж менее талантлив и очень неестественный — настолько, что я боюсь смотреть на Эллу, ведь она тоже должна была это видеть. Декорации и костюмы прекрасны — такое чувство, будто ты находишься прямо в Москве»³⁵.

Блеск и роскошь декораций и костюмов эрмитажной постановки были запечатлены на фотографиях, представленных на одной из первых фотографических выставок в Санкт-Петербурге. В 1891 году декорации, бутафория и некоторые костюмы из спектакля выставлялись на Венской международной музыкальной и театральной выставке³⁶. Артист Сазонов, официальный режиссер постановки, суфлер и обслуживающий персонал спектакля (декораторы, бутафоры и машинисты сцены) по указанию Александра III получили подарки из Кабинета Его Императорского Величества — ювелирные изделия с драгоценными камнями³⁷.

Великий князь Сергей Александрович после участия в постановке «Царя Бориса» больше никогда не выходил на любительскую сцену. В 1899 году, когда его друг и кузен великий князь Константин Константинович собрался ставить в Эрмитажном театре пьесу В. Шекспира «Гамлет», Сергей Александрович вспомнил 1890 год, все, связанное с постановкой «Царя Бориса», и написал: «Хорошее то было время!»³⁸

В последующие годы пьеса ставилась редко — в 1898–1900 годах была постановка в Александринском театре в Петербурге, и в 1899–1902 годах в Малом театре в Москве. Какие исторические и вневременные параллели с эпохой его собственного правления могли привлечь особое внимание Александра III и он дал разрешение поставить «Царя Бориса»?

³⁴ Волконский С. Указ соч. С. 45.

³⁵ Костюмированный бал в Зимнем дворце (11 и 13 февраля 1903 года). Т.1. М.: Издательский дом «Русский антиквариат», 2003. С. 27.

³⁶ Императорские театры на Венской Международной музыкальной и театральной выставке: каталог. СПб., 1892. С. 16–17.

³⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 4041. Л. 12–13 об.

³⁸ ГАРФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 214. Л. 60–60 об.

Пьеса показывает момент наивысшего торжества Бориса Годунова — после долгих лет восхождения к царской власти он венчается на царство. Он полон надежд и благих намерений, собираясь править «на тишину Руси, как царь Феодор, на страх врагам, как грозный Иоанн»³⁹. Сцена приёма иностранных послов даёт широкий исторический и международный контекст событий пьесы, где Годунов раскрывает свои взгляды и намерения относительно внутренней и внешней политики России. Многие слова царя Бориса явным образом соответствуют идеологии и внешней политике царствования императора Александра III.

Прошли те времена,
Когда Руси шатание и беды
Врагам над ней готовили победы!
Она стоит, спокойна и сильна,
Законному внутри послушна строю,
Друзьям щитом, а недругам грозою!⁴⁰
... Не страхом я — любовью хочу
Держать людей. Прослыть боится слабым
Лишь тот, кто слаб; а я силен довольно,
Чтоб не бояться милостивым быть!⁴¹

Возможно, подобные слова, вложенные автором в уста главного героя, и сыграли свою роль в том, что непрощедшая в свое время цензура пьесы всё-таки была поставлена в стенах императорской резиденции, в Эрмитажном театре, и сам император участвовал в режиссуре спектакля. Политика Александра III в области русской культуры, энергичное обращение деятелей искусства его времени к древнерусским национальным истокам (интерес к эпохе становления Российского государства после потрясений Смутного времени) свидетельствует о том, что в эпоху правления Александра III счастливо совпали стремление правящих лиц развить достижения в области политики и культуры, что и было поддержано многими представителями мира искусства. Эпизод с любительской постановкой первых лиц Российской империи показывает, что Александр III неформально относился к данной задаче. Император напомнил великосветскому обществу о том, что правитель, царь-патриот, должен зависеть от моральных установок, и только тогда держава обретет мощь, силу и славу.

³⁹ Толстой А. К. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1980. С. 294.

⁴⁰ Толстой А. К. ... Т. 3. С. 307.

⁴¹ Толстой А. К. ... Т. 3. С. 315.

Интерьеры «исторических комнат» Аничкова дворца на стеклянных негативах из частного собрания

DOI: 10.48466/1096.2021.29.79.001

Герасимов Владимир Валентинович,
ООО «Возрождение Петербурга»,
научный консультант

Щедрин Пётр Георгиевич,
ООО «Возрождение Петербурга»,
технический директор

В 2020 году при изучении историко-архитектурных материалов одного из частных петербургских архивов нами были обнаружены девять стеклянных негативов (размер 18*24 см) с изображением интерьеров Аничкова дворца. Ранее негативы были приобретены в одном из ленинградских комиссионных магазинов. Какие-либо сведения о предыдущем владельце и обстоятельствах их поступления в магазин, к сожалению, неизвестны.

Сравнение обнаруженных изображений с известными и частично опубликованными фотоснимками бывшей резиденции императора Александра III из музейных собраний позволяет их датировать 1920-ми годами. А именно, тем периодом в истории здания, когда в нем располагался Музей Города¹. В помещениях бывших личных комнат императорской четы была развернута мемориальная историко-бытовая экспозиция — т. н. «исторические комнаты», в основе которой были подлинные предметы мебели и декоративно-прикладного искусства, живопись, графика

¹ Подробное изложение этапов создания и ликвидации Музея Города в Аничковом дворце см.: Попова Г. А. Музей Города в Аничковом дворце. События, судьбы, коллекции. СПб., 1998.

и фотографии, предметы личного обихода и одежда, принадлежавшие императору Александру III и его супруге императрице Марии Федоровне. Парадные помещения резиденции, расположенные в бельэтаже дворца, использовались для временных и постоянных выставок Музея.

На негативе с изображением Танцевального зала представлен классический интерьер, созданный по проекту Л. Руска в 1810 году. Вид зала, исполненный с запада на восток, представляет вытянутое в плане помещение, перекрытое коробовым выбеленным сводом. В торцах зала устроены симметричные хоры с балюстрадой, опирающиеся на колонны и пилястры ионического ордера. Запечатленные на период съемки элементы исторического убранства — хрустальные люстры, высокие межоконные зеркала, резные карнизы для драпировок и другие детали дошли до нашего времени (не сохранились располагавшиеся под хорами «поздние» штукатурные печи с фигурными завершениями). Стилистически органично в интерьере выглядит набор из предметов позднеклассицистической мебели, состоящий из столов различной конфигурации и кресел, вероятно перенесенный из парадных гостиных «садовой» анфилады. По осям окон на постаментах выставлены алебастровые вазы. На столе размещена симметричная композиция из парных ваз Императорского фарфорового завода и модели Александровской колонны. На поставленных под углом к продольным стенам стендах представлена известная иконография Старого Петербурга — от акварелей и гравюр, до видовых живописных картин. Многие из этих экспонатов хорошо узнаются, поскольку сохранились в собраниях петербургских музеев.

Данное изображение, на наш взгляд, является парным к сохра-

Неизвестный фотограф. Экспозиция Музея Города в Танцевальном зале Аничкова дворца. Вид с юга на север. 1919-1922 гг. Изображение со стеклянного негатива. Частное собрание

нившемся снимку на бумажном отпечатке из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга (далее – ГМИ СПб), исполненном, как отмечено в музейном инвентаре, неизвестным фотографом в 1919 году².

Комнаты императрицы Марии Федоровны находились в бельэтаже и занимали восточную часть анфилады помещений, обращенных в дворцовый сад. При осуществленной в 1865 г. по проекту И. Монигетти (?) перделке новую отделку в стиле Людовика XVI получили Красный кабинет (центральное помещение анфилады) и примыкающие к нему с восточной стороны – Опочивальня и Уборная³. Повседневный уклад жизни императрицы Марии Федоровны с годами менялся: представительские и административные функции супруги императора расширились, значительно выросли заботы по управлению благотворительными и общественными организациями. Поэтому помещения личного назначения были постепенно поглощены деловой функцией. В ходе обновления этих помещений в середине 1880-х годов под руководством М. Е. Месмахера в Красном кабинете был осуществлен реставрационный ремонт. Соседняя бывшая Опочивальня, получившая новое назначение Малой гостиной, подверглась не только косметическому ремонту, но и небольшим планировочным корректировкам. Южная стена гостиной почти полностью была декорирована гобеленом «Пир Эсфири», изготовленном на мануфактуре Гобеленов в мастерской Козетта в 1764 г. по картону Ж.-Ф. де Труа⁴ в составе серии «История Эсфири».

Наиболее значительный объем отделочных работ был осуществлен М. Е. Месмахером в соседнем помещении бывшей Уборной, получившем новое назначение и условное наименование «Новый кабинет». Здесь, в южной части комнаты, был ликвидирован альков с мраморной ванной и небольшими вспомогательными помещениями. Общий характер отделки выполнен по аналогии с соседним интерьером: по периметру стен установлена окрашенная филанчатая панель, верхняя часть стены оформлена штофом, в данном случае английским ситцем с цветочным рисунком. Мебельный гарнитур Нового кабинета в стиле Людовика XVI с отделкой «под французский лак» были изготовлены по эскизам М. Месмахера (недавно выявлены в собрании Научно-исследовательского музея при Российской Академии художеств (далее – НИМРАХ)⁵. Именно таким пред-

² Государственный музей истории Санкт-Петербурга в фотографиях. Альбом. СПб., 2008. С. 33.

³ О проектных работах И. Монигетти для Аничкова дворца см.: Ипполит Монигетти. Карл Раху. Максимилиан Месмахер. Архитектурные проекты из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Каталог Авторы-составители: Г. Б. Васильева, К. В. Житорчук. СПб., 2005.

⁴ Бирюкова Н. Французские шпалеры конца XV–XX века в собрании Эрмитажа. Л., 1974. С. 35.

⁵ Герасимов В. Проекты М. Е. Месмахера для Аничкова дворца: реализация и атрибуции графического наследия архитектора // Месмахеровские чтения – 2019: материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 марта 2019 г.: сб. науч. ст. СПб., 2019. С. 141.

стает Новый кабинет императрицы Марии Федоровны на двух обнаруженных негативах, запечатлевших северную и южную части помещения.

В личных фотоальбомах императорской фамилии имеются фотографии, запечатлевшие фрагменты этого интерьера, в том числе находящуюся в нем императрицу – сидящую в кресле или работающую за столом. Однако эти фотографии не дают цельного представления об этом плотно заставленном разнообразными предметами помещении. Выявленные изображения, зафиксировавшие опустевший Новый кабинет, позволяют не только детально рассмотреть характер осуществленной Месмахером отделки, включая цветочный рисунок штофа, лепного и живописного декора (в особенности утраченных панно в десюдепортах), но и установить точный состав мебельного гарнитура, разработка которого, очевидно, велась с учетом индивидуальных особенностей августейшей заказчицы. Тем не менее, педантичный подход Месмахера в обустройстве быта императрицы не учел всех особенностей, и в кабинете, как мы видим на изображении, появились дополнительные предметы мебели – небольшие столики, шкафчики, бюро и тумбочки, изготовленные из ореха и шпона красного дерева. Некоторые из них позднее поступили в государственные хранилища, как, например, стол-пюпитр, изготовленный в 1790-е годы в мастерской Д. Рентгена в Нейвиде (Германия). В каталоге мебели из собрания Государственного Эрмитажа обозначено время поступления данного столика из Аничкова дворца – 1922 год⁶. Это позволяет определить период исполнения рассматриваемых негативов с интерьерами дворца, а именно: 1919–1922 гг.

Неизвестный фотограф. Кабинет императрицы Марии Федоровны в бельэтаже Аничкова дворца. Вид южной части помещения. Экспозиция Музея Города. 1919–1922 гг. Изображение со стеклянного негатива. Частное собрание

⁶ Раппе Т.В. Шедевры западноевропейской мебели XV – начала XX века в собрании Эрмитажа. СПб., 2016. С. 326–327.

Особый интерес представляет негатив с изображением интерьера одной из комнат личного музея императора Александра III, устроенного в юго-восточном ризалите дворца. Небольшой двухкомнатный музей с отделкой помещений в романском стиле и стиле Возрождения был спроектирован придворным архитектором И. Монигетти в 1870 году. К этому времени немалая часть личного собрания великого князя Александра Александровича, состоящая из предметов декоративно-прикладного и изобразительного западноевропейских искусств, уже сформировалась. Интерес наследника престола к коллекционированию художественных произведений поощрялся не только членами императорской фамилии, дарившими те или иные экспонаты, но и ближайшим окружением. Государственный секретарь А. А. Половцов, страстный коллекционер и один из устроителей Музея Центрального училища технического рисования (далее – ЦУТР), оставил на странице своего дневника от 1 февраля 1887 года критический взгляд на личное собрание императора Александра III, которое он осматривал во время ожидания высочайших аудиенций в Аничковом дворце: «...На лестнице скороход проводит меня в так называемый музей, где, дожидаясь четверть часа, имею время насмотреться на посредственность вещей сбытых проницательным Григоровичем»⁷. Возможно, что подобная оценка была продиктована личным отношением к председателю Общества поощрения художеств Д. В. Григоровичу. Однако оценка художественной ценности личного собрания императора Александра III не является предметом данного сообщения. В то же время, обнаруженный негатив с изображением части личного музея, представляет большую ценность благодаря высоким изобразительным качествам, позволяющим подробно рассмотреть запечатленные предметы.

Изучению личного собрания Александра III много внимания уделил искусствовед Р. Р. Гафифуллин, представивший вниманию специалистов несколько статей, в которых также проследил судьбу экспонатов императорского музея⁸. Опираясь на результаты этого исследования, можно с уверенностью определить небольшую часть расставленных в зале и развешенных по сторонам камина произведений из обширного собрания картин императора, сосредоточенных в петербургской резиденции. Среди них, например, слева от камина – в верхнем ряду – два парных произведения австрийского художника И.-Г. Платцера (1704–1761), представляющие красочные многофигурные сцены развлечений аристократического общества (картины были приобретены из собрания Всеволожского). В ни-

⁷ Александр Половцов. Дневник государственного секретаря. Т.2. 1887–1892. М., 2005. С.17.

⁸ Гафифуллин Р. Р. Каталог картин, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 597–677.

Неизвестный фотограф. Одно из помещений личного музея императора Александра III в бельэтаже Аничкова дворца. Вид юго-восточной части помещения. Экспозиция Музея Города. 1919–1922 гг. Изображение со стеклянного негатива. Частное собрание

жем ряда, слева – «Пейзаж в Швейцарии» работы популярного швейцарского пейзажиста А. Калама (1810–1864), подаренный цесаревичу в 1868 году императрицей Марией Александровной. В том же ряду, справа – «Горец с женщиной, верхом переезжающие брод» («Странствующие») К. Филиппова (1830–1878), подаренная сыну императором Александром II в 1869 году в Крыму. Здесь же, справа – приобретенное в Париже за 25000 франков произведение Ф. Руабе (1840–1920), названное в рукописном каталоге собрания «Султанша», а в современном инвентаре Государственного Эрмитажа – «Одалиска» (ГЭ-7293, поступила в 1931 г.). Наконец, центральное место в экспозиции занимает размещенное на каминной полке большое живописное полотно – «Вид Неаполя с замком Сент-Эльмо» Ж. Рюинара (1838–1898), приобретенное в Дюссельдорфе вел. кн. Владимиром Александровичем и подаренное наследнику родителями 30 августа 1870 года (с 1931 г. в Государственном Эрмитаже, ГЭ-7570).

Помимо картин в помещениях личного музея представлено большое количество разнообразных произведений декоративно-прикладного искусства – от предметов мебели и убранства в стиле ренессанс (или поздних подражаний ему) и интерьерных украшений в технике «клуазоне» до образцов русской, европейской и среднеазиатской керамики. Среди них узнаются предметы, представленные сегодня в собрании ведущих российских музеев. Как, например, исполненные в технике перегородоча-

той эмали фигуры журавлей (Китай, кон. XVIII – нач. XIX), фланкирующие бронзовую каминную решетку (Государственный Эрмитаж, ЛМ-643). Среди различных по стилю предметов мебели выделяется дубовое резное кресло в «русском стиле», увенчанное императорской короной и предположительно исполненное по проекту И. Монигетти в 1870-е гг. в петербургской мастерской А. Ф. Стремборга. Кресло было оснащено оригинальным механизмом для вращения и раскачивания (ГЭ, №ЭРМБ-421)⁹.

Произведения живописи и декоративно-прикладного искусства, запечатленные на негативе, преимущественно были изъяты в Музейный фонд. А вскоре они поступили на реализацию во Всесоюзное объединение «Антиквариат», торгово-экспозиционные помещения которого в Ленинграде были развернуты в парадных помещениях бывшего Ново-Михайловского дворца (Дворцовая наб., 18). На фотоснимках, фиксирующих эти помещения в конце 1920-х – начале 1930-х гг., отчетливо узнаются предметы из различных петербургских дворцов и особняков, включая личный музей императора в Аничковом дворце.

Обнаруженный негатив не только дополняет иконографию личного музея императора в Аничковом дворце, состоящую из известных и частично опубликованных изображений – замечательной акварели Л. Премацци 1871 года, фоторепродукций из «Архитектурной энциклопедии» Г. В. Барановского, фотоснимков из музейных и архивных собраний, но и позволяет еще более подробно изучить состав личного собрания и дальнейшее их местонахождение.

Художественные предметы из собственного собрания императора находились также и в личных комнатах императорской четы, устроенных архитектором М. Месмахером в середине 1880-х гг. в третьем этаже северо-восточного ризалита Аничкова дворца¹⁰.

Туалетная императрицы (Уборная Ея Величества) была устроена в северо-восточном углу здания с окнами, выходящими на Невский проспект. В этом помещении заметно совмещение функциональных зон, визуальное разграничение между которыми решено посредством обособленных групп мебели или ширм. Стены Уборной выше панели были полностью затянуты английским ситцем с цветочным рисунком, который также использовался для обивки мебели и драпировки оконных проемов (включая подушки для сидения на подоконниках).

⁹ «Мебель для всех причуд тела». Эпоха историзма в России. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2018. С.262. Автор концепции и куратор выставки кандидат искусствоведения Н. Ю. Гусева.

¹⁰ Переписка и финансовые документы по отделке личных комнат в Аничковом дворце см.: РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Описание работ в интерьерах см.: Жерихина Е. И. Интерьеры личных комнат императора Александра III и императрицы Марии Федоровны в Аничковом дворце// Альманах «Фонтанка». 2010. №6. С.42–53.

В разработке проекта интерьера Уборной наибольшее внимание архитектор уделил вариантам оформления угловой изразцовой печи с камином (НИМ РАХ, А-21111). Традиционное печное зеркало было заменено здесь на декоративное панно с изображением отдыхающей пастушки. Печные изразцы изготовили в мастерской Харламова, а росписи исполнили учащиеся Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штигица. Окончательный вариант оформления угловой печи оказался запечатлен на одном из рассматриваемых негативов. Здесь же фрагментарно просматривается авторское решение потолка Туалетной, живописное оформление которого было незначительно изменено в 1930-е гг.: монограмма, состоящая из букв «А» и «М» под императорской короной, оказалась заменена на аббревиатуру – «ДПЛ» (Дворец пионеров Ленинграда).

Стены помещения завешаны небольшими по формату живописными произведениями, преимущественно морскими пейзажами. Определение их сюжетов и авторов вполне возможно, но является предметом специального исследования. Наиболее важными здесь являются портреты членов семьи. Справа от печи, в нижнем ряду небольшой портрет царских детей – Михаила и Ксении Александровичей, изображенных в интерьере известным финским художником А. Эдельфельтом (1854–1905) (в настоящее время в частном собрании)¹¹. Наиболее же дорогим для императри-

Неизвестный фотограф. Туалетная императрицы Марии Федоровны в третьем этаже Аничкова дворца. Вид западной части помещения. Экспозиция Музея Города. 1919–1922 гг. Изображение со стеклянного негатива. Частное собрание

цы Марии Федоровны произведением, пожалуй, была большая картина, занимавшая центральное место на продольной стене – это портрет рано ушедшего из жизни великого князя Георгия Александровича (1871–1899), изображенного сидящим на скамье на фоне живописного горного пейзажа императорского имения на Кавказе – Абас-Туман

Интерьер соседнего помещения – Туалетной императора (Уборной Его Величества) – был также разработан М. Месмахером. Недавно в собрании НИМ РАХ были обнаружены два акварельных рисунка с развертками стен ранее неизвестного помещения (А-21126, А-21127), объемно-планировочные особенности которого полностью соответствуют сохранившемуся в здании интерьеру¹². Прямоугольное помещение перегородкой было отделено от ватерклозета и ванной. На половину высоты стена Туалетной облицована филенчатой панелью дубового дерева с отделкой «под воск» и вставками шпона ореха (работа столярного мастера Ю. Бергмана)¹³.

Из числа обнаруженных нами стеклянных негативов три относятся именно к этому помещению и детально представляют обстановку и убранство помещения. На одном из негативов изображена северо-восточная часть Туалетной с входной дверью и большим умывальным столом, исполненным по образцу Уборной императора в Александрии. На валике дивана-оттоманки и на стоящем рядом стуле разложена одежда, по всей видимости, принадлежавшая императору Александру III. Полочка панели тесно уставлена керамической и металлической посудой, характерной для русских, кавказских и азиатских местностей Российской империи. По облицовке панели развешены многочисленные разноформатные семейные фотографии и портреты, которые, как нельзя не отметить, характером развески нарушали продуманный архитектурный образ интерьера. Стены выше панели, судя по имеющимся погонам, при владельце были заняты живописными картинами.

Второй негатив представляет часть помещения с окнами, обращенными в дворцовый сад. В простенке между окнами – дубовый резной туалетный столик, эскиз которого был также разработан архитектором Месмахером.

Туалетная комната служила для императора одновременно рабочим кабинетом, в котором он работал в раннее утреннее или позднее вечернее время. Вот как вспоминал об этом граф С. Д. Шереметев, адъютант и личный друг Александра III: «...В Аничкове устроил он себе по воцарении рабочий кабинет на вышке третьего этажа, куда он уединялся для за-

¹² Герасимов В. Проекты М. Е. Месмахера для Аничкова дворца: реализация и атрибуции графического наследия архитектора // Месмахеровские чтения – 2019: материалы междунар. науч.-практ. конф., 21–22 марта 2019 г.: сб. научн. ст. СПб., 2019. С. 141.

¹³ Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. Зодчие и строители Аничкова дворца. СПб., 1994. С. 37.

нятий. Всего два окна, небольшой стол и скудная мебель. Перед иконой в углу горела лампада...»¹⁴.

Рабочее место находилось в юго-западном углу помещения, где у окна для наилучшей освещенности было поставлено «шведское» бюро, также изготовленное по проекту М. Е. Месмахера (НИМ РАХ, А-21547). Крышка бюро опускалась и закрывалась на ключ, поэтому содержимое рабочего стола оставалось скрыто от посторонних глаз обслуживающего персонала. В самом углу, высоко под карнизом была размещена икона с ликом Спасителя, которая сохранялась в помещении на момент съемки.

В вечернее время, когда окна драпировались плотными занавесями с восточным рисунком, использовалось электрическое освещение – рабочие и туалетные столы были оснащены небольшими электрическими светильниками.

Третий негатив изображает северо-западную часть Туалетной с небольшим угловым камином, оформленным декоративными деревянными полочками. На них выставлены стеклянные кубки, а также небольшие бронзовые бюсты императора Александра I и его супруги. Этот ракурс, запечатлевший вид отопительного прибора, особенно важен ввиду появившейся теперь возможности воссоздания исторической керамической облицовки, топочного проема и экрана.

Любопытно, что в небольшом помещении Туалетной оказалась собрана разностильная мебель, отвечающая не только функциональным задачам, но и служащая для декоративных целей. К числу последних, пожалуй, можно отнести стоящий справа от камина невысокий шкафчик-секретер в стиле ренессанс. В отделке фасада этого шкафчика использованы различные техники декорирования. Судя по хорошо различимой дате на нижней филенке – «1885», предмет был изготовлен специально для мебелировки данного помещения. Однако среди сохранившихся эскизов мебели М. Месмахера, проект настоящего предмета, к сожалению, не обнаружен.

Наконец, последний негатив представляет интерьер домового церкви Аничкова дворца, освященной во имя Святого Благоверного князя Александра Невского. Интерьер храма, расположенного в третьем этаже северо-восточного ризалита дворца (над личным музеем императора), был разработан И. Монигетти (при участии К. Рахау) в виде византийской базилики. Помещение делилось на три продольных части двумя рядами аркад на приземистых колоннах, отделанных искусственным мрамором красного цвета. Плоское балочное перекрытие, поверхности стен и арок были плотно расписаны полихромной с золотом орнаментальной живописью с христианской символикой. По свидетель-

¹⁴ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Том 1. М., 2004. С. 496.

Неизвестный фотограф. Туалетная императора Александра III в третьем этаже Аничкова дворца. Вид западной части помещения. Экспозиция Музея Города. 1919–1922 гг. Изображение со стекляннно-го негатива. Частное собрание

ству художника А. П. Боголюбова, церковная утварь и резной дубовый иконостас «в старомосковском образном стиле» были лично заказаны цесаревичем, вел. кн. Александром Александровичем, в мастерской художника Е. С. Сорокина (1821–1892) в Москве¹⁵. Насыщенный колорит интерьера храма, освещенного витражными окнами с северной и южной сторон, передает акварель художника А. Х. Кольба, исполненная в 1868 году (ГМИ СПб, № I-A-1094-a)¹⁶. Отделка домового храма осуществлялась в 1865–1866 гг., и освящение произошло 26 декабря 1866 года в присутствии императорской фамилии¹⁷. Спустя десять лет над храмом была возведена небольшая псевдобарочная башенка с луковичным куполом и крестом, из торцевой стены здания над кровлей была выведена трехарочная звонница.

Изображение с выявленного нами негатива, представляющее фронтальный вид на иконостас, воспроизводилось в специальных изданиях, вероятно, по фотоотпечатку с рассматриваемого негатива. В то же время первоначальное качество изображения позволяет рассмотреть детали от-

¹⁵ Боголюбов А. П. Записки моряка-художника. Самара, 2006. С. 158.

¹⁶ Старый Петербург: столица и окрестности. Ч. 2: Живопись и рисунок 2-й половины XIX – начала XX века из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2019. С.80–81.

¹⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Том II. СПб., 1996. С. 79–81.

Неизвестный фотограф. Домовая церковь в третьем этаже Аничкова дворца. Вид восточной части помещения. Экспозиция Музея Города. 1919–1922 гг. Изображение со стекляннного негатива. Частное собрание

делки интерьера – характер орнаментальной росписи потолка и стен, лепного декора капителей колонн и, конечно, нюансы декоративного оформления иконостаса и написанных на меди икон.

Как известно, в 1928 году, ввиду большого интереса советских граждан к личной жизни свергнутой императорской фамилии и растущего экскурсионного потока, «исторические» комнаты были ликвидированы «в двухнедельный срок». Предметы экспозиции были рассредоточены по музейным учреждениям и частично поступили в Музейный фонд, немалая часть экспонатов оказалась «списана» ввиду соображений идеологической безопасности.

Разобщенность представленных на негативах интерьеров относительно топографии Аничкова дворца, к сожалению, подчеркивает неполноту дошедшего до нас комплекта. Девять негативов представляют в общей сложности шесть помещений дворца, находящихся в разных частях здания. Очевидно, что задача фотографа изначально состояла в последовательной фотосъемке всех дворцовых помещений с экспозицией.

В заключение необходимо отметить, что, благодаря высокому качеству, изображения интерьеров Аничкова дворца с обнаруженных стеклянных негативов могут послужить опорным материалом для реставрации или воссоздания исторической отделки некоторых помещений бывшей императорской резиденции.

Последнее посещение Стрельнинского (Константиновского) дворца императором Александром III в июне 1894 года

DOI: 10.48466/2657.2021.92.50.001

Герасимов Владимир Валентинович,
ООО «Возрождение Петербурга»,
научный консультант

В истории Стрельнинского (Константиновского) дворца, в период с 1797 по 1917 гг. обладавшего статусом великокняжеской резиденции, «высочайшие» посещения, к сожалению, носили не столь частый характер, как это может показаться на первый взгляд. Несмотря на расположение Стрельны вблизи резиденций членов императорской фамилии и маршрутов передвижения императорского кортежа, посещения царствующими особами Стрельнинского дворца можно перечислить на одном листе бумаги обычного формата. Именно по этой причине в историографии дворца подобные случаи действительно являются историческим событием.

Последние десятилетия открывают для исследователей новые источники для пополнения знаний — это, прежде всего, дневники, мемуары и переписка членов императорской фамилии, а также ближайшего круга лиц, вовлеченных в круговорот придворной и политической жизни. Тем не менее, достоверными источниками сведений о подобных событиях являются камер-фурьерские журналы, ведомственная переписка, как, например, документы Стрельнинского дворцового правления и придворных контор членов семьи¹. Если же это событие оказалось запечатлено в изобразительных документах, то это повод изучить его более подробно. Именно к таковым, редким документам официальной жизни Стрельнинского дворца относятся фотографии, исполненные в июне 1894 года фотографом А. Насветевичем.

В бытность владельцем Стрельнинского дворца вел. кн. Константина Павловича, в Стрельне в дни его пребывания гостями являлись родные братья — император Александр Павлович и вел. кн. Николай Павлович.

¹ РГИА. Ф. 436. Оп.1. Д. 1.

Неизвестный фотограф. Стрельнинский дворец. Общий вид с южной стороны. 1894–1899 гг. Ателье Э. Глейцмана (паспарту). ИИМК РАН

Их визиты преимущественно были связаны с военно-лагерной жизнью Стрельны и Петергофа².

Император Николай Павлович неоднократно посещал Стрельнинский дворец в 1830–1840-е гг. с целью решения тех или иных вопросов осиротевшего после кончины цесаревича в 1831 году дворца. Как это ни удивительно, но высочайшего внимания требовали многие стороны повседневного дворцового быта: от необходимости реставрации живописных картин до капитального ремонта постепенно ветшающего здания и террасы³.

В 1850-е–1870-е гг. Стрельнинский дворец в качестве летней приморской резиденции семьи вел. кн. Константина Николаевича превратился в гостеприимный дом для многочисленного великокняжеского семейства и обширного штата придворного персонала. В эти годы, благодаря необычайно активной и разносторонней деятельности великого князя, а также личным качествам его супруги вел. кн. Александры Иосифовны, дворец в Стрельне приобрел особую притягательную силу не только для других членов августейшего семейства, но и представителей самых разных кругов петербургского общества.

² Герасимов В. «Собственные комнаты» великого князя Константина Павловича // Жизнь дворца. Публичное и приватное. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 2013. СПб., 2014 г. С. 86.

³ Константиновский дворец. Государственный комплекс «Дворец конгрессов». (Автор текста — В. Герасимов) СПб., изд-во «Иван Фёдоров», 2005 г. В указанном издании при публикации одной из фотографий (стр. 44), имя автора фотосъемки А. Насветевича, к сожалению, было указано неверно.

Однако ситуация разительно изменилась после 1881 года, когда в результате трагической гибели императора Александра II на престол взошел цесаревич Александр Александрович. Он, как известно, открыто продемонстрировал своему дяде, вел. кн. Константину Николаевичу, личную неприязнь. Это отношение было продиктовано не столько восприятием его общественно-политических взглядов, сколько отношением к его частной жизни. Весьма существенный и неприятный отпечаток на жизнерадостный портрет великокняжеского семейства несомненно наложила история с поведением и последующим «отдалением» вел. кн. Николая Константиновича.

Заключительным аккордом в отношениях вел. кн. Константина Николаевича и императора Александра III явилась история с реформой «Положения об императорской фамилии», коснувшейся именованья и статуса внуков императора. Этот шаг, обусловленный необходимостью сбережения казенных средств, был «ударом» по материальному состоянию потомства сыновей вел. кн. Константина, Михаила и Николая Николаевичей. В первую очередь, это касалось семьи вел. кн. Константина Константиновича и его супруги, вел. кн. Елизаветы Маврикиевны, ожидавших в 1886 году своего первенца⁴. Изменения в Положение должны были быть приняты спешно, до счастливого для супружеской пары события. Обсуждение и выработка изменений проходили в узком кругу посвященных. Это было необходимо из-за опасений вызвать резкую негативную реакцию вел. кн. Константина Николаевича, который воспринял бы этот необходимый для жизни императорской фамилии шаг, как жест, направленный лично против него.

Вышеизложенные обстоятельства, подробно описанные в дневнике государственного секретаря А. А. Половцова, составляли скрытую сторону частной жизни российской императорской фамилии. Внешняя официальная сторона по-прежнему оставалась верна придворным традициям и церемониалам. Именно так, внешне безукоризненно, выглядела церемония крещения князя императорской крови Игоря Константиновича — одного из сыновей вел. кн. Константина Константиновича, появившегося на свет в Стрельнинском дворце 29 мая (10 июня — по совр.ст.) 1894 года.

Июнь 1894 года в жизни императорской семьи был насыщен разными событиями и поездками. В начале месяца император проживал в Александрии, где помимо обычных занятий, принимал участие в церковных службах и военных праздниках расквартированных в петергофских лагерях гвардейских полков. Периодически император навещал Гатчинский дворец. 3 июня цесаревич Николай Александрович отправился в Лондон устраивать брачные дела. Императрица Мария Федоровна с дочерью Ксенией в это время гостили на Кавказе — сначала в имении вел. кн. Михаила Николаевича —

⁴ В 1886 году в семье вел. кн. Константина Константиновича родился сын — князь императорской крови Иоанн Константинович (1886–1918).

Боржом, а затем у великого князя Георгия Александровича в имении Абас-Туман. Помимо традиционной переписки, императорская чета ежедневно обменивалась телеграммами с короткими сообщениями о местонахождении, новостях и планах. Так, в телеграмме от 29 мая, полученной императором в Гатчине, императрица кроме прочего писала супругу: «...Поздравляю с Игорем»⁵ (*речь идет о рождении князя Игоря Константиновича — В.Г.*).

12 июня император с сыном Михаилом отправились поездом в Харьковскую губернию на ст. Борки, печально известную по инциденту с крушением царского поезда 17 октября 1888 года, где по проекту архитектора Р. Марфельда (1852–1921) завершалось строительство храма во имя Христа Спасителя. Вскоре в Борки прибыла императрица с дочерью, и семейство почти в полном составе присутствовало на церемонии освящения памятного храма. 16 июня императорская фамилия возвратилась в Петербург и продолжила летнее пребывание на даче в Александрии.

Находясь на Кавказе, в письме супругу от 8 июня 1894 года императрица Мария Федоровна писала: «...только что получила телеграмму от тети Санны (*речь идет о вел. кн. Александре Иосифовне — В.Г.*). Она мне сообщает, что наконец переезжает в Стрельню и что вчера, впервые за семь месяцев она была на воздухе! Даже ужасно подумать, что можно вот так месяцами сидеть взаперти в своей комнате. Как она может переносить подобное существование? К тому же она совсем одна...»⁶.

Этот небольшой фрагмент из письма императрицы красноречиво передает психологическое состояние, в котором находилась великая княгиня, пережившая измену супруга и его драматический уход из жизни в 1892 году. Шлейф семейных неприятностей тянулся достаточно продолжительное время и только безупречное поведение вел. кн. Александры Иосифовны, продолжавшей гордо носить звание «генерал-адмиральша», обеспечило ей уважение среди членов фамилии в последующие годы.

В прежние годы, великокняжеская семья отправлялась на «стрельнинскую дачу» обычно в начале июня. В 1894 году семья вел. кн. Константина Константиновича переехала в Стрельню раньше Александры Иосифовны. Как известно, их квартира располагалась в восточной половине первого этажа (по правой стороне от аркады здания): в крыле — комнаты супружеской половины, во флигеле — детские комнаты⁷.

⁵ Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М., 2011. С. 289. Источник: ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 889. Л. 36. Телеграмма № 168.

⁶ ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 609. Лл. 148–157 об. Письмо императрицы Марии Федоровны императору Александру III. Текст приводится по указанному изданию: Переписка. 1884–1894 годы. С. 274.

⁷ Герасимов В. Комнаты вел. кн. Константина Константиновича. Историко-бытовая экспозиция ГМЗ «Петергоф» к открытию Государственного комплекса «дворец конгрессов» в 2003 году // «NOVUM IN VETERI». Экспозиционно-выставочная деятельность в пространстве исторического памятника». Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2020. С. 166.

Вероятно, здесь и ожидалось появление на свет шестого ребенка в семье.

Благополучно рождённого младенца нарекли Игорем, по всей видимости в память православного святого Игоря Олеговича (Ольговича), князя Новгород-Северского и великого князя Киевского (1096–1147).

В Министерстве императорского двора был разработан и отпечатан в типографии «Тренке и Фюсно» (Максимилиановский пер., 13) «Высочайше утвержденный церемониал о Святом Крещении Его Высочества Князя Императорской крови Игоря Константиновича», утвержденный графом И. И. Воронцовым-Дашковым:

I

В назначенный для Святого Крещения день, по разосланным от Высочайшего Двора повесткам, соберутся в Стрельнинский дворец Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны Дворец, в 2 ½ часа дня: Придворное Духовенство, Члены Государственного Совета, Гофмейстерины, Статс-Дамы, Камер-Фрейлины и Свитные Фрейлины Великих Княгинь, Министры, Сенаторы, Статс-Секретари, Почетные Опекуны, Первые Чины Двора, Его Императорского Величества Генерал-Адъютантам и Особы Двора Их Императорских Высочеств Великой Княгини Александры Иосифовны и Великого Князя Константина Константиновича.

Дамы в длинных полувырезных платьях, кавалеры в парадной форме.

II

Когда все будет готово к шествию в Церковь и Министр Императорского Двора донесет о том Его Императорскому Величеству, тогда, по принятии повеления, шествие последует в следующем порядке:

- 1) Двора Их Императорских Высочеств Великой Княгини Александры Иосифовны и Великого Князя Константина Константиновича Гоф-фурьеры.*
- 2) Церемониймейстер Двора Его Императорского Величества.*
- 3) Обер-Церемониймейстер.*
- 4) Первые Чины Высочайшего Двора, по два в ряд.*

Их Императорские Величества Государь Император и Государыня Императрица, имея позади Министра Императорского Двора и дежурных: Генерал-Адъютанта, Свиты Его Величества Генерал-майора и Флигель-Адъютанта.

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Мария Павловна и Их Императорские Высочества Великие князья Борис Владимирович и Андрей Владимирович.

Его Императорское Высочество Великий Князь Алексей Александрович.

Его Императорское Высочество Великий Князь Павел Александрович.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Иосифовна.

Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович.

Его Императорское Высочество Великий Князь Дмитрий Константинович.

Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич.

Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич.

Их Императорские Высочества Великие князья Георгий Михайлович, Александр Михайлович и Сергей Михайлович.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ксения Александровна.

Высокопорожденный несён будет Гофмейстериною Двора Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны, по сторонам же пойдут, поддерживая подушки и покрывало, заведывающий Двором Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича, и в должности Шталмейстера Двора Его Императорского Высочества.

Его Императорское Высочество Князь Евгений Максимилианович Романовский, Герцог Лейхтербергский.

Их Императорские Высочества Князь Георгий Максимилианович Романовский, Герцог Лейхтербергский и Княгиня Анастасия Николаевна Романовская, Герцогиня Лейхтербергская.

Ея Императорское Высочество Принцесса Мария Максимилиановна Баденская.

Ея Императорское Высочество Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская.

Их Великогерцогские Высочества Принцы Александр Петрович и Петр Александрович Ольденбургские.

Его Великогерцогское Высочество Герцог Михаил Георгиевич Мекленбург Стрелицкий.

5) Гофмейстерины, Статс-Дамы, Камер-Фрейлины, и Свитные Фрейлины Ея Величества и Гофмейстерины и Фрейлины Великих Княгинь. По две в ряд, старшие впереди.

III

При входе в Церковь Их Императорские Величества и Их Императорские Высочества встречены будут придворным Духовенством со Крестом и Святою водою.

IV

По окроплении Святою водою Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович изволит выйти из Церкви в ближайший покой.

V

В сие время Придворное Духовенство приступит к совершению Святого Крещения, при котором восприемниками будут: Его Императорское Вели-

чество Государь Император, Его Королевское Высочество Великий Герцог Мекленбург-Шверинский, Его Императорское Высочество Великий Князь Владимир Александрович, Его Императорское Высочество Великая княгиня Александра Иосифовна, Его Императорское Высочество Великий Князь Дмитрий Константинович, Его Императорское Высочество Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, Их Королевские Высочества Герцогиня Эльза и Ольга Виртембергские, Его Высокогерцогское Высочество Принц Петр Александрович Ольденбургский и Его Высочество Принцесса Августа Саксен-Альбтенбургская, Герцогиня Саксонская.

VI

По совершении таинства воспето будет «Тебе Бога хвалим» при 31 выстреле из пушек и при колокольном звоне.

VII

Тогда Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович по приглашению Обер-Церемониймейстера, изволит войти в Церковь для принесения благодарения Их Императорским Величествам.

VIII

По совершению Святого Крещения все Духовенство принесет в Церкви Их Императорским Величествам и Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу поздравления.

IX

Из Церкви Их Императорские Величества со всеми Августейшими особами изволят возвратиться во внутренние покои тем же порядком.⁸

Накануне члены императорской фамилии и придворные чины, которым предписано быть на церемонии, получили отпечатанные повестки, в которых указывалось время отправления «экстренного» поезда, отбывавшего из Петербурга: «...по Балтийской железной дороге в 1 час 15 минут пополудни, а обратно со станции Стрельна в 4 часа 45 мин...»⁹.

В Камер-фурьерском журнале непосредственно в день крещения князя Игоря отмечалось: «...От 11 часов утра, Его Величество изволил принимать с докладом Военного Министра Ванновского и Министра Иностранных Дел Гирса, а Его Величество Гофмейстера Барона Корфа и имели счастье представляться Г-жа Новосильцова, Кн-ня Гагарина (вдова Обер-Гофмейстера) и супруга Члена Государственного Совета Сольская...».

Наконец, в 2 часа 30 минут императорская фамилия выехала из Александрии в Стрельну.

В это время придворные чины и приглашенные особы, а также офи-

церы лейб-гвардии Преображенского полка постепенно собирались в Голубом (Танцевальном – В.Г.) зале Стрельнинского дворца. По прибытию (около 3 часов) императорской фамилии «... последовало Высочайшее шествие из внутренних апартаментов, через переднюю комнату, Голубое зало во временную походную Церковь в Мраморном зале...»¹⁰.

Торжественная процессия проходила состояла в следующей последовательности: четыре гоф-фурьера, церемониймейстер, обер-церемониймейстер, первые чины Двора (по два в ряд). Затем следовали «...Их Императорские Величества, имея за собой Министра Императорского Двора и дежурных: Генерал-Адъютанта Семеку, Свиты Его Императорского Величества Генерал-Майора Гессе и Флигель-Адъютанта Шевырева и Гофмейстера Князя Голицына...», после них (по старшинству в семейной иерархии) – вел. кн. Алексей Александрович с вел. кн. Марией Павловной, вел. кн. Павел Александрович с вел. кнж. Ксенией Александровной, вел. кн. Константин Константинович с кнж. Анастасией Николаевной, вел. кн. Дмитрий Константинович с принцессою Евгению Максимилиановною Ольденбургскою, вел. кн. Михаил Александрович, вел. кнж. Ольга Александровна, вел. кн. Андрей и Борис Владимировичи, вел. кн. Николай Николаевич, вел. кн. Михаил Николаевич, вел. кн. Георгий, Александр и Сергей Михайловичи, герцог Михаил Георгиевич, князь Евгений Максимилианович князь Георгий Максимилианович, принц Александр Петрович и принц Петр Александрович.

Виновника торжественной церемонии – князя Игоря Константиновича – несли гофмейстера графиня Комаровская, подушку и покрывала по сторонам поддерживали заведующий Двором вел. кн. Константина Константиновича в должности гофмейстера Зеленой и в должности шталмейстера барон Рауш фон Траутенберг.

Замыкали следование фрейлины императрицы и великих княгинь – по две в ряд, и прочие особы.

При входе в Мраморный зал шествующие были встречены придворным духовенством во главе с протоиреем И. Толмачевым. После окропления святой водой, вел. кн. Константин Константинович, согласно традиции православного крещения, как отец новорожденного, должен был временно покинуть помещение церкви. При совершении таинства Святого крещения был воспет старинный гимн «Тебе Бога хвалим». Одновременно был произведен 31 выстрел из пушек и раздался колокольный звон.

Как известно, в 1890-е гг. великокняжеское семейство пользовалось временной домовою церковью, устроенной в центральном помещении дворца – Мраморном зале. Первоначальный домовый храм, расположен-

⁸ РГИА. Ф. 516. Оп.2. Д.56. Лл. 24–25 об.

⁹ Там же. Л. 23.

¹⁰ РГИА. Ф. 516. Оп.2. Д.56. Л.26.

ный в верхнем этаже восточного флигеля дворца, был освещен 22 июня 1851 года протопресвитером В. Бажановым. Однако к 1861 году храм был ликвидирован из-за нехватки помещений во дворце для размещения придворного персонала. Иконостас, изготовленный по проекту К. Тона, был направлен в домовую церковь королевского замка в Варшаве, куда в 1862 году направился вел. кн. Константин Николаевич исполнять обязанности наместника в Царстве Польском. Позднее церковные службы с участием великокняжеского семейства проводились в старинном храме вблизи «путевого» Деревянного дворца Петра I – Спасо-Преображенской церкви. После 1886 года, в бытность ежегодного расположения во дворце в летнее время семейства вел. кн. Константина Константиновича, службы вновь были возвращены в помещения Стрельнинского дворца. Для этого был выбран Мраморный зал, где с южной стороны, по оси центрального окна, был установлен небольшой разборный однорядный деревянный белый с позолотой иконостас в псевдовизантийском стиле с четырьмя образами, изготовленный в 1892 году по образцу иконостаса церкви Покрова Божьей Матери в Нижней Ореанде в Крыму.

Для участия в церемонии освещения князя Игоря Константиновича приглашенные особы и придворные чины прибывали в восточную часть дворца, где, поднимаясь по «парадной» четырехмаршевой каменной лестнице, проходили через «переднюю» комнату в Танцевальный зал. Это обширное по площади парадное помещение посредством небольшой проходной комнаты (с окнами на север и юг) отделяло его от Мраморного зала. Далее, с западной стороны от Мраморного зала, находились бывшие парадные комнаты бельэтажа, в которых во 2-й половине XIX века находились: библиотека (2 помещения), бильярдная и «забронированные» для летней остановки королевы Эллинов вел. кн. Ольги Константиновны комнаты (5 помещений западного крыла с окнами в Нижний парк), а также половина «старших августейших детей» – во флигеле. Внизу, в нижнем этаже этой же западной части дворца, располагались «собственные» комнаты вел. кн. Александры Иосифовны (западное крыло) и комнаты вел. кн. Дмитрия Константиновича (западный флигель), ранее – вел. кн. Константина Николаевича¹¹.

Император Александр III с супругой, сыном Михаилом, дочерьми Ксенией и Ольгой, в сопровождении вел. кн. Марии Павловны, прошли на половину вел. кн. Константина Константиновича (1 этаж восточного крыла) для знакомства с новорожденным и поздравления родителей.

По прошествии этого памятного дня вел. кн. Константин Константи-

¹¹ Михайлов Г.В., Герасимов В.В. Исторический обзор функционального использования и этапов реконструкции Стрельнинского (Константиновского) дворца // Специальный выпуск журнала «Реконструкция городов и геотехническое строительство». СПб., 2003. С. 9.

Неизвестный фотограф. Стрельнинский дворец. Временная домовая церковь в Мраморном зале. Вид в сторону Танцевального (Голубого) зала. 1894–1899 гг. Ателье Э. Глейцмана (паспарту). ИИМК РАН

нович опишет в своем дневнике многие важные детали весьма подробно и эмоционально: «...Собирались на нашей половине. Выход тронулся через столовую, малиновую комнату, женину дежурную на лестницу. Игоря несли на золотой подушке Аннетт Комаровская, поддерживаемая Ильей Александровичем и Траубенбергом[...] В передней наверху, с лестницы направо стоял караул от дворцовых гренадер. В белой зале (Танцевальный зал – В.Г.) стояли дамы, первые чины двора, свита и преображенцы. Дети – все, и даже маленький Олег присутствовали при крестинах, стоя у двери противоположной входу в квадратную залу (Мраморный зал – В.Г.)...¹²

Видел в щелку, как Государь держал нашего младенца. Со словами: „Со страхом Божиим и верою приступите“ я вошел в залу: Eugenia, поддерживаемая Государем и Петей¹³, подносила новоокрещенного к причастию. Потом все спустились к жене; у нее сидела Мама. Подарки сыпались один богаче другого...».¹⁴

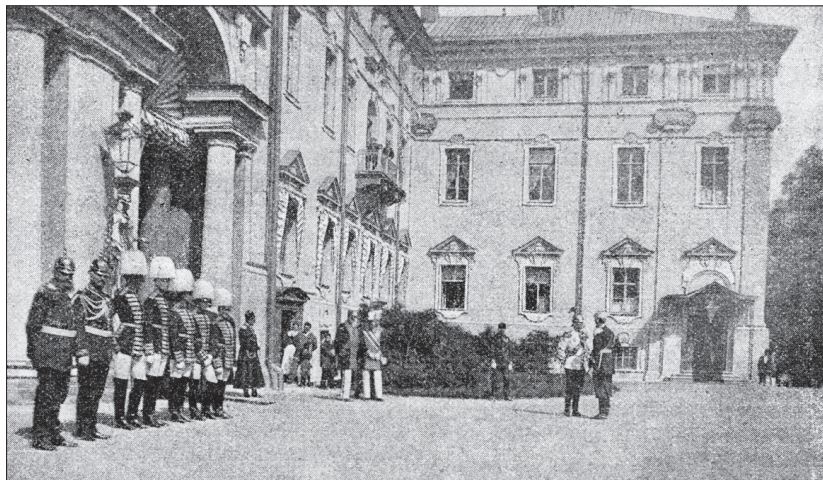
При изучении предварительно составленного церемониала и документов, составленных после проведения церемонии – камер-фурьер-

¹² В тексте перечисляются имена графини А.Е. Комаровской (1832–1906), И.А. Зеленого (1841–1906), барона П.А. Рауш фон-Траубенберга (1858–1923).

¹³ Имеется ввиду принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская и ее сын – принц Петра Александрович Ольденбургский.

¹⁴ Князь императорской крови Игорь Константинович (1894–1918). Биография и документы. М., 2014. С. 23–24.

А. Насветевич. «Стрельна. Крещение Его Высочества князя Игоря Константиновича, 21 июня 1894 года. В ожидании приезда Их Императорских Величеств». *Петербургская жизнь* (№88, 1894)

ского журнала и дневниковой записи великого князя, становится ясно, что по факту были внесены некоторые изменения. На самой церемонии отсутствовала вел. кн. Александра Иосифовна — она присоединилась к неофициальной части. Состояние здоровья вел. кн. Елизаветы Маврикиевны также позволило ей остаться в собственных комнатах. Из назначенных восприемников на церемонии отсутствовали иностранные родственники.

Серия из четырёх фотографий, запечатлевшая торжественное мероприятие, была опубликована в еженедельном журнале «Петербургская жизнь» (№88, 1894) под заголовком «Стрельна. Крещение Его Высочества князя Игоря Константиновича, 21 июня 1894 года». Под каждым рисунком подпись с аннотацией и указанием в скобках: «С фотограф. снимка А. Насветевича. Собственность редакции «Петербургской Жизни»¹⁵.

На первом фотоснимке «В ожидании приезда Их Императорских Величеств» запечатлена восточная половина дворца, куда именно войдут участники торжественной церемонии, включая императора Александра III и членов августейшей фамилии. На крыльце выложена дорожка, на окнах квартиры семьи вел. кн. Константина Константиновича подняты маркизы. Группа слуг с детьми с любопытством вышли на террасу из подвального этажа, где находятся их жилые комнаты и кухня, обслуживающая квартиру великого князя. По периметру газона с кустами сирени сгруппировались в ожидании появления императорского кортежа придворные чины в па-

¹⁵ В указанном выше издании «Константиновский дворец...» (СПб., 2005) при публикации одной из фотографий на стр. 44, имя автора фотосъемки — А. Насветевича, к сожалению, было указано неверно.

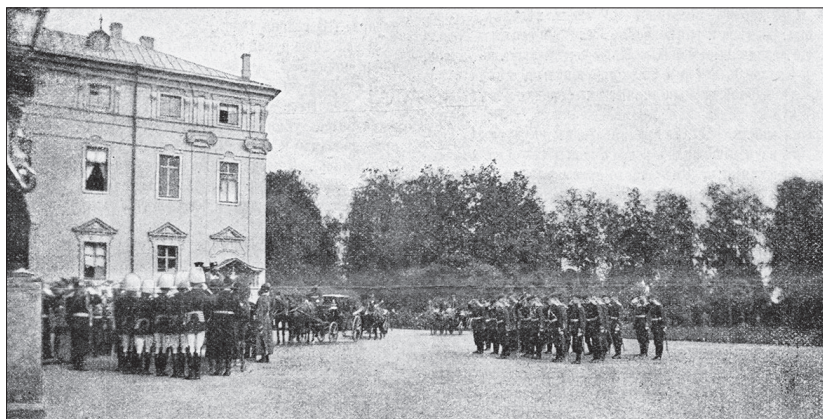
А. Насветевич. «Стрельна. Крещение Его Высочества князя Игоря Константиновича, 21 июня 1894 года. Стол для высочайших особ». *Петербургская жизнь* (№88, 1894)

рядных придворных мундирах и гвардейские офицеры. На фоне дворцовой аркады выстроилась рота дворцовых гренадер. В это время в аркаде дворца, где великокняжеская семья в хорошую погоду принимала пищу, уже был выставлен длинный стол. Великий князь отметит в дневнике, что здесь был «накрыт чай». Стол сервирован предметами из семейного банкетного сервиза, по этому случаю привезенного из Мраморного дворца. Фотоснимок, подписанный «Стол для высочайших особ» будет сделан в восточную сторону, к ажурной лестнице, ведущей в квартиру вел. кн. Константина Константиновича. Перед лестницей просматривается силуэт скульптуры «Амуры с птичьим гнездом» работы Б.-Р. Вогеля (1840-е гг.; НИМРАХ).

На фотоснимке «Отъезд Их Императорских Величеств» зафиксирован интересный момент, когда император Александр III уже поднялся в открытую коляску и прощается с военными, вероятно, благодаря их за верную службу. В следующей за экипажем императора карете находились императрица Мария Федоровна с дочерьми Ксенией и Ольгой.

На последнем фотоснимке — «Его Императорское Высочество В.К. Константин Константинович прощается с л.-гв. преображенцами», великий князь, как командующий Преображенским полком, также благодарит подчиненных за участие в церемонии и, вероятно, разрешает им возвратиться в место летней дислокации. Этим же вечером он и сам от-

А. Насветевич. «Стрельна. Крещение Его Высочества князя Игоря Константиновича, 21 июня 1894 года. Отъезд Их Императорских Величеств». *Петербургская жизнь* (№88, 1894)

правится в Красносельский лагерь для несения службы. В 1894 году он будет произведен в генерал-майоры и утвержден в должности командира лейб-гвардии Преображенского полка.

Несколько слов необходимо уделить изданию, опубликовавшему эти фотоснимки. «Петербургская Жизнь» — художественный еженедельный журнал, издавался в Петербурге с 1890 по 1905 г. Тираж издания выпускался Гуттенбергской типографией (Акционерным обществом печатного дела «Гуттенберг», наб. Екатерининского кан., 113). Издательский коллектив возглавлял редактор — общественный деятель Ю. Б. Бак. В журнале печатались стихотворения, рассказы и повести известных русских и зарубежных писателей, освещалась театральная жизнь Петербурга, Москвы, провинции и заграницы. С журналом сотрудничали К. Бальмонт, П. И. Вейнберг, Вл. Жуковский, Д. Мордовцев и др. В нем также публиковались произведения иностранных писателей. Издание считается библиографической редкостью.

Большой интерес представляет и неординарная личность фотографа, исполнившего редкие снимки. Насветевич Александр Александрович (1837–1911) совершил блестящую военную карьеру, с 1857 по 1877 год состоял в лейб-гвардии Егерском полку, затем принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., получил звание генерала армии и был назначен флигель-адъютантом к императору Александру II. С будущим наследником престола, вел. кн. Александром Александровичем, он был лично знаком, поскольку обучал его фехтованию.

Без сомнений, А. Насветевич, обладал незаурядным художественным даром. Сохранился уникальный альбом с его акварельными зарисовками судебного процесса над организаторами покушения на императора Александра II — «первомартовцами» (1 марта 1881 года), включая

А. Насветевич. «Стрельна. Крещение Его Высочества князя Игоря Константиновича, 21 июня 1894 года. Его Императорское Высочество В. К. Константин Константинович прощается с л.-гв. преображенцами». *Петербургская жизнь* (№88, 1894)

их публичную казнь на Семеновском плацу (ГМПИР). Вероятно, трудоемкость художественной работы, возраст и стремительность столичной жизни, подтолкнули его воспользоваться другой возможностью событийной фиксации — фотографией. Генерал-майор Насветевич настолько ею увлекся, что оборудовал в своем петербургском доме фотолабораторию. Любопытно, что он специализировался на «хроникальной» фотосъемке и получил разрешение снимать разнообразные события в присутствии высочайших особ и глав иностранных государств. Творческое наследие фотографа рассредоточено по музеям и частным коллекциям, значительная часть его работ хранится в архиве кинофотодокументов Санкт-Петербурга — свыше 500 единиц. Среди его работ — события столичной жизни: военные парады и смотры, придворные церемонии, включая крещение членов императорской фамилии, освещение новых храмов, прощание с именитыми горожанами, выставки и конференции, царские охоты под Петербургом и в Беловеже. С большим удовольствием фотограф составлял памятные фотоальбомы, причем в некоторых из них титулы он создавал собственноручно. Немало среди его произведений интерьерной художественной съемки, как, например, фотографии помещений дома князей Юсуповых в Харитоньевском переулке в Москве.

Генерал-майор А. Насветевич в качестве фотографа имел возможность бывать во многих интересных и значимых местах дореволюционного Петербурга. Однако, увы, как мы знаем, хрупкие стекла негативов многих петербургских мастерских и частных фотографов, первыми не выдержали небрежного отношения в дни революционных волнений. Вероятно, также не сохранились негативы, запечатлевшие последний визит императора Александра III в Стрельну.

Организация охраны Гатчинского дворца в конце XIX – начале XX века

DOI: 10.48466/9987.2021.16.70.001

Гребенкин Алексей Николаевич,
Академия ФСО России (г. Орел), сотрудник, доцент,
доктор исторических наук

После вступления на престол Александра III Гатчинский дворец стал одной из главных императорских резиденций. Именно здесь нашли применение усиленные меры охраны, спешно разработанные при участии самого царя в тревожные месяцы весны и лета 1881 г. Система безопасности дворца поначалу выстраивалась без четкого плана, в обстановке нервозности и суматохи: «С переездом венценосных владельцев каждый начальник начал принимать свои меры по охране. Гатчину оцепили кольцом сторожевых постов, не пропуская даже местных жителей и крестьян, везущих по тракту продукты. Старик-комендант К. Ф. Багговут не знал, кого слушать. Местная полиция была малочисленна. Из Петербурга, из Министерства внутренних дел, прислали отряд околоточных и городовых; в охране участвовала также тайная полиция»¹. Постовую службу во дворце нес лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк (так называемые «синие кирасиры»), который занимал 11 внутренних и 19 наружных постов². Кирасиры были задействованы и в охране парка.

После переезда двора в Гатчину туда прибыл терский эскадрон конвоя. Однако из-за усиления мер безопасности наличного состава терцев оказалось недостаточно, поэтому император приказал перевести в Гатчину из Варшавы кубанский дивизион. Кубанцы стали нести службу вокруг дворца совместно с кирасирами (сутки через сутки), выставили внутренние посты и обеспечили посылку конных разъездов вокруг Зверинца. По информации В. И. Яковлева, «во дворце посты были: в Китайской галерее, в приемной комнате, у столовой (парный), у царской спальни, у спальни царских детей, у винтовой лестницы, у собственного подъезда и на медвежьей площадке. Кругом зверинца равномерно было распределено 10 по-

стов. На ночь они усиливались 3-мя конными и внутри парка 3-мя пешими постами»³.

Новая схема охраны была составлена в считанные дни. Основу охраны гатчинской резиденции составили посты дворцового караула. В соответствии с табелью их было 14; выставлялись они от Сводно-гвардейской роты. Особую роль играли пропускные посты, которые предложил ввести командир Сводно-гвардейской роты полковник И. В. Богаевский для того, чтобы осуществлять «усиленное наблюдение над арсенальным каре гатчинского дворца, где располагались комнаты царской семьи. Основную обязанностью этих постов было знать в лицо всех допускаящихся во дворец, для чего были выделены из состава особые офицеры и нижние чины»⁴. Часовой 1-го поста у правой южной башни охранял фас дворца и обеспечивал пропуск во дворец. Ночной пост № 2, пост № 3 в саду на мосту, пост № 4 на валу около правой террасы и пост № 5 на правой террасе никого не пропускали через ограду в сад, а подозрительных лиц задерживали и передавали через городовых Дворцовой полицейской команды в караульный дом. Пост № 6, исполняя общие обязанности часового у фронта, также должен был задерживать подозрительных лиц. 7-й пост был выставлен у двери в коридоре подвала Арсенального каре дворца, 8-й – на площадке у дверей на чердак, 9-й – у винтовой лестницы в подвал главного корпуса. Они следили за тем, чтобы в подвал и на чердак не проникли посторонние лица. Ночные посты № 10 у правой северной башни у входа в Собственный садик, № 11 под окнами Арсенального зала и № 12 у правого северного угла Главного корпуса при входе в Собственную залу охраняли фас дворца и не пускали посторонних в Собственный сад. Ночной пост № 13 у грота «Эхо» охранял входную решетку и не допускал к ней без разводящего никого, кроме высочайших лиц. Наконец, ночной пост № 14 у Церковных ворот являлся, как и пост № 1, пропускным. Примечательно, что пропуск уже тогда, в начале 1881 г., осуществлялся по карточкам.

Уже 27 марта царем был утвержден перечень охранных мероприятий, предложенных в «Записке по охранению Гатчинского дворца и сада». Главное условие обеспечения безопасности обитателей дворца заключалось в том, «чтобы не только во дворце, саду и службах, но даже и в ближайшем к ним районе не мог появиться незамеченным неизвестный человек»⁵. Предполагалось создать 4 линии охраны: внутри дворца, вокруг дворца, в саду и на границе сада. Это должно было гарантировать необ-

¹ Рыженко И. Э. Александр III в Гатчине. СПб.: Лики России, 2011. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Яковлев В.И. Охрана царской резиденции. Л.: Управление дворцами-музеями при Л. О. Главнауки, 1926. С. 29.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

ходимый результат. Всего требовалось выставить 29 постов, в том числе 11 внутренних и 18 наружных. Из них 25 были суточными, а 4 – ночными. Чтобы пройти во дворец, следовало преодолеть два пропускных поста, на каждом из которых дежурили полицейский околоточный, дворцовый городовый и рядовой Сводно-гвардейской роты. Посты располагались на мостах по шоссе напротив въездных ворот Арсенального и Кухонного каре дворца. Пропускные билеты подписывались гофмаршалом. Разрешение на пропуск лиц, не имевших билетов, давал гофмаршал или лицо, его заменявшее.

Для постоянного наблюдения за садом предполагалось назначить 16 дневных подвижных одиночных постов. Ночью они должны были стягиваться ко дворцу, «образуя почти непрерывную линию постов, более частую вокруг фаса Арсенального каре, противоположного Кирасирским казармам, поддержанную пикетом из 1 унтер-офицера и 10 рядовых»⁶. Сад следовало ежедневно осматривать. Для наблюдения за внешней стороной дворцового сада из казарм и от суточного пикета посылались разъезды (днем – реже, ночью – чаще). За шоссе должна была наблюдать местная полиция, охранявшая все входы и выходы в сад.

Надзор за системой охраны дворца поручался гатчинскому коменданту и управляющему Гатчинским дворцовым правлением, а непосредственное руководство охранными мероприятиями – особо доверенному лицу, которыми должны были быть подчинены Сводно-гвардейская рота, Собственный Е. И. В. конвой и караульные части.

В качестве дополнительных мер охраны предлагалось введение во всех частях гатчинского гарнизона дежурных частей, установление телеграфного сообщения дворца с кирасирскими и артиллерийскими казармами, а главной дворцовой гауптвахты – с караульными постами, установление строго полицейского надзора за лицами, приезжавшими в Гатчину и проезжавшими через нее, усиление местной полиции сыщиками и войсковыми командами, усиление полицейского присмотра во дворце, строительство объездного пути на максимальном удалении от дворца и т. п. Для несения караульной службы предполагалось каждые три недели поочередно командировать в Гатчину роту от трех гвардейских стрелковых батальонов.

30 марта комиссия, осматривавшая по распоряжению управляющего Гатчинским дворцовым имением подвалы Гатчинского дворца, пришла к мнению, что в целях безопасности необходимо выставить в подвале Арсенального каре:

1) вооруженного часового в комнате 1-го нижнего этажа около две-

ри, ведущей из среднего коридора, который должен был периодически обходить подвалы;

2) невооруженного часового от команды лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка на площадке около главной лестницы для наблюдения за тем, чтобы в средний коридор не проходил никто, за исключением кирасир и прислуги, имевшей заверенные подписью обер-гофмаршала и дворцовой печатью фотографические карточки;

3) вооруженного часового у большой печи под Арсенальным залом для обхода помещений и наблюдения за окнами;

4) вооруженного часового у начала коридора, находившегося под императорскими покоем, который должен был пропускать лишь кирасир, носивших дрова, придворных истопников и офицеров, осуществлявших наблюдение за подвалами, а также следить за подвальными окнами;

5) вооруженного часового на площадке большой лестницы, который должен был не пропускать по лестнице в подвал никого, кроме дворцовой прислуги и офицеров, наблюдавших за подвалами.

Кроме того, следовало закрепить обязанности, аналогичные присвоенным последнему часовому, за часовым, стоявшим у винтовой башенной лестницы и охранявшим сервизную кладовую.

Наконец, комиссия рекомендовала наглухо заделать вход в Арсенальное каре со двора, некоторые другие двери и окна, ряд дверей укрепить и навесить на них прочные замки, ключи от которых передать часовым и офицерам, наблюдавшим за подвалами.

Особое внимание уделялось удалению от Гатчинского дворца транспортных потоков. Для этого предлагалось прекратить движение всех экипажей и возов по дороге, проходившей мимо дворца и проложить новое шоссе от пассажирской станции Балтийской железной дороги позади конюшен лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка до соединения с Динабургским шоссе.

Но большая часть проектируемых мер безопасности была так или иначе связана с самим Гатчинским дворцом. 5 апреля 1881 г. полицейским приставом Адмиралтейской части полковником Антоновым, заведовавшим Дворцовой полицейской командой, было составлено «Соображение по охране дворца», в соответствии с которым во дворце должны были жить лишь придворные служители, принимаемые на службу с большой осмотрительностью. Они не могли никого пускать к себе на жительство или даже временное пребывание. Для контроля за жильцами должны были быть введены особые билеты, выдаваемые вместо паспортов, находившихся на хранении в дворцовой конторе, а пропуск их во дворец предлагалось осуществлять с помощью фотографических карточек, за-

⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об.

веренных подписью уполномоченного дворцовым комендантом лица и печатью. Лица, не проживавшие во дворце и не известные городовым Дворцовой полицейской команды, пропускались лишь при удостоверении их личности дежурным лакеем или дворцовым чиновником. Лиц, известных городовым, разрешалось пропускать. Подвальные этажи дворца (по крайней мере Арсенального каре) следовало освободить от жильцов, а полицейский контроль за этими этажами поручить офицеру и 3 околочными надзирателям, которые должны были периодически осматривать подвалы и проверять документы жильцов. Чердаки также должны были содержаться в порядке, а трубочистов нужно было тщательно обыскивать.

Постовую службу полковник Антонов предлагал организовать следующим образом. У ворот Кухонного и Арсенального каре, а также в саду вокруг дворца и у садовых мостов следовало выставить 10 постов от Дворцовой полицейской команды. Городовые должны были быть хорошо знакомы с ближайшим окружением императора и с лицами, служившими во дворце. Дневные посты располагались: № 1 – у ворот Арсенального каре, № 2 – у ворот Кухонного каре, № 3 – у среднего подъезда полуциркуля, № 4 – у Орловских ворот, № 5 (подвижной) – под окнами Арсенального каре, № 6 – на мосту против гауптвахты, № 7 (подвижной) – у калитки Собственного садика, № 8 (подвижной) – стоял на углу Кухонного каре и должен был ходить до церковных ворот со стороны сада, № 9 – на Карповском мосту. Ночью пост № 5 перемещался на дорожку по сухой канаве в 200 шагах от дворца, перекрывая таким образом дальний подступ к нему, пост № 7 ставился на пешеходный деревянный мостик по Большому проспекту, № 8 выставлялся на мостик за оранжереей. Военные посты Антонов предлагал не передвигать ночью к дворцу «потому, что при таком ночном сдвигении вся местность ночью в парке остается плохо обеспеченной; злоумышленник может легко пробраться в парк чрез полицейские посты, редко стоящие, спрятаться и выжидать Государя. Тогда как цепь густая и постоянная вокруг парка ставит парк вне всякой опасности»⁷. Вдоль внешней стороны парка полковник Антонов предполагал выставить 18 постов полиции под наблюдением офицеров и околочных надзирателей. Зверинец должен был охраняться 5 постами полиции (№ 1 – у Черных ворот, № 2 – у Егерских ворот, № 3 – у Вайловских ворот, № 4 – на круге при пересечении Березовой и Можжевелевой просек и № 5 – на круге при пересечении Березовой и Пильной просек). Когда Александр III выходил на прогулку, они преобразовывались в 18 постов, охранявших царя под наблюдением 3 околочных надзирателей. Кроме того, по продольным и поперечным

⁷ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.

просекам Зверинца следовали 5 разъездов, а непосредственно перед прогулкой Зверинец осматривался егерями. Наконец, с внешней стороны Зверинца через каждые 500 шагов выставлялись аванпосты (всего их должно было быть 21). Ночью число аванпостов увеличивалось. По мнению Антонова, посторонним лицам следовало воспретить не только проживать на территории Зверинца, но и прогуливаться по нему. Пропуск в Зверинец должен был осуществляться по особым видам на жительство или по заверенным фотографическим карточкам, пропуск на Ферму – по фотографическим карточкам. Надзор за населением Гатчины следовало усилить, для чего требовалось привлечение чинов санкт-петербургской полиции и агентуры. При решении вопросов, связанных с охраной дворца и проживавших в нем лиц, а также прилегающих к дворцу зданий, эти чины должны были следовать указаниям полковника Антонова. В пригородах Гатчины планировалось разместить агентов, а надзор за близлежащими железнодорожными станциями поручить местной полиции, усилив ее агентурой.

Разработанная Антоновым инструкция была утверждена императором, и сразу же началась ее реализация. Охрана Гатчины, в соответствии с «Запиской по охранению Гатчинского дворца и сада», включала в себя 4 линии. Местность в районах наблюдения и все помещения дворца были тщательно осмотрены. Жильцов из подвала Арсенального каре выселили. Часовых расставили на предполагаемых местах. Вокруг дворца разместили 16 подвижных постов, которые на ночь приближались ко дворцу, образуя вокруг него непрерывную цепь, а утром расходились по своим местам, при этом осматривая всю местность вокруг резиденции. В саду были размещены околочные и городовые петербургской полиции. В наружной охране дворца также была задействована петербургская полиция. Вход во дворец был открыт через ворота Арсенального каре и ворота Кухонного каре, а со стороны сада все двери были закрыты. Пропуск был возложен на околочных, городских и рядовых гвардейской сводной роты, которым следовало стоять на двух мостах против въездных ворот в каждое каре. С придворнослужителей и вольнонаемных поломоек сняли фотографические карточки для изготовления пропусков, прочим лицам для входа во дворец были выданы билеты из придворной конторы. Во всех частях гатчинского гарнизона были выделены дежурные части. На станциях Балтийской и Варшавской железных дорог было организовано наблюдение за приезжавшими и отъезжавшими. Вокруг дворца устроили объездную дорогу, которые предполагалось расширить, чтобы встречные экипажи беспрепятственно разъезжались. Полицию усилили секретными агентами, для наблюдения за садом и шоссе организовали конные разъезды от Собственного Е. И. В. конвоя и лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка.

10 апреля 1881 г. была утверждена новая табель постам караула Гатчинского дворца. Количество постов увеличилось с 14 до 17. Часовые внутренних пропускных постов (№ 1 на Арсенальной площадке, № 2 на Театральной площадке, № 3 в Портретной галерее у двери в Китайскую галерею, № 4 на Церковной площадке) должны были пропускать высочайших особ, свое непосредственное начальство и лиц, им известных; от всех прочих требовалось предъявление установленных билетов. Часовые наружных постов № 6 (у правой южной башни), № 7 (на середине правого фаса), № 9 (ночной внизу у каменной стены Собственного садика) охраняли порученные им части фаса дворца, пропуская высочайших особ, лиц, включенных в их обязанности (этих людей они должны были хорошо знать в лицо, по фамилии и по должности), известных им околоточных и городских, а также лиц по указанию полиции и руководителей садового оцепления. Часовые постов № 8 (у правой северной башни) и № 10 (у ворот в Собственный садик) пропускали в сад и из сада высочайших особ и сопровождавших их лиц, а все прочие могли проходить только с разводящим. Пост № 11 под окнами Арсенального зала наблюдал за Собственным садиком, пропускал высочайших особ, сопровождавших их лиц, а всех прочих — только в сопровождении разводящего. Пост № 12 у грота «Эхо» выполнял обязанности пропускного поста и охранял входную решетку и без разводящего не допускал к ней никого, кроме высочайших особ. Обязанности часовых постов № 13 (у Церковных ворот), № 14 (ночной у левой северной башни), № 15 (у левой южной башни) были почти идентичны обязанностям часового поста № 6. Пост № 16 у сервисной кладовой играл роль внутреннего пропускного поста и никого не допускал к дверям без разводящего. Наконец, часовой поста № 17 у винтовой лестницы отвечал за пропуск к кладовой и в подвал, а также проверял билеты у всех проходивших по винтовой лестнице и в ночные часы запрещал подниматься по ней.

В подвальных этажах и у дверей на чердак в апреле 1881 г. были выставлены 6 особых постов для проверки всех входивших и выходивших, досмотра приносимых вещей и осмотра приходивших рабочих.

В саду выставлялись 36 постов садового оцепления. Они должны были охранять сад, следить за тем, чтобы никто не перелез через ограду, пропускать в сад высочайших особ, лиц, их сопровождавших, а также тех, кто был упомянут в обязанности (всех их нужно было знать в лицо), а также известных им околоточных и городских. Тех, кто лез в сад через ограду, предписывалось колоть штыком. В крайнем случае часовым разрешалось стрелять. Ближайшие часовые должны были бежать к месту выстрела, остальные оставались на своих местах. На ночь выставлялся пикет в составе 3 человек напротив левого полуциркуля у поворота к гроту

«Эхо», в темные ночи выставлялись еще 3 поста. Унтер-офицер садового оцепления стоял на пропускном посту у правой южной башни, напротив поста № 6 дворцового караула, выполнял такие же обязанности по пропуску, как и прочие часовые, и, кроме того, пропускал всех чинов полиции, известных ему в лицо. Посты садового оцепления и наружные посты дворцового караула проверял дежурный по саду.

В обеспечении охраны дворца было задействовано большое число должностных лиц. Два дежурных по дворцу офицера, согласно инструкции, должны были осматривать вещи, вносимые через верхнюю площадку и Главный подъезд, проверять часовых в Арсенальном каре и решать спорные вопросы, связанные с пропуском, осуществлять общее наблюдение за прислужкой и рабочими, во время высочайших приемов, докладов министров и в часы приезда членов Императорской фамилии находиться на площадках главной лестницы. Им подчинялись посты от Сводно-гвардейской роты и Собственного Е. И. В. конвоя.

На нижней площадке Арсенальной башни находился начальник дворцового караула, следивший за деятельностью унтер-офицера пропускного поста и наблюдавший за осмотром всех проносимых вещей. Кроме того, у начальника караула был ключ от запертых Орловских ворот, выходивших во двор, и он отпирал их для проноса крупных вещей в Арсенальное каре дворца. Наконец, у него был ключ от дверей в Собственный садик. Если из императорских покоев раздавался тревожный звонок, то начальник караула посылал туда одну смену. Наконец, начальник внутреннего караула должен был осуществлять осмотр подвалов, а в случае звонка в дворцовый караульный дом немедленно следовал с одной сменой бегом к винтовой лестнице в Собственные покои и занимал ее, не пропуская в покои никого, кроме Высочайших особ и своих начальников.

Рабочие пропускались в сад только в сопровождении присмотрщиков от Сводно-гвардейской роты, а должностные лица, проверявшие их работу, входили в сад с провожатым от роты. При этом каждого отдельного рабочего сопровождал особый надсмотрщик, а если работа осуществлялась совместно, то на 4 человек назначался 1 надсмотрщик.

В Гатчинском дворце выставлялись следующие посты: «1) при входе из среднего подъезда Арсенального каре в коридоре императора Александра II (от Конвоя); 2) на лестнице у медведя (от Конвоя); 3) на площадке Арсенального зала (от Конвойной Е. Вел. роты); 4) на лестнице при входе в Китайскую галерею (от Конвоя); 5) на площадке антресольного этажа при входе в апартаменты Государя Императора (от Конвоя); 6) у кладовых (от Конвойной Е. Вел. роты); 7) у входа в комнаты императора Павла Петровича (от Конвойной Е. Вел. роты); 8) на площадке при входе в Церковь (от Конвойной Е. Вел. роты); 9) на театральной площадке (от Конвойной

Е. Вел. роты); 10) на площадке лестницы, ведущей в Картинную и Китайскую галереи (от Конвойной Е. Вел. роты); 11) у опочивальни наследника цесаревича (парный) от Конвоя; 12) у входа в столовую Е. Вел. (парный) от Конвоя; 13) на площадке у входа в Арсенальное зало (от Конвоя) [6, л. 25]. Схема представляется достаточно любопытной: в единую табель были внесены посты, вперемежку выставляемые от Собственного Е. И. В. конвоя и от Конвойной роты (прообраза Сводно-гвардейской роты).

Подвалы Гатчинского дворца, подземная галерея от дворца к гроту «Эхо», подземные трубы и подъемная водокачка в подвале периодически тщательно осматривались особой комиссией на предмет наличия каких-либо взрывных устройств, подкопов и т. п. Чтобы злоумышленники не могли использовать проложенные под землей водосточные трубы для проникновения во дворец или устройства взрыва, их выходные отверстия были закрыты крепкими мелкоячеистыми решетками, наглухо замураванными или закрытыми на замки. Наружная железная решетка в гроте «Эхо» была исправлена и укреплена, а возле нее был выставлен часовой. Дверь из подземной галереи в грот была также усилена. Из подвалов Арсенального каре выселили жильцов и выбросили все хранившиеся там вещи, двери в подвалы заперли на замки. Подвальные окна Арсенального каре были закрыты крепкими железными решетками с частыми прутьями, а за самими окнами, особенно выходившими в сад, был учрежден бдительный надзор. Вентиляционные трубы в подвале были закрыты толстыми металлическими сетками. Трубы, выходившие у мостика на шоссе напротив памятника Павлу I, были перегорожены железными решетками.

У ворот Кухонного и Арсенального каре, согласно составленному 5 апреля 1881 г. «Соображению по охране дворца», предполагалось разместить 10 постов от Дворцовой полицейской команды. Городовые, стоявшие на них, должны были быть хорошо знакомы со всеми чинами, служившими при дворе.

Пропуск рабочих в Арсенальное каре и Главный корпус осуществлялся лишь по разрешению дежурного по площадкам офицера. Рабочие допускались внутрь только в сопровождении присмотрщика. Если работы производились в Собственных покоях, рабочие шли до места с провожатым, который передавал их дежурному камер-лакею, наблюдавшему за ними во время работы. За работами в Арсенальном каре и Главном корпусе наблюдали нижние чины Сводно-гвардейской роты.

10 апреля 1881 г. была принята новая «Инструкция дежурного по дворцу и у покоев Их Величеств». Офицеру полагалось днем в часы приема находиться вблизи императорских покоев, а ночью – на антресольной площадке. Он должен был проверять часовых и разрешать все недоразумения, связанные с постовой службой. На ночь дежурный офи-

цер запирали двери у Среднего подъезда и подъезда Медвежьей площадки и отдавал ключи часовым казакам.

От Собственного Е. И. В. конвоя внутри Гатчинского дворца выставлялось 9 постов (на площадке у Арсенального подъезда, в подъезде Их Величеств, у подъемной машины, при входе в покои Их Величеств, при входе в покои Августейших детей, при входе из среднего подъезда Арсенального каре в коридор императора Александра II, на площадке у медведя, в Китайской галерее при входе в Кабинет Е. В. и на площадке антресольного этажа при входе в апартаменты государя императора). Все посты были пропускными. Казаки пропускали высочайших особ, членов императорской фамилии, особо указанных в инструкции каждому посту высокопоставленных лиц, а также тех, у кого были пропускные билеты. Пропуск в Собственные покои осуществлялся по указаниям камердинеров.

В мае 1881 г. был обновлен перечень обязанностей дежурного по дворцу офицера. Он должен был находиться на Антресольной площадке. Дежурный офицер принимал под сдачу список учителей августейших детей и пропускал их, проверял как можно чаще внутренние посты от Сводно-гвардейской роты и Собственного Е. И. В. конвоя, осматривал вещи, вносимые через Главный подъезд или приносимые через кухню, в ночные часы запрещал проход на антресольный этаж всем, кроме упомянутых в обязанности лиц.

Тогда же были утверждены обязанности дежурного по верхней площадке Арсенальной башни и дежурного на пропускном посту нижней площадки Арсенальной башни.

Дежурный по верхней площадке Арсенальной башни находился в круглой комнате. Он принимал под сдачу алфавитный список лиц, имевших допуск на эту половину дворца, и пропускал их, сверяясь с ним, следил, чтобы мастеровые и рабочие входили во дворец только в сопровождении надсмотрщиков, осматривал все вещи, проносимые через круглую комнату, осуществлял проверку помещений дворца.

Дежурный на пропускном посту нижней площадки Арсенальной башни находился на Арсенальной площадке. Он также принимал под сдачу алфавитный список лиц, имевших право входа во дворец, с помощью двух унтер-офицеров пропускал входивших в соответствии с этим списком и следил за тем, чтобы мастеровые и рабочие не входили во дворец без надсмотрщиков.

В охране гатчинской резиденции принимала активное участие Дворцовая полицейская команда. Особая команда дворцовых городовых появилась в Гатчине еще в 1872 г.⁸, однако затем она вошла в состав объе-

⁸ Зимин И.В. Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2011. С. 201.

диненной команды. В сентябре 1881 г. от Дворцовой полицейской команды выставлялись 29 постов. Городовые находились у входов во дворец, у его фасадов, у ворот, построек и мостов сада, чтобы наблюдать за лицами, проживавшими в дворцовых зданиях, и контролировать движение людей на прилегающей территории, не подпуская неизвестных близко ко дворцу. Когда члены императорской семьи уезжали из Гатчины, выставлялись лишь пропускной пост, дежурный пост и посты у ворот Арсенального каре, под окнами кабинета, у Собственного садика, под окнами Кухонного каре в саду и у Адмиралтейских ворот. Такой же порядок, с минимальными изменениями, был принят и в последующие годы. Так, в сентябре 1885 г. были выставлены посты у ворот Арсенального каре и Кухонного каре, в оранжереях (2 поста), у Адмиралтейских и Институтских ворот в сад и против пешеходного мостика в сад. Во второй половине 1880-х гг. количество постов полного наряда от Дворцовой полиции сократилось с 28 до 21.

Наконец, к охране Гатчинского императорского дворца были привлечены чины Санкт-Петербургской полиции. Городовые занимали 16 постов, по большей части расположенных у ворот.

В июне 1884 г., когда в Гатчинском дворце осуществлялся крупный ремонт, исполнявший обязанности обер-гофмаршала обер-камергер Э. Д. Нарышкин обратился к П. А. Черевину с просьбой прислать в Гатчину 8 нижних чинов Сводно-гвардейского батальона (нижние чины Охранной команды Зимнего дворца не могли быть командированы из-за того, что в Зимнем дворце также шел ремонт). Однако Черевин отказал в просьбе, так как эта часть в полном составе находилась в Петергофе и, кроме того, по его мнению, «...как военная часть, должна преимущественно нести постовую службу»⁹. Вместо солдат Сводно-гвардейского батальона по распоряжению Главного начальника охраны в Гатчину были немедленно отправлены 9 дворцовых городовых.

Вспомогательные функции охраны дворца возлагались на воинские части. Так, в 1886 г. от лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка были выставлены часовые у Собственного подъезда и у ворот Арсенального и Кухонного каре. В отличие от часовых Сводно-гвардейского батальона, казаков Собственного Е. И. В. конвоя и городовых Дворцовой полиции, они не получили никаких дополнительных инструкций, в которых были бы закреплены их обязанности по охране дворца. Командующий полком полковник Хрущев, опасаясь, что часовые, «не имея особых инструкций, необходимых при исполнении такой исключительно высокой обязанности службы, хотя бы и при хорошем знании своих обязанностей, все-таки легко могут сделаться жертвой невинной ошибки, могущей повлечь за со-

бой нелестный для полка отзыв»¹⁰, попросил Главного начальника охраны генерал-адъютанта П. А. Черевина снабдить полк особыми инструкциями по охране дворца. Однако Черевин ответил, что часовые не нуждаются в особых инструкциях, ибо их обязанности определяются уставом службы в гарнизоне.

В начале 1890-х гг. полный наряд в Гатчине от Дворцовой полиции еще более сократился и колебался в районе 16–18 постов.

После смерти Александра III его вдова, императрица Мария Федоровна, избрала Гатчинский дворец своей постоянной резиденцией. Охрана дворца была поручена части чинов Дворцовой полиции во главе с помощником начальника, которые всегда находились в Гатчине.

В 1905–1906 гг. посты от Дворцовой полиции выставлялись у Кухонного каре, у Арсенального каре, у Адмиралтейских ворот, у Питомника, у Черных ворот. Городовые поста у Кухонного каре следили за тем, чтобы никто из посторонних не мог проникнуть в Собственный сад, а в каре – без регистрации на пропускном посту Дворцовой полиции. Поскольку пост должен был, кроме того, вести наблюдение за посетителями дворца и окружающей местностью, на нем несли дежурство 2 городовых. Перечень лиц, пропускаемых на посту, был четко обозначен в обязанности. Лица, не вошедшие в этот перечень, пропускались лишь при условии включения их в особый список и предъявления ими установленных фотографических карточек. Посетители, прибывавшие к особам, проживавшим во дворце, останавливались и опрашивались. Если прибывший желал пройти в Арсенальное каре, он направлялся на пропускной пост Сводно-гвардейского батальона, если ему нужно было пройти в Кухонное каре, он направлялся на пропускной пост Дворцовой полиции. В парк пропускались высочайшие особы, лица по особому списку, служащие придворно-конюшенного ведомства, шоферы и иные внесенные в обязанность поста лица. Когда темнело, один из городовых должен был перейти на угол каре к парку.

Схема организации охраны Гатчинского дворца

⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 172.

¹⁰ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 183.

В случае малейшего сомнения относительно пропуска на пост вызывался полицейский надзиратель. Если возле поста собиралась толпа, городовые должны были немедленно сообщить на пропускные посты Дворцовой полиции и Сводно-гвардейского батальона. В случае насильственного прорыва в парк неизвестного городской приказывал ему остановиться, а если тот отказывался повиноваться, то мог употреблять оружие.

Пост у Арсенального карае следил за тем, чтобы никто из посторонних не мог проникнуть в карае и Собственный парк, наблюдал за прибывавшими ко дворцу и за окружающей местностью. На посту находились два городских, их обязанности были практически идентичны обязанностям стоявших на посту у Кухонного карае.

Пост у Адмиралтейских ворот следил за тем, чтобы посторонние лица не входили в парк. В ворота он пропускал только высочайших особ. Кроме того, командир Сводно-гвардейского батальона или дежурный по постам офицер того же батальона могли приказать постовому городовому пропустить то или иное лицо.

Дворцовые городовые, стоявшие на посту у Питомника, пропускали в парк высочайших особ, лиц по особому списку и по приложению к нему в Гатчине, Собственную Их Величеств и Их Высочеств прислугу, а также тех, кого приказывал пропустить командир Сводно-гвардейского батальона или дежурный по постам офицер.

Городовые поста у Черных ворот пропускали в ворота на Ферму высочайших особ, лиц по особому списку, по приложению к нему в Гатчине, Собственную Их Величеств и Их Высочеств прислугу, живущих и служащих на Ферме и сторожей, живущих в сторожках в ограде парка и Зверинца. Все прочие отправлялись с присмотрщиком от Сводно-гвардейского батальона. Местные крестьяне, занимавшиеся очисткой дорог, пропускались только при доверенном лице от Императорской Охоты, причем каждому из них выдавалась особая жестянка с номером.

Кроме того, к охране привлекались Сводно-гвардейский батальон (в 1907 г. он был переформирован в Собственный Е. И. В. Сводный пехотный полк), Собственный Е. И. В. конвой, Уральская казачья сотня, а также воинские части гатчинского гарнизона.

От Сводно-гвардейского батальона в Гатчине в 1905–1906 гг. были выставлены 15 постов. Кроме того, батальон нес службу по охране ограды Гатчинского дворцового парка. Наружные посты находились в ведении дежурного по постам офицера. Правила охраны парка были практически идентичны охране Александровского парка в Царском Селе. В 1908 г. посты Дворцовой полиции у Черных ворот и у Питомника были заменены постами от Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка. Пропускные посты беспрепятственно пропускали во дворец и сад высочайших особ,

лиц по особому списку и лиц, с ними идущих, а также лиц, записанных в алфавите, Собственную Их Величеств и Их Высочеств прислугу, казаков Собственного Е. И. В. конвоя, придворную прислугу, внесенную в печатные таблицы, и лиц, записанных в какие-либо иные списки, о пропуске которых имелось распоряжение начальства. При пропуске незнакомых или плохо знакомых чинов Фельдъегерского корпуса нужно было спрашивать у них удостоверенную фотографическую карточку, номер которой находился в списке чинов Фельдъегерского корпуса, имевшемся на посту. Все прочие лица пропускались только с разрешения дежурного по дворцу офицера. Пост № 2 у Питомника следил за тем, чтобы никто из посторонних не мог пройти в питомник и парк. Если в Оранжерейном переулке собиралась толпа, намеревавшаяся прорваться в парк, постовой запирает ворота и калитку, предупреждал соседний пост свистком об опасности, а сам оставался у ворот, «в полной готовности употребить в дело оружие, если встретит в том надобность, руководствуясь правилами, изложенными в общей инструкции»¹¹. Через пост № 3 на Главном подъезде Арсенального карае пропускались лица, прибывавшие во дворец, лично известные постовому или дежурному швейцару, а также приезжавшие к особам, жившим в Арсенальном карае. Пост № 4 во Фрейлинском коридоре у дверей приемной комнаты императора пропускал в приемную комнату особ, приезжавших с докладом к Николаю II.

Пост № 1 внутреннего унтер-офицерского караула на нижней площадке винтовой лестницы пропускал в сад и обратно и наверх по винтовой лестнице только строго определенный круг лиц (Высочайших особ, министра императорского двора, дворцового коменданта, начальника Дворцового управления, его помощника, полицеймейстера и т. д.). Пост пропускал мимо себя на том же этаже начальника Дворцового управления, его помощника, полицеймейстера, а также всех высокопоставленных лиц, которых отлично знал в лицо. Мимо себя на том же этаже и в сад было разрешено пропускать Собственную прислугу, гоф-фурьера, его помощников и лакеев. К электрической лампе на винтовой лестнице допускались техник и электротехники, которых постовые должны были отлично знать в лицо. С 1 часа ночи до 7 часов утра по лестнице и в подъезд без особого разрешения не мог проходить никто, кроме высочайших особ и лиц, с ними идущих. Пост № 2 внутреннего унтер-офицерского караула пропускал в церковь высочайших особ и высокопоставленных лиц, которых должен был отлично знать в лицо. Во всякое время в церковь могли проходить начальник Дворцового управления, его помощник, камергер, архитектор и ряд других должностных лиц. Всех их часовой также должен был отлично

¹¹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 290. Л. 37.

знать в лицо. В церковь и ризницу пропускались священник, дьякон, псаломщики и сторожа. Во время богослужения в церковь пост пропускал тех лиц, которых пропускал швейцар. Рабочие допускались в ризницу с смотрщиками или со швейцарами.

Казачи Собственного Е. И. В. Конвоя занимали внутренние посты во дворце. При переезде вдовствующей императрицы Марии Федоровны на жительство в Гатчину посты казаков выставлялись у Собственного подъезда, у винтовой лестницы, у столовой Ее Величества (парный) и у опочивальни Ее Величества.

В Гатчинском парке выставлялись посты от лейб-гвардии Уральской казачьей Е. В. сотни. Правила несения охранной службы казаками, утвержденные в марте 1906 г., являлись почти точной копией правил, предписанных нижним чинам Сводно-гвардейского батальона.

Роль частей гатчинского гарнизона была, как и прежде, вспомогательной. Так, в марте 1907 г. караул при Гатчинском императорском дворце занимался чинами лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка и 23-й артиллерийской бригады. Они поочередно дежурили на дворцовой пехотной гауптвахте, а по другую сторону общей площадки, в коридоре, стоял постоянный дневальный нижний чин Сводно-гвардейского батальона.

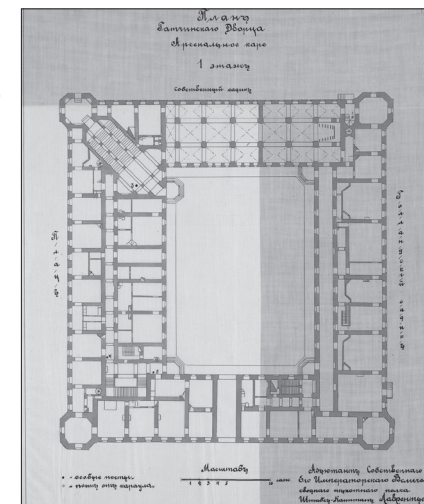
В марте 1906 г. «для достижения действительной и отвечающей потребностям переживаемого времени охраны»¹² в Гатчине и ее окрестностях, которые посещали члены императорской семьи во время прогулок, были приняты дополнительные меры безопасности. На главных дорогах, ведущих в Гатчину (по ним почти ежедневно ездил вдовствующая императрица Мария Федоровна), были выставлены посты с целью наблюдения за пешеходами и экипажами. На каждом посту дежурили два агента Дворцовой полиции, связь осуществлялась по телефону. На Варшавском и Балтийском вокзалах и полустанке Мариенбург были также выставлены посты, осуществлявшие наблюдение за лицами, приезжавшими в Гатчину. Еще 4 агентам был поручен контроль над населением Гатчины. В черте города во время прогулок императрицы принимались следующие меры: 3 агента занимали пост напротив Арсенального каре у казарм Кирасирского полка для наблюдения за проходившими мимо дворца, за 5 агентами закреплялись участки маршрута следования Марии Федоровны, 10 агентов находились на вокзальной дороге и на постах в Приоратском парке. Наконец, 15 агентов посылались во время высочайшей прогулки в 7 расположенных неподалеку от Гатчины деревень.

С отъездом императрицы в Петербург охрана дворца урезалась. Так,

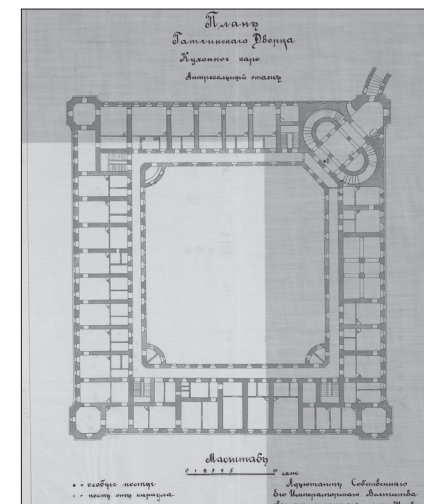
в марте 1907 г. в Гатчине было оставлено всего 20 нижних чинов Сводно-гвардейского батальона, «на обязанности которых лежит служба на пропускных и особых постах дворца, находящихся в ведении начальника Гатчинского дворцового управления»¹³.

Если императорская семья приезжала из Царского Села в Гатчину хотя бы на несколько часов, и еще не было ясно, где она будет ночевать, в Гатчине от Сводного полка выставлялись посты № 3 на Главном подъезде, № 4 – во Фрейлинском коридоре у дверей приемной комнаты императора и № 5 – на подъезде великого князя Владимира Александровича. В том случае, если императорская семья останавливалась в Антресольном этаже в покоях наследника цесаревича, то посты № 4 и № 5 снимались, а если она размещалась внизу, то снимался пост № 3, а под окнами комнат выставлялись 2 ночных ружейных поста. Гатчинский парк должен был осматриваться ежедневно в 8 часов утра цепью смены особых постов, которая несла службу накануне. При этом осмотру подлежали и все острова, на которые солдаты переходили по мостам или переплывали на пароме.

Проблемы организации охраны, как и в других резиденциях, были связаны главным образом с отсутствием согласованности деятельности отдельных подразделений. Не было даже единой правовой основы постовой службы – закрепленный в обязанностях постов порядок ее несения

Расстановка постов охраны на 1 этаже Арсенального каре

Размещение постов охраны на антресольном этаже Кухонного каре

¹² РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 353. Л. 26.

¹³ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 231. Л. 11.

не был продуман и мог быть произвольно изменен. Так, в апреле 1905 г. при совместном сличении экземпляра инструкции городских Дворцовой полиции, присланного и. д. начальника Дворцовой полиции ротмистру Б. А. Герарди, с экземпляром, имевшимся у составившего ее штабс-капитана Франка, «последний был неприятно поражен последовавшим изменением первых, а следовательно и последних пунктов инструкции, определявших подчиненность городских»¹⁴. Герарди же после опроса городских пришел к выводу, что инструкция без внесения в нее изменений использоваться не может – так, например, рабочие не были снабжены жестянками, а сопровождавшие их присмотрщики не ручались за благонадежность своих рабочих – что эти рабочие находились в парке вчера во время высочайших прогулок, не было будки (на посту у Черных ворот) и нек. др.»¹⁵.

Имело место и несознательное отношение чинов, стоявших на постах, к своим обязанностям. В июне 1905 г. городской С. Паничкин, стоявший на посту у Кухонного каре, пропустил в Собственный парк неизвестную даму, оказавшуюся впоследствии женой прокурора Ломжинского окружного суда Е. Ф. Шульгиной. Из расспросов городского выяснилось, что Паничкин не только не остановил Шульгину, но и «замечил-то ее уже тогда, когда она заворачивала за угол дворца; а затем удовлетворился ответом стоявшего у ворот каре нижнего чина Сводно-гвардейского батальона, что это прошла прислуга великого князя Александра Михайловича»¹⁶. Неоднократно фиксировались случаи оставления поста на короткое время – городские заходили на кухню попить воды и т. п.

Справедливости ради следует сказать, что многие городские несли службу образцово и вовремя исправляли промахи товарищей. Так, в марте 1908 г. городской Галактионов, стоявший у Арсенальных ворот, заметил, что через мостик у Кухонного каре, закрытый рогаткой для проезда и прохода посторонней публики, по недосмотру дежурившего у Кухонных ворот городского прошел на Дворцовую площадь неизвестный человек. Галактионов задержал его, за что начальник Дворцовой полиции объявил ему благодарность.

Летом 1907 г. выяснилось, что принятая схема охраны Гатчинского парка позволяет незаметно проникнуть в него постороннему лицу. Ранним утром 17 июля рядовой Сводно-гвардейского батальона И. Опецко заметил спавшего в парке на траве человека и задержал его. Задержанный оказался крестьянином Петром Няппе, который накануне приехал в Гатчину, зашел в трактир со знакомыми, напился там пьян и проснулся от хо-

¹⁴ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 353. Л. 15.

¹⁵ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 353. Л. 15 – 15 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 354. Л. 3.

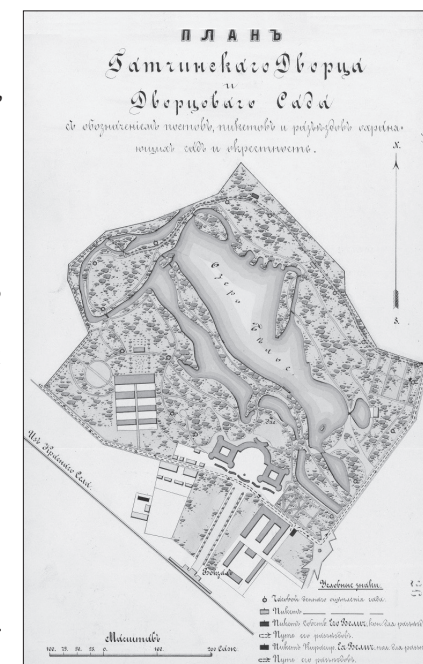
лода уже в парке. Няппе не помнил, как он попал в парк. После осмотра ограды парка оказалось, что Няппе перелез через ограду неподалеку от того места, где провел ночь. Дворцовый комендант приказал командиру Сводно-гвардейского батальона полковнику В. А. Комарову изыскать меры «к устранению возможности подобных случаев незаметных для часового перелезания через забор»¹⁷. К сожалению, из материалов дела неясно, какие именно меры были предложены командиром батальона.

Из других материалов видно, что система охраны Гатчины постоянно совершенствовалась. В августе 1908 г. временно исправлявший должность начальника Гатчинского дворцового управления генерал-майор В. Е. Андро-де-Бюи-Гинглятт подал дворцовому коменданту В. А. Дедюлину рапорт, в котором отмечал, что «Императорской Гатчинский Приоратский парк, не огражденный забором, непосредственно прилегает к населенной рабочими людьми местности и вследствие сего находится в очень плохих условиях в смысле безопасности для гуляющей публики»¹⁸. Андро-де-Бюи-Гинглятт просил разрешить Оренбургской сотне лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка осуществлять патрулирование парка в вечернее и ночное время. Дворцовый комендант затруднился исполнить эту просьбу, ссылаясь на то, что привлечение войск могло иметь место лишь в случае крайней необходимости. Со своей стороны, он обратился с просьбой к исправлявшему должность санкт-петербургского губернатора А. П. Лиленфельд-Тоалю об увеличении числа чинов уездной полиции для охраны Приоратского парка.

Обнаруженные практикой уязвимые места охраны, по возможности, сразу же ликвидировались. В январе 1909 г. зауряд-военный чиновник Д. М. Беляев, который не был принят в Арсенальном каре графиней Гейден, вышел на площадь, прошел через Гиршевский подъезд, а затем ко-

¹⁷ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 5.

Охрана Гатчинского дворца и дворцового сада

ридорами в Кухонное каре, в конце концов оказавшись в квартире князя Шервашидзе. Начальник Дворцовой полиции полковник Б. А. Герарди в результате расследования пришел к выводу, что причиной инцидента стала уязвимость системы охраны дворца. Лица, проходившие в Арсенальное каре через пропускной пост Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка, выходявшие обратно на площадку дворца, оказывались вне зоны наблюдения, а охранный пост Гатчинского дворцового управления, стоявший у Гиршевского подъезда, не обращал внимания на проходивших в Кухонное каре, и наблюдал лишь за тем, чтобы в Главный корпус не проник никто из посторонних. Полковник Герарди отмечал, что в Главном корпусе Гатчинского дворца были два поста: один от Охранной команды, а второй – от Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка. Через пост от Собственного полка в Арсенальное каре пропускались как чины министерства императорского двора, так и посторонние лица, желавшие туда пройти. Первый же пост от Охранной команды, стоявший несколько в стороне от двери Гиршевского подъезда, «совершенно не интересуется теми лицами, кои идут в этот подъезд и далее по Белому и Церковному коридорам в Кухонное Каре, а наблюдает только за проходом в сторону к Арсенальному Каре»¹⁹. Поэтому любой человек, вышедший с пропускного поста Сводного полка, мог через Гиршевский подъезд попасть в Кухонное каре и пройти до парадных комнат Главного корпуса.

По мнению начальника Дворцовой полиции, это не могло иметь серьезных последствий, так как прошедший в Кухонное каре не мог попасть в Собственные комнаты, однако факт проникновения во дворец постороннего человека сам по себе был большой неприятностью. Б. А. Герарди предлагал «Охранный пост подвинуть к самой двери подъезда Гирша и вменить ему в обязанность пропускать в сторону Кухонного Каре только лиц, служащих в Министерстве императорского двора, а также находящиеся в услужении у Особ, проживающих в Гатчинском дворце; всех же остальных лиц направлять к посту городских у Кухонных ворот»²⁰. Он отмечал, что это изменение не вызвало бы никаких затруднений, так как Охранный пост фактически бездействовал: людей, шедших мимо него в сторону Арсенального каре, почти не было. Командир Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка генерал-майор В. А. Комаров, согласившись с предложенной мерой, вместе с тем полагал, что посторонний в любом случае не мог пройти из Кухонного каре в главный корпус, так как на Черной лестнице и Церковной площадке были размещены посты Сводного полка.

В июне 1914 г., накануне приезда в Гатчину вдовствующей императрицы, во дворце от Собственного Е. И. В. Сводного пехотного полка

были выставлены 8 постов, в парке – 16 постов. Еще два поста во дворце выставлялись от внутреннего унтер-офицерского караула. В годы Первой мировой войны система охраны Гатчины, по-видимому, не претерпела существенных изменений.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. охрана Гатчины прошла путь от простого окарауливания силами «синих кирасир» до сложной, многоуровневой и многокомпонентной системы, в рамках которой органично сочетались внутренняя и наружная постовая служба и сыскная работа. Хотя эта система не была неуязвимой, ее слабые места своевременно ликвидировались, что позволяло лицам императорской фамилии чувствовать себя на территории гатчинской резиденции в относительной безопасности.

¹⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 37. Л. 13 об.

²⁰ Там же. Л. 14.

Визиты Императора Александра III в Москву в 1855–1893 гг.

DOI: 10.48466/7098.2021.31.49.001

Громова Анна Витальевна,
Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Международный центр «Благотворительность в истории»,
руководитель, кандидат исторических наук

Обращение к древней столице с ее допетровской соборностью и устоями «Золотого века Романовых» стало одним из опорных идеологических столпов 13-летнего мирного созидательного царствования императора Александра III. Здесь прошли первые практические занятия великого князя Александра Александровича по русской истории и археологии, состоялось знакомство с древними рукописями, памятниками архитектуры, иконописи и декоративно-прикладного искусства. Здесь наследник цесаревича приобщал по приезду в Россию любимую супругу великую княгиню Марию Федоровну, датскую принцессу Дагмар, к православной церковной жизни и московской старине, к романовским традициям милосердия и попечительства о подданных.

В годы царствования императора Александра III Москва уверенно встала во главе передовых начинаний в различных областях российской жизни, новых проектов в благотворительности, народном образовании и национальной культуре. В Москве на практике утверждались основные приоритеты царствования — укрепление православной веры и Церкви Христовой, мир и процветание России.

В связи с тем, что Москва занимала особое место в жизни и деятельности великого князя Александра Александровича, затем наследника цесаревича и, наконец, императора Александра III, не представляется возможным обозреть все августейшие визиты в Первопрестольную. Остановимся на упоминании тех посещений древней столицы, которые оказали особое влияние на формирование мировоззрения, научных и художественных предпочтений великого князя Александра Александровича и позднее наследника цесаревича. Обратимся к наиболее значимым для истории царствования визитам семьи императора Александра III в Москву.

Александр III Александрович — второй сын императора Александра II (1818–1881) и императрицы Марии Александровны (1824–1880) —

родился 10 марта 1845 года в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. 17 марта 1845 года в Большой церкви Зимнего дворца состоялось крещение новорожденного.

Воспитанием юного Александра Александровича главным образом занимались воспитатели — сначала директор Пажеского корпуса генерал-адъютант Н. В. Зиновьев (1801–1882), а с 1860 года генерал-адъютант граф Б. А. Перовский (1815–1881), ранее возглавлявший Корпус инженеров путей сообщения.

Программа обучения, рассчитанная на двенадцать лет, отличалась широтой: среди преподавателей — создатель русской классической орфографии академик Я. К. Грот, директор Публичной библиотеки в Петербурге барон М. А. Корф, филолог-славист профессор Ф. И. Буслаев, боевой генерал М. И. Драгомиров. Отдельное место занимали в этом ряду «московские профессора», прежде всего К. П. Победоносцев, будущий обер-прокурор Святейшего Синода, преподававший Александру Александровичу гражданское право и С. М. Соловьев, не только читавший лекции по русской истории, но и подолгу беседовавший со своим Августейшим учеником. В период с 1865 по 1879 год русскую историю цесаревичу Александру Александровичу также читал историк и писатель К. Н. Бестужев-Рюмин, один из основателей отечественной школы источниковедения.

Большое влияние на формирование личности Александра III оказала его мать, императрица Мария Александровна. Он сам признавал: «Если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно дорогой милой Мама». Именно она воспитала Александра Александровича глубоко верующим человеком с твердыми нравственными принципами. От матери Александр III получил заветы семейного, строгого уклада жизни.

По словам дипломата, историка-биографа, составителя жизнеописания императора Александра III С. С. Татищева «грустно и уныло протекало для молодых великих князей лето скорбного 1855 года. Печаль о кончине деда усугублялась тревожными вестями из Севастополя, изнемогавшего в геройской борьбе. Вскоре по получении в Петербурге известия о падении этой крепости император Александр Николаевич в сопровождении обеих императриц, супруги и матери, и всех своих детей поехал в Москву»¹.

Прием, оказанный ему в первопрестольной столице, отличался на этот раз не столько торжественностью, сколько сердечностью и задушевностью, с которыми Москва встретила молодого царя, поднявшего бремя са-

¹ Татищев С. С. «Детство и юность Великого Князя Александра Александровича: В 2 кн. / Подгот. текста С. С. Атапина, В. М. Лупановой; Вступ. ст. Н. А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М.: Рос. фонд культуры: Студия «ТРИТЭ»: Рос. Архив: Рос. гос. ист. архив, 2002. С. 92.

модержавного правления в тяжелую годину государственных и народных бед и испытаний.

Царская семья оставалась в Москве десять дней, и этим временем императрица Мария Александровна воспользовалась, чтобы вместе с детьми подробно осмотреть московские святыни и исторические памятники. Знаток старой Москвы академик М. П. Погодин был приглашен в качестве сопровождающего. Осмотр начался с Кремлевского дворца и храмов и завершился Оружейной палатой. При этом Погодина, как и Грота, приятно удивило, что императрица говорила с детьми по-русски, и дети ей отвечали «ясно, чисто, правильно». Один из дней государь и императрица с детьми провели в Троице-Сергиевой лавре, где молились у мощей Святого Сергия².

Присутствовали они и на молебне, отслуженном Митрополитом Филаретом при выступлении в поход вновь образованного Стрелкового полка императорской фамилии, в который были зачислены все ее члены, в их числе Николай и Александр Александровичи, а в день отъезда великие князья долго ходили по Кремлю и его стенам и даже взобрались на Ивана Великого, чтобы с его высоты проститься со златоглавою Москвой. Прежде чем отправиться на вокзал, великие князья зашли в Чудов монастырь приложиться к мощам святого Митрополита Алексия и остановились у часовни Иверской Божией Матери. Отъезд из Москвы состоялся вечером 11 сентября, а на другой день к полудню они уже были в Царском Селе³.

Особенно памятным временем для великого князя Александра Александровича были дни коронации его отца государя Александра II Николаевича 26 августа 1856 года в Успенском соборе Кремля. Великому князю Александру Александровичу тогда было одиннадцать лет.

14 августа государь с семьей выехал из Петербурга. Прибыв по железной дороге в Москву в тот же день, остановились в Петровском двореце. Три дня спустя, в воскресенье 17-го, состоялся торжественный въезд их величеств в Первопрестольную столицу. Император ехал верхом на сером коне в генеральском мундире, за ним следовали верхами великие князья, среди них два его старших сына: цесаревич Николай Александрович в мундире лейб-атаманского казачьего полка и Александр Александрович в лейб-гусарском мундире. Владимир Александрович ехал в золотой карете с императрицей Марией Александровной.

У часовни Иверской Божией Матери Царь и вся свита спешили, императрица и дети вышли из экипажей, приложились к чудотворной иконе и пешком пошли в Кремль. У Спасских ворот их встретил московский комендант со штабом, а возле Успенского собора — Правительствующий

² Справка из дел Духовного собора Св. Троице-Сергиевой лавры.

³ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (125/2382). Д. 9.

Сенат. Из собора вышли навстречу императору члены Святейшего Синода во главе с митрополитом Филаретом. Обойдя кремлевские соборы, царская семья через Красное крыльцо вошла в Кремлевский дворец. 26 августа 1856 года в Успенском соборе прошла коронация со строгим соблюдением всего «чина». Дети императора присутствовали при миропомазании и коронации своих родителей.

24 сентября государь возвратился в Царское Село, а 2 октября состоялся торжественный его выезд в Петербург, причем оба старших сына ехали верхом непосредственно за ним на своих маленьких лошадаках, как в Москве⁴.

Летом 1861 года предполагалось путешествие по России великих князей Александра и Владимира Александровичей (Петербург — Тверь — Нижний Новгород — Москва), однако из-за болезни Владимира пришлось ограничиться поездкой в Первопрестольную. Посещение столицы в 1861 году оказалось особенно богато яркими впечатлениями, став настоящим паломничеством по наиболее значимым для русского человека московским святыням. Подробности этой поездки донесли до нас не только журналы воспитателя великих князей генерал-адъютанта Б. А. Перовского, но и первые дневниковые записи 16-летнего великого князя Александра Александровича.

«Великие князья, — доносил государю Перовский по приезде в Москву 20 августа, — слушали обедню в церкви Рождества Богородицы. Оттуда Александр Александрович ходил со мною в соборы Успенский, Архангельский и Благовещенский и Чудов монастырь прикладываться к святым иконам... После обеда мы ездили любоваться видом Москвы с Воробьевых гор».

Утром следующего дня великих князей навещил Митрополит Филарет. «Он приехал около одиннадцати часов, — сообщал государю Перовский, — и благословил обоих великих князей образами. Так как он знал, что после его посещения они намерены осматривать древности в Архангельском Соборе, то он говорил им, на что более всего следует обратить внимание, и привёз с собою показать Евангелие, писанное рукою Св. Алексия Митрополита, которое хранится в Чудовом монастыре».

Помощник воспитателя великих князей Н. Г. Литвинов в дневнике от 21 августа 1861 года записал: «После завтрака мы отправились в Архангельский собор; там нас ожидал священник, назначенный митрополитом для объяснения всех достопримечательностей... Особенно интересно было для великих князей видеть одежду и другие принадлежности Царевича Дмитрия. Часа в два к нам приехал Иван Михайлович Снегирев,

⁴ Воспоминания о короновании Императора Александра II графа Г. А. Милорадовича // «Русский Архив». 1884. II. С. 182–206.

и мы с ним отправились в дом Романовых на Варварке. Внутреннее расположение комнат, убранство их, мебель — все мельчайшие подробности в высшей степени интересовали великих князей, и они с жадностью слушали объяснения Ивана Михайловича, под руководством которого и было реставрировано это здание... В 5 часов мы пошли в Оружейную палату, где ожидал нас майор Яковлев; он большой знаток древностей вообще, а по части оружия в особенности; великие князья все время не отходили от него и слушали его с большим вниманием и видимым удовольствием»⁵.

«Во всех наших поездках по монастырям, — сообщал государю Перовский, — с нами ездил И. М. Снегирёв, — это олицетворённая летопись московских древностей и русской старины». 22 августа 1861 года он сопровождал их и в Фили смотреть знаменитую избу, «где останавливался в 1812 году Кутузов, а оттуда в Новодевичий монастырь, где была заключена Царевна Софья Алексеевна»⁶.

В августе 1865 года цесаревич Александр Александрович приехал вместе с отцом в Москву, чтобы предстать в Первопрестольной в своей новой роли наследника престола. Москва, как и всегда, оставила в нём самые отрадные впечатления. Поклонение святыням, знаки неподдельной народной любви — всё это наполняло его особенной силой и рождало в нём уверенность в своей способности исполнить долг свой перед Россией⁷.

Большое влияние на формирование кругозора и характера Александра Александровича оказали его продолжительные и насыщенные впечатлениями путешествия по России. География поездок великого князя была крайне широка: он объездил почти всю европейскую Россию с севера до южных границ и от царства Польского до Урала. С 8 по 26 августа 1866 года состоялась ознакомительная поездка цесаревича Александра Александровича по волжским городам.

По окончании поездки 27 августа цесаревич прибыл в Москву. По пути в Кремль остановился у московской святыни — Иверской часовни, где помолился у иконы Иверской Божией Матери. Затем посетил Успенский собор и Чудов монастырь. В этот же день осмотрел царскую сокровищницу — Оружейную палату. Вечером отбыл в Петербург, в Царское Село⁸.

Весной 1867 года цесаревич и цесаревна посетили Первопрестольную еще раз.

⁵ Великий Князь Александр Александрович: Сборник документов. М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2002, С. 455.

⁶ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 984. Л. 45–46.

⁷ Дронов И. Е. Сильный. Державный. Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: ООО «Духовное преображение», 2019. С. 93.

⁸ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 299.

Августейшая пара остановилась сначала в Петровском дворце, а 21 апреля состоялся торжественный въезд в Москву. «Москва вслед за северной столицей возликовала при виде молодой четы, — писал в своих мемуарах граф С. Д. Шереметев. — Все сердца неслись к молодой цесаревне. Она появилась как солнечный луч, а с нею рядом, словно все еще в тени своего брата, добродушно, спокойно, но твердо выступил тот, о котором принято было говорить, по свидетельству Б. Н. Чичерина, словами умирающего брата: «У нас у всех несколько лисья натура, у одного брата Александра хрустальная душа»⁹.

В Москве августейшие супруги посетили все святыне места — молились в Иверской часовне у чудотворной иконы Иверской Божией Матери, были в Успенском соборе Кремля — усыпальнице московских патриархов и митрополитов, в Архангельском соборе — усыпальнице московских царей и, наконец, в Благовещенском соборе.

За 10 дней пребывания в Москве они увидели много. В Большом театре — оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя», балет «Конек-горбунок», в Малом — «Женитьбу» Н. В. Гоголя. Особое впечатление осталось у молодой цесаревны от посещения Московского воспитательного дома, где содержались дети-сироты. До последних дней своего пребывания в России императрица Мария Федоровна будет уделять такого рода заведениям большое внимание, оказывая им поддержку часто из своих личных средств.

В 1882 году императорская семья снова была в Москве. Цесаревич Николай Александрович отметил в своем дневнике: «В 12 приехали в Москву. Заехав к Иверской Божией Матери, поехали в Кремль. Был выход в Успенский собор»¹⁰. В Успенском соборе Августейшую чету встречал митрополит Московский Иоанникий с высшим духовенством: «Здесь в сердце державы твоей, собраны в настоящее время плоды земного труда миллионов твоих верноподданных. Развитие и усовершенствование всех сторон жизни и всех отраслей промышленности, наглядно представляемое всероссийской выставкой, да послужит отрадой и утешением любящему твоему сердцу среди непрерывных работ твоих о благе и преуспевании народа твоего...»¹¹. Староста собора преподнес императору традиционный хлеб-соль. По окончании благодарственного молебна все проследовали в Чудов монастырь, приложились к мощам Святого Алексия, митрополита Московского, владыка Иоанникий благословил императора, императрицу и Цесаревича иконами Сятого Алексия.

Вечером император и императрица отправились на Басманную, где посетили Елизаветинский институт, основанный в 1825 году женой

⁹ Чичерин Б. Н. Воспоминания (1861–1868). Московский университет. М., 1929. С. 154.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 255.

¹¹ Всемирная иллюстрация. № 716, 25 сентября 1882.

московского генерал-губернатора княгиней Т. В. Голицыной. Александр III живо интересовался бытовыми условиями, учебной программой, вопросах воспитания. Воспитанницы института исполнили для гостей несколько музыкальных пьес, затем состоялся обед, где Александр III и Мария Федоровна пробовали блюда, приготовленные для учащихся.

На следующий день, 21 сентября, состоялся Высочайший смотр войск на Ходынском поле. Впервые после 20-летнего перерыва в смотре принимали участие кадетские корпуса.

По окончании смотра император со всей свитой отправился осматривать XV Всероссийскую промышленно-художественную выставку, официальное открытие которой состоялось 20 мая 1882 года. Выставка поражала своими размерами и показом достижений Российской Империи.

23 сентября августейшие гости еще раз посетили выставку и присутствовали на симфоническом концерте, где оркестр под управлением Н. А. Губерта исполнил увертюру А. Г. Рубинштейна «Россия», написанную специально по случаю выставки.

Визит в Москву был коротким, но насыщенным. В своем дневнике цесаревич Николай Александрович 24 сентября отмечает: «Ездили к Третьякову осматривать его коллекцию картин. Завтракали в круглой зале с другими. Поехали на выставку. Отправились в Кремль. Обедали. Я рисовал Петра Великого¹². Приехали на станцию, сели в поезд и помчали в милый Петергоф»¹³.

1883 год вошел в российскую историю как год коронации императора Александра III. 8 мая 1883 года императорская семья и свита отправились в путь из Гатчины, а 10 мая торжественно въехали в Москву.

Древняя столица была преображена. Дома украшены транспарантами и флагами. На стенах Кремля поместили гербы всех российских губерний. Соборы отреставрировали, роспись Грановитой палаты была обновлена. На следующий день в 3 часа процессия отправилась от Петровского дворца к Кремлю. У Триумфальных ворот Августейшую семью встречал генерал-губернатор, князь В. А. Долгорукий.

Традиционно императорская семья посетила часовню Иверской иконы Божией Матери, где коленопреклоненно молилась перед образом Пречистой, у Спасских ворот их ожидал московский комендант со своим штабом. Цесаревич Николай Александрович описал события в дневнике кратко: «Был торжественный въезд в Москву. Мы ехали на... лошадях. Мама сидела с Ксенией в золотой карете. Прикладывались к мощам и местным иконам в Успенском и Архангельском соборах. Были и в Благовещенском

¹² Наваяно образами обновленного Петровского дворца, в котором жила Августейшая семья.

¹³ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 217. Л. 258.

с[оборе]. Ночевали в Большом дворце, в комнатах с окнами, обращенными к Спасу на Бору»¹⁴.

12 мая Царская семья отправилась по московским монастырям, посетили Донскую, Даниловскую и Симоновскую обители. В дневнике цесаревича Николая Александровича читаем: «осматривали древние церкви, иконы и сосуды; влезали на 44 саженную колокольню»¹⁵. Вечером 14 мая августейшая семья переехала в кремлевский Николаевский дворец.

Коронация состоялась 15 мая. Цесаревич Николай Александрович записал в дневнике: «Коронация. В половине девятого все семейство двинулось в Успенский собор... Также иностранные принцы. Папа и Мама под балдахином пришли в собор после. Затем произошло самое коронавание и архиерейская служба. После был завтрак. Через час Папа и Мама пошли в коронационной одежде в Грановитую палату на торжественный обед. Мы все глазели из тайника. Ура!! Ура!!!!!! Были в Преображенских м[ундирах]»¹⁶.

Еще три события заслуживали особого внимания. 22 мая цесаревич Николай Александрович пишет в дневнике: «В девять часов утра сели в вагон и поехали в Троицко-Сергиеву Лавру. После обедни и завтрака посетили скит преподобного Сергия. Вернулись домой в шесть»¹⁷. 24 мая: «Осматривали Румянцевский музей»¹⁸. 26 мая: «Произошло освящение громадного Храма Христа Спасителя. Продолжалось очень долго: 3 часа и 3/4 ч.»¹⁹ На другой день после освящения храма-памятника воинам 1812 года император Александр III присутствовал на торжественном открытии для обозрения первых 11-ти залов Исторического музея на Красной площади.

28 мая был последним днем пребывания в Москве императорской семьи. Из дневника цесаревича Николая Александровича мы узнаем: «Был большой парад... Погода стояла чудная. Войска проходили великолепно. В половине восьмого сели в поезд и полетели в милый Петергоф»²⁰.

Еще будучи цесаревичем Александр Александрович в августе-сентябре 1865 года несколько недель провел в имении Ильинское под Москвой у матери, Императрицы Марии Александровны. 8 сентября, в первый день рождения Никсы без него, в Ильинском храме состоялась панихида, в этот день он записал в дневнике: «Плакал как ребенок, так сделалось груст-

¹⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 218. Л. 134.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 218. Л. 136.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 218. Л. 139.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 218. Л. 146.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 218. Л. 148.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 218. Л. 150.

²⁰ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 218. Л. 152.

но снова... Такого брата и друга никто из братьев мне заменить не может, а если и заменит его кто отчасти, то это Мать или будущая моя жена, если это будет милая Дагмаг».

Однако, в 1888 году посещение этих же мест было очень приятным. Летом этого года императрица Мария Федоровна поехала на короткое время в Данию. Тем временем Александр III с младшим сыном Михаилом отправился в Московскую губернию, к брату, великому князю Сергею Александровичу и его супруге великой княгине Елизавете Федоровне в имение Ильинское.

Перед поездкой 13 августа государь написал из Петергофа письмо великому князю Сергею Александровичу: «Страшно радуюсь пожить у тебя и Эллы в милом Ильинском, а Миша в восторге и уже притащил к себе свое седло, чтобы уложить с собою и очень рассчитывает на спину Бормана, так как Элла ему сказала, что на нем можно ездить верхом. Пожалуйста, только не говори пока никому, что мы едем, и очень прошу не устраивать никаких особенных встреч. Крепко обнимаю тебя. Твой брат Саша»²¹.

Здесь в Ильинском государь провел целую неделю в полном уединении. Об этой поездке Александр III сообщал супруге в письме от 16 августа 1888 года: «Приехали мы сюда с Мишей и Алексеем вчера в 11 ч. утра и встречены были у дома хозяевами с хлебом-солью. Мой инкогнито таки удался, что ни губернатор, ни прочее начальство не знали о моем приезде. Погода великолепная и жаркая, так что мы все снова гуляем по-летнему и носим белое платье. Вчера же мы после завтрака отправились все вместе на ту сторону реки гулять и искать грибы, и набрали много. Алексей и Павел с большим увлечением ищут грибы.

Миша очень доволен: Элла подарила ему разные игрушки, и он возится с ними, а также катается с матросами на лодках»²².

В то же время в Ильинском жил граф С. Д. Шереметев (1844–1918), который позднее писал в своих мемуарах: «Это была действительно чудная неделя; погода теплая, но не жаркая, настроение светлое, разговоры живые. Я любовался Государем, давно не видал я его таким благодушным, веселым. Бывало, встанет рано утром. “Мишкин!” — громко зовет он сына, и вместе отправляются в дальнюю прогулку»²³.

22 августа император Александр III вместе с сыном вернулись в Петергоф.

20 октября 1888 года царская семья проездом с юга в Петербург была в Москве. Цесаревич Николай Александрович записал в дневнике: «Приехали в Москву в час. Со станции поехали к Иверской Божией Мате-

²¹ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 72–72 об., 73.

²² ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 710. Л. 2–5.

²³ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М.: Индрик, 2001. С. 504–505.

ри, в Чудов монастырь и Успенский собор. Завтракали в Кремле. Отрадное впечатление всего приема. Уехали из Москвы в 5 ч.»²⁴

В 1891 году император Александр III назначил своего младшего брата великого князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором. В подведомственную территорию входило 9 губерний, включая московскую, а также сам Первопрестольный град. Главная задача виделась великому князю в укреплении русского национального центра, каким и должна была оставаться Москва — хранительница вековых традиций и нерушимая твердыня Православия.

Царский приезд в Москву 17–21 мая 1891 года был, в частности, связан с открытием французской промышленно-художественной и Средне-Азиатской выставок, с церковными торжествами по случаю 300-летия гибели святого благоверного царевича Димитрия Угличского. Император вместе с великим князем посетил Чудов монастырь, потом состоялся большой выход в Успенский собор, после чего был дан парад войскам и устроены многочисленные торжественные приемы.

Одним из важных событий визита императора Александра III был осмотр в Кремле места для будущего памятника его отцу — императору Александру II. Вместе с великим князем они побывали на раскопках, проводимых на Кремлевском холме перед закладкой фундамента памятника. Император Александр III в письме сыну, цесаревичу Николаю Александровичу, отмечает: «... осматривал место раскопок в Кремле, где строится памятник Ан-Папа. Тут много выкопали интересных вещей, в особенности красивые изразцы и массу глиняных вещей. Самое место раскопок весьма интересно, так как видны различные эпохи жизни Москвы и каменные и деревянные строения, отлично сохранившиеся, и следы пожаров»²⁵.

Бывая в Москве, император Александр III и императрица Мария Федоровна всегда наносили визит в Исторический музей. Забелин подробно описал посещение музея в 1891 году: «17 мая. Пятница. В семь часов вечера прибыл Государь. Встреча была изумительная по торжеству и сердечности...»²⁶.

14 марта 1893 году состоялась торжественная закладка памятника, приуроченная к приезду Александра III в Москву. Во время земляных работ были обнаружены фундамент большого каменного здания, лестницы, своды подвалов приказов XVII века, глиняные, медные чернильницы, каменные и железные ядра, множество изразцов. Целая коллекция этих изразцов была передана в Исторический музей 12 мая 1895 года уже после

²⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222. Л. 298.

²⁵ Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. IX. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1999. С. 239.

²⁶ Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. С. 151–152.

смерти Александра III²⁷.

Москва неизменно восторженно и тепло встречала Царскую семью. Как писал в своем дневнике цесаревич Николай Александрович: «На улицах прием, какой бывает только в Москве»²⁸.

12–16 мая 1893 года царская семья находилась в Москве по случаю 10-летия коронации императора Александра III. В Кремле состоялся торжественный прием, был отслужен молебен в Успенском соборе, состоялся парад на Театральной площади.

В ходе визита император направил великому князю Сергею Александровичу благодарственный рескрипт и пожаловал орден святого Владимира 1-й степени.

Всего через полтора года после торжеств, в октябре 1894-го, Москва встречала гроб с телом почившего императора Александра III. Новый император Николай II вспоминал в своем дневнике: «На платформе встретили дядя Сергей, Элла и дядя Миша. Мы вынесли гроб и поставили его на колесницу. По улицам стояли войска и тысячи народу – порядок был замечательный. Сколько светлых воспоминаний, здесь в Кремле, и как тяжело мне теперь все проделывать вместо дорогого Папа!»²⁹.

Тело императора Александра III было перенесено в Архангельский собор Московского Кремля, служились панихиды, не переставая шел проститься народ. Государь поблагодарил всю Москву за искреннее сочувствие, признавшись при этом в своей любви к Москве и в любви к ней почившего государя. Затем гроб торжественно перенесли на железнодорожный вокзал для отправки в Санкт-Петербург. Впоследствии великому князю Сергею Александровичу был передан благодарственный рескрипт от нового императора с выражением сердечной благодарности всем москвичам³⁰.

Краткий обзор посещений Москвы императором Александром III – от Крымской войны (посещение 1855) до торжеств в честь 10-летия коронации (1893) позволяет утверждать, что многократные путешествия в Москву, изучение русской истории, национальных древностей и святынь, молитва в Первопрестольной и Лавре преподобного Сергия способствовали формированию у великого князя Александра Александровича, а позднее у наследника цесаревича и великой княгини Марии Федоровны установки на последовательный консервативный курс в управлении государством в духе триады С. С. Уварова: «Православие – Самодержавие – Народность».

²⁷ Отчет Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III в Москве за XXV лет (1883-1908), М., 1916. С. 8.

²⁸ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб.: Алетейя, 2009. С. 219.

²⁹ Дневники Императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 45.

³⁰ «Москва – Святая Земля – Каталог Международной выставки», М. 2016. С. 155.

Москва поднимается до уровня мировых столиц, становится площадкой для знаменитых общероссийских выставок последней четверти XIX века, идет в авангарде развития передовой науки, новых достижений в искусстве, сохранении и реставрации исторических памятников. Москва украшается шедеврами архитектуры, грандиозными храмами и памятниками.

Посещения Москвы стали одной из значимых составляющих воспитания и образования Цесаревича Александра Николаевича, а также оказали большое влияние на формирование политических установок последнего царствования в истории династии Романовых. Значение Москвы в жизни императора Александра III невозможно переоценить.

Le Pont Alexandre III. Символизм «места памяти» двух наций и роль инженерного сооружения в контексте франко-российских отношений

DOI: 10.48466/3044.2021.20.85.001

Дзюбинский Ян Ростиславович,
Школа исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», аспирант

«[...] Строители свершат блестящий мирный труд,
скрепив своим мостом, как самой прочной клетью
идушее к концу и новое столетье.
И дальше времена счастливей потекут.

Пусть будет этот мост радушен к пешеходам.
Пусть свяжутся бетон, и камень, и металл,
чтоб шире был тот мост, чтоб он прочнее стал
и с честью послужил сдружившимся народам. [...]»¹

*(Фрагмент стихотворения Ж.-М. де Эредиа
«Приветствие императору»,
1896; перевод В. Кормана)*

Мост Александра III — уникальное по своей декоративной отделке и технологическим решениям инженерное сооружение². В очерке научно-популярного журнала *«La Nature»* говорилось:

«Мост Александра III, который в значительной степени будет способствовать украшению Парижа, станет не только мостом в популярном смысле этого слова, но и памятником; помимо технической работы, весьма сложной по проектированию и выполнению, было стремление всеми

¹ Жозе-Мария де Эредиа. Приветствие Императору и др.: [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2006/12/14-12> (дата обращения: 10.08.2020). Режим доступа: свободный. Текст: электронный; Picard A. Exposition universelle Internationale de 1900 à Paris. Rapport général administratif et technique. Tome sixième. P.: Imprimerie nationale, 1903. PP. 75–77.

² Exposition universelle de 1900. Le pont Alexandre III. Extraits de documents des Archives nationales: [сайт]. <http://www.archives-nationales.culture.gouv.fr/le-pont-alexandre-iii> (дата обращения: 12.08.2020). Режим доступа: свободный. Текст: Изображение: электронные.

возможными способами придать ему архитектурную ценность, которая поставит его в первый ряд работ подобного рода»³.

Его история, процессы проектирования, строительства и ввода в эксплуатацию связаны со многими событиями локального, межгосударственного и международного масштаба. Соединив левый и правый берега Сены, он, во-первых, создал магистральную прямую между Домом инвалидов и Елисейскими полями. Во-вторых, явился уникальным по своему воплощению символом франко-русского союза, окончательно ратифицированного императором Александром III и президентом Сади Карно в январе 1894 года. В-третьих, стал одним из ключевых сооружений, сконструированных специально для Всемирной выставки в Париже 1900 года.

Несмотря на значимые взаимосвязи с историческими событиями рубежа XIX–XX веков, мост Александра III, в отличие от своего «побратима» — Троицкого моста⁴, не вызывал особого интереса у отечественных исследователей. Пожалуй, единственное содержательное описание можно встретить в работе Е. В. Федоровой⁵. В связи с этими задачами данной статьи являются привлечение внимания к мосту Александра III, хорошо задокументированному и значимому памятнику истории и архитектуры (с 1975 года находится под охраной Французской республики⁶), а также рассмотрение данного инженерного сооружения в контексте различных направлений и актуальных проблематик современного социо-гуманитарного знания. Таким образом, изучение моста Александра III, его символизма и роли в контексте франко-российских отношений, связано с парадигмой «мест памяти» П. Нора, институциональной историей дипломатии, своеобразной синкретикой «культурных капиталов»⁷ России и Франции в рамках франко-русского союза 1894 года, диа-

³ «Le pont Alexandre III, qui contribuera dans une large mesure à l'ornementation de Paris, ne sera pas seulement un pont dans le sens vulgaire du mot, ce sera encore un monument; en dehors du travail technique fort difficile à concevoir et à exécuter, on a cherché par tous les moyens possibles à lui donner une valeur architecturale qui le mette au premier rang des ouvrages de ce genre» / Exposition de 1900. L'architecture du pont Alexandre III // La Nature. Revue des sciences et de leurs applications aux arts et à l'industrie. 1900: vingt-huitième année, premier semestre: N° 1385, 9 décembre 1899. P. 24.

⁴ Богданов Г. И., Петров Ю. А., Ярошно В. И. Троицкий мост. Санкт-Петербург. СПб.: Наука, 1999. 126 с.; Фролов А. И. Санкт-Петербург от А до Я. Реки, каналы, острова, мосты, набережные. СПб.: Глагол, 2009. С. 209–214; Троицкий мост. 115 лет / науч. ред. Г.И. Богданов. СПб.: Бранко, 2018. 216 с.

⁵ Федорова Е. В. Париж. Века и люди от основания города до Эйфелевой башни. М.: МГУ, 2000. С. 280–281.

⁶ Ministère de la Culture. POP: la plateforme ouverte du patrimoine. Pont Alexandre III: [сайт]. <https://www.pop.culture.gouv.fr/notice/merimee/PA00088798> (дата обращения: 12.08.2020). Режим доступа: свободный. Текст: электронный.

⁷ «Понятие «культурного капитала» подразумевает историческую и социальную совокупность национальной культуры, накопленной из поколения в поколение, в отличие от отбираемой, кратковременной и целенаправленной «культурной политики» / Берар Е. Диалектика формирования образа российского самодержца. Престол Романовых и Европа // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013: сборник статей. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2016. С. 74.

лектикой конструирования образа российского самодержца в Европе конца XIX века, а также с обращением к «элементу эмоций» в истории дипломатии, который был введен Евой Берар при рассмотрении аксиоматической природы династической памяти Романовых⁸.

О необходимости строительства переправы через Сену с целью соединить эспланаду Инвалидов и Елисейские поля говорили «давным-давно»⁹. В начале XVIII века около Инвалидов можно было наблюдать комиссионеров короля, которые имели право останавливать контрабандные товары и взимать пошлины, установленные на все, что прибывает по реке¹⁰. Уже в 1810 году Наполеон I хотел реализовать проект арочного металлического пешеходного моста, пересекающего реку без промежуточной опоры¹¹. Однако этот проект, как и следующий, не были реализованы по различным причинам. Так, например, проект инженера Анри Навье (1785–1836) 1820-х годов не был осуществлен из-за прорыва водопровода¹². В итоге, первый мост, соединяющий оба берега Сены напротив Инвалидов, был построен в 1855 году, накануне Всемирной выставки, и получил одноименное название – «мост Инвалидов» (Le Pont des Invalides).

Вместе с тем, пропускная способность существующих мостов уже не могла удовлетворять потребностям динамично развивающегося Парижа. В связи с этим, вплоть до учреждения Всемирной выставки в Париже 1900 года, государственными учреждениями, городом и западной железнодорожной компанией рассматривались различные варианты по строительству дополнительных инженерных сооружений¹³. Однако, при учреждении Правительством Франции генерального плана по проведению Всемирной выставки 1900 г., все предыдущие инициативы были отклонены. Насущной задачей стало строительство «соединительного звена»¹⁴ между эспланадой Инвалидов и Елисейскими полями – моста, который бы также стал продолжением новой дороги между планируемыми Большим и Малым дворцами (Le Grand et le Petit Palais)¹⁵.

⁸ Берар Е. Указ. соч. С. 71–88.

⁹ «L'idée de relier les Champs-Élysées à l'Esplanade des Invalides par un pont jeté sur la Seine remonte à une époque déjà ancienne» / Picard A. Exposition universelle Internationale de 1900 à Paris. Rapport général administratif et technique. Tome premier. P.: Imprimerie nationale, 1902. P. 406.

¹⁰ «L'on voit aussi en cet endroit, au milieu de la rivière une patache ou bateau couvert, où se tiennent les commis des fermiers du Roi qui ont le droit d'arrêter les marchandises de contrebande et de faire payer les droits établis sur tout ce qui arrive par eau» / Dubly H.-L. Ponts de Paris à travers les siècles. P.: Henri Veyrier, 1973. P. 169.

¹¹ Picard A. Op.cit. Tome premier. PP. 406–407.

¹² Ibid., PP. 406–407; Dubly H.-L. Op. cit. P. 169.

¹³ Picard A. Op. cit. Tome premier. PP. 406–407.

¹⁴ Здания и сооружения Всемирной Выставки в Париже 1900 года. СПб.: Издание редакции журнала «Строитель», 1900. С. 663.

¹⁵ Dubly H.-L. Op. cit. P. 169.

Первые работы (исследования и вычисления) относительно будущего моста были начаты в 1895 г., после согласования всех нюансов между министром торговли и министром общественных работ Французской республики. До конца 1895 г. был представлен предварительный проект моста¹⁶. Согласно декрету от 5 октября 1896 г., конструкция не должна была скрывать перспективу Инвалидов, отвлекать от Сены (при взгляде со стороны моста Согласия (le Pont de la Concorde), других мостов и интенсивной навигации, а также должна была по ширине гармонировать со 100-метровым проспектом (быть в гармонии с шириной и перспективой выстраиваемого променада¹⁷), не занимая при этом слишком большой участок реки¹⁸.

Интенсивные строительные работы начались в апреле 1897 года¹⁹. Вестник архитектуры, домовладения и зодчества «*Строитель*» сообщал в 1899 году:

«Работы по постройке моста представляли немало трудностей. В общем порядок их был следующий. Прежде, чем приступить к выемке земли, забили сваи посредством сжатого воздуха. Затем была произведена установка и погружение кессонов. По окончании выемки были произведены бетонные работы по устройству основания, на котором воздвигнуты береговые устои из вогецкого гранита. Вслед за тем с берега на берег перебросили временной пешеходный мостик, давший возможность установить основные арки и верхнее строение моста. Для всего сооружения потребовалось 24 тысячи тонн стали. Заказ был сделан сразу нескольким заводам, а именно: Крезю, Шатильон, Комментри, С. Шамон, С. Этьен и Фирмини»²⁰.

¹⁶ Picard A. Op. cit. Tome premier. PP. 407–409.

¹⁷ Речь идет о переустройстве участка квартала Елисейских полей в конце XIX в. В 1855 г. (к Всемирной выставке в Париже 1855 г.) на обговариваемом нами участке между главной линией Елисейских полей и Сенной был построен Дворец промышленности (le Palais de l'Industrie). Затем, по генеральному плану, разработанному к Всемирной выставке 1900 г., он был снесен, а на его месте были построены Большой и Малый дворцы (le Grand et le Petit Palais). Именно тогда была создана магистральная прямая и ключевая ось Всемирной выставки 1900 г. – променада от Елисейских полей до Инвалидов. Изменения прослеживаются на муниципальных планах Парижа конца XIX в.: 1. Планы до изменений 1896 г.: Archives de Paris. PP/11966/B, PP/11966/C, PP/11966/F. Plan parcellaire municipal de Paris (fin XIXe), 29e quartier, Champs-Élysées, 28e feuille parcellaire, échelle 1/500; 2. Планы после изменений 1896 г.: Archives de Paris. PP/11921/B, PP/11921/D. Plan parcellaire municipal de Paris (fin XIXe), 29e quartier, Champs-Élysées, 28e feuille parcellaire, échelle 1/500, а также Archives de Paris. PP/11862/C. Plan parcellaire municipal de Paris (fin XIXe), 26e quartier, Invalides, 21e feuille parcellaire, échelle 1/500.

¹⁸ Приводится по: Dubly H.-L. Op. cit. P. 169; Согласно другому изданию, перечень условий, которым должен был соответствовать мост, был чуть больше: «1. Avoir le sommet de son extrados assez bas pour permettre au spectateur placé dans l'axe des Champs-Élysées de découvrir l'Hôtel des Invalides jusqu'à sa base; 2. Ne porter aucune atteinte à l'aspect de la Seine vue du pont de la Concorde; 3. Présenter une largeur en proportion avec celle de l'avenue de quatre-vingt-dix mètres conduisant des Champs-Élysées à l'Esplanade des Invalides, et des dispositions symétriques dans le lit du fleuve; 4. Être décoratif par ses formes et ses matériaux» / Picard A. Op. cit. Tome premier. P. 409.

¹⁹ Picard A. Op. cit. Tome premier. P. 447.

²⁰ Текст был напечатан в № 17–18 вестника за 1899 г. Цитируется по: Здания и сооружения Всемирной Выставки в Париже 1900 года. СПб.: Издание редакции журнала «Строитель», 1900. С. 664–665.

На протяжении 38 страниц в «*Rapport général administrative et technique*»²¹ описываются процессы строительства, связанные с ним расчеты (относительно длины и высоты различных составляющих, артикуляции моста, его устойчивости, соотношения параметров для разных периодов навигации и сезонов года и т.д.²²), проблемы и наработки, приводятся сравнения с 6-ю другими мостами Парижа (Le Pont: Royal, de Solferino, de la Concorde, des Invalides, de l'Alma, d'Iéna). Все работы контролировались главным инженером мостов и дорог Жаном Резалем (1854–1919) и Управлением по обслуживанию мостов и путей на Сене на выставке 1900 года (Le Service des Ponts et Passerelles de la Seine à l'Exposition de 1900). Масштабность строительных работ, а также этап монтажа арок описываются в отчете Общества гражданских инженеров (la Société des Ingénieurs civils) о визите на строительную площадку моста 17 февраля 1899 года²³.

Отдельного внимания заслуживает декоративная отделка моста, которой занимались архитекторы гг. Кассьен-Бернар и Кузен. Сооружение должно было выглядеть грандиозно, но в то же время не утратить легкость конструкции. В связи с этим, оба береговые въезда со спусками были украшены монументальными пилонами: «Каждый пилон состоит из квадратного в плане массива, с ионическими колоннами на углах. Венчающие антаблементы с аттиками над ними служат пьедесталами для групп Пегасов и Славы, из позолоченной бронзы»²⁴. Перед пилонами, в направлении от реки, были установлены четыре масштабные фигуры, олицетворяющие Францию в различные эпохи: к Елисейским полям – Франция эпохи Карла Великого и современная Франция, к эспланаде Инвалидов – Франция эпохи Возрождения и Франция эпохи Людовика XIV²⁵. Начала лестничных скульптурных групп (вершина доковых стен) были дополнены каменными львами и гениями (des génies), которые окружали атрибуты мира со стороны Елисейских полей и атрибуты воинов со стороны Инвалидов²⁶. Помимо прочего в декоративной отделке присутствуют перила художественной работы с бронзовыми канделябрами, декоративный мотив над замковым шарниром арки и две символических скульптурных группы – патроны

²¹ Picard A. Op. cit. Tome premier. PP. 409–447.

²² Résal, Ingénieur en chef, Alby, Ingénieur des ponts et chaussées. Notes sur la construction du pont Alexandre III // Annales des ponts et chaussées. 1re partie. Mémoires et documents. P.: Vve Ch. Dunod, 1898, 1er trimestre: 7e série, 8e année. PP. 165–214 bis, planches 4 à 8.

²³ Périssé M.L. Compte rendu de la visite de la Société au chantier du Pont Alexandre III // Mémoires et compte rendu des travaux de la Société des Ingénieurs civils de France. P.: Hôtel de la Société, 1899: année 1899, premier volume: № 2, bulletin de février 1899. PP. 307–310.

²⁴ Здания и сооружения Всемирной Выставки в Париже 1900 года. СПб.: Издание редакции журнала «Строитель», 1900. С. 665–666.

²⁵ Picard A. Op. cit. Tome premier. P. 444; Здания и сооружения Всемирной Выставки в Париже 1900 года. СПб.: Издание редакции журнала «Строитель», 1900. С. 666.

²⁶ Picard A. Op. cit. Tome premier. P. 445.

(des cartouches) в середине верхней части моста: с восточной стороны герб Парижа, а с западной – российский императорский орел; оба патрона обрамлены двумя женскими фигурами, олицетворяющими Сену и Неву²⁷.

Работы по строительству моста продлились 3 года (36 месяцев) и подразделялись на 5 последовательных этапов (от создания опор до декора и отделки)²⁸. В цифрах мост может быть представлен как: 39 000 кубометров каменной кладки, 5 500 тонн различного металла, 6 728 528 франков 50 сантимов (5 545 244,35 ушло на саму конструкцию и 1 183 284,15 на ее архитектурное украшение), более 60-ти фамилий в основном списке должностей²⁹.

Рассмотрев процесс строительства и его составляющие, вернемся к символике и роли нашего моста-памятника в контексте франко-российских отношений. Свое историческое название он получил по декрету от 4 октября 1896 года: «[...] Ст. 1. – Мост, который по случаю Всемирной выставки 1900 года должен быть сооружен на Сене перед Домом инвалидов, будет называться «мост Александра III» [...]»³⁰. Церемония закладки первого камня моста состоялась 7 октября 1896 года и стала ключевым событием праздничной программы по случаю визита императора Николая II и императрицы Александры Федоровны во Францию в октябре 1896 года. Как пишет Е. Берар:

«К визиту Николая II Париж готовился радостно и лихорадочно. Благосклонность нового царя, его готовность посетить Париж сразу после коронации вызвали энтузиазм. [...] Французский посол в России, Морис Бомпар, сопровождавший императорскую чету, так описывает эту небывалую атмосферу: “Париж ликовал: железные дороги ввели пониженную плату за проезд в Париж, начало школьных занятий было перенесено на неделю, окна домов вдоль маршрута Их Величеств от вокзала Пасси до посольства на улице Гренель сдавались за пять тысяч франков, многие виды сыров и мыла стали называться именем «славной французско-русской дружбы». Такого подъема Париж не видывал со времен триумфального возврата французских войск после победоносных сражений в Италии”»³¹.

²⁷ Picard A. Op. cit. Tome premier. PP. 445–446; Lantfnay R. Le pont Alexandre III. Le pont – les caissons de fondation – la maquette // La Nature. Revue des sciences et de leurs applications aux arts et à l'industrie. 1898: vingt-sixième année, premier semestre: № 1296, 2 avril 1898. PP. 280–282.

²⁸ Picard A. Op. cit. Tome premier. P. 447.

²⁹ Ibid., PP. 447–450.

³⁰ «Art. 1er. – Le pont qui doit, à l'occasion de l'Exposition universelle de 1900, être établi sur la Seine, en face de l'Hôtel des Invalides, prendra le nom de «pont Alexandre III» / Partie officielle. Décret attribuant au nouveau pont à établir sur la Seine, à l'occasion de l'Exposition universelle de 1900, le nom de «pont Alexandre III» // Journal officiel de la République française. P., mardi 6 octobre 1896: vingt-huitième année, № 272. P. 5509.

³¹ Берар Э. Из Парижа в «Живописный Петербург»: мирискусники и городская культура // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Материалы международного коллоквиума, Санкт-Петербург 14–17 июня 2004 года). СПб.: Европейский Дом, 2009. С. 76.

Можно долго рассматривать пышность происходивших событий. Приведем лишь одно уточнение, данное Жюлем Кларети (1840–1913) во французском издании «*Le Temps*» относительно парижской жизни во время визита российской императорской четы:

«Париж последовал примеру Потемкина, показывавшего Екатерине II иллюзорные деревни в Тавриде. Скрывая наш обычный Париж и предлагая нашим гостям самые красочные театральные декорации, он представил другой Париж»³².

Если отодвинуть на второй план помпезность³³ октябрьских мероприятий 1896 года и взглянуть на эпизоды, приведшие к заключению франко-русского союза в 1894 году, то церемония закладки первого камня моста Александра III явится своеобразной кульминацией уникальных явлений и процессов синкретики «культурных капиталов» двух стран. Среди многих событий того времени, мы особо выделяем визит французской эскадры в 1891 году³⁴ в Россию и визит русской эскадры во Францию в 1893 году. Они стали теми репрезентативными элементами, после которых наиболее отчетливо начинает проявляться «элемент эмоций» и аксиоматичность позиций последних императоров России в вопросах внешней политики. Николай II, сын царя-миротворца, «примирившегося со страной цареубийц»³⁵ и слушавшего исполнение «*Марсельезы*» стоя, «с непокрытой головой»³⁶, закладывает в Париже мост, названный в честь своего отца. В это же время французская сторона (от граждан до президента республики), вдохновленная франко-русским союзом, создает в центре Парижа мост, который не просто носит имя императора Александра III, но, посредством своих архитектурных украшений, напрямую отсылает зрителя к исторической Франции эпохи правления королей³⁷.

³² «Paris a suivi l'exemple de Potemkine montrant en Tauride à Catherine II des villages Illusoires. Il a Improvisé un autre Paris volant notre Paris d'habitude et offrant à nos hôtes le plus colores des décors de théâtre» / Claretie J. La Vie à Paris. L'âme de Paris. – La foule et l'empereur // *Le Temps*. P., jeudi 8 octobre 1896: trente–sixième année, № 12913.

³³ Le panorama. Les Cinq Journées Russes. 5–9 octobre 1896. P.: Ludovic Baschet, 1897. 56 p.

³⁴ Рыбаченок И. С. Военное и военно-морское сотрудничество России и Франции на рубеже XIX–XX веков // *Россия и Франция. XVIII–XX века*. М.: Наука, 1995. С. 205–236.

³⁵ Берар Е. Диалектика формирования образа российского самодержца... С. 88.

³⁶ «... неожиданный и необычайный, икоборческий жест: до и после приема в Петергофе «Марсельеза» считалась в России песней революционных «каналей», если употреблять выражение самого самодержца» / Берар Е. Диалектика формирования образа российского самодержца... С. 84–86.

³⁷ Вероятно, это не первый и точно не единственный опыт слияния «прошлого» и «современного» Франции. Так, говоря о работах французских историков XIX в. и их значении, П. Ю. Уваров пишет: «В создаваемом мифологическом пантеоне причудливым образом сочетались вождь галлов Верцингеториг, император Карл Великий, мятежный купеческий прево Этьен Марсель, Людовик Святой и Жанна д'Арк, Ришелье и революционный маркиз де Лафайет. Эта история внушала уважение к государству и нации, приписывая им чуть ли не извечное существование, она удачно соединяла, казалось бы, взаимоисключающие традиции – монархическую и республиканскую, она была в меру антиклерикальна и рационалистична, отличалась верой в прогресс и гуманистические идеалы» / Уваров П. Ю. История, историки и историческая память во Франции // *Отечественные записки*. 2004. № 5 (20). С. 196–198.

Фактор секретности, с которой несколько лет велись дипломатические переговоры о заключении грядущего союза³⁸, способствует восприятию моста Александра III в качестве публичного заявления двух держав, оформленного в камне и металле. Именно со дня закладки первого камня моста Франция и Россия – союз, опирающийся на «несовместимые правовые институты республики и абсолютной монархии»³⁹, представили мировой общественности предварительный проект нового устройства системы международных отношений.

К церемонии закладки первого камня моста для императора Николая II и президента Феликса Фора были изготовлены стальные молотки, инкрустированные золотом, с ручками из слоновой кости. На них изображены слова «Мир» (Pax) и «Могущество» (Robur), а на их ручках – буквы «N» в ветвях дуба и «RF» в ветвях оливы. Также были изготовлены специальные мастерки: на них была помещена информация о лицах, участвующих в закладке первого камня; на их ручках были высечены легендарный девиз с герба Парижа «Зыблем, но непотопим» (Fluctuat nec mergitur) и надпись «Sequana» (Секвана, от лат.; совр. – Сена); ручки и основания мастерков соединялись посредством фрагмента, изображающего поток золота, изливающийся сквозь листья оливковой ветви⁴⁰. По заказу Энри Буше (1847–1927) – министра торговли, промышленности, почты и телеграфа, специально к визиту русского царя и царицы во Францию Жозе-Мариа де Эредиа (1842–1905) написал стихотворение «*Приветствие императору*» (*Salut à l'Empereur*)⁴¹. 7 октября 1896 года оно было произнесено⁴² актером Комеди Франсез – Полем Муне (1847–1922).

В память об историческом событии гравером Даниэлем Дюпюи (1849–1899) были изготовлены 70-и миллиметровые медали⁴³. На их аверсе изображены: Слава (la Renommée), показывающая Франции и России бюст Александра III, (изображен в верхней части с надписями «Александр III» и «Мир» (Pax)); Россия держит молоток над первым кам-

³⁸ Документы по заключению франко-русского союза (1891–1893 гг.): [сайт]. <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/FOREIGN/francrus.htm> (дата обращения: 10.08.2020). Режим доступа: свободный. Текст: электронный; К истории ратификации Русско-французской военной конвенции 1892 года. Записка князя В.С. Оболенского-Нелединского-Меецкого от 15 сентября 1893 года. Из фондов Архива внешней политики Российской империи (предисловие и публикация И.С. Рыбаченок) // *Россия и Франция. XVIII–XX века*. Вып. 4. М.: Наука, 2001. С. 218–220.

³⁹ В своей статье Е. Берар отмечает: «Согласно институциональной истории дипломатии, русско-французский союз 1894 г. был заведомо обречен на провал постольку, поскольку он опирался на несовместимые правовые институты республики и абсолютной монархии» / Берар Е. Диалектика формирования образа российского самодержца... С. 81.

⁴⁰ Picard A. Op. cit. Tome sixième. PP. 79–80.

⁴¹ Жозе-Мариа де Эредиа. Приветствие Императору и др.: [сайт]. <https://stihi.ru/2006/12/14-12> (дата обращения: 10.08.2020). Режим доступа: свободный. Текст: электронный.

⁴² Picard A. Op. cit. Tome sixième. PP. 75–77.

⁴³ Ibid., PP. 82–83.

нем будущего моста, а Франция – трехцветный флаг; в основании – одна из строф поэта Ж.-М. де Эредиа. На реверсе изображены: перспектива моста и эспланады Инвалидов (слева вверху), нимфа Сены (по центру) и маленький гений (справа), держащий знамя с датой 7 октября 1896 (le VII octobre MDCCLXCVI); под этой датой размещена надпись с оливковой ветвью (идентична информации на мастерках о лицах, принимающих участие в закладке первого камня). С октября 1896 года все громкогласно возвещало о франко-российском союзе, об изменяющейся геополитической обстановке в Европе⁴⁴.

Символичность союза, ретрансляция его значения в массы отнюдь не ограничилась церемониальными мероприятиями начала октября 1896 г. Мы уже говорили, что, помимо репрезентации франко-русского союза, мост Александра III планировался в своей идее и осуществлении как часть главной оси грядущей Всемирной выставки в Париже 1900 г. Все замыслы были осуществлены: мост был построен и торжественно открыт в 1900 г. Благодаря проведению Всемирной выставки, его изображение и отчетливый символизм распространились в масштабе, сопоставимом, как минимум, с общим количеством людей, посетивших эту самую выставку, то есть – более 50 миллионов человек. В дополнение скажем, что изображения моста Александра III были неотъемлемой частью памятных именных медалей и всех официальных каталогов Всемирной выставки 1900 года⁴⁵.

Итак, мы видим, что мост Александра III был задействован в процессе формирования материального каркаса городского культурного ландшафта Парижа. Со дня своего основания, монументальное инженерное сооружение начало воплощать «политические идеи и художественный замысел эпохи, наделяя организуемое пространство новыми значениями»⁴⁶. Но стал ли мост, обладающий всеми аспектами (материальным, символическим и функциональным), присущими «местам памяти», частью

⁴⁴ «Одним из памятников новой европейской геополитики рубежа XIX–XX в. является роскошная карта Франции. [...] Этот роскошный памятник был призван продемонстрировать всему миру l'Entente cordiale («сердечное согласие»), установившееся между Российской империей и ее новой союзницей – Французской республикой» / Боровкова Н.В., Будрина Л.А. Роскошная оправа для драгоценного дара: шкаф-витрина для карты Франции на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 2 «Гуманитарные науки». 2015. № 1 (136). С. 92.

⁴⁵ Exposition Internationale universelle de 1900. Catalogue général officiel. P.: Imprimeries Lemerrier; Lille: L. Danel, 1900. Différents volumes. (В первую очередь, нами подразумеваются различные тома Главного официального каталога Всемирной выставки 1900 г., соответствующие секциям конгрессов этой выставки: воспитание и образование; изящные искусства; математические науки; наука и техника в области физики и химии; естественные науки; медицина и фармацевтика; прикладная механика, гражданское инженерное и морское дело, средства передвижения; сельскохозяйственные науки; политическая экономия, законодательство, статистика; социальные науки; колонизация и географические науки; промышленность и торговля вообще).

⁴⁶ Цурик Т. О. Монументальные памятники Курского края конца XVIII – начала XX века как символы культурного ландшафта // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия «История и право». 2015. № 3 (16). С. 159

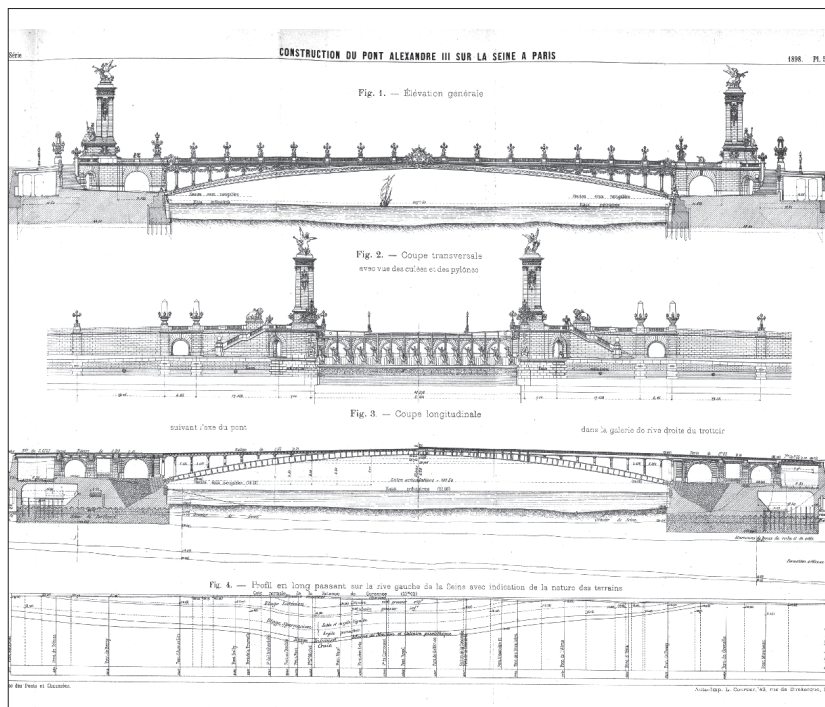
французской или русской национальных идентичностей? По выражению С. А. Еремеевой:

«... сам факт монументальной коммеморации вовсе не гарантирует превращения объекта в место памяти, он представляет собой лишь материализацию и визуализацию памяти отдельных социальных групп, предлагающих новый элемент общей памяти»⁴⁷.

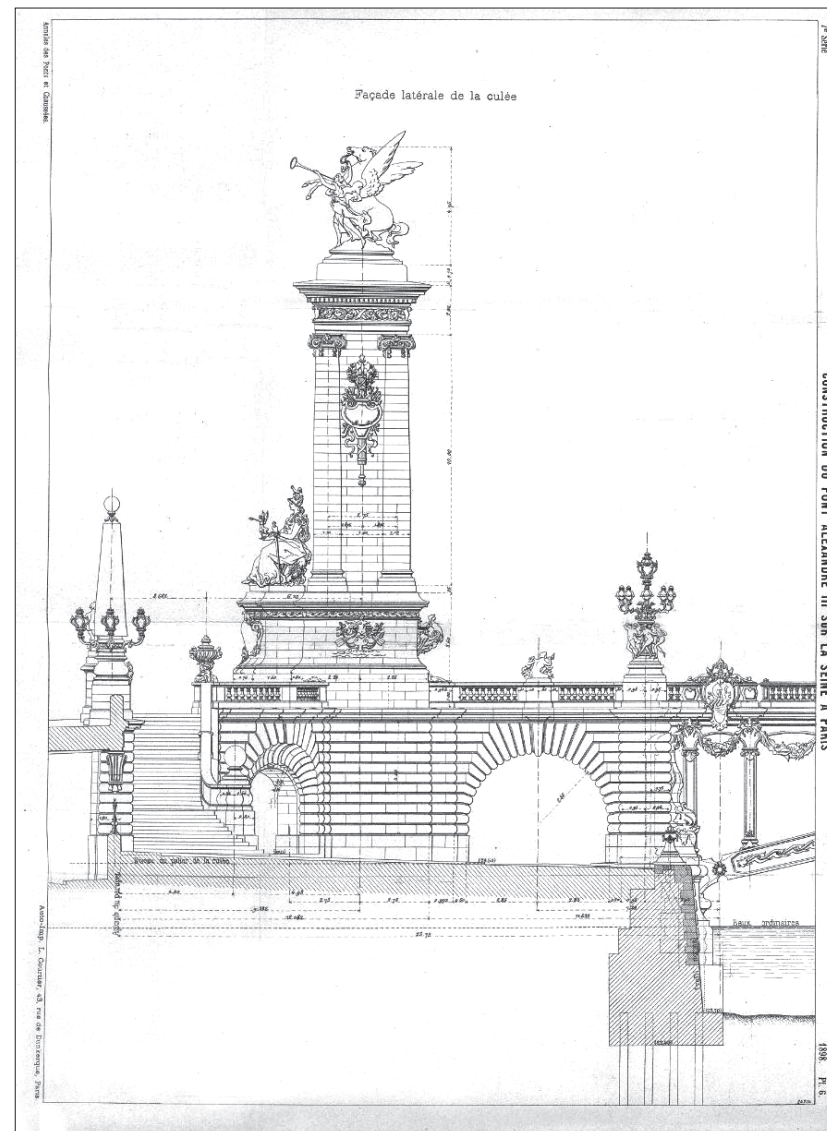
В свою очередь, мост Александра III и его символизм отсылают нас к более масштабной методологической проблеме. Изначальная модель «мест памяти» из пространства рассмотрения конкретного нациостроительства переносится на более масштабный контекст коллективного наследия двух наций, обладающих различным «культурным капиталом». В этом новом контексте перед нами встают другие вопросы, как, например, уже высказанные когда-то Тони Джадтом: «[...] Чьи места? Чья память?»⁴⁸.

⁴⁷ Еремеева С. А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой. М.: Высшая школа экономики, 2012. С. 499.

⁴⁸ Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 45–74.

Строительство моста Александра III на Сене в Париже.
 Фиг. 1. Общий подъем; Фиг. 2. Поперечное сечение с видом на береговые устои и пилоны;
 Фиг. 3. Продольный разрез; Фиг. 4. Профиль, проходящий в длину по левому берегу Сены, с указанием характера местности.
 Источник: Pl. 5 / Résal, Ingénieur en chef, Alby, Ingénieur des ponts et chaussées. Notes sur la construction du pont Alexandre III // Annales des ponts et chaussées. 1re partie. Mémoires et documents. P.: V^o Ch. Dunod, 1898, 1er trimestre: 7e série, 8e année.
 Source gallica.bnf.fr / École nationale des ponts et chaussées

Строительство моста Александра III на Сене в Париже. Боковой фасад берегового устоя.
 Источник: Pl. 6 / Résal, Ingénieur en chef, Alby, Ingénieur des ponts et chaussées. Notes sur la construction du pont Alexandre III // Annales des ponts et chaussées. 1re partie. Mémoires et documents. P.: V^o Ch. Dunod, 1898, 1er trimestre: 7e série, 8e année.
 Source gallica.bnf.fr / École nationale des ponts et chaussées.

«Вспоминаю... о милом Ильинском, которое прелестно, как сон...» — из письма Александра III брату великому князю Сергею Александровичу

DOI: 10.48466/1933.2021.78.91.001

Дорофеева Варвара Михайловна,
МБУ «Культурно-выставочный центр «Дачная столица»,
экскурсовод

Подмосковное имение Ильинское великий князь Сергей Александрович — брат императора Александра III — получил от матери, императрицы Марии Александровны. Несмотря на давнюю историю (Ильинское известно с XVII века), принадлежать императорской семье оно стало в 1864 году, когда император Александр II приобрел его для своей супруги. Мария Александровна высказала желание не проводить в усадьбе масштабных работ по строительству и благоустройству. Поэтому современники отмечали, что Ильинское очаровывает простотой и уютом деревенской жизни. Тем не менее, на свои средства императрица отремонтировала церковь, построила больницу, аптеку, а также каменное здание для сельского училища. Позднее ее начинания продолжила супруга Сергея Александровича великая княгиня Елизавета Федоровна. В. Ф. Джунковский¹, адъютант великого князя Сергея Александровича, описывает имение так: «Ильинское представляло собой, собственно говоря, чудный огромный парк на берегу Москвы-реки, на крутом берегу которой стоял скромный средних размеров двухэтажный дворец с двумя огромными террасами по обеим его сторонам у верхнего этажа, одна из них имела еще большую площадку, с которой вела в сад полукруглая лестница, другая же имела отлогий широкий спуск прямо на большую аллею, ведущую к обширной библиотеке, помещавшейся в новом каменном здании очень красивой архитектуры»². В главном доме жили владельцы усадьбы, в то время как слуги и гости занимали раскинутые по парку флигели, каждый из которых имел свое название: «Не чужь горе», «Приют для приятелей», «Пойми меня», «Миловид».

¹ Джунковский Владимир Федорович (1865–1938). Адъютант великого князя Сергея Александровича (1891). Состоял при великом князе Сергее Александровиче (1903). Московский вице-губернатор (1905), московский губернатор (1905–1913). Арестован (1937); расстрелян. Автор мемуаров, содержащих подробные сведения о Великой княгине Елизавете Федоровне.

² ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 40. Л. 69–70 об.

Сергей Александрович организовал в Ильинском образцовое хозяйство. Птичники были оборудованы согласно передовым технологиям того времени. В оранжереях и на огородах выращивали редкие сорта, приспособленные к местным условиям. На полях росли цветы для украшения дома. Молочные фермы производили известные на всю округу

Главный усадебный дом. Ильинское

сыры. Благодаря новым методам ведения хозяйства, здесь выводили ценные породы скота. По воспоминаниям Великой княгини Марии Павловны-младшей, приемной дочери Великокняжеской четы, имение не только не приносило дохода, но и требовало серьезных затрат. Однако Ильинское вскоре получило статус летней резиденции Сергея Александровича. Знаменательно, что медовый месяц Великий князь вместе с супругой, Елизаветой Федоровной, провел именно в Ильинском.

Бракосочетание Великого князя Сергея Александровича и принцессы Гессенской Эллы (в православии Елизаветы Федоровны) состоялось 3 июня 1884 года в церкви Зимнего дворца. Для супругов был обустроен дворец Белосельских-Белозерских, расположенный напротив Аничкова дворца и названный Сергиевским — в честь Великого князя. Однако через несколько дней после венчания Великокняжеская чета прибыла в Москву. Приняв митрополита Иоанникия (Руднева) и посетив московские святыни и достопримечательности, а также Троице-Сергиеву Лавру, Сергей Александрович с супругой уехали в Ильинское. Великий князь с удовлетворением отмечал, что «...жена, так же, как и я, любит деревню и нисколько не тяготеет; наоборот, она с грустью размышляет о той минуте, когда придется покинуть Ильинское»³. Несомненно, Сергей Александрович нашел поддержку и утешение в лице супруги. Неслучайно современники сравнивали ее с императрицей Марией Александровной, которая для Великого князя являла собой все самое лучшее и святое. Благодаря матери, Сергей Александрович вырос добрым, отзывчивым, скромным и глубоко религиозным человеком. Фрейлина А. Ф. Тютчева — воспитательница Сергея Александровича — еще до смерти императрицы высказала желание, чтобы Господь послал воспитаннику такую невесту, которая смогла бы прожить с ним в любви и согласии *чистую и освященную религией (курсив мой — В.Д.)* жизнь. К. П. Победоносцев писал Великому князю: «Я знаю, Вы храните

³ Гришин Д. Б. Трагическая судьба великого князя. М., 2006. С.70.

глубоко в сердце благоуханную память ее (*императрицы Марии Александровны — В. Д.*). Она и теперь, конечно, за Вас молится. Вот Бог Вам послал жену милую, которая, думаю, была бы по сердцу ей; многие видят в ней, и я вижу тоже, как бы отражение изящного образа усопшей императрицы»⁴. Можно вспомнить, что к мысли о переходе в православие — решающем событии в ее жизни — Елизавета Федоровна пришла в Иерусалиме во время приезда на освящение храма святой Марии Магдалины, построенного в память императрицы Марии Александровны. Там же она высказала желание быть похороненной в Иерусалиме, что и чудесным образом осуществилось спустя 30 лет, несмотря на революционную бурю, разразившуюся тогда в России.

Едва ступив на русскую землю, не зная языка, Елизавета Федоровна занялась благотворительностью. «В свой медовый месяц Великая княгиня изо дня в день обходила бедные избы, входя в нужды и скорби вчера еще неизвестных ей людей, старалась оказать немедленную помощь нуждающимся. Не было такой просьбы, с которой нельзя было к ней обратиться»⁵. Вскоре в имении, кроме обычных хозяйственных и служебных построек, появились помещения для врача, фельдшера, фельдшерицы и служащих в аптеке. «Врачебный персонал предназначался для оказания помощи не только служащим, но и окрестному населению. Ежедневно происходил амбулаторный прием больных и все получали бесплатно лекарства. Часто фельдшер и фельдшерица, а также и доктор выезжали и по вызову в соседние деревни и села в 3-верстной округе»⁶.

Стоит отметить, что дела милосердия были близки великой княгине с детства. Брат Елизаветы Федоровны Эрнст-Людвиг вспоминал о посещении госпиталя, которому покровительствовала их мать, великая герцогиня Алиса: «Каждое утро по субботам мы должны были относить букеты цветов в ее госпиталь <...> и, поставив цветы в вазы, дарить их разным пациентам. Таким образом мы становились друзьями со многими пациентами и безусловно обучались иметь симпатию к другим. Здесь не было возрастных ограничений; даже самые юные среди нас должны были идти в больницу»⁷. В Ильинском у великой княгини жила глухая девочка, кроме того, все деревни в округе находились под ее попечением.

Вместе с Сергеем Александровичем в имении жил его младший брат — великий князь Павел Александрович, который вырос вместе с Сергеем

и сестрой Марией. Как самых младших в семье, их воспитывали отдельно от старших братьев. Сергей и Павел Александровичи были очень дружны между собой и горести и радости друг друга переживали как свои. Теплые отношения сложились у Павла Александровича и с Елизаветой Федоровной. Письма этого периода она подписывала от имени троих. Образ жизни братьев оказался настолько похожим, что Павел Александрович не уехал из Ильинского и после женитьбы. Его женой стала принцесса Александра Греческая, родившая ему двоих детей — Марию и Дмитрия. Казалось, ничто не может омрачить их счастья. Но в 1891 году Александра Георгиевна скончалась от преждевременных родов, оставив недоношенного ребенка. Врачи не давали надежды, что младенец останется жив. Павлу Александровичу, который «в короткое время... обратился в тень»⁸, врачи рекомендовали поездку за границу. Забота о маленьком Дмитрие легла на плечи Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны. Несмотря на тяжелую потерю, они нашли силы оставить ребенка у себя, благодаря чему Дмитрий остался жив. Сергей Александрович отправлял брату ежедневные отчеты: «Твой сын сегодня в первый раз улыбался...», «Baby (*Мария Павловна-младшая — В. Д.*) сидела у нас — мила, как птичка, ходила сама со мною по всей комнате. <...> Дмитрий идеально мил, смеется..., я могу часами с ним оставаться... это мое наслаждение», «Конечно, я не мог бы своих детей любить больше, чем я люблю твоих»⁹.

Елизавета Федоровна в одном из писем описывала состояние мужа: «его постоянно гложет мысль, что жизнь любимого брата разбита»¹⁰. 31 декабря 1891 года Сергей Александрович писал брату: «Друг мой, кончая год этот ужасный, конечно, все мысли мои умственные и сердечные с тобой. Один Господь ведает, до чего, телесно и душевно, я измучился за тебя — нет ни дня, ни часа, чтобы мысли мои не терзались из-за тебя»¹¹.

Сергей и Павел Александровичи с супругами

⁴ Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. М., 2006. Т. 4. С. 88.

⁵ «Золотой святости свет.» : воспоминания матушки Надежды — послед. монахини Марфо-Мариин. Обители Милосердия / авт.-сост. Е.В. Неволина. М., 2009. С.20-21.

⁶ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 40. Л. 69—70 об.

⁷ Кучмаева И. К. Когда жизнь истинствует...: культура благотворения Вел. Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2008. С. 40.

⁸ Волков А. А. Около Царской семьи. М., 1993. С.30.

⁹ Великий князь Сергей Александрович Романов : биографические материалы. М., 2006. Т.4, С. 367, 375, 442.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 642. Д. 1582. Л. 7—8 об. Москва. 6 октября 1892 г.

¹¹ Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. М., 2006. Т. 4. С. 379.

Мария Павловна-младшая оставила теплые воспоминания о приемных родителях и об Ильинском, с которым связывала самые радостные воспоминания детства.

Однако через 10 лет после смерти матери Мария и Дмитрий лишились и отца — Павел Александрович так и не оправился от пережитого горя и в Ильинское к прежней жизни больше не вернулся. За границей Великий князь познакомился с О. В. фон Пистолькорс, а через некоторое время заключил с ней морганатический брак. После этого Великому князю запретили въезд в Россию, его уволили со службы и лишили чинов. Для него началась новая жизнь — со второй женой и тремя детьми. Возможно, о прежней ему хотелось забыть, столько боли приносила ему мысль об этом. Даже ради так рано осиротевших детей он не смог вернуться на родину. Елизавета Федоровна не замедлила поделиться с Марией Федоровной своими волнениями: «О, как все прискорбно: и этот несчастный развод, и бедный Павел — он настолько ослеплен, что, женившись на этой низкой, безнравственной женщине, счел свой долг исполненным, а совесть успокоенной»¹². Опекунами Марии и Дмитрия император назначил Сергея Александровича с супругой, которые тоже тяжело переживали разлуку со столь близким человеком. В этом испытании Сергей Александрович показал себя верным воспитанником А. Ф. Тютчевой, с детства говорившей царским детям, что их положение не освобождает от терний жизни, скорбей и горя и необходимо уметь мужественно встречать их на жизненном пути.

Знаменательно, что в одном из писем к Павлу Александровичу Елизавета Федоровна пытается пробудить его совесть, напоминая о жизни в Ильинском: «Неужели ты забыл Ильинское?»¹³. Как отметил исследователь П. В. Волошун, «это понятие, включающее в себя простоту и веселье, естест-

Елизавета Федоровна и Александра Георгиевна.
Ильинское. 1891

¹² ГАРФ. Ф. 642. Д. 1583. Л. 18–21 об. Москва. 9 октября 1902 г.

¹³ Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II: документы и материалы (1884–1909 гг.) / авт.-сост. А. Б. Ефимов, Е. Ю. Ковальская; подгот. текстов П. В. Волошун. СПб.: Алетей, 2009. С. 360.

венность и здоровый образ жизни, узкий (скорее, проверенный и преданный) круг общения и отдых. <...> Этот вопрос свидетельствует о том, что речь шла не об обычном времяпрепровождении в загородном имении, а о чем-то большем и ценном для великокняжеской четы и их близких, о чем невозможно забыть»¹⁴.

В Ильинском Великокняжеская чета проводила большую часть года с 1884 по 1896 годы. «Все так было просто, семейно, <...> совсем как в простом семейном доме, даже проще чем в других аристократических домах. Меня всегда поражала та особенная простота, которая была свойственна членам императорского дома вне официальных приемов», — вспоминал В. Ф. Джунковский. Баронесса Буксгевден писала в своей книге: «Великий князь Сергей Александрович и его жена жили простой сельской жизнью, вместе со своими слугами и немногими избранными друзьями, которые — по принятой в России традиции — подолгу гостили у них в имении. Все это необычайно нравилось великой княгине»¹⁵. В Ильинском Великокняжеская чета устраивала для крестьян праздники, ставшие ярким ежегодным событием. Один из них проходил в день престольного праздника усадебной церкви в честь пророка Илии. После обедни устраивалась ярмарка с развлечениями и лотереей. Великий князь с супругой считали своим долгом купить что-нибудь у каждого торговца. Как правило, купленные вещи тут же раздавались крестьянам.

Кроме Ильинского, выполнявшего роль дачи, Великому князю принадлежали Усово и Нескучное. В Усово Сергей Александрович построил зимний дом с водопроводом и центральным отоплением. Мария Павловна-младшая вспоминает переезды ранней весной в Ильинское, которое напоминало «переселение целой деревни, если судить по количеству прислуги и свиты»¹⁶. Особенно дороги стали приезды в Ильинское, когда в 1891 году император Александр III назначил Сергея Александровича генерал-губернатором Москвы и безмятежная тишина летней резиденции помогала не только отдохнуть душой и телом, но и собраться с силами для выполнения множества государственных и служебных дел. Елизавета Федоровна, как супруга генерал-губернатора, становилась покровительницей всех благотворительных обществ и богоугодных заведений. Александр III неслучайно поставил своего брата на эту должность. Сергей Александрович ответственно относился к своим обязанностям и так же,

¹⁴ П. В. Волошун. «Летний период» жизни Великой княгини Елизаветы Федоровны в имении Ильинское». [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/n/letniy-period-zhizni-velikoy-knyagini-elizavety-fedorovny-v-imenii-ilinskoe> (дата обращения: 31.08.2020).

¹⁵ Буксгевден С. Венценосная мученица: жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы Всероссийской / пер. с англ. Н. Б. Лебедевой. М.: Рус. Хронограф, 2006. С. 5

¹⁶ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М.: Захаров, 2004. С. 23.

как император, считал основой русской государственности православие и самодержавие. Несмотря на теплые, дружеские отношения, многочисленные обязанности не позволяли им часто видеться. Поэтому приезд императора в Ильинское в августе 1888 года стал праздником для Великокняжеской четы. Надо сказать, что Александр III посетил имение инкогнито, именно для того, чтобы отдохнуть и насладиться деревенской жизнью.

Император Александр III с братом. Ильинское. 1888

Император взял с собой только младшего сына — Михаила. Мария Федоровна в это время встречалась с сестрами: королевой Британской Александрой и герцогиней Кумберлендской Тирой, поэтому Елизавета Федоровна с радостью описывала императрице пребывание ее мужа в их летней резиденции: «Ильинское расстаралось, чтобы... понравиться, — ни одного прохладного дня, настоящая летняя погода»¹⁷. После отъезда Александр III с благодарностью написал Великокняжеской чете: «Вспоминаю с наслаждением о времени, проведенном у вас, в милом Ильинском, которое прелестно, как сон, возобновления которого ждешь с удовольствием. <...> Еще раз от всей души благодарю тебя и милую Элли за ваше гостеприимство и радушие»¹⁸.

Супруга Александра III — не только первая русская корреспондентка Великой княгини, но и близкая подруга. Первые письма к императрице Елизавета Федоровна написала после помолвки с Сергеем Александровичем как необходимый по этикету знак внимания будущей родственнице. Однако еще до приезда в Россию Мария Федоровна стала близким ей человеком. Определенную роль в этом сыграли дружеские отношения Александра III и Сергея Александровича. Интересно, что Елизавета Федоровна, заказывая приданое, просила совета императрицы, так как не знала тонкостей придворного этикета в России¹⁹.

Корреспонденция императрицы и Великой княгини затрагивает значительный по содержанию круг тем. В письмах к императрице Елизавета Федоровна раскрывает подробности семейной и общественной жизни, бытовые зарисовки, деловые вопросы, душевные переживания и духов-

ные стремления. В этой переписке она предстает удивительно светлой, искренней и необыкновенно доброй личностью, обладающей многогранной и тонкой душевной организацией. Современники отмечали внутреннюю близость императрицы и Великой княгини. Достаточно сравнить впечатление, которое производили их доброта, искренность и внимание на окружающих. «Ласковая, любезная, простая в общении, Мария Федоровна была императрицей с головы до ног и умела сочетать свою врожденную царственность с такой добротой, что была обожаема всеми своими приближенными»²⁰. «По воспоминаниям людей, знавших юную Алису (Елизавету Федоровну — **В.Д.**), она обладала прекрасной внешностью: черты лица были изящны, движения плавные, гибкие, полные достоинства. При всей природной непринужденности, с которой она встречала каждого, Алиса никогда не забывала, что она дочь королевы, принцесса, а позднее и великая герцогиня. Она хорошо знала, что вовремя оказанная любезность может отворить уста даже самого робкого человека. <...> Ее речь была живой, она легко переходила от одного предмета к другому и всегда говорила о явлениях, достойных того, чтобы о них рассуждали»²¹. Кроме этого, Марию Федоровну и Великую княгиню духовно сблизил переход Елизаветы Федоровны в православие, когда императрица стала ее восприемницей. Это событие, принесшее столько радости Сергею Александровичу и ознаменовавшее новый этап в жизни его супруги, произошло в 1891 году в Аничковом дворце: «...я бесконечно счастлив и не знаю, чем, право, я заслужил такую благодарность — я совсем не достоин», — писал Сергей Александрович Николаю II. Елизавета Федоровна ежегодно вспоминала этот день и отправляла Марии Федоровне письма со словами благодарности: «Вспоминая тот благословенный день, хочу, чтобы ты ощутила мои молитвы и глубокую благодарность за утешение из всех утешений на этой скорбной земле — принадлежать к нашей православной вере»²².

Великая княгиня обладала необыкновенным даром утешения. Более того, выражая слова сочувствия и поддержки, она считала свои трудности мелкими и незначительными и всегда старалась подчеркнуть это. «Храню твою доброту в глубине сердца, воистину мы чувствуем вместе. О, тебе еще надо было пережить это горе, когда Бог дал тебе нести столько скорбей»²³ «Ваше горе даже нельзя приравнять к тому, что пережила я...»²⁴. Испыта-

¹⁷ ГАРФ. Ф. 642. Д. 1581. Л. 25–26 об. Ильинское. 21 августа 1888 г.

¹⁸ Великий князь Сергей Александрович Романов: биограф. материалы. М., 2006. Т. 4. С. 86–87.

¹⁹ См. ГАРФ. Ф. 642. Д. 1579. Л. 12–12 об. Д. 1580. Л. 12–14 об.

²⁰ Федорченко В. И. Российский Императорский Дом и европейские монархии. Красноярск, 2006. С. 121.

²¹ Кучмаева И. К. Указ. Соч. С. 35.

²² ГАРФ. Ф. 642. Д. 1586. Л. 162. Телеграмма от 13 апреля 1916 г.

²³ Там же. Д. 1586. Л. 51. Телеграмма от 6 февраля 1905 г.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2638. Л. 19–21 об. Д. 2636. Л. 45–45 об. Д. 2643. Л. 3–4 об. Гапсаль. 1 июля 1908 г.

ния, выпавшие на долю Марии Федоровны, Елизавета Федоровна приняла близко к сердцу: гибель одного сына иmorganатический брак другого, смерть родителей и мужа. «...мы с Сержем (*Великим князем Сергеем Александровичем* — **В.Д.**) будем вспоминать тебя больше, чем обычно, и... молиться о ниспослании тебе помощи в твоей скорбной жизни, утешения и сил понести тяжкую участь, данную тебе Богом»²⁵.

После смерти Александра III восприятие жизни у Марии Федоровны и Великой княгини заметно изменилось. Воспоминания становятся основным мотивом в их переписке: «Часто наши сердца стремились к тебе, и милые воспоминания о счастливом прошлом оживали в наших сердцах и глазах»²⁶. Приехав в Ильинское летом 1905 года, впервые после гибели мужа, Елизавета Федоровна отправила Марии Федоровне телеграмму, в которой летняя резиденция предстает как дорогое и далекое воспоминание: «В этом месте я вновь переживаю милое, счастливое прошлое — увы, его не вернешь»²⁷.

Мужество и сила духа Великой княгини поразительны. Во время первой революции 1905 года Елизавета Федоровна, приехав в Санкт-Петербург, не имела возможности вернуться в Москву и заняться помощью раненым в русско-японской войне из-за отсутствия транспорта. Тем не менее, в обстановке всеобщей растерянности и неизвестности будущего она находила слова поддержки скорбящей Марии Федоровне: «Я еду в город (*Санкт-Петербург* — **В.Д.**) и — о, как я буду молиться у могилы твоего милого, поминая их вместе с Сержем. Знать, что они рядом, в покое, далеко от всех этих ужасных земных скорбей!»²⁸, «Благослови тебя Господь, дорогая. О, как бы я хотела, чтобы ты была здесь, моя дорогая, дорогая, любящая сестра, просто чтобы благословить тебя за утешение, любовь и доброту, согревшие бедное страждущее сердце Сержа при нашей последней встрече. Я чувствую твое одиночество, увы, мы знаем, что это такое. И все же Господь в Своем великом милосердии даровал мне безграничное утешение...»²⁹.

Великая княгиня Елизавета Федоровна.
1884

²⁵ ГАРФ. Ф. 642. Д. 1581. Л. 14–17 об. Ильинское 17 октября 1897 г.

²⁶ Там же. Д. 1582. Л. 42–45 об. Москва. 24 апреля 1900 г.

²⁷ Там же. Д. 1583. Л. 40. Телеграмма от 5 июля 1905 г.

²⁸ Там же. Д. 1579. Л. 82–82 об. 1905 г.

²⁹ Там же. Л. 49–50 об. Февраль – март 1905 г.

Поэтому переход Елизаветы Федоровны от светской жизни к монашеской в основанной ей Марфо-Мариинской обители не стал неожиданностью для тех, кто близко знал ее. Вскоре после гибели мужа Великая княгиня делилась с Марией Федоровной, насколько изменилось ее отношение к жизни: «...кажется, нерушимый покой осеняет меня в дневные часы, словно я прихожу из другого мира выполнить свой долг, утешить других, и это не я живу, а кто-то другой, тогда как моя душа почиет на небесах подле той чистой и честной души, что руководила мной, помогала во всем и без которой меня больше нет. Я даже не могу плакать, я не здесь, а там, наверху. Конечно, жизнь идет, со своими нуждами, скорбями и тревогами, и надо работать»³⁰.

Когда началась революционная смута, Елизавета Федоровна изъявила желание остаться в России, несмотря на возможность уехать за границу, в частности, по приглашению германского императора Вильгельма II. Великая княгиня разделила судьбу своей сестры — живой ее бросили в шахту в Алапаевске на следующий день после расстрела семьи императора Николая II.

Покинув Россию и поселившись в Дании, императрица Мария Федоровна жила воспоминаниями и трепетно хранила в сердце память о дорогих и некогда живших рядом людях. Пережив смерть родителей, мужа, двух сыновей, пятерых внуков, вдовствующая императрица как никто другой переживала слова Елизаветы Федоровны, написанные ей еще в 1905 году: «Вспоминаю прежние разговоры, размышляя о прошлом — здесь, с молодежью, из старого поколения я одна и чувствую себя как из другого мира. Словно я давным-давно умерла, а теперь вернулась — места те же самые, но где же родные лица?»³¹. Здесь Марии Федоровне не с кем было разделить свое одиночество, но ее чистая, добрая и отзывчивая душа находила утешение в помощи ближним и заботе о них. Безусловно, письма Елизаветы Федоровны, написанные в годы испытаний вдовствующей императрице, теперь, в изгнании, с особенным чувством отзывались в ее душе: «Мы все еще как во сне — что за время! Понемногу возвращаются прежние разнообразные впечатления, чувствуешь себя не здесь и мечтаешь вернуться. Как трудно входить в будничную жизнь, вести ежедневные разговоры, когда частица тебя осталась там. Вот когда чувствуешь свою душу; сердце и ум могут трудиться как обычно, но что-то пребывает в горнем мире, ближе к Богу, чем прежде»³².

³⁰ ГАРФ. Ф. 642. Д. 1579. Л. 49–50 об. Февраль – март 1905 г.

³¹ Там же. Д. 1584. Л. 7–9 об. Царское Село. 22 декабря 1905 г.

³² Там же. Д. 1583. Л. 43–46. Ильинское. 27 июля 1903 г.

Личные комнаты Александра III и его супруги в Аничковом дворце, выполненные М. Е. Месмахером

DOI: 10.48466/1794.2021.71.29.001

Жерихина Елена Игоревна,
Институт историко-культурных проектов,
ведущий научный сотрудник

Архитектор М. Е. Месмахер в 1886–1888 годах оформил личные комнаты императора Александра III и его супруги Марии Федоровны в Аничковом дворце, позволившие хозяевам изолировать интимную жизнь семьи в этой резиденции. Этапы строительных и декорационных работ описаны в Деле Канторы августейших детей Их Императорских Величеств «Об устройстве и отделке новых опочивален и уборных Их Величеств в Аничковом дворце. О новой мебелировке»¹.

13 октября 1886 года, когда перепланировка и штукатурные работы в новых интерьерах были закончены, заведующий делами Августейших детей Их Императорских Величеств написал М. Е. Месмахеру: «Милостивый Государь Максимилиан Егорович! Государь император посетив вчерашнего числа комнаты вновь устраиваемые для Их Императорских Величеств в верхнем этаже Аничковского дворца, соизволил выразить желание, чтобы скорее закончены были отделка и мебелировка означенных комнат. Почему соблаговолили повелеть мне просить Вас, милостивый государь, принять крайне необходимые меры к скорейшему исполнению желания Его Величества и понудить к тому исполнителей заказов, сделанных для помянутых комнат...»². Начальную стадию исполнения работ Месмахер проконтролировал, осмотрев дворец 20 октября 1886 года, и нашел удовлетворительной.

¹ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70 (24 мая 1886 – 23 июня 1888): «Переписка с разными лицами, счета мастеров за материалы и произведенные работы по мебелировке и отделке апартаментов императора и императрицы в Аничковом дворце». Другие материалы по рассматриваемому вопросу находятся в делах РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 83: «Отчеты смотрителя дворцового имущества с 1886 по 1897 гг., о произведенных работах, об исправлении мебели и других вещей, и количестве использованных материалов, о числе людей»; Ф. 1340. Оп. 1. Д. 91: «Об определении на должность смотрителя Аничковского дворца архитектора, титулярного советника Шильдкнехта 16 мая 1887 – 21 августа 1902» (наблюдение за устройством личной половины).

² РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 23.

Несмотря на работы в новых интерьерах, императорская чета продолжала устраивать в Аничковом дворце в конце 1886 года парадные приемы с молебнами³ и даже балы: 14 ноября – по случаю дня рождения императрицы Марии Федоровны, 6 декабря – в день именин наследника⁴, и в последующей год. А. А. Половцов приводит в своем «Дневнике» за 19 января 1887 года «... Рассказ о бывшем накануне в Аничковом дворце вечере для детей с примесью взрослых. Государь, который особенно любит детей, веселился больше, чем на каком-бы то ни было бале...», а 23 февраля сообщал, что «... Годичное собрание Исторического общества. Всего 25 человек... Собираются все в той же библиотеке Аничкова дворца»⁵.

«Собственные» покои располагались на трех уровнях: во втором (гостиная – «Новый кабинет» императрицы), третьем (жилые комнаты над парадными кабинетами императорской четы) этажах и на антресолях. Квартиру объединяли, кроме старой каменной лестницы, новая деревянная лестница и лифт. Отделка комнат, декорированных панелями и встроенными шкапами, приписывалась известному мебельному фабриканту Ф. Мельцеру. Они нравились современникам и были описаны мемуаристами. Завсегдагатай Аничкова дворца граф С. Д. Шереметев, генерал-адъютант императора, вспоминал, как в 1887 году: «Императрица тотчас же из большой гостиной пошла со мною в бывшую спальню, переделанную в гостиную и еще не совсем законченную... Потом повела к подъемной машине, дернула пружину, мы поднялись на верхний этаж. Тут она показала мне свою уборную, угловую комнату, светлую и веселую; потом перешли в новую спальню, также светлую... Показала ту комнату на вышке, в которой работал Государь (уборная с рабочим столом), окнами в сад. Я очень хвалил помещение: «Вы очень хорошо устроились»... На половине лестницы в антресоли небольшая библиотека, шкафы Jacob, очень мило...»⁶.

Архитектор эпохи протомодерн в России, М. Е. Месмахер, создал первые асимметричные интерьеры, объединенные вертикальными связями. Расстановка мебели разрушила классическую стройность, но придала комнатам уют и комфорт. Об обстановке отделанных по рисункам Месмахера комнат можно узнать из переписки фирм-изготовителей с «Канторой августейших детей», занимавшейся мебелировкой и отделкой новых инте-

³ Дворцовая церковь во имя св. Александра Невского находилась на том же 3 этаже, в непосредственной близости от ремонтировавшихся комнат.

⁴ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. 1886. М.: Центрполиграф, 2005. Сс. 489, 496.

⁵ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. 1887. М.: Центрполиграф, 2005. Сс. 12, 30. См. также Сс. 51, 82.

⁶ Шереметев С. Д. Мемуары. М.: Индрик, 2001. С. 498.

рьеров⁷. По завершении работ, Контора потребовала от Мельцера возвращения рисунков М. Е. Месмахера: «...Детальные рисунки, полученные вами от Архитектора Месмахера на мебельные вещи, сделанные Вами для новой уборной комнаты Государыни, в верхнем этаже и для нового кабинета Ее Величества в том же дворце...»⁸. Мастер ответил: «Его превосходительству А. С. Васильковскому. На требование Ваше о доставлении в Контору Августейших детей и Императорских Величеств всех детальных рисунков, полученных мною от архитектора Месмахера на мебельные вещи, сделанные мною для новой уборной и кабинета Ее Величества, честь имею сообщить, что означенные рисунки, как и все модели для бронзовых украшений уничтожены мною тот час по окончании работ, как не подлежащие повторению. Я могу только сожалеть, что при получении мною рисунков, г. Месмахером не было заявлено о необходимости возвратить все детальные рисунки по окончании работ... С истинным почтением...»⁹. Письмо Ф. Мельцера переадресовали Месмахеру.

Ныне сохранились только комната на антресолях, отделанная красным деревом и полированной бронзой в стиле «Jacob», и частично — три комнаты верхнего этажа. Одна из них украшена высокой дубовой панелью ренессансного рисунка с характерной полочкой и угловым керамическим камином. Две другие сохранились фрагментарно: двери, плафоны, печь-камин, простенки и тому подобное. Интерьеры с подобной отделкой, датированные следующими десятилетиями, встречаются часто, но для 1880-х они уникальны.

В отчетах Ф. Мельцера мы не видим предметов декора и мебелировки двух сохранившихся комнат: их выполнили другие фирмы. По-видимому, это было вызвано непомерно высокими ценами, заранее объявленными Мельцером. Уже 3 сентября 1886 года управляющий Васильковский пишет Главному контролеру Императорского двора Н. С. Петрову: «Для отделки и мебелировки вновь устраиваемых Собственных комнат Их Величеств в Аничковском дворце большинство необходимых заказов сделано мебельному мастеру Мельцеру, который для успешного выполнения этих заказов просил о выдаче ему авансом 20 тысяч рублей. Принимая в соображение, что работы, порученные Мельцеру, по предварительным соображениям обойдутся около 60 тысяч рублей и что в Конторе Августейших детей не имеется на этот предмет кредита, я, озабоченный предоставлением Мельцеру возможности скорее выполнить данный ему заказ... просил

⁷ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Письма к М.Е. Месмахеру – Лл. 23, 26, 59, 90, 93, 189; записки от Месмахера – лл. 182, 196.

⁸ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 90. Письмо от 30 января 1888 г.

⁹ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 196–199. Письмо от 1 февраля 1888 г.

об ассигновании 20 тысяч рублей»¹⁰. После чего выдали авансовый талон.

Опочивальня освещается двумя окнами в торце, в дубовых рамах с бронзовыми приборами. Камин выполнен из черного «бельгийского» мрамора (скульптор Руджиери) с бронзовой накладкой в виде лавровой гирлянды, бронзовая золоченая рама каминного зеркала работы бронзовщика Э. Е. Генрихсена, в оправе из ореха и черного дерева по рисунку Месмахера. Двери, панели, перегородки, шкафы выполнены из ореха и черного дерева. Широкая супружеская кровать была декорирована гирляндами того же рисунка, что и камин — «в стиле Людовика XVI», изображениями факела любви, жертвенников и гирлянд. Рядом стоял круглый столик «для короны». Под окном — витрина для бриллиантов. В красном углу — киот, состоящий из пяти икон и низкого углового шкафчика. Над изголовьем — икона «Спас Нерукотворный».

Фирма Ф. И. Коровина¹¹ поставила 154 аршина плотного ситца в мелкий цветок для обивки стен, мягкой мебели, шелк «сюр кревет» и «сюр крэм» (мягкая ткань диагонального плетения) для «стор» опочивальни и «канаус кревет и крэм» на занавеси («кревет» — здесь ближе цвету брусники с молоком)¹². На пол положили бархатный ковер цвета бордо. Выставлен общий счет на 5 000 рублей, после оценки Месмахером уплачен 3 851 рубль.

Уборную императрицы обставили мебелью красного дерева «под воск» (Jacob): обитые бархатом витрины «для бриллиантов со шкапиками»; консольные шкафы; стул красного дерева; кресло, «по образцу князя Оболенского», умывальный стол, «переданный по указанию г. Месмахера... с мрамором», трехчастное трюмо, рамы зеркал, низкие комодики с плоскими выдвижными ящичками. Мебель изготовлена на фабрике Мельцера.

В Уборную Ее Величества купили изготовленное по специальному рисунку пианино фирмы Беккер. Для четырех окон выполнили рамы с бронзовым прибором. Фирма Ф. И. Коровина поставила 190 аршин ситца в крупный цветок и 208³/₄ аршина ковра гладкого бордо для комнаты и коридора до подъемной машины, и для обивки письменного стола императрицы — 3 аршина бархата гранатового цвета¹³. В комнате сохранилась печь-камин с майоликами завода Харламова (заказ Месмахера от октября 1887 года), расписанными в сине-терракотовых тонах студен-

¹⁰ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 16.

¹¹ Купец 1 гильдии, крупнейший торговец «суровскими» товарами в Мариинской линии Апраксина двора и владелец магазина в Александровском рынке. Справочная книга о купцах. СПб. 1887. Сс. 38–39.

¹² Образцы представлены в приложенном к делу конверте. РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 87.

¹³ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Лл. 19, 167.

тами училища барона Штиглица: сцена с пастушкой в рокайльном стиле, сверху – барельефные изображения венков и жертвенника. К Уборной примыкал ватерклозет с бидэ, отделанный красным деревом «Jасob» с филенками, пилястрами, плафоном. Выставлен счет 14 214 рублей, оплачено 11 114 рубля.

Стены Гардеробной Ее Величества были отделаны филенкой, шкафы изготовила фирма Мельцер. В описи сказано: «17 аршин шкафов местных, красного дерева, внутри красного дерева неполированного, частью для платьев, частью с полками, с зеркальным стеклом, с окладным бронзовой решеткой карнизом и цоколем красного дерева, 10 аршин облицовки стен и 2 двери, отделанные с двух сторон, 13 аршин карниза верхнего широкого; 2 (у окон) и 5 пилястров красного дерева, перегородка, отделанная с одной стороны, проход полированный без бронзы, шкаф 2,5 аршина длины местный, под окном с матовым стеклом; рама матового ореха над шкафом с пилястрами (для окна в проход). Диванчик, зеркало, три стула, прямоугольный стол. Обивка зеленой бумазеей, обшитой 22 аршинами бахромы и галуна, мебель отделана аграмантами и широким галуном. Ватерклозет – 9 аршин панели красного дерева, полированного без бронзы». Выставлен счет 14 930 рублей, оплачено – 12 420¹⁴. Туалетный стол отделали кружевом с лентами «волан дюшес», поставленными И. Труфановой¹⁵.

Для «Личной Ее Величества библиотеки» фирма Мельцер исполнила местные (встроенные) шкафы для книг «Jасob» полированного красного дерева в длину 13 аршин: в 2 отделения с отдельными дверцами сверху и внизу, и в 1 отделение, а также – 10 аршин шкафов красного дерева с бронзой, внутри неполированного красного дерева в 2 отделения. Затем изготовили еще 10 аршин книжных шкафов¹⁶.

В «Новом кабинете императрицы», в бельэтаже известный художник-декоратор С. И. Садиков расписал плафоны, выполнил позолоту дверей и откосов окон. Таможне специально указали на скорейшую доставку выписанной из Парижа шелковой материи и «парижского столика» стоимостью 20 000 рублей. 31 октября 1886 года Мельцер получил парижский шелк для обивки мебели кабинета: «В кабинет Ее Величества, поставлено по счету Мельцера от 12 октября 1886 – отделка тканью «Броше»: диван по модели «из Ливадии», золоченая мебель «в стиле Марии Антуанетты», за шитье и установку на стены новой шелковой материи», изготовлено 2 дивана, 2 рамы золоченых «на зеркала», заново вызолочены

¹⁴ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Лл. 117, 122.

¹⁵ Труфанова И. Ф. Магазин кружев, наб. Мойки, д. 65/7. Справочная книга о купцах. СПб. 1887. С. 534.

¹⁶ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Лл. 118, 119, 122.

2 дивана, 4 кресла, 2 стула¹⁷. Из французского шелка фирма Мельцер изготовила так много штор, покрывал, подушек и других мягких предметов, что треть их отправили в Зимний дворец.

Первую смету Мельцера на 58 029 рублей управляющий Васильковский отправил на проверку М. Е. Месмахеру 12 февраля 1887 года. Мельцер к этому времени авансом уже получил 20 000, и в процессе работ – еще 22 000 рублей. М. Е. Месмахер нашел счета преувеличенными на 15–20%, что вызвало гнев императора Александра III, и в результате Ф. Мельцеру было уплачено после установки мебели всего 6 451 рублей, считая общую сумму, одобренную архитектором, в 48 451 рублей¹⁸.

После этого инцидента император пожелал передать заказы на оформление своих личных комнат (единственные сохранившиеся интерьеры) мебельным фирмам Г. Бергмана¹⁹ и Е. Шрадера²⁰, и в дальнейшем более заказов фирме Мельцер он не делал. Судя по официальному отчету, в «Новой уборной» императора в третьем этаже дворца, мебельщик Ю. Бергман выполнил отделку камина, панели и перегородки, обшивку окон и дверей «из лучшего дубового дерева с вставками из орехового дерева»; письменное бюро, туалетный стол, диван и три стула. Панели в полтора человеческого роста с верхней полочкой выполнены в формах ренессанса. Подобной панелью отделана перегородка между комнатой и умывальной, встроен небольшой ватерклозет. Между боковыми окнами было вмонтировано зеркало с подстольем. Ю. Бергман выполнил также девять оконных рам «из дубового дерева с зимними и летними переплетами», оконные откосы обшил дубовыми панелями со вставками, поставил две большие и две малые двери.

Для обшивки полов Уборной Его Величества фирма Ф. И. Коровина доставила 11³/₄ аршина из шерстяного бархатного ковра «люнетового электрик» и 24 куска зеленой козловой кожи для обивки мебели. Керамический камин и стену умывальника облицовали плиткой гончарного завода Харламова, который по заказу 25 сентября 1886 года, отослал изразцы в Училище барона Штиглица на роспись. В письме Месмахера генералу А. С. Васильковскому сообщается: «Ваше превосходительство Антон Степанович. Могу Вас порадовать известием, что Харламов, наконец, прислал 50 штук изразцов для камина в уборной Его Величества и что к раскра-

¹⁷ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 89.

¹⁸ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 83. «Отчеты смотрителя дворцового имущества с 1886 по 1897 г., о произведенных работах, об исправлении мебели и других вещей, и количестве использованных материалов, о числе людей».

¹⁹ Купец 2-й гильдии, «столярного цеха мастер», по адресу: Мастерская по адресу: 17 линия В.О., 4. Справочная книга о купцах. СПб. 1890. С. 157.

²⁰ Купец 2-й гильдии, владелец «Столярной мастерской и паркетной фабрики» по адресу: Большая Болотная, 12–22. Справочная книга о купцах. СПб. 1887. С. 586.

ске этих изразцов уже приступлено. 18 июля 1887 г. Примите уверения... М. Месмахер»²¹.

Занавесы изготовили из зеленого шерстяного репса, а «драпировки на печку» — из зеленого атласа. Для обивки дивана купили «новый персидский ковер»²². На полочке выставили кувшины, бокалы из металла, керамики, на каминные полки — стеклянные кубки и «столовые часы с музыкой». Работы «по рисункам и распоряжениям его высококородия г-на архитектора М. Е. Месмахера» закончили к 15 октября 1886 года. За мебель заплатили 1 150 рублей, за панели, двери, переплеты — 4 100, хотя фирма запросила 4 500.

С. Д. Шереметев вспоминал: «Вообще в императоре сильно было чувство порядка и домовитости. И все это проявлялось, как у частного человека, не любил он пышности и роскоши... В Аничкове устроил он себе по воцарении рабочий кабинет на вышке третьего этажа, куда он уединялся для занятий. Всего два окна, небольшой стол и скудная мебель. Перед иконой в углу горела лампада... У него было большое уменье устраиваться уютно и удобно. Тотчас же накладывался на все его своеобразный отпечаток»²³.

На антресоли парадного этажа ведет узкая лестница из прохода между парадным кабинетом императора и гостинными императрицы. Обстановка и размеры небольшой личной библиотеки «на антресолях» сохранились и совпадают со счетом мебельной мастерской Е. Шрадера, изготовившей 14 аршин встроенных шкафов красного дерева «Jacob» высотой 3 аршина 8 вершков. Верхняя часть шкафов прорезана зеркальным стеклом, нижняя — филенчатая, в карнизе — бронзовая решетка. Углы акцентированы канеллированным пилястром. В филенчатой перегородке длиной 2,5 аршин — одностворчатая входная дверь, с обеих сторон полированная, с одной стороны украшенная бронзой. Панели под окнами и по одной стене высотой 1,5 аршин, длиной 9,5 аршин. Мастерская Шрадера поставила 10 аршин полированного карниза 7 вершков высотой. Умывальный «стол с мрамором» под осветительным плафоном, внизу — «в виде шкафа из 2 боковых филенчатых частей», расположен под стеной рамой из зеркального стекла. Размеры предметов почти точно совпадают с существующими, их изготовление обошлось почти в 5 000 рублей²⁴.

Напротив лестницы на антресоли, как вспоминал граф С. Д. Шереметев: «В переходе из кабинета его в комнаты императрицы стояла издавна большая клетка, наполненная птицами, но самыми простыми. Тут были ма-

²¹ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Записка Месмахера. Л. 182.

²² РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 196.

²³ Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 496.

²⁴ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 87.

линовки, чижики, снегири в большом количестве, он их кормил и забавлял их движениями, а в Благовещение все они выпускались им на волю»²⁵.

Существующие доныне комнаты выполнены фирмами Ю. Бергмана и Е. Шрадера, но другие, оформленные по проекту М. Е. Месмахера, помещения не сохранились даже фрагментарно. Мебель, запроектированная для них, описана в отчетах фирмы Мельцер, а паркет, печи, плафоны — в записках и счетах соответствующих мастерских. Художественные и технические работы на «собственной половине» дворца были выполнены фирмами и лицами, качество исполнения и счета которых были проверены архитектором М. Е. Месмахером: СПб. Металлический завод поставил «дифференцированную» подъемную гидравлическую машину с «вдвижными дверями» (двери и панели подъемной машины из красного дерева выполнила фирма Мельцер) стоимостью 11 700 руб. и установил водяной бак на чердаке. Вентиляционные работы выполнила фирма инженер-архитектора С. С. Лукашевича²⁶. В «новой гостиной» скульптурный барельеф на печке и орнамент по модели А. М. Опекушина выполнил мастер А. Лапин. За лепной плафон он получил еще 2 500 рублей. Штукатурные работы исполнила артель Черкашина. Фирме Руджиери за «мраморные работы»: 11 подоконных досок, доски для туалета, камин и две печи, заплатили 1 928 руб. 88 коп.²⁷ Замки и ручки изготовлены слесарем В. Рейнгардтом²⁸. Мастерская «Серебряные и бронзовые изделия» Э. Е. Генрихсена по рисункам Месмахера выполнила каминные приборы и украшения на 125 рублей. Оконные стекла от И. Цейшке²⁹ обошлись в 2 851 рубль.

«Паркетное заведение К. Гелевич»³⁰ поставило полы: в «собственную комнату Ее Величества со шкафами «Jacob» — 6⁵/₉ кв. сажени по 25 руб., новую библиотеку Государыни императрицы — 4²/₃ кв. сажени по 30 руб. Опочивальня — 9¹/₉ кв. сажени, Уборная Ее Величества — 12⁵/₉ кв. сажени, Уборная Его Величества — 7¹/₉ кв. сажени, Ватерклозет ее Величества — 4¹/₉ кв. сажени, Ванная Его Величества — 3 кв. сажени, Гардеробная Ее Величества — 9¹/₉ кв. сажени»³¹. На все работы по устройству и отделке «собственных» помещений истратили 165 166 рублей 79 копеек.

М. Е. Месмахер привнес свободу и асимметрию в проектирование интерьеров. Он часто встраивал мебель в панель: шкафы-стенки библиотек

²⁵ Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 497.

²⁶ 10 рота Измайловского полка, 11.

²⁷ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 91.

²⁸ РГИА. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 70. Л. 90. Мастерская на Кирочной ул., 24.

²⁹ Зеркальный магазин Цейшке по адресу Б. Конюшенная, 13. Справочная книга о купцах. СПб. 1890. С. 621.

³⁰ Мастерская К. Гелевич на Вознесенском пр., 33. Справочная книга о купцах. СПб. 1887. С. 187.

³¹ Квадратная сажень = 4,55 кв. м. Данные позволяют определить площадь недошедших до нашего времени помещений, но заметно, что размеры комнат сильно преувеличены.

в формах ренессанса или ставил «стенкой» встроенные альбомные шкафы, гардеробы, умывальники и туалеты в стиле «Jacob». Расставлял шкафы по двум смежным стенам, и — угловой камин. В личном кабинете (Новой уборной) императора он разделил стену на три широкие горизонтальные зоны, соответственно эстетике модерна, акцентируя панель полочкой и расширив фриз. Комната, созданная в сочетании дуба с расписной керамической плиткой, с расстановкой длинных рядов декоративных предметов на фоне гладкой обивки стены, демонстрирует его стремление к новой эстетике.

Понимая новизну возвращения к натуральным материалам и естественным формам, Месмахер руководил в Училище технического рисования подготовкой мастеров, работавших в области керамики, стекла, металла, текстиля, обработки дерева, что обеспечило возможность развития в России эстетики модерна. Мастер сам активно применял их как основной элемент декорации. В созданных им интерьерах все детали изготовляли по индивидуальным рисункам, варьируя, но не повторяя их. Дерево использовали как основной материал, тщательно отделывая «невидимые» детали: панели перегородок, тыльную сторону дверей, откосы окон.

Месмахер создал рисунки новых форм архитектурных конструкций и чисто технических деталей, спустя десятилетие подхваченные его последователями. В интерьерах и деталях отделки уже присутствует ощущение органического роста форм, считающееся основным и абсолютно новым свойством модерна. Поразительное для мастера, обучавшегося в эпоху эклектики, чувство пространства и стиля, приводит к полному и нераздельному единству архитектуры и декорации. Интерьеры отличаются взаимосвязью всех элементов отделки стен, мебели, керамики, металла с пространством, что считается достижением эпохи модерна. Обилие деталей, выполненных вручную по уникальным и по традиционным рисункам, приближает произведения Месмахера к эстетике XX века: простые линии с вкраплением композиционно-доминантных элементов высокого художественного качества. В функциональных, удобных комнатах Аничкова дворца, выполненных в 1880-х годах, Месмахер воспринимается как художник от архитектуры, во многом — как мастер следующего, XX века.

Половцов А. А. записал в «Дневнике» 17 декабря 1874 года: «... Говорим и о работах, произведенных Месмахером в Аничковском дворце. Государь выражает свое о них удовольствие, прибавляя лишь о личности Месмахера, что он — «копун». На это я возражаю, что он труженик и не медлителен в самой работе, только, подобно большинству русских людей, не умеет распределить работу между подчиненными, а все хочет делать сам...»³².

³² Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. Т.2... С. 64.

«Все-таки моя маленькая комнатка в Аничковом куда как лучше для меня»¹. Александр III в Аничковом дворце

DOI: 10.48466/2994.2021.92.27.001

Зимин Игорь Викторович,
Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. Академика И. П. Павлова,
заведующий кафедрой истории,
доктор исторических наук

Александр III вырос в Зимнем дворце. Женившись в 1866 году на датской принцессе, он переехал в Аничков дворец, который на десятилетия стал его главным петербургским домом. 1 марта 1881 года, после гибели отца, императора Александра II, Александр III несколько ночей провел в Зимнем дворце — главной резиденции российских монархов, разместившись на бывшей половине императрицы Александры Федоровны. Но вскоре император вернулся в Аничков дворец. После того как 27 марта 1881 года Александр III вывез семью в Гатчину, он стал жить на две резиденции, на два дома — Гатчинский и Аничков дворцы. Как правило, после 1881 года семья Александра III переезжала из Гатчинского в Аничков дворец в начале января, включаясь в череду больших зимних балов.

В бельэтаже Аничкова дворца у Александра III с 1866 года сформировалась своя половина, куда со временем вошли: Приемная, Кабинет, Уборная, Ванная, Комната дежурного камердинера, Ватер-клозет, Собственная столовая, Музей, Собственный буфет. Функционально к половине императора можно отнести Библиотеку с Баней «Его Величества».

Кабинет. Безусловно, главным пространством для Александра III был его Кабинет. В 1865 году архитектор Э. И. Жибер после ряда перепланировок расчистил внушительное пространство, в котором оформил в стиле Людовика XIII Кабинет наследника-цесаревича Александра Александровича. Лепной плафон с разделкой под дуб исполнил А. Т. Дылев, столярные работы выполнил фабрикант Е. Шридер. Проектом предусматривалось обить стены тисненой кожей, но эту идею не реализовали и стены закрыли деревянными панелями. Резную мебель дубового дерева под чернь в стиле Людовика XIII поставила фирма «А. Тур и сыновья».

В 1872 году архитектор И. А. Монигетти, по желанию цесаревича переделал вход в его Кабинет. Эти работы обошлись в 4 850 руб., кроме

¹ Боханов А. Н., Кудрина Ю. В. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М.: Русское слово, 2011. С.123–124.

этого, архитектор установил новую бронзовую решетку к камину в Кабинете, а также он предлагал закупить новую мебель в комнату «при входе в Кабинет Его Высочества», но хозяин дворца распорядился «Оставить старую»². В 1898 году мебельная обойная фабрика Г. В. Блюхера возобновила отделку Кабинета мореного дуба под воск, поставив новую деревянную раму для камина³.

Со временем Кабинет императора Александра III стал совмещать несколько функций: главного рабочего кабинета империи, музейного зала, в котором хранились его любимые картины и местом отдыха. Довольно часто в Кабинете накрывался обеденный стол. Об этом упоминает граф С. Д. Шереметев: «У него было чутье собирателя и всегда большой порядок в личных его вещах. Письменный стол его был неприкосновенная святыня. Никто не смел к нему дотрагиваться, он сам его убирал и ревниво оберегал от вторжения. ... Писал он не иначе как гусиным пером»⁴. Если говорить о досуге, то тот же С. Д. Шереметев вспоминал, что «В Аничкове он обыкновенно после завтрака садился у зеркального окна с видом на Невский проспект. Другое окно тут же рядом выходило в сад»⁵.

Этот Кабинет помнит очень многое: и деловые совещания, и семейные обеды, и дружеское общение с близкими людьми, и заседания Русского исторического общества⁶. А. А. Половцов упоминает, как 15 января 1885 года он с другими членами Общества зашел в «кабинет государя; здесь мы находим государя в обычном коротеньком сером военном пальто и великого князя Владимира Александровича в сюртуке при шпаге; садимся к письменному столу, стоящему у окна, что выходит в сад»⁷.

Библиотека. На протяжении многих лет Александр III с любовью устраивал свою Библиотеку. К 1866 году в Аничковом дворце уже имелось помещение, в котором традиционно находилось книжное собрание. Именно туда и была переведена библиотека великого князя Александра Александровича из Зимнего дворца. Работу над устройством помещения для книжного собрания великого князя начал архитектор Э. И. Жибер, взяв за образец библиотеку принца Ольденбургского. Тогда ее устройство обошлось в 14.442 руб. 87 коп.

² РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 28. Л. 168. О ремонте зданий Собственного Его Императорского Величества Дворца в 1872 году.

³ Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. Зодчие и строители Аничкова дворца. СПб.: СПб. Дворец творчества юных, 1994. С. 33–34.

⁴ Шереметев С. Д. Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 325.

⁵ Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 329.

⁶ Императорское Русское историческое общество было учреждено в 1866 г. Его почетным председателем являлся цесаревич Александр Александрович. Общество создано с целью публикации исторических материалов и исследований. В его состав входили крупнейшие российские историки.

⁷ Половцов А. А. Дневник Государственного секретаря. Т. I. 1883–1886. М.: Центрполиграф, 2005. С. 299.

Однако уже в 1868 году Александр III пожелал оформить интерьеры библиотеки «в собственном вкусе». К 12 сентября 1868 года у дворцовых хозяйственников уже имелись одобренные цесаревичем рисунки будущего помещения, составленные архитектором И. Монигетти «в духе Ренессанса»⁸. Библиотека должна была представлять собой двухъярусное восьмиугольное помещение с антресолями и четырьмя нишами в углах. В одной из них был устроен вход, в другую вмонтирован камин, в третьей устроено потайное пространство, скрытое дверью с книжными полками, в четвертой начиналась лестница на антресоли⁹.

И. Монигетти составил смету на предполагавшиеся работы и подобрал подрядчиков и поставщиков. Так, подготовительные работы и изготовление потолочного плафона предполагалось доверить подрядчику Александру Дылеву¹⁰. Поставщик Н. Штанге должен был изготовить всю мебель и дубовые стенные панели Библиотеки. Главное место в Библиотеке занимали светло-дубовые шкафы с резьбой, столы со стульями (15 000 руб.), обтянутые тисненой кожей с гербами. Помещение украшали большие филенчатые двери, малые дубовые плафоны в нишах и дубовый в шашку паркет с фризами. Эта же фирма поставила бронзовые люстры (большую и четыре малых), зеркальные витражные стекла для окон, французские ковры и зеленые шелковые шторы.

Работы начались осенью 1868 года и должны были закончиться к 1 апреля 1869 года. Однако все затянулось, и к концу июня 1869 года работы все еще продолжались. Такая ситуация была связана с тем, что на время домашних спектаклей в феврале–марте 1869 года работы по обустройству Библиотеки были приостановлены. Все это крайне беспокоило гофмаршала В. В. Зиновьева, который 18 июня 1869 года писал архитектору: «... трудно представить, когда будет окончена предпринятая Вами постройка. Потолок еще не окончен, штукатурные работы тоже еще не начаты, стало быть, и пола слать нельзя». Поэтому гофмаршал извещал Монигетти, что он вынужден «донести обо всем этом Его Высочеству», складывая тем самым «всякую ответственность по неисправности сроков окончания Его Библиотеки»¹¹. Видимо, столь жесткая постановка вопроса оказала свое влияние, и 22 августа Дылев закончил потолок Библиотеки. Осенью 1869 года, через год после начала работ, Библиотека была сда-

⁸ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 65. Л. 1 Об устройстве Библиотеки в Собственном Его Величества Дворце. 1868–1870.

⁹ Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. Указ. соч. С. 26.

¹⁰ Изготовление «штукатурного плафона с лепными украшениями и с живописной окраской под дуб» – оптом за 2.000 руб. РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

¹¹ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 65. Л. 33. Об устройстве Библиотеки в Собственном Его Величества Дворце. 1868–1870.

на заказчику. Библиотека обошлась заказчику в 64 608 руб.¹², при этом гонорар арх. И. Монигетти составил 3 300 руб. Кроме этого, ключевые участники проекта, по ходатайству цесаревича, были награждены государственными наградами¹³.

На фасаде дворца Библиотека выделена большими прямоугольными окнами. Два из них полностью заложены в интерьере, три (по одному в центре каждой из наружных стен) разделены антресолями на два самостоятельных окна в первом и втором ярусах, а два оставшихся раскрыты на улицу лишь небольшими проемами в нишах на антресолях¹⁴.

В целом интерьеры Библиотеки дошли до нас без изменений. За исключением того, что уже после 1869 года (и до 1881) в одном (? — известна только одна фотография) из окон появилось витражное окно с великокняжеским гербом. Вероятно, этот витраж также был изготовлен в мастерской Сверчкова, вскоре после изготовления витражных окон для Музея. В пользу этой версии говорит то, что все три витража изготовлены по единой композиционной схеме: широкий бордюр с орнаментированной полосой в центре включает вставки в виде щитков с геральдическими фигурами¹⁵.

В Библиотеке Аничкова дворца регулярно проходили заседания Русского Исторического Общества (РИО) в ходе которых велись дискуссии по спорным вопросам, оглашались и обсуждались неизвестные документы. При прямой финансовой и моральной поддержке Александра III издавались фолианты РИО. По инициативе Александра III начали собирать воспоминания участников обороны Севастополя и публиковать их в сборниках РИО.

Эти заседания не проходили мимо петербургского бомонда, и происходящее на заседаниях РИО становилось достоянием дневниковых записей: «В заседании Исторического общества царь высказал мысль, что не желательно, чтобы печатали мемуары лиц, недавно умерших, которые описывают лиц, еще живых». Использовали помещение Библиотеки и для камерных совещаний. Например, 30 марта 1894 года в Библиотеке Аничкова дворца состоялось заседание Комитета Сибирской железной дороги во главе с наследником Николаем Александровичем¹⁶.

К 1866 г. статус императорских библиотек поменялся, поскольку их

¹² В числе прочего: столярные работы — 25 377 руб.; стекла зеркальные — 4 745 руб.; общая сумма поставок Н. Штанге вылилась в 59 198 руб. (за Штанге подписывал документы Федор Мельцер).

¹³ Например, Ф. Мельцер — орден св. Станислава 3 ст.

¹⁴ Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. Указ. соч. С. 26.

¹⁵ Волобаева Т. В. Витражи Аничкова дворца // Аничков дворец — памятник российской истории. Материалы конференции. СПб., 1997. С. 19.

¹⁶ РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 53. Л. 30. Распоряжение в Высочайшие дни и по случаю Высочайшего пребывания в Аничковом дворце. 1894.

выделили в особое ведомство — во главе которого стоял «Заведующий Собственными Его Императорского Величества Библиотеками и Арсеналами». В 1865 году эту должность занял действительный статский советник Е. А. Кемерер. При этом, с 1866 по 1881 год библиотека Аничкова дворца занимала особое положение и ее возглавлял секретарь цесаревны тайный советник Федор Адольфович Оом (1826–1898)¹⁷, получавший из собственной суммы цесаревича 850 руб. в год. В документах упоминается, что уже в декабре 1866 года Оом заказал «разные картоны, папки и билеты» для составления «летучего каталога»¹⁸. В декабре 1867 года в библиотеку поступили «фотографические виды» поволжских городов (Казань, Тверь, Корчев, Углич, Мышкин, Молога, Рыбинск, Романов, Ярославль и т.д.), снятые московским фотографом М. П. Настюковым, которому покровительствовал наследник. Его альбом «Виды местностей по реке Волге от Твери до Казани» (1866–1867) стал одним из ранних памятников русской видовой фотографии. Кроме этого в библиотеке сложилась коллекция дипломов различных обществ, в которых почетным членом состоял цесаревич¹⁹.

В июне 1881 года Ф. А. Оом был освобожден от должности распоряжением цесаревича, официально передав библиотеку 1 июня 1881 года действительному статскому советнику А. И. Гримму, который ранее был помощником Оома. Как докладывал сам Ф. А. Оом гофмаршалу В. В. Зиновьеву «Государь Император высочайше повелеть соизволил: принять от меня Библиотеку Его Величества, находящуюся в Аничковом дворце, которую до сего времени заведовал я»²⁰. В 1884 году А. И. Гримма сменил его сын — Р. А. Гримм, остававшийся в этой должности вплоть до 1903 года, а затем, вплоть до 1917 года всеми императорскими библиотеками руководил В. В. Щеглов.

Музей Аничкова дворца. До начала 1870-х годов пестрое собрание художественных ценностей цесаревича было рассеяно по различным помещениям Аничкова и Александровского дворцов. С 1874 года ядро коллекции хранилось на втором этаже Аничкова дворца в двух комнатах, получивших название Музея.

Эти комнаты имели свою историю. В XVIII веке в этой части здания находился двусветный объем церкви. В начале XIX века архитектор Л. Руска распланировал здесь личные комнаты принцев Георга и Пет-

¹⁷ Одновременно Ф. А. Оом выполнял обязанности секретаря цесаревны Марии Федоровны.

¹⁸ РГИА. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 38. Л. 1. Доклады, переписка и счета по библиотеке наследника Александра Александровича. 1866–1878.

¹⁹ Например, Диплом почетного члена «Общества попечения о раненых и больных» от 18 мая 1867 г.

²⁰ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 25. Л. 1. О передаче заведования библиотекой Аничкова дворца действительному статскому советнику Гримму. 1881–1884.

ра Ольденбургских. В ходе ремонта 1817 года К. Росси устроил личные комнаты великого князя Николая Павловича – Адъютантскую и Приемную. В 1856 году на этих площадях был устроен Кабинет императора (симметрично библиотеке Александры Федоровны, на месте которой в 1866 году была устроена Биллиардная) и Знаменная. При этом оконные проемы неоднократно менялись²¹.

Решение о выделении помещений и создании интерьеров для музея состоялось к лету 1870 года, когда И. Монигетти в июне «принял на себя обязанности по устройству музея». Тогда архитектор дал обязательство представить все необходимые сметы, поскольку «Его Императорское Высочество повелел произвести работы безотлагательно». Однако эти сметы к началу сентября представлены не были, и цесаревич, как писал обер-гофмаршал В. В. Зиновьев И. Монигетти 9 сентября 1870 года «изволил неоднократно напоминать мне о представлении этих смет на утверждение Его Высочества»²². Далее гофмаршал жестко писал архитектору: «По неоднократно личному моему с Вами по сему предмету объяснению, Вы, наконец, 1 сентября дали мне обещание, на другой же день прислать сметы, которые однакож до сих пор не доставлены» и требовал сметы «Доставить тотчас».

Наконец, сметы, согласно которым на отделку двух комнат архитектор предполагал потратить 10 752 руб., были представлены²³. 25 сентября 1870 года наследник утвердил смету и потребовал начать немедленно, оговорив, чтобы расходы не превышали определенной в сметах суммы.

К середине января 1871 года основные работы по созданию музея были завершены. В ходе этих работ И. Монигетти соединил бывший Кабинет и соседнюю гостиную двойной аркадой, полностью обновил в духе средневекового зодчества декоративное убранство: один зал был оформлен в романском характере, другой зал – в стиле Возрождения²⁴. Общая стоимость работ составила 11 231 руб., т. е. превышение сметы составило всего 479 руб. 80 коп.²⁵

²¹ Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. Указ. соч. С. 35.

²² РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 52. Л. 1. Об устройстве в Собственном Его Величества Дворце музея и картинной галереи. 1870–1871.

²³ Расходы по смете: подготовительные работы по смете подрядчика Петра Дылева – 7 566 руб.; дубовые двери по смете Н. Штанге – 1 986 руб.; «богатый камин романского стиля из бременского камня на мраморных колоннах» по смете скульпторов Мадерни и Руджи – 1 200 руб.

²⁴ Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. Указ. соч. С. 36.

²⁵ Финансирование проекта шло из различных источников. Например, в январе 1871 г. П. Дылеву выплатили 3 000 руб. из «экономических сумм»; скульптору Модерни – 1 200 руб. из «сумм Дворцового управления»; поставщику Штанге – 1 986 руб. из «собственных сумм» и еще 48 руб. также из «собственных сумм». Общая сумма выплат на январь составила 6 234 руб. Самому Монигетти выплатили гонорар в размере 7% от стоимости работ, который рассчитывали из 9 592 руб. Следовательно, ему причиталось 671 руб. 45 коп., но с учетом выполненных архитектором рисунков для аналоев, сумму гонорара округлили до 800 руб.

Важной частью интерьера музея были «живописные стекла для двух окон музея», заказанные в ноябре 1870 года художнику В. Д. Сверчкову за 1 700 руб. сер. На одном из витражей был изображен герб Дома Романовых²⁶, на другом – Датского королевского Дома²⁷. Изготавливались витражи для полуциркульных окон в мюнхенской мастерской художника. Но их изготовление не обошлось без проблем, поскольку произошла «ошибка в размерах стекол» и их пришлось переделывать. Витражи доставили в Аничков дворец через Любек только в сентябре 1871 года. Устанавливали их специалисты фирмы Н. Штанге за 320 руб. Как следует из счета, датированного 26 октября 1871 года, они установили «Две рамы железные одностворные»²⁸, приспособив их к местам. Интерьерные работы окончательно завершили в марте 1874 года, когда «герб для окон музея», заказанный в 1870 году художнику Орадневу был установлен на свое место²⁹.

В формировании интерьеров музея некоторое участие принимала и цесаревна Мария Федоровна. Правда, не всегда удачно. Например, в 1870 году она, «при посредстве Григоровича» приобрела дюжину стульев в стиле Людовика XV, предполагая преподнести их в подарок мужу к Рождеству для планируемого Музея. Однако их не успели доставить, и Мария Федоровна подарила супругу другой подарок, отказавшись платить за стулья (314 руб.)³⁰. Дело в том, что император Александр III коллекционировал не только живопись и фарфор, но приобретал и антикварную мебель. Например, в начале 1892 года в Аничков дворец была доставлена старинная мебель, приобретенная «в Воронеже от г-жи Стойковой, по повелению Его Императорского Величества» за 741 руб.³¹

²⁶ В верхней части окна находится герб Дома Романовых: «в серебряном поле червлёный гриф, держащий золотые меч и тарч, увенчанный малым орлом, на черной кайме восемь оторванных львиных голов, четыре золотые и четыре серебряные». Вокруг щита размещена цепь с орденом св. апостола Андрея Первозванного, а на диагональных полосах в поле окна написан девиз ордена: «За веру и верность».

²⁷ Как пишет исследовательница Т. В. Волобаева: «Щит с фигурами датского герба размещен в верхней части окна, он окружен лентой с орденом святой великомученицы Екатерины, который в России получали все князья императорской крови. На диагональных полосах под щитом написаны слова: «За любовь и отечество», которые являлись девизом этого ордена». См.: Волобаева Т. В. Витражи Аничкова дворца // Аничков дворец – памятник российской истории. Материалы конференции. СПб., 1997. С. 18.

²⁸ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 52. Л. 39. Об устройстве в Собственном Его Величества Дворце музея и картинной галереи. 1870–71.

²⁹ Все витражи (по крайней мере, для трех окон) Аничкова дворца утрачены. Вероятно, они были «живы» до 1928 г., пока в резиденции действовала экспозиция «исторических комнат».

³⁰ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 52. Л. 23. Об устройстве в Собственном Его Величества Дворце музея и картинной галереи. 1870–71.

³¹ Комод, письменный стол, диван, два кресла, четыре стула, стол, маленький столик, висячее зеркало, тумба, три карниза и картонный стол. См.: РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 8. Л. 1. Переписка по имуществу Аничкова Дворца, пересылка оного, получение, запись на приход и в расход и проч.: мебель, картины и т.д.

Некоторое представление о характере коллекции Музея дает «Указатель предметам искусства и редкостей, составляющим собрание Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», составленный в 1880 году. Всего в указателе 12 разделов, в которых перечисляется мелкая декоративно-прикладная пластика, собранная цесаревичем: 1. Гончарное производство³²; 2. Скульптура; 3. Резьба из дерева; 4. Резьба из слоновой кости; 5. Бронза; 6. Железо; 7. Резьба из камня; 8. Стекло; 9. Эмаль; 10. Мебель; 11. Шитье; 12. Расписное стекло³³. Подчеркну, что в указателе нет раздела «Живопись», которая составляла значимую часть коллекции.

Следует иметь в виду, что комнаты Музея были вовлечены в повседневную жизнь резиденции. Во время балов там накрывались столы, там играли в карты, проходили деловые совещания и встречи. Например, А. А. Половцов упоминает, что в феврале 1887 года скороход проводил его «в так называемый музей, где, дожидаясь четверть часа, имею время насмотреться на посредственность вещей, сбытых пронырливым Григоровичем. Государь принимает меня через несколько минут и начинает разговор с извинений о том, что заставил подождать»³⁴.

В начале 1890-х годов, возможно под влиянием посещения в 1892 году Третьяковской галереи, у Александра III оформляется желание превратить свою художественную коллекцию в общедоступный музей. Это желание было реализовано Николаем II с открытием в 1896 году Русского музея.

Заканчивая разговор о собирательской деятельности Александра III, можно привести мнение С. П. Дягилева: «Александра III можно числить среди лучших русских царей. Для русской культуры он был, может быть, вообще самым лучшим из монархов. Это при нем начался расцвет и русской литературы, и живописи, и музыки, и балета. Все, что потом прославило Россию, началось при Александре III»³⁵.

Многие современники упоминают, что Александр III был большим любителем русской бани. В Аничковом дворце баня, со времен Николая I, находилась в подвале. Она включала три помещения: раздевальную, парилку и водогрейную. Периодически ее (баню) ремонтировали, поправ-

³² В основном это предметы «восточного производства» из Китая и Японии, например: «Трещинообразная плыва»; «Чайник фарфоровый круглой формы, расписанный цветами синей краской, старой Нанкинской фабрики». Всего в этом разделе перечислено 112 китайских предметов; один предмет из Персии; 114 – из Египета; предметы «Испано-арабского производства»; «Европейское производство» – глина и фаянс.

³³ РГИА. Ф. 1339. Оп. 2. Д. 430. Указатель предметам искусства и редкостей составляющим собрание Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1880.

³⁴ Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 2. 1887–1892. М. Наука, 1966. С. 16.

³⁵ Цит. по: Кудрина Ю. Пётр Ильич Чайковский и императорская власть // Наш современник. 2017. №1 <https://reading-hall.ru/publication.php?id=18608>. Дата обращений 12 июля 2020.

ляя липовую обшивку стен парилки (13 кв. саж.) и меняя в верхней части полка 2,5-дюймовые доски. Например, в 1872 году в ходе ремонта Бани «Его Величества» предполагалось «исправить деревянную обшивку стен и свода; окрасить стены в раздевальной комнате, окрасить три оконных переплета под дуб и покрыть лаком»³⁶.

Из описанных выше помещений, ныне сохранились относительно недавно отреставрированный Кабинет и Библиотека.

³⁶ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 28. Л. 3. О ремонте зданий Собственного Его Императорского Величества Дворца в 1872 году.

Книги императорского дома Романовых в РГБ и НЭБ. К 175-летию императора Александра III

DOI: 10.48466/5116.2021.22.20.001

Исаченко Татьяна Александровна,
Сектор изучения особо ценных фондов
Центра по исследованию проблем развития библиотек
в информационном обществе ФГБУ «Российская
государственная библиотека» (Москва),
главный научный сотрудник,
доктор филол. наук

В начале лета 2020 года, в разгар пандемии, на сайте Российской государственной библиотеки (далее – РГБ) была размещена виртуальная выставка «Книги императорского дома Романовых в РГБ и НЭБ»¹. На ней экспонировались книги, представляющие интерес с точки зрения вкусов и предпочтений царствующей династии, семьи императора Николая I, его многочисленных детей, внуков, а в их числе – и будущего императора России Александра III. Сегодня в РГБ осуществляется попытка воссоздать единую коллекцию книг дома Романовых, основу которой составляют книги из личной библиотеки императрицы Александры Феодоровны-старшей (1798–1860)², супруги Николая I, бабушки императора Александра III. Именно эта библиотека, подаренная Московскому Публичному и Румянцевскому музею в год его открытия (1862) великими князьями Николаем Николаевичем и Михаилом Николаевичем, легла в основание «Императорской коллекции», воссоздаваемой РГБ. В первоначальном виде она включала в себя альбомы, карты, нотные сборники, беллетристику, книги по педагогике и воспитанию – всего более 9000 прекрасно иллюстрированных изданий, «одетых» в кожу, бархат, шелк, с золотым и серебряным тиснением, вышивкой, инкрустацией – демонстрация лучших образцов переплетного искусства. Коллекция и сегодня поражает не только богатством и разнообразием внешнего оформления книг, но также цельностью и стройностью их подбора. Комплектовалась библиотека под наблюдением поэта В. А. Жуковского – воспитателя наследника престола, будущего императора Александра II. Среди многочисленных экспонатов здесь мы

¹ Национальная электронная библиотека. Режим доступа: <https://www.rsl.ru/ru/all-news/knigi-imperatorskogo-doma-romanovuh-v-rgb-i-neb>. Электронный ресурс (дата обращения: 28.08.2020).

² Принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, дочь короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы.

видим: «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году» Шишкиной (1848), Paxton's magazine of botany («Ботанический журнал Пакстона», 1834), Les fleurs parlantes («Говорящие цветы», 1848), Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса (1862), а также редкое издание на немецком языке, посвященное венценосным освободителям Европы – императору Австрии Францу I, императору России Александру I и королю Пруссии Фридриху Вильгельму III, участникам Венского конгресса 1815 года: «Железная рука храброго немецкого рыцаря Гётца фон Берлихингена»³. Книга прекрасно иллюстрирована, ее название отсылает к участнику Крестьянской войны в Германии, швабскому рыцарю Гётцу фон Берлихингену (1480–1563), с детства обученному военному делу, но потерявшему правую руку и героически сражавшемуся с несправедливостями мира своим железным протезом. Книга в зеленом бархатном переплете, с тиснением на обеих крышках. На форзацах – белая бумага с имитацией муара и владельческий экслибрис императрицы Александры Феодоровны. На одной из иллюстраций – сжатая в кулак рука, демонстрирующая силу и мощь «железного» рыцаря. А в подсознании сразу возникает образ Государя Императора Александра III в рост с сжатой в кулак десницей кисти Н. Д. Дмитриева-Оренбургского⁴ и аналогичный фотопортрет.

Другие многочисленные издания,

«Железная рука храброго немецкого рыцаря Гётца фон Берлихингена». Титульный лист издания 1815 г.

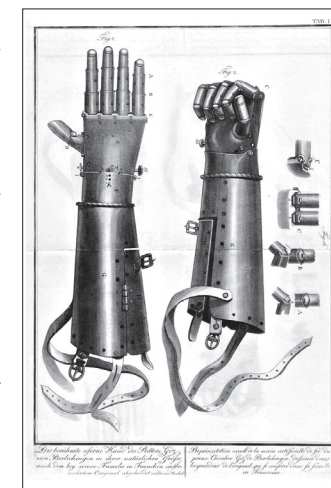

Иллюстрация к изданию «Железная рука» Гётца фон Берлихингена. Берлин, 1815 г.

³ Die eiserne Hand des tapfern deutschen Ritters Götze von Berlichingen wie selbige noch bei seiner Familie in Franken aufbewahrt wird, sowohl von Aussen als von Innen dargestellt, nebst der Erklärung Ihres für jene Zeiten von fast dreihundert Jahren sehr merkwürdigen Mechanismus; ferner einer kurzen Lebensgeschichte des Ritters besonders in Bezug auf die Hand, und endlich der Denkschrift, die bei der Hand verwahrt wird, theils in Versen theils in Prosa, zu Ehren der Hand von den besten Dichtern verfasst. Berlin. 1814–1815.

⁴ Работа 1896 г. Коллекция ГИМ.

Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. Портрет императора Александра III. Российская империя. 1896 г. Холст, масло. Коллекция ГИМ.

Император Александр III. Фотопортрет. Фотограф неизвестен.

склад ребенка, который привык сопровождать своих родителей в церковь по праздникам и по воскресеньям, а иногда и в будни, будет значительно разниться от душевного склада ребенка, которого родители не знают других праздников, кроме театра, балов и картежных вечеров... Воспитание, чтобы быть русским, должно быть согласовано с началами не богобоязненности вообще и не христианства вообще, но с началами Православия, которое есть единственное истинное христианство...»⁵.

⁵ Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. С. 437.

наполнявшие библиотеку бабушки, которые несомненно держал в руках будущий император России Александр III, сегодня представляют живой интерес. Но этот интерес обусловлен более изысканностью изданий, нежели содержательностью коллекции Александры Феодоровны-старшей. Она — для любителей и знатоков антикварной книги. Между тем, и следует с этим согласиться, парадный фасад библиотеки императрицы скрывает главное — то, что она к 1862 году уже не представляла интереса для детей и внуков императрицы. Дети повзрослели, внуки подросли. Великому князю Александру Александровичу в 1862 году исполнилось 17 лет, и круг его чтения изменился.

В 1850 году известный религиозный философ-славянофил А. С. Хомяков составил специальную записку «Об общественном воспитании России», предназначенную для наследника престола великого князя Александра Николаевича. «Воспитание в умственном и духовном смысле, — писал Хомяков, — начинается так же рано, как и в физическом. Самые первые зачатки его, передаваемые посредством слова, чувства, привычки и т.д., имеют уже бесконечное влияние на дальнейшее его развитие. Строй ума ребенка, которого первые слова были: Бог, тятя, мама, — будет не таков, как у ребенка, которого первые слова были: деньги, наряд и выгода. Душевный

Родители, вероятно, учли советы философа, и воспитание будущего императора, его детей и внуков осуществлялось в согласии с этими рекомендациями. Духовное возрастание великого князя Александра Александровича и его братьев происходило под непосредственным влиянием матери, императрицы Марии Александровны. Трудно передать словами, кем она являлась для детей и внуков. От мамы и бабушки унаследовали они любовь к музыке, живописи, поэзии. Императрица воспитала в них сострадательность и доброту, научила молиться. Дети обожали свою мать. Ее уход и все, что предшествовало ему, оставили в душе великих князей Александра и Сергея Александровичей глубокий след, отчего у них выработалось твердое убеждение, что увлечение либерализмом тесно связано с повреждением нравственности, а спасти от нравственной и политической гибели — и отдельно взятого человека, и страну — может только верность Православию и Самодержавию, приверженность исторической и духовной традиции.

«Прошу моих милых детей 40 дней присутствовать на Литургиях во время Пресуществления Святых Даров» — это последнее напутствие императрицы-матери было неукоснительно выполнено. Помолиться об упокоении ее души великие князья отправились в Святую Землю, и там, в Гефсиманском саду, они заложили Храм Марии Магдалины, где до сего дня имя императрицы Марии Александровны поминается на Литургиях.

Атмосферу, царившую в Гатчинском дворце, где жила семья императора Александра III, точно воспроизводит в своих мемуарах его младшая дочь, великая княжна Ольга Александровна: «Как вы знаете, все мы были воспитаны в строгом послушании канонам религии. Каждую неделю служили литургии, а многочисленные посты и каждое событие общенационального значения отмечалось торжественным молебном, все это было так же естественно для нас, как воздух, которым мы дышали». «Русская история, — признавалась она мне (пишет Воррес), — представлялась как бы частью нашей жизни»⁶.

Собственный вкус императора Александра III формировался под влиянием славянофилов, о чем свидетельствует редкий альбом — литературный альманах, изданный в 1885 году и наполненный поэзией А. С. Хомякова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Ф. И. Тютчева, И. С. Тургенева,

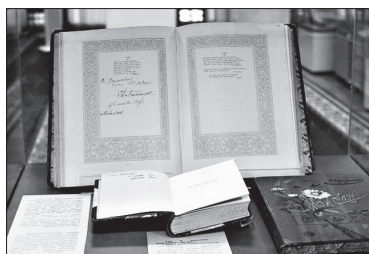
Литературный альманах вел.кн. Евгении Ольденбургской «Дума за думой. Памятная книга на каждый день». СПб.: Изд-во Товарищества М. О. Вольф, 1885».

⁶ Вел. Княгиня Ольга Александровна: мемуары / [Запись И. Ворреса]. М.: Захаров, 2003. С. 45.

Великая княжна Анастасия за мольбертом. 1915 г. Фотограф неизвестен.

Экземпляр альбома «Дума за думой», принадлежавший вел. кнж. Анастасии (1901–1918). ОР РГБ. Ф. 492. № 23.

А. К. Толстого, К. С. Аксакова, П. А. Вяземского, А. А. Голенищева-Кутузова (стихи которого любил император Александр III) и многих других авторов.

Книга вышла под покровительством кузины императора – великой княгини Евгении Максимилиановны Ольденбургской (1845–1925), ровесницы Александра, как и он – внуки императора Николая I от любимой дочери царя великой княгини Марии Николаевны (1819–1876). Чудесный альбом был прекрасно иллюстрирован, имел большую популярность в высшем свете. Экземпляры альбома и сегодня можно видеть в усадебных библиотеках Л. Н. Толстого, С. В. Рахманинова. Один из редких экземпляров, содержащий 114 автографов ближайшего окружения семьи Николая I, сохранился в ОР РГБ. Он принадлежал великой княжне Анастасии Николаевне и подробно описан нами в год 100-летия («черного юбилея») Екатеринбургской трагедии (2018)⁷.

Тексты, наполняющие литературный альманах, приурочены к каждому из дней годового круга, кроме того,

четверостишия подобраны таким образом, что они оказываются «привязаны» ко дню рождения одного из членов династии. Альбом, вероятно, подносился юной княжной по тем или иным поводам лицу (по выбору или имениннику), а вносящие свой автограф в альбом отыскивали «свою страницу» с датой рождения, где ставили подпись либо оставляли другой какой-то текст. Календарный принцип альбома «Дума за думой» позволяет сегодня сделать существенные уточнения и внести поправки в библиографическую базу Белой эмиграции, уточнить даты рождения ближайшего окружения царской семьи.

День рождения императрицы Марии Александровны – 27 июля – отмечен в альбоме строками Тютчева («Как неразгаданная тайна, Живая прелесть дышетъ въ ней / Мы смотримъ съ трепетомъ тревожнымъ / На тихій свѣтъ ея очей. / Земное ль въ ней очарованье / Иль неземная благодать? Душа хотѣла бь ей молиться, / А сердце рвется обожать...»), на день рождения императора Александра III (26 февраля) помещены четверостишия Вяземского и Хомякова:

Есть въ тайникѣ души безсмѣнное свѣтило:

Любовь къ тому, что есть, любовь къ тому, что было...⁸

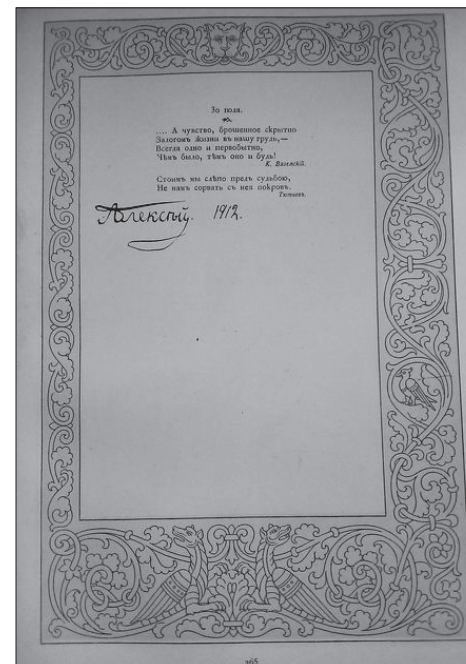
И сердцу не рѣшить, въ двойной любви своей,
Которая из двухъ дороже и святѣй

(П. А. Вяземский)

Народная любовь – сокровище Царей.

Издавна на Руси родник ее обилен

В Царе живет народ, и Царь народом силен

Автограф наследника цесаревича Алексея на странице дня его рождения – 30 июля.

⁷ «Дума за думой. Памятная книга на каждый день», ниже, в выходных данных: «СПб.: Изд-во Товарищества М.О. Вольф, 1885». На обороте верхней крышки альбома детской рукой выведено «От мамѣ и папѣ Анастасии Романовой. Петергоф. 5 июня 1912. Царское Село». Публ.: Исаченко Т. А. 1) К 100-летию Екатеринбургской трагедии. Дневник государыни императрицы Марии Александровны и личный альбом великой княжны Анастасии Николаевны в фонде Дворцовых библиотек РГБ // Романовы и Крым. Научные чтения в Ливади: сб. материалов науч.-практ. конф. (18–19 мая 2018 г.) / Ливадийский дворец-музей. Симферополь: Антика, 2018. С. 38–64; 2) Неизвестный альбом великой княжны Анастасии // Культурное наследие России. 2018. № 3. С. 35–46; 3) Памятные записки как мегатекст: опыт многоуровневого прочтения альбома-календаря великой княжны Анастасии // Культурное наследие России. 2018. № 4. С. 43–59; 4) Редкие рукописи Царской семьи и великой княгини Елисаветы Феодоровны в собрании Дворцовых библиотек Российской государственной библиотеки // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 45–80. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10202; 5) Последняя запись в личном альбоме-ежедневнике великой княжны Анастасии Николаевны (ноябрь 1917 г., Тобольск) // Церковь. Богословие. История, материалы VII Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 8–10 февр. 2019 г.) / Екатеринбург. духов. семинария Екатеринбург. епархии Рус. Православ. Церкви, Миссионер. ин-т. Екатеринбург, 2019. С. 28–34; 6) Именослов альбома великой княжны Анастасии Николаевны: памятные записки как мегатекст // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 2 (20). 2019 (<https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1505494>).

⁸ При цитировании курсивом выделяем строки, внесенные в альбом «Дума за думой», расширяя контекст за счет сопутствующих строк (прим. – Т.И.)

Идете Вы путем любви и веры в Бога.

Подвижникам трудна державная дорога,
Но и прекрасна цель, которая их ждет,
Когда за ними вслед Россия к ней идет

(П.А. Вяземский. 16 апреля 1866 г.⁹)

И не меч, не штык трехгранный,

А в венце полнощных звезд –

Усмиритель бури бранной –

Наша сила, русский крест!

(А.С. Хомяков. На перенесение Наполеонова праха. 1840)

На день 6 мая (день рождения цесаревича Николая Александровича, будущего императора) второе четверостишие принадлежит перу графа Голенщикова–Кутузова, любимого поэта императора Александра III. Граф Арсений Аркадьевич Голенщикова–Кутузов (1848–1913), управляющий канцелярией императрицы Александры Феодоровны, действительный член Российской Академии наук (с 1891 г.), прекрасный поэт, творчество которого высоко оценивали Майков, Фет, великий князь Константин Романов. Поэту в альбоме 1885 года уделено много внимания. Один из шедевров Голенщикова вполне мог бы, как мы полагаем, стать эпиграфом и к данной статье.

Не спорь и не борись с враждующей судьбой /
Не унижай души мольбами и стенаньем /
Внимай житейский шум с поднятой головой /
На праздный крик толпы ответствуя молчаньем /
В молчанье кроется таинственная власть /
Поруганный Христос был нем перед Пилатом /
И Бога обрела земная, злая страсть /
В Его безмолвии – пронзённом и распятом

(А.А. Голенщикова–Кутузов, 1904 г.)

Вчитываясь в стихотворение А. А. Голенщикова–Кутузова, не перестаешь удивляться точности образа, передающего смысл Государева служения – «крестоношение» и предощущение конца. В этих возвышенных строках – ответ грядущих событий.

Заметим, что в последнем письме императрицы Александры Феодоровны к А. А. Вырубовой была выделена та же самая мысль и будто задана тема императорского служения: «...Бог попустил эту странную ругань, клевету, мучения – физические и моральные... Мы никогда не можем отбла-

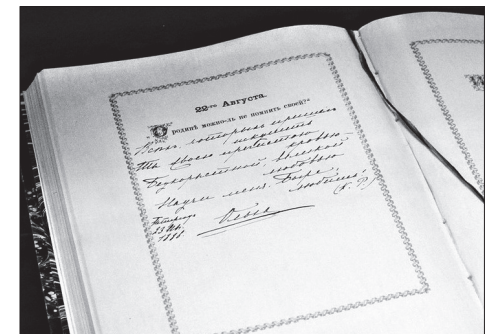
⁹ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 11. 1853–1862 г. СПб.: Изд-е графа С. Д. Шереметева, 1887. С. 254–256.

годарить за все, лишь в молитвах... Дорога к Нему одна, но в этой одной – масса других, и все стремимся дойти до пристани спасения, к Вечному Свету. А те, кто по стопам Спасителя идут, те больше страдают. Избранные крестоносцы...»¹⁰. Итак, шествие по стопам Спасителя и осознание своего долга. Путь «крестоносцев».

Мы коснулись альбома Евгении Ольденбургской в связи с тем, что его литературная составляющая несет яркий отпечаток личных литературных и художественных предпочтений императора Александра III, отличительными чертами которого были честность и простота, основанная на глубокой религиозности.

Однако существует еще один альбом подобного рода, также, как и первый, отражающий вкусы императора. Чувства, которые пережил в двадцатилетнем возрасте великий князь Александр, в плену которого оказалась его душа в 1861–1866 годах, нашли отражение в увлечении поэзией Лермонтова, отразив душевный надлом. В этот сложный период поэзия «подлунного поэта» всецело захватила будущего императора. История его возвышенной любви к юной княжне Марии Мещерской запечатлена на страницах дневника великого князя Александра. Соответствие полных страдания и горькой безысходности стихов Лермонтова настрою души великого князя связан с этой любовью. Подлунные беседы на возвышенные темы, происходившие в Царскосельском парке в этот период, чем-то напоминают нам «богословскую переписку», сопровождавшую период сватовства его сына, цесаревича Николая Александровича к гессенской принцессе Алисе.

Лермонтова любила другая кузина императора Александра и его близкий друг, великая княжна Ольга Константиновна, греческая королева, которая к своему 35-летию в 1886 году выпустила альбом, аналогичный альбому двоюродной сестры Евгении, но только целиком посвященный Лермонтову¹¹. В отличие от антологии Евгении Ольденбургской, лите-

Один из первых экземпляров альманаха «Изо дня в день», подаренный «королевым эллином» Ольгой Константиновной любимому племяннику цесаревичу Николаю Александровичу (июль 1886). Автографом королевы – строки «Молитвы» К. Р. («Науци меня, Боже, любить!»).

¹⁰ Выражение Императрицы Александры Феодоровны из последнего ее письма к А. А. Вырубовой: Письма святых царственных мучеников из заточения [Семья императора Николая II: Материалы и док. / Собр. Е. Е. Алферьев и др.]. – [2-е изд., доп.] СПб. [М.]: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996 (в изд. 1974 г. С. 42).

¹¹ Изо дня в день / Извлечения из сочинений Лермонтова на каждый день. СПб., Гос.тип. 1886.

Греческая королева и великая княжна Романова Ольга Константиновна. Ок. 1870 г. Фотограф неизвестен.

ратурный альманах «Изо дня в день. Извлечения из Лермонтова» великой княжны Ольги не содержит ее имени в выходных данных. Имя составительницы восстановлено нами благодаря экземпляру одной из зарубежных аукционных продаж, который содержит помету: «139 книга, составленная королевой Ольгой Константиновной». Принцип альбома — тот же, что у первого альбома. «Извлечения на каждый день» в системе годового круга, с приуроченностью записей ко дню рождения писавшего.

Альбом «Изо дня в день» великой княжны Ольги Константиновны впервые был представлен на юбилейной выставке, посвященной 400-летию Императорского дома Романовых, организованной в Российской государственной библиотеке в мае 2013 года¹². На выставке демонстрировался один из первых экземпляров тиража, поднесенный «королевой эллинов» племяннику, юному цесаревичу Николаю Александровичу. Экземпляр с личным экслибрисом императора — в картонном переплете, оклеенном бумагой, с кожаными углами и тройным золотым обрезом. На странице с датой 22 августа рукой королевы сделала запись: «Всех, которых пришел искупить Ты Своею Пречистою Кровью, / Бескорыстной, великой любовью / Научи меня, Боже, любить!».

На дату своего рождения королева Ольга вписала в альбом цесаревича заключительную строфу знаменитого текста, который в словесной форме выразил то религиозное чувство смирения, которое, собственно, и продемонстрировал трагическим финалом всей своей земной жизни император Николай II. Сегодня, без сомнения, строфа, вписанная 23 августа 1886 года в альбом цесаревича королевой Ольгой, воспринимается как текст промыслительный.

На дату своего рождения королева Ольга вписала в альбом цесаревича заключительную строфу знаменитого текста, который в словесной форме выразил то религиозное чувство смирения, которое, собственно, и продемонстрировал трагическим финалом всей своей земной жизни император Николай II. Сегодня, без сомнения, строфа, вписанная 23 августа 1886 года в альбом цесаревича королевой Ольгой, воспринимается как текст промыслительный.

¹² Выставка «Книги из библиотек императорского дома Романовых в фондах Российской государственной библиотеки» проходила с 17 мая по 7 июня 2013 года. Подробнее о выставке на сайте РГБ: www.rsl.ru/ru/s7/s381/2013/20137635.

В 1894 году, в период постепенно ухудшающегося самочувствия Александра III, королева Ольга Константиновна предложила императорской семье в полное распоряжение свою виллу Монрепо на острове Корфу. Как пишет в своих мемуарах великая княгиня Ольга Александровна, «профессор Лейден признал, что пребывание в теплом климате может благотворно подействовать на больного. Было решено отправиться в Крым и на несколько дней остановиться в Ливадии прежде чем отплыть на Корфу. Но когда Царская семья прибыла в Ливадию, стало ясно, что ехать никуда нельзя. Состояние Государя было угрожающим»¹³.

Существует мнение, высказанное английской исследовательницей Хелен Рапппорт на основании изученных ею материалов, что «Семья Романовых, как единое целое, вместе стремились превзойти силы неверия, которые разрушали Россию»¹⁴. В этом смысле определение «Богатырь и Рыцарь», которые мы встречаем в записных книжках последней императрицы, применимо не только к царю-мученику Николаю, но и к его отцу, 175-летний юбилей которого празднует Россия в 2020 г.

Одной из тех немногих книг, которые были найдены в Ипатьевском доме после убийства царской семьи, была книга духовных наставлений Игнатия Брянчанинова, собранная из изречений святых отцов («О терпении скорбей... СПб., 1893), отдельные места в ней были выделены подчеркиванием»¹⁵. Обратим внимание на одно из них: «Простота — сила и одежда... Что бы ни было в свете идеального и невозможного — только сделает простота. Дадим ей имя — богатырь и рыцарь».

Религиозный настрой и глубокое понимание своего предназначения — вот что выделяло и отделяло монарха России от его подданных, и это отчетливо прочитывается во всех действиях и поступках русского царя, которому было завещано особого рода «служение»: «служение — мой высший священный долг Государя и моя совесть»¹⁶.

¹³ Великая Княгиня Ольга Александровна: Мемуары / [Запись И. Ворреса]. М.: Захаров, 2003. С. 61.

¹⁴ Rappaport, Helen. Conspirator: Lenin In exile: [the making of a revolutionary] / Helen Rappaport. — London: Windmill books, 2010. P. 165–167.

¹⁵ Соколов Н. А. Убийство царской семьи [Текст] / Н. Соколов. — Берлин: Слово, 1925. С. 267.

¹⁶ Строки «политического завещания» Императора Александра (версия, опубликованная И. Ворресом). В известных на сегодняшний день источниках нет свидетельств о том, что умиравший в Ливадии в октябре 1894 г. император Александр III делал наследнику цесаревичу Николаю Александровичу какие-либо наставления, которые можно расценивать как своего рода «политическое завещание». Однако в исторической публицистике и художественной литературе высказываются прямо противоположные суждения (Андреев Д. А. Было ли «политическое завещание» императора Александра III наследнику цесаревичу Николаю Александровичу? К постановке проблемы // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 89. С. 97–114. DOI: 10.15382/sturII201989.97-114).

«Царские избы» императора Александра III

DOI: 10.48466/2669.2021.19.27.001

Корнева Галина Николаевна,
издательство «Лики России»,
заместитель директора по внешним связям,
кандидат технических наук

Чебоксарова Татьяна Николаевна,
СПб Гос. Электротехнический университет «ЛЭТИ»,
инженер, кандидат технических наук

Грандиозность или богатство дворцов никогда не играли главенствующей роли для императора Александра III и императрицы Марии Федоровны при выборе местопребывания, важнее для них оказывались уют и комфорт. Когда в 1881 году Александр вступил на престол, супруги предпочли роскошному официальному Зимнему дворцу меньший по размеру и более удобный для семьи Аничков дворец, в котором они счастливо жили со дня свадьбы. Основной загородной резиденцией семьи императора Александра III стал Гатчинский дворец. В качестве личных жилых комнат императорская чета обустроила помещения антресольного этажа, которые обычно предназначались для слуг.

К своим «обязанностям государевым» император относился чрезвычайно добросовестно. Он читал документы, доставляемые ему в любое место ежедневно, далеко за полночь.

26 мая 1891 года, в воскресенье, Александр III писал любимой жене из Гатчины: «... несмотря на то, что у меня теперь больше свободного времени, я не могу покончить с массой бумаг и чтения и ложусь спать почти всегда в половине четвертого, часто с чудным восходом солнца пря-

мо в мои комнаты»¹. Даже в те дни, когда находился на отдыхе, государь не мог позволить себе проводить целый день праздно вместе с придворными и гостями. Великая княжна Ксения Александровна в письме Александре Александровне Оболенской (ур. Апраксиной) в сентябре 1892 года сообщала из Спалы: «Все тут по старому, каждый день охота... По-прежнему играем каждый вечер в бильярд со всеми, а дядя Владимир² играет с некоторыми генералами и Вельяминовым³ в винт. Папа так занят по вечерам, что не может играть совсем...»⁴.

Если император выезжал за границу, то чаще всего проводил с супругой несколько недель у ее родственников в Дании. У отца Марии Федоровны, датского короля Христиана IX, в летнее время гостило до 80 человек — прежде всего дети и внуки, которые принадлежали к правящим домам Греции, Великобритании, России и различных княжеств на территории Германии.

Находясь в королевской резиденции Фреденсборг на отдыхе, Александр III должен был иметь возможность работать с государственными бумагами в тиши кабинета. И поэтому в 1885 году он решил приобрести в Дании небольшой дом из дикого камня и кирпича, стоявший на высоком склоне поблизости от центрального въезда в замок Фреденсборг. Один из фасадов виллы обращен к королевскому саду, в который можно было войти через калитку в деревянном заборе.

Хозяин дома Андреас Грове медлил с продажей, и Царю пришлось предложить за скромную постройку, окруженную садом, 25 тысяч крон. Вилла была построена в 1853 году и первой ее владелицей стала Мария Каролина Эрнестина Пфейл (Pfeil), ур. Гронбек (Gronbeck), вдова Николауса Вильгельма Пфейла. 21 декабря 1853 года собственность была передана Сорену Ларсену, а впоследствии владельцы этой недвижимости менялись дважды перед тем, как она была куплена Андреасом Грове 18 июня 1866 года. 20 октября 1885 года Андреас Грове подписал соглашение о передаче своего владения в собственность Российского Государя⁵.

Александр и Мария Федоровна решили перестроить дачу на свой вкус. Уютный, богато отделанный резьбой дом с балкончиками и мезони-

¹ «Император Александр III и Императрица Мария Федоровна. Переписка 1884–1894». Авторы-соавтатели Боханов А. Н., Кудрина Ю. В. С. 110.

² Вел. князь Владимир Александрович (1847–1909), младший брат Александра III.

³ Вельяминов Николай Александрович — лейб-хирург Александра III.

⁴ Ксения Александровна, Великая княжна. Письмо Оболенской А. А. 14 сентября 1892 г. Спала // Российский Архив: История Отечества в Свидетельствах и документах XVIII–XX вв. / Альманах. М., 2005. [Т. XIV]. С. 472–473.

⁵ Hall Coryne. Royalty Digest. October, 2000. С. 27. Автор — биограф членов правящих династий, автор пяти книг об императорской семье Романовых.

ном датчане стали называть «Kejservilla»⁶, а улицу перед ним, в переводе с датского – Императорским проездом. 21 июля 1893 года в земельном кадастре отмечалось, что участок земли, отведенный под виллу, занимал 1.182 кв. м.

Дания. Вилла императора Александра III у замка Фреденсборг. «Всемирная Иллюстрация». 1889. № 1081. С. 228

Дом имел приемную, зеленый сад, удобный для работы кабинет, небольшую столовую, где могли собираться родственники. Наверху располагались две спальни. Стены комнат украшали многочисленные картины в викторианских рамах, семейные фотографии. Мебель заказали в датском городе Ганзен. Во время пребывания во Фреденсборге император нередко посещал виллу и подолгу работал в своем кабинете. Пол этой просторной комнаты был устлан коврами. Мебель в кабинете «двух фазонов, одна в стиле возрождения с датскими львами, другая в восточном вкусе в виде оттоманов, пуфов и мягких кресел»⁷. На стене

три портрета: средний – государыни императрицы, а слева и справа – ее родителей, короля и королевы датских.

Александр называл виллу «наша дорогая миниатюрная Гатчина». На фотографии интерьера виллы, сделанной в 1917 году, в углу комнаты видны облицованная керамическими плитками печь, масляная лампа, подвешенная к потолку, круглый стол с 4 тяжелыми обитыми плюшем стульями и картиной в тяжелой раме на стене⁸.

Пятого (17) сентября императорская семья пригласила родных на носовоселье. Принимая гостей, хозяева сами приготовили угощение к праздничному столу. Император Александр III вместе с детьми порадовал датских родственников необычными кушаньями, русскому Государю помо-

гали и его юные племянницы, дочери наследного принца Фредерика – 16-летняя Луиза, 13-летняя Ингеборг и 11-летняя Тира.

Царю чрезвычайно нравилась его вилла в Дании, и ее не раз изображали на предметах прикладного искусства, например, на пасхальном яйце работы К. Фаберже, подаренном Александром III жене в 1890 году. Сейчас это яйцо находится в коллекции фонда Матильды Геддингс Грей в Музее искусств Нью-Орлеана. Вилла была также изображена на фарфоровой чашке, ныне хранящейся в Гатчинском дворце-музее.

Марии Фёдоровне, которой тоже была дорога Кайзер-вилла, становилось одиноко в отсутствии супруга, и она избегала посещений милого ей дома. В октябре 1889 года императрица писала мужу: «Я верю и надеюсь, что такого больше никогда не произойдет, и даже отсюда ты больше не будешь уезжать без меня. Это страшно, Фреденсборг сразу изменился, он стал без тебя таким пустым и грустным... Мы больше не ходили в твой маленький домик, ни у кого нет желания идти туда, когда тебя там нет»⁹.

В 1903 году в парке Фреденсборга был открыт памятник Александру III. На гранитном постаменте выбиты даты 1866–1893, годы первого и последнего визитов царя. Деньги для монумента были собраны жителями Фреденсборга. Современники считали, что бюст хорошо передает сходство с русским Государем. 24 апреля 1903 года председатель комитета по установке памятника получил письмо благодарности от вдовствующей императрицы и бриллиантовую брошь с монограммой.

В следующем году на императорском проезде разразился пожар, все деревянные дома на склоне сгорели до основания, сохранилась лишь царская вилла. Более 20 лет этот дом стоял запертым и пустым, как спящая красавица в заколдованном замке.

Возможно, из страха утраты изображения дорогого сердцу императрицы Марии Федоровны домика во Фреденсборге, она пригласила в 1908 году в Данию знаменитого фотографа С. М. Прокудина-Горского. В своем «Вступлении в мемуары» он написал:

«Затем были две поездки, описание которых заслуживает интереса. Первая в Данию на виллу Императрицы Марии Федоровны около Копенгагена по личному Ея приглашению для фотографирования всех любимых мест пребывания Государя Императора Александра III-го»¹⁰.

После смерти Марии Федоровны в 1928 году и вилла, и ее имущество перешли по наследству великой княгине Ольге Александровне, и они были проданы ею в 1929 году на аукционе за 14 тысяч крон – за сумму, существенно меньшую в сравнении с заплаченной когда-то Александром III. Сегодня Кайзер-вилла находится в частном владении, и редко кому удает-

⁶ Вилла императора (дат.).

⁷ «Всемирная иллюстрация». 1889. № 1081. С. 231.

⁸ Hall Coryn. Ibid. P. 29.

⁹ «Император Александр III и Императрица Мария Федоровна». Указ. соч. С. 187.

¹⁰ <https://prophotos-ru.livejournal.com/1997472.html>, доступ 26.11.2020.

Современный вид виллы со стороны парка. Фотография Карен Линдберг. Ноябрь 2020

ся оказаться внутри любимой «избы» императорской семьи. Однако нынешний ее владелец с уважением относится к особому прошлому дома, старается не вносить изменений в планировку, бережно сохраняет каждую уцелевшую с тех дней деталь убранства: дверные ручки, деревянные дощатые полы, некоторые предметы мебели. Неподдельной радостью для хозяина дома стала распознанная нами подпись цесаревича Николая Александровича кириллицей «Ники» на стеклянной стене небольшого зимнего сада, процарапанная бриллиантовым перстнем.

Одним из любимых занятий Александра III в дни отдыха была охота. Находясь в 1884 году в Скерневицах – городке, расположенном приблизительно в 60 км от Варшавы, где встретились три императора – Александр III (Россия), Вильгельм I (Германия) и Франц Иосиф I (Австрия)¹¹ – Александр III принял решение о постройке охотничьего дома в Спале, на территории Царства Польского, входившего в состав России. Проектирование и строительство жилого дома в Спале осуществлялись под руководством железнодорожного инженера и архитектора Леона Микуцкого. Лейб-хирург Н. А. Вельяминов приводит его описание: «двухэтажный, деревянный, на каменном фундаменте, очень простой и скромный в стиле помещичьего дома или, вернее, без всякого стиля. Во втором этаже расположены комнаты Царской Семьи, в нижнем – комнаты для свиты и гостей. Стены внутри оштукатурены и выкрашены белой краской. Так было, по крайней мере, в 1892 году. Единственная более роскошная комната – это большая и красивая столовая в пристройке. Обстановка самая простая и скромная, обыкновенная помещичья»¹². Дом

¹¹ Корнева Г. Н., Слоневски М., Чебоксарова Т. Н. «Вчера и сегодня» бывших царских охотничьих угодий на территории современной Польши // Музейная жизнь дворцовых садов и парков. Материалы международной научно-практической конференции 14–17 ноября 2018 года. Гатчина. 2018. С. 167–176.

¹² Вельяминов Н. А. «Мое назначение для сопровождения Государя на маневры в Польшу и на охоты в Спале». С. 269.

этот¹³ был возведен довольно быстро – меньше, чем за год. Он был окружен парком, разбитым по проекту Валериана Кроненберга. Первая царская охота в Спале состоялась в 1886 году. Впоследствии Александр III посещал эту свою резиденцию также в 1888, 1890, 1892 и 1894 годах. По окончании Первой мировой войны, в Спале была устроена государственная резиденция. Сюда приезжал глава Польского государства Юзеф Пилсудский, а также президенты Станислав Войцеховский и Игнаций Мосцицкий.

Во время немецкой оккупации, до начала войны с СССР в 1941 году, в Спале располагался штаб Восточной группы армий Германии. В конце Второй мировой войны, в январе 1945 года, охотничий дворец сгорел при невыясненных до конца обстоятельствах. После войны бывшая резиденция использовалась как дом отдыха, принадлежавший профсоюзам.

Здания бывшей царской охотничьей резиденции в Спале сохранились в относительно хорошем состоянии, многие из них, после реконструкции и модернизации, предназначены для жилья, пансионатов, ресторанов и кафе. Среди них «Царский двор» – ныне гостиничный корпус, водонапорная башня, здание «водной турбины», царские гаражи, швейцарская вилла.

Научная группа Университета естественных наук в Люблине создала архитектурную визуализацию царского дома и его окружения, с которой можно ознакомиться в Интернете по адресу: www.lotspala.pl¹⁴

Еще одна скромная постройка появилась по желанию Императора в конце 1880-х годов на территории Великого княжества Финляндского.

Русские государи любили бывать в Финляндии, где они, как и любой турист в наши дни, сразу ощущали неспешность и невозмутимость характера финнов, их свободную манеру общения. Здесь они наслаждались красотой суровой северной природы, нетронутой рукой человека. Подсчитано, что за свою жизнь Александр III тридцать один раз посещал север-

Царский охотничий дом в Спале. 1890

¹³ M. Stoniewski, S. Czestnych, «Patac i ludzie – Historia rezydencji myśliwskiej w Spale 1885–1945» [M. Слоневски, С. Честных. «Дворцы и люди. История резиденции в Спале. 1885–1945»], Spala, 2014, s. 39.

¹⁴ M. Milecka, J. Rylke, et al. Problem odbudowy patacu w Spale wraz z rewitalizacją parku zaprezentowany podczas konferencji naukowej „Spala – historia i perspektywy rozwoju” w dniu 18 lipca 2014 r. w Spale. [M. Милецка, Я. Рыльке и др. Проблема восстановления дворца в Спале и ревитализация парка, представленные во время научной конференции „Спала – история и перспективы развития” 18 июля 2014 г. в Спале].

ное княжество, находившееся в то время в составе огромной российской империи, и провел в общей сложности там 260 дней¹⁵.

В окрестностях города Котки, где протекает богатая лососем река Кюми, впервые, еще будучи цесаревичем, Александр оказался 15 июля 1880 года. В том году ему исполнилось 35 лет, и он вместе со своей супругой Марией Федоровной прибыл в Котку из Санкт-Петербурга на военном корабле. Встречал высокую чету русский купец Сергей Дружинин и на лошадях довез до Лангинкоски — хорошо известному еще с XVIII века месту ловли лосося. Во времена правления Павла I монахи Валаамского монастыря получили исключительное право на добычу «царской» рыбы на существовавших тут двух порогах. По преданию, на пороге Сиикакоски стояло даже небольшое подворье Валаамского монастыря, которое, к сожалению, не сохранилось, а в зарослях на берегу реки Кюми, неподалеку от порога Лангинкоски, цесаревич обнаружил небольшую деревянную часовню, построенную монахами в те дни. Часовня с иконами Св. благоверного Александра Невского и Св. Николая (соименных русским императорам), некогда служившая местом молитвы для монахов, так и осталась стоять в дебрях девственного леса. Натолкнувшись на этот «уголок» российской истории, цесаревич посчитал, что часовня стала для него счастливым предзнаменованием. Живописные окрестности Александру Александровичу очень понравились, и, как передает устная молва, он пообещал сюда непременно вернуться.

Через три года после вступления на трон, в 1884 году, император отправился на рыбалку в Лангинкоски. Встречал его и на этот раз инспектор Сергей Дружинин, позаботившийся о том, чтобы отдых государя прошел на должном уровне. Полюбоваться красотой местности, кроме Александра III, могли и находившиеся с ним в двухнедельном путешествии по Финляндии супруга Мария Федоровна, сестра — герцогиня Саксен-Кобург-Готская Мария — и дети — пятилетний Михаил и девятилетняя Ксения. Гостям все чрезвычайно понравилось, и именно в тот визит у императора созрела идея построить на пороге Лангинкоски «рыбачью избу» для своей семьи. Купец Дружинин за прекрасную организацию отдыха получил в подарок от царя роскошный ларец, в котором был большой серебряный поднос и серебряный сервиз.

24 июля 1884 года статс-секретарь Великого княжества Финляндского Энрот направил министру Императорского Двора, графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову письмо, в котором сообщал:

«Полученный при отношении Вашего Сиятельства от 11 сего июля Всемилоостивейше пожалованный арендатору кюменских казенных рыб-

ных ловль купцу Дружинину от Высочайшего его Императорского Величества Имени серебряный чайный сервиз был 15 июля сего месяца мною доставлен по принадлежности¹⁶».

Идея императора с постройкой летнего коттеджа стала претворяться в жизнь. Проект Keisarihuvihuone (Царская изба) исполнили финские архитекторы Себастьян Грипенберг (1850–1925), Магнус Шерфбек (1860–1933) и выпускник Академии свободных искусств в Стокгольме Юхан Якоб Аренберг (1848–1914), и со своей задачей они справились блестяще. Возможно, младшая сестра Магнуса Шерфбека Хелена (1862–1946) стала известной в Финляндии художницей отчасти и благодаря контактам своего брата с русским государем. Образование в Париже, по крайней мере, она получила, на стипендию от Сената Российской империи. Ю. Я. Аренберг стал, по сути, главным архитектором Выборга, спроектировал правительственные здания в этом городе. Многие из них и сегодня украшают центральные улицы и площади Выборга и зачастую в них, как и ранее, располагаются высшие городские органы власти.

В 1888 году, в середине июля, императрица Мария Федоровна и Александр III приехали в Лангинкоски, чтобы лично проверить ход работ по строительству их летнего дома. Право ловли лосося на порогах было передано государю императору.

Официальное новоселье в Лангинкоски состоялось на следующее лето, когда царская семья провела в Финляндии две недели, с 18 (30) июня по 5 (17) июля. В Петербурге 5 июня 1889 года праздновалась свадьба брата Александра III великого князя Павла Александровича и королевны греческой Александры. На торжества бракосочетания приехали ближайшие родственники новобрачных: родители невесты — греческий король Георг и королева Ольга — и их дети Константин, Николай, Мария, сестра жениха герцогиня Саксен-Кобург-Готская Великая княгиня Мария Александровна. Императорская чета предложила родственникам отдохнуть вместе во время путешествия на кораблях по территории Великого княжества Финляндского, что и было гостями с благодарностью принято.

Паровой лоцманский корабль под командованием начальника лоцманской службы Отто В. Гадда вышел навстречу путешественникам. В награду за прекрасно исполненную работу Александр III подарил умелому лоцману две золотых, украшенных бриллиантами булавки для галстука с монограммой императора и императрицы и золотой перстень с двумя бриллиантами и бирюзой.

Двадцатого июня (2 июля) эскадра остановилась неподалеку от имения Фридхем, где в том году отдыхал исполняющий обязанности морского

¹⁵ Туоми-Никюла, Йорма и Пяйви. Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб. 2003. С. 77.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 27. 1884 г. д. 55. л. 1.

министра, Оскар фон Кремер с женой Софией, урожденной баронессой Цедеркройц (Cedercreutz), которая, как и супруг, родилась в Великом княжестве Финляндском. Среди высокородных российских гостей была Королева Эллинов Ольга. Теплые дружеские отношения связывали ее с семьей Кремеров еще со времени их проживания в Афинах по соседству с резиденцией короля Георга I. Письма, которые сохранились в архивах семьи фон Кремеров, проливают свет на эту необычную дружбу. Вот лишь короткий отрывок из письма Оскара фон Кремера одному из своих друзей:

«В течение дня мы встречаемся с королевской семьей по несколько раз. Королева приходит к нам почти каждый день в 4 часа пополудни выпить чашку чая и немного поговорить. Мы сидим в тени стены в нашем саду — единственное прохладное место, которое у нас есть в этой солнечной стране. Королева почти всегда приносит нам что-нибудь: книгу, чтобы София ее почитала, фотографии, чтобы мы их посмотрели, или игрушки для детей.

Король на некоторое время присоединяется к ней каждый день. Иногда нас приглашают на обед к ним, но не чаще чем один-два раза в неделю, так как у Короля очень маленькая столовая, а ему надо принимать так много людей. Кроме того, нас почти каждый вечер зовут к чаю»¹⁷.

Королева Греции задержалась в тот день у Софии фон Кремер в поместье Фридхем до самой темноты и вернулась на яхту «Царевна» только в 11 часов вечера. С этим визитом связана история драгоценной вещи,

Музей Императора Александра III в Лангинкоски. Фотография Галины Корневой. 2009

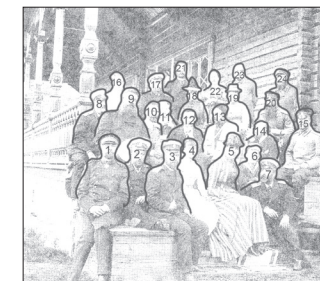
подаренной супруге адмирала фон Кремера венценосной особой — история браслета, в центре которого помещена подкова как символ удачи. Эта подковка легко откреплялась, и ее можно было носить в виде броши. «Сам браслет, с отсоединенным от него звеном из пяти параллельных жестких золотых обручей, выглядит чрезвычайно современным. Центральная же часть изделия великолепная и пышная. Гвозди подковы имитируются мерцающими красными рубинами кабошонами. Та часть украшения, которая

¹⁷ Письма, написанные Оскаром фон Кремером Акселю Бойже, близкому другу в Финляндии, рассказывают о событиях летних месяцев 1879–1890 годов, когда королевская семья и фон Кремеры жили под Афинами в соседних поместьях на берегу моря. Сведения из книги У. Тилландер-Гуденйелм «Драгоценности императорского Петербурга». СПб.: 2013. С. 156–160.

Императорская семья и гости на крыльце перед террасой. 1889

4 — Ксения Александровна,
6 — Михаил Александрович,
10 — Ф. Тормейер,
11 — Мария Греческая,
12 — Николай Греческий,
13 — В. А. Шереметев,
15 — А. П. Ольденбургский,
17 — Александр III,
18 — Императрица Мария Федоровна,
19 — герцогиня Мария Александровна,
22 — королева Ольга.

должна быть у подковы черной металлической поверхностью, сплошь покрыта сверкающими бриллиантами. Браслет был исполнен в конце 1870-х годов в Петербурге ювелиром Ю. С. Арндом», придворным поставщиком, партнером знаменитой фирмы Nicholls & Plinckes»¹⁸.

Как только император ступил на крыльцо своего дома в Лангинкоски, раздался салют в тридцать залпов. Отдых на берегу бурной речки в лесной тиши доставлял государю удовольствие.

В течение праздника открытия «избы в Лангинкоски» по просьбе государя не раз звучал «Марш г. Пори». Неизвестный фотограф запечатлел

¹⁸ У. Тилландер-Гуденйелм Указ. соч. С. 156.

в те дни гостей и хозяев на крыльце террасы и на мостике в Лангинкоске, и эти снимки сохранились до наших дней. На фотографии на крыльце рыбацкой избы изображены 24 человека, среди которых легко распознаются члены семьи Романовых: Александр III (17), Императрица Мария Федоровна (18) и их дети Ксения (4) и Михаил (6), королева Греции Ольга (22) и ее дети Мария (11), Николай (12), герцогиня Мария Александровна (19), принц Александр Петрович Ольденбургский (15).

На основании сведений из Камер-фурьерского журнала¹⁹, мы можем предположить, что на снимке также изображены: гофмейстер Владимир Сергеевич Оболенский с супругой, шталмейстер Высочайшего Двора Александр Николаевич Стюрлер, флигель-адъютанты графы Олсуфьев и Владимир Алексеевич Шереметев с супругой Еленой Григорьевной (урожд. Строгановой), Павел Петрович Андреев (с 1888 командир яхты «Держава»), капитан «Царевны» (1888–1894) Василий Николаевич Фридрихс, капитан «Александрии» Л. А. Дейбнер, воспитатель императорских детей Фердинанд Тормейер. Из этой группы гостей мы узнали на фотографии Ф. Тормейера (10) и В. А. Шереметева (13), изображенного в офицерской форме Собственного Императорского конвоя, командиром которого он был с 1888 года.

На первом этаже царской избы имелось самое просторное в доме помещение — общая зала, в которой за обеденным столом собиралась семья. На бревенчатой стене комнаты, как и сегодня, висели портрет Александра III кисти академика Николая Густавовича Шильдера (1828–1898) и портрет императрицы Марии Федоровны.

«Общая зала» в летней резиденции Александра III в Лангинкоски. Фотография Галины Корневой. 2009

На первом этаже располагалась и кухня с большим набором разной медной посуды и плитой, изготовленной на заводе Хегфорса, которая топилась дровами. Примечательно, что внутреннее убранство рыбацкой избы, все — от столового серебра до покрывал и штор — было исполнено финскими мастерами. Мебель из светлой березы изготовлена по рисункам архитектора Якоба Аренберга, шторы на окнах, ковры и другие текстильные изделия произведены в Тампере. Весь верхний этаж избы занимают спальни.

¹⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Д. 103. Л. 85.

Кровати императорской четы были застланы покрывалами с вытканными на них гербами Великого княжества Финляндского. Просто, по-спартански, выглядела спальня детей.

Но, несмотря на отсутствие роскоши убранства и многочисленных слуг, помогавших справляться с бытовыми вопросами, и гости, и владельцы избы замечательно проводили здесь время.

Свой последний визит в Лангинкоски император Александр III совершил в 1894 году, всего за несколько месяцев до смерти. В июле, отправляясь домой в Петербург, Александр III в последний раз смотрел с палубы своего корабля на милое его сердцу Лангинкоски. Вскоре в Финляндию пришла весть о кончине государя. Через два года неподалеку от царского причала в Лангинкоски на огромном гранитном валуне по решению жителей была установлена мемориальная каменная доска со словами на финском языке: «Царь Миротворец Александр III в 1888–1894 гг. вкушал здесь покой и отдохновение, окруженный заботой верного ему народа». Сегодня на доске отчетливо видны следы пуль. В годы гражданской войны кто-то ее использовал как мишень.

Разные испытания в двадцатом веке ждали и саму царскую избы. Во время Первой мировой войны она была передана в распоряжение Российского Красного Креста, и там, в тиши леса, поправлялись раненые солдаты. После объявления Финляндией независимости вся территория перешла в собственность этого государства. Бывшая «царская изба» осталась без должного ухода и стала приходить в запустение. Некогда крепкому деревянному срубу начало грозить разрушение. К счастью, несколько частных лиц решили на свои средства устроить в Лангинкоски музей. Странствиями этих людей в 1933 году музей был открыт.

С каждым годом растет число посетителей этой бывшей летней резиденции императора Александра III, по статистике число гостей доходит до 30 000 за сезон, и речь здесь звучит на самых разных языках, среди них теперь слышен явно и русский. В течение нескольких десятилетий добрым гением этого места был бессменный директор музея господин Рагнар Бэкстрём (Ragnar Backström). Это он бережно хранил каждую вещь и добивался возвращения утраченных экспонатов, если удавалось обнаружить их следы. Искренне любящий «свое детище», он был готов часами рассказывать о Ее Императорском Величестве Государыне Императрице Марии Федоровне. В дни перезахоронения праха императрицы в Петербурге в 2006 году господин Бэкстрём возглавлял небольшую делегацию и возложил венок к гробнице государыни в Петропавловском соборе.

Добрая память о русском императоре бережно хранится во всех трех европейских странах, где когда-то в скромных избах находил покой и уют царь-миротворец Александр III.

От великих князей до советских инженеров: очерк о Н. Ф. Лабзине

DOI: 10.48466/9268.2021.53.12.001

Муравьёва Ирина Борисовна,
Санкт-Петербургский государственный технологический
институт (технический университет),
фундаментальная библиотека,
заведующий сектором редкой книги

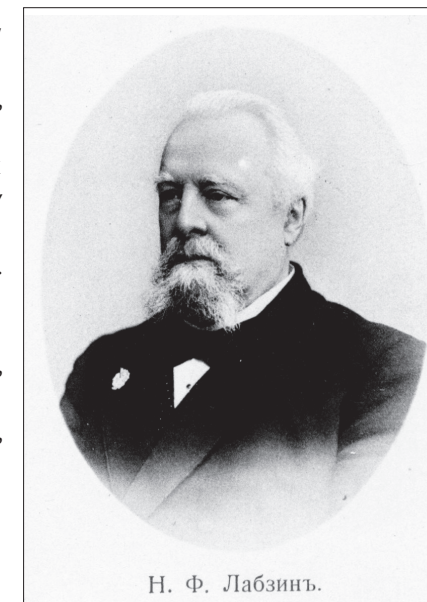

В «Списке лиц, окончивших полный курс в Санкт-Петербургском Технологическом Институте», помещённом в приложении к изданию 1878 г., посвящённому празднованию 50-летнего юбилея этого учебного заведения, при имени «Лабзин, Николай Филиппович» сказано: «... имел счастье преподавать курс механики Их Императорским Высочествам: в Бозе почивающему Цесаревичу Николаю Александровичу, Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу и Великому князю Владимиру Александровичу»¹. Кто же был Николай Филиппович Лабзин и каким образом он оказался среди преподавателей царских детей, в том числе и будущего императора Александра III?

Он родился 24 ноября (по старому стилю) 1837 г. Прожил долгую жизнь: родившись в год смерти А. С. Пушкина, умер на девятый год Советской власти. Происходил из купеческой семьи. 22 июня 1857 г. с золотой медалью окончил Санкт-Петербургский Технологический институт и получил звание инженера-технолога. Видимо, благодаря этой медали двадцатилетний Н. Ф. Лабзин и стал «учителем практической механики» у трёх старших сыновей Александра II². И начал он именно с будущего императора Александра III (1845–1894), которому тогда было двенадцать лет. В проекте обучения Великих князей, составленном дипломатом и писателем В. П. Титовым, между прочим говорилось, что «по роду способностей Великого Князя Александра Александровича господствующим предметом

гимназического обучения Его Высочества предполагается назначить науки механические и естественные, вообще точные науки»³. В сентябре 1857 г., то есть почти сразу после выпуска из института, Н. Ф. Лабзин «был приглашён преподавать механику сначала к Его Императорскому Высочеству вел. кн. Александру Александровичу и руководить столярными и токарными ремеслами». И лишь затем — к «Государю Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу и Великому Князю Владимиру Александровичу»⁴. Как сообщается в соответствующем документе, он при этом получал «за Наследника — 285 р. в год, а за младших Великих Князей [имеются в виду Александр и Владимир Александровичи — И.М.] — по 5 р. за урок»⁵.

В 1860 г. механика «за недостатком времени» была исключена из учебной программы, но Н. Ф. Лабзин должен был продолжать «в течение полугодия, а если потребует, то и несколько долее» практические занятия и посещать с Великими Князьями «один раз в неделю в свободное от уроков время разные фабрики и заводы», а по воскресениям «подготовлять их в краткой беседе к тому, что предназначалось к осмотру в течение будущей недели»⁶. Он успешно справился с поставленной задачей. Во всяком случае, когда сыновья Александра II посетили «выставку произведений русской промышленности», проходившую в 1861 году в Петербурге, то она «возбудила живое любопытство младших Великих Князей», то есть будущего императора Александра III и Владимира Александровича⁷. В этом же году первый преподавательский опыт Н. Ф. Лабзина и завершился. Опыт этот был ценным во всех смыслах — и с точки зрения педагогических навыков, и в материальном смысле. В качестве награды молодой механик удостоился пожизненной

Н. Ф. Лабзинъ.

¹ Список лиц, окончивших полный курс в СПб. Технологическом Институте // Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического института. 28-го Ноября 1878. Приложение 2. СПб., 1879. С. 224 (пагинация раздельная).

² Татищев С. С. Детство и юность Великого князя Александра Александровича: В 2 кн. / С. С. Татищев; Подгот. текста С. С. Атапина, В. М. Лупановой; Вступ. ст. Н. А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сб. документов. М.: Студия «ТРИТЭ», Рос. гос. ист. архив, 2002. С. 146; Сведения об окончивших полный курс в С.-Петербургском Технологическом Институте Императора Николая I // Семидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического Института, ныне Императора Николая I. 28-го Ноября 1903 г. СПб., 1903. С. 185–186 (пагинация раздельная).

³ Татищев С. С. Указ. соч. С. 162.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 2 (об.). Благодарю директора Музея СПбГТИ (ТУ) О. В. Щербинину за возможность ознакомиться с архивными документами.

⁵ Татищев С. С. Указ. соч. Примечание к с. 146.

⁶ Татищев С. С. Указ. соч. С. 272.

⁷ Татищев С. С. Указ. соч. С. 276.

пенсии в размере 642 рублей ежегодно (214 р. за занятия с наследником и 428 р. за занятия с великими князьями)⁸ и приобрел благосклонность императорской фамилии. По достижении великими князьями совершеннолетия ему, как их преподавателю, жаловались бриллиантовые перстни. Так 19 июля 1865 г., в день совершеннолетия Александра Александровича, он получил перстень «с вензелем и именем Его Высочества»⁹. Надо отметить, что Н. Ф. Лабзин к тому времени уже несколько лет, как закончил свои занятия с великими князьями. Тем не менее, драгоценные перстни, как память и знак признательности, ему дарились не только в 1865 г., но и в 1867 г. на совершеннолетие великого князя Владимира Александровича (1847–1909)¹⁰.

Параллельно с обучением великих князей Н. Ф. Лабзин занимал должность помощника директора Самсониевской шерстопрядильной и бумагопрядильной мануфактуры. В 1860 г. поступил на службу в Общество Санкт-Петербургских водопроводов, где под его надзором была проведена нивелировка улиц Петербурга, по которым предполагалось провести воду, и им же был составлен проект расположения труб. После этого Николай Филиппович был назначен заведующим водоподъёмной башней. С 1861 г. (после окончания занятий с великими князьями), перейдя на службу в Министерство финансов, около 20 лет работал механиком при Совете торговли и мануфактур.

В 1864 г. в Практическом Технологическом институте, относившемся тогда к тому же Министерству финансов, была учреждена новая кафедра технологии металлов и дерева, и преподавателем для неё в результате конкурса стал Н. Ф. Лабзин (с 22 июня 1865 г.)¹¹. На этой кафедре он читал лекции до 1904 г. К 1870 г. Николай Филиппович добился учреждения нагрудного знака с вензелем «Т.И.» для окончивших курс в Институте со званием «инженер-технолог» и «технолог 1-го разряда»¹². 24 июня 1871 г. был назначен исправляющим должность инспектора работ при механических мастерских Института, а утверждён в этой должности лишь через три года, в 1874 году. (Это было вызвано отсутствием у Н. Ф. Лабзина необходимого

⁸ Пятидесятилетний юбилей С.-Петербургского Практического Технологического института... 28-го ноября 1878. Приложение 2. СПб., 1879. С. 224 (пагинация раздельная); Татищев С. С. Указ. соч. Сноска к с. 272.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 2 (об.). За преподавание цесаревичу Николаю Александровичу Н.Ф. Лабзин получил бриллиантовый перстень 8 сентября 1859 г., а за обучение вел. кн. Владимира Александровича – 17 июня 1867 г. Совершеннолетие по тем временам наступало для наследника в 16 лет, а для великих князей – по достижении ими 20-летнего возраста.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 4 (об.) и Д. 2150. Л. 14.

¹¹ Воронов А.А. История Технологического института. 1828–1917 // Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Сто лет. Л., 1928. С. 68.

¹² Воронов А. А. Указ.соч. С. 80–82.

для этой должности практического опыта в управлении фабриками и заводами)¹³. Для работ в мастерских им была составлена специальная программа, по которой учащиеся разных курсов должны были практически знакомиться с работой на слесарных и токарных станках. Стоит отметить, что на 4-м курсе студенты изготавливали на станках задвижечный створный водопроводный кран, и все эти краны приобретало Общество Петербургских водопроводов, что было устроено не без старания Н. Ф. Лабзина, когда-то служившего в этом Обществе¹⁴. Когда Н. Ф. Лабзин оставил чтение лекций в Институте, то некоторое время ещё продолжал быть заведующим мастерскими. В 1888 г. стал заслуженным профессором Технологического института. С 1887 по 1891 г. был помощником директора Института Н. П. Ильина. В 1904 г., по оставлении чтения лекций, Н. Ф. Лабзин был избран почётным членом Учёного совета института. Изданный им литографированный курс «Технология металлов» (СПб., 1894) являлся в своё время лучшим по своей полноте и применимости к практике руководством по этому предмету.

Одновременно с работой в «Техноложке» Николай Филиппович с 1866 г. преподавал технологию металлов и дерева также в Николаевской морской академии. В 1866 г. был командирован в Нижегородскую губернию для изучения там кожевенного дела, издал соответствующее исследование и был награждён за труды орденом Св. Анны 3-й степени. Посылался от Департамента мануфактур и торговли на Всемирные промышленные выставки в Лондон (1862), Париж (1867 и 1878), Вена (1873), на международную выставку в Брюссель (1876). Принимал участие в устройстве там русских отделов и в работе международных экспертных комиссий. За труды на Парижской всемирной промышленной выставке 1867 года получил орден Св. Станислава 2-й степени по представлению герцога Н. М. Лейхтенбергского. За Венскую всемирную промышленную выставку удостоился австрийского Командорского креста ордена Франца-

Герб Н.Ф. Лабзина.

РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 73. Л. 5*

*Сайт: <https://gerbovnik.ru/arms/4823> (дата обращения: 20.08.2020)

¹³ Воронов А. А. История Технологического института. 1828–1917... С. 78

¹⁴ Там же. С. 79

Иосифа. Также был экспертом на Московских мануфактурных выставках 1865 и 1881 гг. и Петербургской выставке 1870 г.¹⁵

Не забывал Н. Ф. Лабзина и будущий Александр III. В 1867 году, через три года после смерти на 22-м году жизни старшего сына Александра II-го Николая (1843–1865), Н. Ф. Лабзин был «приглашен Государем Наследником Цесаревичем» Александром Александровичем «в Комиссию для разработки предложений об устройстве в Санкт-Петербурге Ремесленного училища Цесаревича Николая»¹⁶. Разработка предложений, строительство и организация этого училища заняли восемь лет, причём Н. Ф. Лабзин принимал в этом активное участие. А с февраля 1875 по январь 1880 года он был первым директором в этом училище¹⁷. В советское время училище стало Военно-механическим институтом, ныне — Балтийским государственным техническим университетом «Военмех» имени Д. Ф. Устинова.

Также в 1869–1870 Н. Ф. Лабзин организовывал Техническое училище в Череповце. Оно было создано братьями И. А. и В. А. Милютиными в 1868 г. как ремесленная школа для подготовки мастеров для ремонта паровозов. Но быстро выяснилось, что это учреждение требует квалифицированных специалистов для обучения и управления, и было решено реформировать эту школу в Техническое училище, что и было осуществлено. Училище было «удостоено милостивого соизволения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича именоваться Августейшим Его Высочества именован» и стало Александровским¹⁸. В 1874 году училище перешло в ведение Министерства финансов. А 27 марта 1881 года с разрешения уже императора Александра III был принят «капитал для учреждения в Александровском Техническом училище на проценты стипендии имени Инспектора работ Технологического Института Н. Ф. Лабзина»¹⁹.

Как человек, хорошо знакомый с состоянием промышленности в России, Николай Филиппович принимал участие во всех пересмотрах таможенного тарифа, начиная с 1868 года. В 1891 г. получил за пересмотр тарифа орден Св. Анны 1-й степени. В 1893 году был «Высочайше командирован» в качестве делегата в Берлин для заключения первого торгового договора с Германией, за что получил орден прусского Красногорта Орла 2-й степени со звездой и бриллиантами (21.05.1894)²⁰. С 1894 г. был членом Совета Министра народного просвещения, позже занял также

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Лл. 1–37.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 7.

¹⁷ Афанасьев Н. И. Современники: Альбом биографий: Т. 1 / Н. И. Афанасьев. СПб., 1909. С. 151.

¹⁸ Афанасьев Н. И. Указ. соч. С. 151; Краткое описание Александровского технического училища, учреждённого братьями И. и В. Милютиными, в городе Череповце. СПб.: Тип. Вульфа, 1870. <https://www.booksite.ru/education/main/remeslo/6.htm> (дата обращения: 19.08.2020).

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 9.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2150. Л. 43.

должность председателя механического отдела Комитета по техническим делам Министерства торговли и промышленности. Н. Ф. Лабзин исполнял обязанности Товарища председательствующего в Совете Дома призрения и ремесленного образования бедных детей, заведовал женской рукодельной школой императрицы Марии Фёдоровны (после смерти Н. П. Ильина) и являлся одним из попечителей 2-го реального училища, тесно связанного с Технологическим институтом. Н. Ф. Лабзин был также пожизненным членом Русского технического общества. К 1903 году он имел высший гражданский чин действительного тайного советника²¹.

26 февраля 1880 Н. Ф. Лабзин получил орден Св. Владимира 3-й степени, и по этому ордену определением Правительствующего Сената от 25 октября 1882 года был признан с женой и детьми в потомственном дворянском достоинстве. В декабре 1884 г. получил Жалованную грамоту с рисунком дворянского герба Лабзиных. Герб представлял собой лазоревый щит с золотым круглым циркулем, «сопровождаемым внутри серебряной пилою в столб остриями влево». В нашламнике были изображены два лазоревых орлиных крыла, между которыми было золотое зубчатое колесо с четырьмя спицами. На лазоревой же ленте под щитом золотыми буквами был указан девиз: «Знание и труд»²². Надо полагать, что герб создавался при непосредственном участии самого Н. Ф. Лабзина, настолько точно изображения отражали его занятия, а девиз — сущность его деятельности.

Оставив преподавание в 1904 году, Н. Ф. Лабзин ушёл, как сейчас говорят, в частный бизнес: стал председателем Совета Русского общества пароходства и торговли, а также председателем Совета Товарищества нефтяного производства Братьев Нобель. Людвиг Нобель, а в начале XX в. его сын Эммануэль Нобель, тесно были связаны с Технологическим институтом, и многие выпускники и профессора института активно сотрудничали с их компанией. Тем не менее Н. Ф. Лабзин продолжал заведовать Мариинской женской школой вплоть до 1917 г., оставался членом Совета Министра народного просвещения и Комитета при Министерстве торговли и промышленности, состоял в присутствии по делам тарифов, был попечителем Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Петрограде, а также был почётным членом Технологического института. В 1916 г. он оставил частные компании (видимо, по возрасту), но оставался на государственной службе. В его формулярном списке есть любопытная карандашная запись, сделанная самим Н. Ф. Лабзиным и относящаяся,

²¹ Фёдоров И. Ф. Сведения об окончивших полный курс в С.-Петербургском Технологическом Институте Императора Николая I... (СПб., 1903). С. 185–186; Афанасьев Н. И. Указ. соч. С. 151–152.

²² ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 2023. Л. 10; РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 73. Л. 5 (изображение герба Н. Ф. Лабзина) // Общий гербовник Всероссийской империи: сайт. <https://gerbovnik.ru/arms/4823> (дата обращения: 20.08.2020)

видимо, к ноябрю 1917 г., где он сообщает следующее: «В 1916 г. в январе месяце имел личный доклад у Государя в Царском Селе с отчетом об устройстве Лазарета для раненых воинов, на 12 кроватей, в свободном помещении Женской Рукодельной Школы Имени Императрицы Марии Александровны, устроенный на средства (60 т. р.), пожертвованные членами Дома призрения. Устройство Лазарета обошлось в 34 т. р. со всем снабжением его, включая и операционное отделение. Эта цифра поразила Государя своею неимоверною дешевизною. При докладе был представлен альбом с фотографическими изображениями всех помещений лазарета, Государь оставил альбом у себя. Он принимал меня в своем кабинете в Александровском дворце и очень благодарил меня за понесенные мною труды. В этом же году я был удостоен Государем ордена Св. Александра Невского»²³. Это говорит о том, что Николай Филиппович общался и с сыном Александра III-го Николаем II. Более того, здесь упоминается орден Св. Александра Невского, которым был награжден Н. Ф. Лабзин. Об этом нет указаний ни в одном из посвященных ему очерков или справок: в дореволюционных, понятно, не успели, а современные, видимо, базируются всё на тех же дореволюционных.

Николай Филиппович долгое время жил в казенной квартире в профессорском корпусе Технологического института, а в начале 1900-х годов перебрался в собственный дом во 2-й роте Измайловского полка (ныне 2-я Красноармейская ул., дом 16). Дом составлял единое целое с домом, выходящим на 3-ю роту Измайловского полка (ныне 3-я Красноармейская, дом 13). Н. Ф. Лабзин имел также дачу в Павловске на Зверинской улице²⁴.

Революции 1917 г. всё перевернули, лишив и домов, и званий, и средств, и императорской пожизненной пенсии. Как пишет Н. Ф. Лабзин в уже упомянутой выше рукописной записи: «При упразднении Дома Призрения Временным Правительством, упразднена сама собою и должность заведующего Рукодельной Школой, а избрание меня Председателем Педагогического Совета Школы я не принял, тем более, что собирался ехать с больным сыном на Кавказ, в Ессентуки, куда и отбыл в ноябре 1917 года. В октябре 1917 г. прекратилась деятельность Комитета по техническим делам по выдаче привилегий при Министерстве Торговли и промышленности, в механическом отделении которого я состоял Председателем»²⁵. Судя по этой записи, Н. Ф. Лабзин уехал в ноябре 1917 г. в Ессентуки. Найти какие-либо подробности об этом не удалось.

Но в 1921 году он находился в Петрограде, с 1924 г. переименован-

²³ ЦГИА СПб. Ф. 492. Д. 2023. Л. 26.

²⁴ Almanach de S. Peterburg: 1913. St. Petersburg, 1913. S. 312.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 492. Д. 2023. Л. 26.

ном в Ленинград. Инженерные кадры были в цене, их не хватало. И профессор Н. Ф. Лабзин вернулся в Технологический институт и продолжил преподавание механической технологии металлов²⁶, готовя уже советских технологов, среди которых появились и женщины. В 1921 г. Технологический институт начал готовиться к своему 100-летию и тогдашний ректор Д. С. Зернов поручил «старейшему технологу» Н. Ф. Лабзину, которому шёл тогда 84-й год, написать исторического очерка для юбилейного издания²⁷. Тут стоит отметить, что ещё до революции коллекционер Пётр Владимирович Гейцыг, собиравший фотопортреты российских деятелей и составивший огромную коллекцию, к сожалению, впоследствии пропавшую, обращался к Н. Ф. Лабзину через его сына Владимира, своего сослуживца, для опознания лиц на фотографии, снятой к 50-летию юбилею Технического общества. И Николай Филиппович опознал часть изображённых, «указав и заслуги их в области техники», а также передал П. В. Гейцыгу «порядочное число» фотографий с изображением профессоров Технологического института разных лет²⁸. Этот эпизод показывает, что выбор автора исторического очерка о Технологическом институте был вполне оправдан. Н. Ф. Лабзин выполнил порученное ему задание, но в 1926 году он умер²⁹. Написанная им история «Техноложки» была признана Советом института не совсем отвечающей новому времени, и очерк было поручено заново написать профессору А. А. Воронову, который использовал целые страницы труда Николая Филипповича, о чем с благодарностью пишет в предисловии³⁰.

Н. Ф. Лабзин был женат на Екатерине Дмитриевне Васильевой (умерла в 1906 г., похоронена на Новодевичьем кладбище³¹) и имел четверых детей.

Старший сын Николай, родившийся 7 мая 1866 г., пошёл по стопам отца и окончил в 1890 г. механическое отделение Технологического института. С 1891 г. — на государственной службе. Поступил на механический и судостроительный завод в Баку, а с 1898 г. управлял в том же городе заводом, станцией и пристанью Русского нефтехимического общества. (Вероятно, это произошло не без протекции отца, имевшего деловые связи

²⁶ Весь Ленинград на 1924 год: Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., 1924. С. 60.

²⁷ Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Сто лет: Т. 1. Л., 1928. С. 5.

²⁸ Дмитриев С. В. Потерянная коллекция. Записки коллекционера П. В. Гейцыга // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2005. М.: Наука, 2013. С. 101.

²⁹ Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Сто лет. Т. 1... С. 523.

³⁰ Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Сто лет. Т. 1... С. 9.

³¹ Петербургский некрополь. Т. 2 (Д-Л). СПб., 1912. С. 584.

с Товариществом братьев Нобель). Но постоянное место жительства имел в Петербурге, сначала на Серпуховской ул., а затем в доме отца в Измайловском полку. Был экспертом–механиком при Совете Департамента торговли и мануфактур, старшим столоначальником тарифного (технического) отделения Департамента таможенных сборов. Преподавал в Ремесленном училище Цесаревича Николая, где его отец когда-то был первым директором. С 1912 г. – действительный статский советник. В 1915 г. служил чиновником особых поручений при Министре торговли и промышленности. Имел ордена Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени. Женат был на Ольге Владимировне Шкляревич, имел двух дочек – Ольгу и Елизавету. Видимо, о нём говорил Николай Филиппович, когда сообщал в своей приписке к формулярному списку, что в ноябре 1917 г. уехал «с больным сыном на Кавказ, в Эссентуки». Видимо, не помогло. В юбилейной книге, изданной к столетию Технологического института в 1928 году, указано, что Николай Николаевич уже умер³².

Второй сын Владимир родился 8 апреля 1870 г. Окончил Николаевский кадетский корпус и позже был секретарём Общества вспоможения его бывшим воспитанникам. Преподавал в Институте инженеров путей сообщения. Служил чиновником особых поручений при Министре внутренних дел. Был женат на Софье Анисимовне Розановой. После революции 1917 г. – в эмиграции. Умер 19 августа 1943 г., видимо, во Франции³³. С его именем связан любопытный эпизод: в 1985 г. при капитальном ремонте бывшего дома Лабзиных на 2-й и 3-й Красноармейской улицах рабочие нашли тайник, где были спрятаны домашняя утварь, в том числе золочёные вещи, разные мелочи, три скрипки, деловые бумаги, в том числе документы и визитки на имя Владимира Лабзина³⁴.

Младший сын – Александр – родился 10 июля 1874 г. Преподавал во 2-м реальном училище (где отец его был попечителем) и работал в Товариществе братьев Нобель (также, видимо, не без протекции родителя). Был женат на Анне Анисимовне Розановой, свояченице (сестре жены) своего брата Владимира. Имел детей – Александра (р. в 1900 г.) и Екатерину (р. в 1904 г.) Жил в доме отца в Измайловском полку, а с 1915 по 1917 г. – на Кронверкской улице, в д. 23³⁵. После революции с семьёй эмигрировал,

³² Сведения об окончивших полный курс в С.-Петербургском Технологическом Институте Императора Николая I... (СПб, 1903). С. 185; Список гражданским чинам первых четырёх классов. Чины четвертого класса. Ч. 2. Петроград, 1915; Технологический институт имени Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов: Сто лет: Т. 1... С. 306; То же. Т. 2. 1928. С. 425.

³³ Almanach de S. Peterburg. 1913... С. 313; Весь Петербург. 1914. Ч. 3. СПб, 1914. С. 362; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1999. Т. 4 (Л–М) / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2004. С. 13.

³⁴ Доходный дом Н.Ф. Лабзина (по 2-ой Красноармейской улице): <https://www.citywalls.ru/house12616.html?s=udp9gpuier3440nrud3chriol4> (дата обращения: 29.07.2020).

³⁵ Almanach de S. Peterburg. 1913...С. 313; Весь Петроград на 1916: Ч. 3. Петроград, 1915. С. 374; Весь Петроград на 1917: Ч. 3. Петроград, 1916. С. 378.

по всей видимости, в Германию. Во всяком случае, в 1923 г. в агентурных сведениях советской разведки, похоже, упоминается его сын Александр Александрович как глава «Союза Русской Национальной Молодёжи», входящего в правое крыло Объединения русских учреждений и организаций в Германии³⁶.

У Николая Филипповича и Екатерины Дмитриевны Лабзиных была также дочь Зинаида (р. 20 июля 1877 г.), вышедшая замуж за Александра Аполлоновича Попова, военного инженера, к 1917 г. – полковника³⁷.

Жил Н. Ф. Лабзин в последние годы на ул. Халтурина (ныне снова Миллионная ул.), в д. 27³⁸. Это здание – бывший дворец великого князя Владимира Александровича, ставший благодаря А. М. Горькому Домом учёных. Оно выходило (и выходит ныне) парадным фасадом на Дворцовую набережную, а другим, более простым – на улицу Халтурина (внутри имеется дворик). В начале 1920-х годов на ул. Халтурина, 27, располагались различные службы Петроградской комиссии по улучшению быта учёных, в том числе и Интернат для престарелых учёных³⁹. Н. Ф. Лабзину в это время было за 80 лет. По иронии судьбы, Николай Филиппович, переживший всех своих царственных учеников, умер в бывшем дворце одного из них – великого князя Владимира Александровича.

³⁶ Агентурные сведения, полученные Иностранным отделом ГПУ из датской резидентуры, с характеристикой объединения русских учреждений и организаций в Германии // Русская военная эмиграция 20 - 40-х годов: Документы и материалы. Т.2: Несбывшиеся надежды... 1923 г. / ФСБ РФ, Служба внешней разведки РФ. М.: Триада-Х, 2001. С. 292–295.

³⁷ Almanach de S. Peterburg. S. Peterburg, Leipzig, 1913. S. 312; Весь Петроград на 1917: Ч. 3... С. 551.

³⁸ Весь Ленинград на 1924 год... С. 149.

³⁹ Весь Ленинград на 1924 год... С. 86.

О подготовке двора великого князя Константина Николаевича к коронации Александра III

DOI: 10.48466/4901.2021.82.12.001

Новикова Ольга Валерьевна,
Государственный Русский музей,
старший научный сотрудник

Коронация — сложный, многогранный обряд, привлекающий к себе сегодня все большее внимание. Определенный интерес непосредственно к церемонии был вызван столетним юбилеем последнего торжества — венчанием на царство 14 (26) мая 1896 года императора Николая II.

В дореволюционной историографии второй половины XIX века приоритетными темами являлись такие вопросы, как внутренняя и внешняя политика России, реформы 60–70-х годов, экономическое развитие страны и ее политическая ситуация. Вопросы, связанные с культурой, бытом и обычаями российской монархии долгое время оставались без особого внимания¹.

В 1930–1950-е годы традиция изучения коронации как самостоятельного явления совсем прерывается. Освещение отдельных сюжетов, связанных с вступлением на престол, появляется только в 1960–1980-е годы. В середине 90-х годов XX века стали публиковаться отдельные исследования, посвященные церемонии коронации, но, в основном носящие научно-популярный характер.

Работа коронационных комиссий по подготовке к торжествам у исследователей не вызвала интереса. Тем не менее, процесс подготовки имеет одно из важнейших значений.

На церемонии коронования Александра III в Москве в 1883 году, кроме двора, присутствовала почти вся императорская фамилия. Были приглашены: «21 принц крови, кроме находящихся на русской службе, 159 членов дипломатического корпуса, 3 митрополита, 10 архиепископов, 5 епископов, 15 архимандритов, 8 депутатов от духовенства других

исповеданий, 55 членов Государственного Совета, 66 генерал-адъютантов, 57 генералов Свиты Его Императорского Величества, 77 флигель-адъютантов, 52 048 войска»². Все эти лица, помимо множества других, проживавших постоянно в Москве, имели приглашения ко двору на приемы, обеды и балы.

Кроме того, двор принимал на себя все заботы о переезде высоких гостей, в том числе иностранных, и предоставлению им всего самого необходимого — квартиры, слуг, экипажей. Это требовало спешного устройства и отделки помещений, огромного персонала прислуги, предметов сервировки, белья, лошадей и экипажей. Только для гофмаршальской части потребовалось 1300 служителей различного наименования и более 1200 человек поденной прислуги. По придворно-конюшенной части в Москве было сосредоточено около 800 человек служителей и около 600 лошадей. Плюс ко всему наняли еще более 800 лошадей с соответствующим числом кучеров³. Эти данные выразительно показывают ту массу безотлагательного труда, который требовался для организации и проведения столь масштабного мероприятия.

Дату коронации назначили на май 1883 года. Подготовка к торжеству началась в январе 1882 года, сразу после подписания императором манифеста⁴. Главная деятельность по приготовлениям к празднику сосредоточилась в Министерстве Императорского Двора под руководством министра Императорского Двора и Уделов графа И. И. Воронцова-Дашкова. 22 апреля 1882 года была создана временная Коронационная Комиссия, председателем которой для «распоряжений по приготовлениям с предоставлением ему тех же служебных прав, какими пользуются Управление Канцелярии Министерства Императорского двора и другие начальники отдельных учреждений Министерства» назначили причисленного к Департаменту Уделов тайного советника П. А. Рихтера⁵, в помощники ему определили князя В. И. Друцкого-Любецкого.

Комиссия тесно сотрудничала с Гофмаршальской и Придворной конюшенной частями, Московским дворцовым управлением, дирекцией Императорских театров, камеральным отделом Кабинета Его Императорского Величества и Экспедицией церемониальных дел.

В статье рассматривается лишь небольшая часть работы временной Коронационной Комиссии, посвященная подготовке двора великого князя

² Коронация Александра III. Часть I // Электронный ресурс. Режим доступа : <https://www.liveinternet.ru>. Дата обращения: 03.03.2020.

³ Коронация Александра III. Часть I...

⁴ Манифест о намерении «... возложить на себя корону и воспринять, по установленному чину, святое Миропомазание» от 05.02 (24.01) 1883 г.

⁵ РГИА. Ф.537. Оп. 1 Д. 84. Л. 1. 1882–1883.

¹ Отражение темы коронации можно найти в работах историков дореволюционного периода: Белозерская Н. А. Царское венчание в России // Русская мысль. 1883. № 4, 5; Катаев Н. О священном венчании и помазании царей на престол. СПб., 1847 и т.д.

Константина Николаевича к церемонии венчания на царство императора Александра III.

В работе были использованы материалы Российского Государственного исторического архива — делопроизводственные материалы, включающие в себя различные распоряжения, рапорты, служебные записки и доклады, связанные с коронационными торжествами фонда 472 (Канцелярия Министерства императорского двора) и фонда 537 (Придворная контора вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Александры Иосифовны).

На время празднеств Их Императорским Высочествам великому князю Константину Николаевичу, Александре Иосифовне и их сыновьям, Константину и Дмитрию Константиновичам, предполагалось отвести апартаменты в здании Потешного дворца⁶. На протяжении своей истории дворец неоднократно перестраивался. В 1806 году его приспособили под жилье и канцелярии коменданта Москвы. К 1883 году во дворце находились квартиры «коменданта с людскими помещениями, Орлова, Керцелли, Тальзина и две министерские»⁷.

В дни проведения торжеств великокняжеской семье предполагалось отвести квартиру на бельэтаже, «занимаемую первым Московским комендантом в Кремле... Под бель-этажом имеется антресоль, где будут устроены квартиры для гофмейстерин и фрейлин Ея Императорского Высочества. Промежуточного этажа между бель-этажом, предназначенного для прислуги, в Потешном дворце не имеется»⁸. Помещения свиты соединялись с великокняжескими апартаментами «посредством особо устроенного хода на парадную лестницу»⁹. В нижнем этаже дворца располагалась кухня, которая соединялась внутренней лестницей с бельэтажем. Она служила лишь для согревания пищи.

Отопление, освещение и продовольствие августейшим особам, равно и состоявшим при них лицам свиты и чинам производились за счет Императорского двора¹⁰. Мужская свита Их Высочеств, по случаю недостатка

⁶ Потешный дворец (палаты Милославского) — дворцовая постройка Московского Кремля, расположенная на Дворцовой улице у западной кремлевской стены между Комендантской и Троицкой башнями. Возвели здание по указу российского государя Алексея Михайловича в 1651 году для боярина И. Д. Милославского — тестя царя Алексея Михайловича. После смерти боярина в его палатах устроили домовый театр, где давались театральные представления (потехи), по которому дворец и получил свое второе название. В XVIII–XIX вв. здание часто перестраивалось. В начале 1880-х гг. архитектор Московского дворцового ведомства Загорский В. П. занимался восстановлением Потешного дворца.

⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41(В). 1883 г. Л. 249. Инициалы жильцов не указаны, возможно, имеется в виду Тальзин Аркадий Алексеевич (1838–1895), директор Московской Оружейной палаты и князь Николай Алексеевич Орлов (1827–1885), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, дипломат и военный писатель.

⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. 1883 г. Л. 6, 14.

⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.

¹⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 62. Д. 25. 1883 г. Л. 90; Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. 1883 г. Л. 14.

помещений в Кремле, была расквартирована в гостинице «Версаль», нанятой Министерством Императорского двора, за счет которого отпускались и порционные деньги¹¹.

Ко дню Коронационных торжеств и для проживания великокняжеской семьи в Потешном дворце были проведены серьезные строительные работы: исправлена крыша¹², оштукатурены и окрашены внешние стены¹³, установлены и покрыты краской желоба и рукава для стоков дождевой воды, «времененно задрапирован подъезд, верх которого покрыли парусиной, прошлаковали и выкрасили масляной краской»¹⁴, возле дворца произвели капитальные исправления мостовой¹⁵.

Важной частью инженерных сетей дворца стали его новая система водопровода и сливной канализации. Заводчиком Е. Ф. Канским были проложены дополнительные свинцовые толстостенные трубы и исправлена фановая труба, сделан медный механический насос с полным приводом, установлены новые ватерклозеты¹⁶.

Внутри дворца, в квартирах, производились штукатурные и малярные работы с грунтовкой и белением потолков и откосов, окраской дверей, окон и перегородок клеевыми и масляными красками. Комнаты оклеивались как простыми, так и дорогими обоями¹⁷. В помещениях местами заменили и починили полы¹⁸.

В покоях великого князя установили ватерклозет «обитый ясеневым деревом со всем прибором» американской системы «Монитор» «с английской фаянсовой чашкой с медным краном и подъемной ручной, полным механизмом с постановкой и соединением с чистопроводом и грязеотводом»¹⁹. Для великой княгини в спальню поставили переносной ватерклозет производства Ф. К. Сан-Галли²⁰.

Ванные были важной и необходимой частью повседневной жизни.

¹¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. 1883 г. Л. 175 (плата за нанятые помещения в гостиницах производилась лишь по 31 мая включительно); РГИА. Ф. 472. Оп. 62. Д. 24. 1883 г. Л. 90 (некоторые из числа лиц свиты были размещены в нанятых домах и гостиницах, при этом первые из них пользовались казенным столом, вторые только одним помещением. Поэтому Коронационная комиссия, на основании Высочайшего повеления от 18 марта 1883 г., сделала распоряжение о выдаче суточных денег тем лицам свиты великокняжеских дворов, которые не пользуются столом).

¹² РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41(Е). 1883 г. Л. 35 (подрядчик Федоров (инициалы не указаны)).

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 58 (А). 1883 г. Л. 188, 189. Окраска наружных стен древней части Потешного двора производилась мастером Н. Г. Колобашкиным.

¹⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41 (В). 1883 г. Л. 279.

¹⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 48. 1883 г. Л. 460.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41 (Д). 1883 г. Л. 238; Ф. 472. Оп. 64. Д. 48. 1883 г. Л. 116, 233.

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41 (Д). 1883 г. Л. 170, 188.

¹⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41 (Д). Л. 189.

¹⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 48. 1883 г. Л. 74.

²⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41 (Г). 1883 г. Л. 6.

В апартаментах великокняжеской четы «старую ванну с нагревательной печью, краном, душем и всеми принадлежностями привели в исправность. Вместо свинцовой ванны поставили вылуженную медную»²¹.

Одну из главных ролей играло декорирование помещений. В комнаты Их Высочеств и сопровождающей их свиты была заказана новая мебель и ковры²². Александра Иосифовна сама выбирала цветовую гамму драпировки, поэтому образцы обивочной ткани для мягкой мебели и занавесей присылались великой княгине в Санкт-Петербург. Отделка мебели, изготовление портьер на окна и двери производилась Мариусом Паскалем — драпировщиком и обойщиком из Парижа²³. Некоторые старые предметы обстановки: диваны, диванные столики, кресла и ширмы, находившиеся в комнатах, предназначенных для сопровождающих великокняжескую семью лиц, отполировали и заново обили в мебельном магазине Т. В. Соловьева, располагавшемся на Ильинке близ Биржи²⁴.

Ввиду повсеместного распространения электрического освещения нельзя было оставить кремлевские дворцы при старинных свечах и масляных лампах. На территории Кремля установили автономную электростанцию, обслуживающую весь дворцовый комплекс. В Потешный дворец представитель фирмы Санкт-Петербургского дома И. А. Кумберга Кокс Я. П. предоставил для освещения парадной лестницы «на прокат 7 стенных ламп бронзовых позолоченных на шарнирах с 14 линейными горелками и шарами и фонарь на подъезд»²⁵.

Контора оптической хирургии магазинов и фабрики Е. С. Трындина по приглашению дворцового начальства произвела работы по установлению новых и исправлению ранее поставленных электрических воздушных звонков²⁶. Кроме того, Потешный дворец был телефонизирован. Телефонная связь становилась привычной и необходимой. Международное общество телефонов Белля из Нью-Йорка предоставила 22 телефонных аппарата, соединявшие на время коронавания между собой городскую станцию, Кремлевский, Николаевский, Петровский, Потешный, Нескучный дворцы и другие здания, где проживали гости и находились необходимые для двора службы²⁷.

Перед Временной Коронационной Комиссией стоял еще один важный вопрос — где расположить большое количество коней и экипажей

²¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41 (Д). 1883 г. л. 235.

²² РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 44 (Б). 1883 г. л. 64, 65, 75, 106

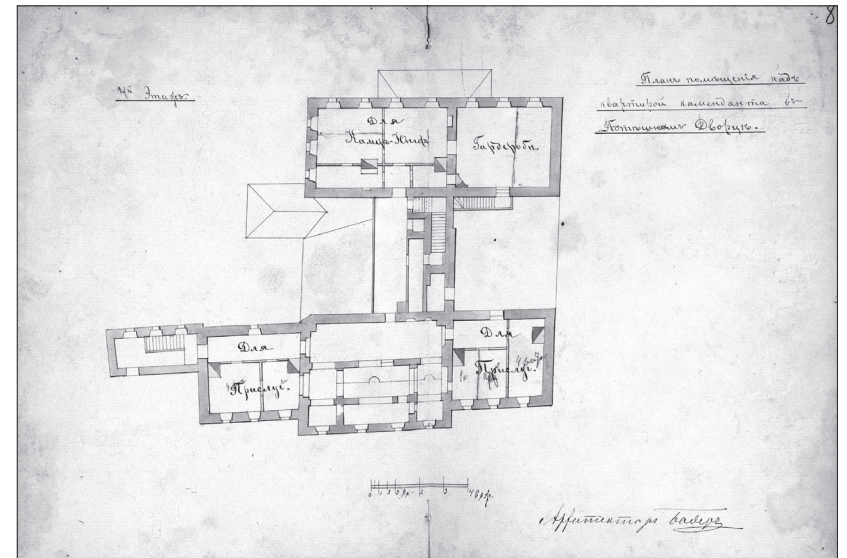
²³ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 41 (Г). 1883 г. л. 26.

²⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 44 (Б). 1883 г. л. 66.

²⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 44 (Б). 1883 г. л. 110, 111.

²⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 50. 1883 г. л. 15.

²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 50. л. 88.

План помещения над квартирой коменданта в Потешном дворце (для размещения сопровождающих великокняжескую чету лиц). РГИА Ф.5 37 Оп. 1 Д.84 Л. 7 (об.)

Его Величества, Их Высочеств, а также лошадей конюшенного ведомства с прислугой. Устроить такое место было целесообразно недалеко от дворца и, если возможно, в самом Кремле. Комиссия пришла к убеждению в необходимости занять для этих целей часть здания арсенала. Для этого на время коронации живущих и работающих там мастеров перевели в другое место, а мастерские временно закрыли. Строительство на арсенальном дворе в Кремле временных конюшен на 100 лошадей, 48 экипажей и с возможностью разместить 200 человек прислуги поручили старшему архитектору Н. А. Шохину²⁸. Поскольку количество мест в конюшне было ограничено, великим князьям предложили сократить число лошадей. Великий князь Константин Николаевич предполагал привезти в Москву 50 лошадей, на что распорядительное отделение Временной Коронационной Комиссии в письме от 27 июня 1882 года сделало пояснение «в случае, если 50 лошадей, упоминаемых в Вашем письме, не может быть уменьшено, то придется часть их поместить на извозчих дворах»²⁹. В итоге в Москву «между 1 и 3 мая было отправлено по железной дороге экстренным особым поездом 38 лошадей, 15 экипажей, прислуги 25 человек и багажа около 100 пудов»³⁰. В конюшнях на арсенальном дворе разместили 18 лошадей и 10 экипажей.

²⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 21. 1883 г. л. 1; Ф. 472. Оп. 60. Д. 40. 1883 г. л. 3.

²⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. 1882–1883 г. л. 14.

³⁰ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. л. 41.

Расходы по переезду и по перевозке экипажей и багажа в Москву и обратно возмещались Министерством Императорского двора. Разъезды и попечение о фуражном довольствии лошадей лежало, согласно высочайше утвержденному докладу Министра Императорского двора от 1 февраля 1882 года, на великокняжеских дворах.

Придворная контора великого князя Константина Николаевича заключила договор с купцом 2-й гильдии Н. П. Писаревым и Титулярным советником И. А. Закашляевым о поставке на «предстоящую коронацию лошадей с кучерами... и надлежащими видами, числом 5–6 пар. Плата за каждую пару 100 р. в месяц со дня выезда из Санкт-Петербурга. Перевозка лошадей из Санкт-Петербурга в Москву и обратно, а также фуражировку лошадей и содержание кучеров конторы принимаем на себя со дня отъезда. В случае, если во время пути по железной дороге одна из лошадей падет, Контора уплатит за каждую потерянную лошадь 300 р.»³¹ Непосредственно в Москве сено и солому для лошадей великого князя предоставлял московский купец 2-й гильдии М. А. Канунников, овес – купец Крунсков.³²

За 10 дней до начала празднеств Придворная контора великого князя отправила в Москву вагенмейстера Г. Журавлева «для приготовления помещений конюшенной части двора Константина Николаевича». «Он должен был» «осмотреть конюшни, сделать переделки и приспособления, которые сочтет необходимыми (эти работы не должны касаться существенной стороны постройки), а могут состоять только в устройстве или перенесении каких-либо перегородок, а т.ж. озаботиться изготовлением фуража»³³.

Временная Коронационная комиссия решала и чисто бытовые вопросы – такие, как прием и отправка корреспонденции и сдача в стирку белья.

При Первом офицерском корпусе Большого двора с 1 мая было открыто Почтовое отделение. Прием почтовых отправлений осуществлялся непрерывно с 8 утра до 19 часов вечера. Придворная контора великого князя заранее озаботилась просьбой в газетную экспедицию сделать распоряжения о пересылке всех писем, а также журналов и газет, как на русском, так и на иностранных языках с 8 по 28 мая в Москву³⁴.

Белье в стирку от Кремлевских дворцов должны были принимать «во всех частных домах по выданному списку, находящихся в Ведении Министерства двора»³⁵.

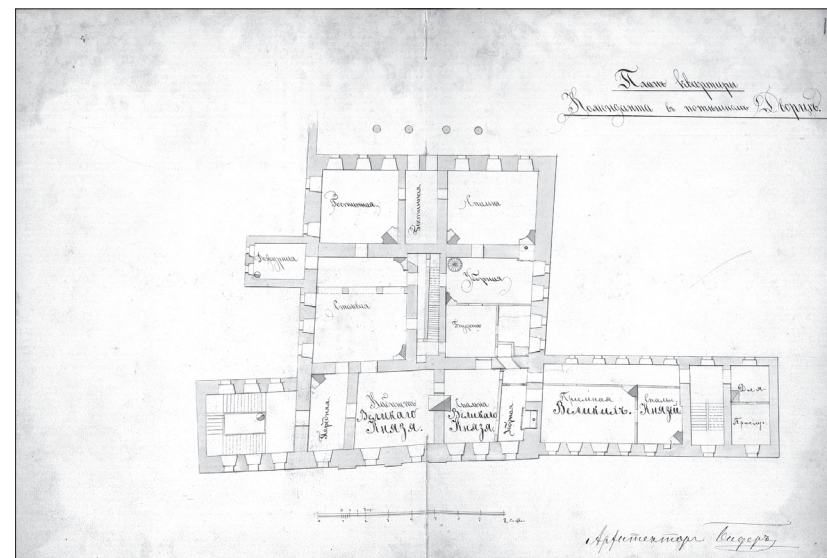
³¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. Л. 37.

³² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. Л. 31, 63.

³³ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. 1883 г. Л. 63.

³⁴ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. Л. 113.

³⁵ РГИА. Ф. 472. Оп. 64. Д. 58 (А). 1883 г. Л. 37.

План квартиры коменданта в Потешном дворце (для размещения семьи великого князя Константина Николаевича). РГИА Ф. 537 Оп. 1 Д. 84 Л. 9 (об.)

Двор великого князя отправился в Москву на Коронавание в субботу 7 мая в 10 часов вечера. Помимо свиты,³⁶ Великокняжескую чету сопровождали королева эллинов Ольга Константиновна и великая княгиня Вера Константиновна³⁷.

За организацию и проведение придворных церемоний и торжеств отвечало специальное подразделение – Церемониальная часть, чиновники которой составляли и рассылали церемониалы и «этикеты» придворных торжеств и празднеств. В их обязанности входило следить за соблюдением этикета при приеме и отпуске иностранных дипломатов, приглашение особ дипломатического корпуса на придворные торжества и представление их императору и императрице, а также членам императорской фамилии.

На коронации 1883 года присутствовало 26 представительств из стран Европы, Южной и Северной Америк, Дальнего Востока. Великим

³⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. 1883 г. Л. 25. Список лиц свиты и прислуги двора Константина Николаевича, сопровождавших Их Высочеств в Москву на коронавание: гофмейстера графиня А. Е. Комаровская, фрейлина графиня А. Э. Келлер, в должности шталмейстера Д. С. С. И. А. Грейг, временно управляющий двором полковник П. Е. Кеппен, адъютант его высочества – капитан 1 ранга Лазарев, И. А. Зеленой, капитан-лейтенант А. П. Шестаков, камер-фрау, 3 камер-югферы, швея, 2 девушки, 4 камердинера, официант, 6 лакеев, 4 рейткнехта комнатные, 16 ездовых, 2 людей при вещах. Шталмейстерская часть: вигенмейстер, магазин-вахтер, 4 кучера, 6 конюхов, 3 магазина при экипажах, кузнец, 3 рейткнехта верховых.

³⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. 1883 г. Л. 76. Им предоставили комнаты в непосредственной близости от Потешного дворца – в Большом Кремлевском дворце в апартаментах их высочеств.

князем Константином Николаевичем были приняты посольства от Хивы и Бухары, состоялись встречи с чрезвычайным посланником Его Величества Короля Нидерландов бароном Шиммельпенник фон дер Ойе, с принцем Баварским Арнульфом и герцогом Амедеем Аостским (Италия)³⁸.

По окончании коронационных торжеств были выбиты особые медали, которые раздавали участникам церемонии. Большие серебряные коронационные медали получили и чины двора великого князя Константина Николаевича – Действительный статский советник И. А. Грейг, генерал-майор А. А. Киреев и подполковник П. Е. Кеппен³⁹.

Выезд из Москвы Великокняжеской четы и состоявших при них лиц свиты состоялся 29 мая. Во временную коронационную комиссию из придворной конторы великого князя были предоставлены сведения «об издержанных расходах и причитающейся на счет суммы Двора. Всего 3 тысячи 366 рублей 7 копеек выписан в расход по кассовой книге на гофмаршальскую часть по ст. 118»⁴⁰. Управляющий двором великого князя полковник П. Е. Кеппен отдельно вел «Ведомость расходов во время Коронации», куда входили различные расходы на подарки и награды, фуражное довольствие, порциины чинам, суточные служащим, проезд прислуги по железной дороге, наем конюшенных помещений и экипажей⁴¹.

Подводя итог, следует отметить, что успех любого исторического исследования зависит, прежде всего, от документального материала, на котором он строится. В данном случае архивная часть источников весьма велика и разнообразна и, кроме того, располагается в различных фондах и большом количестве описей. Это, прежде всего, сопряжено с тем, что в организации и подготовке коронационных торжеств были задействованы различные ведомства. К сожалению, остаются пока без ответа некоторые вопросы, связанные с подготовкой двора великого князя Константина Николаевича к коронации 1883 года. Например, брал ли великокняжеский двор в Москву с собой посуду, серебро, белье постельное и столовое. Решение этих вопросов не входило в пределы деятельности коронационной комиссии, их решал обер-гофмаршал Высочайшего двора.

Изучение церемоний, традиций, правил и норм поведения, существовавших при дворе, позволяет нам лучше понять дух эпохи, взглянуть на известные события с точки зрения конкретной личности.

³⁸ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. Л.141, 143, 167, 265.

³⁹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 84. Л. 179.

⁴⁰ РГИА. Ф. 537 Оп. 1. Д. 84. Л. 220.

⁴¹ РГИА. Ф. 537 Оп. 1. Д. 84. Л. 190.

Петергофский Коттедж. К истории создания загородного дома императорской семьи

DOI: 10.48466/4588.2021.86.94.001

Пашинская Ирина Олеговна,
независимый исследователь,
кандидат культурологии

Среди дворцов и домов в столице и ее окрестностях, в других местах обширной империи, которые Александр III и Мария Федоровна выбрали для своего местопребывания в разные времена года, находился и петергофский Коттедж.

Еще в 1867 г., через семь лет после смерти его владелицы, императрицы Александры Федоровны, с именем и духом которой он оказался связан навсегда, пустовавший эти годы Коттедж был предоставлен для летнего пребывания наследнику престола Александру Александровичу и Марии Федоровне. Ежегодно они проводили здесь два-три летних месяца¹. Соблюдалась традиция николаевского царствования, и хозяйкой в этом петергофском доме была именно императрица.

Мария Федоровна любила праздники, увеселения и развлечения, но здесь, в Коттедже, также как и ее муж, ценила возможность отдохнуть в уединенной загородной резиденции, побыть в кругу семьи, среди близких и дорогих людей. Исследовательницы А. И. Барковец и В. М. Тенихина, анализируя письма Марии Федоровны матери, приводят слова императрицы о спокойной и приятной жизни в милом уютном Коттедже, о чудном покое, который царит здесь, о семейных завтраках, прогулках с детьми в прелестном маленьком Коттедже².

У Александра Александровича сохранились теплые детские воспоминания о том, как живя с родителями в Фермерском дворце, он почти каждый день с воспитателями приходил здороваться утром к бабушке в Коттедж. В его письмах к жене встречаются определения Коттеджа «милейший», он писал, что был счастлив быть здесь снова³.

¹ Тенихина В. М. Дворцово-парковый ансамбль «Александрия» в Петергофе // Петергоф в исторических описаниях. Сб. статей. 2014. С. 114.

² Барковец А. И., Тенихина В. М. Императрица Мария Федоровна. СПб. 2006. С. 36.

³ Боханов А. Н., Кудрина Ю. В. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894. М. 2001. С. 101.

Конечно, любящая праздники, веселье, развлечения императрица Мария Федоровна привнесла новые черты в летнюю жизнь Александрии, но у членов семьи сохранялось представление о петергофском Коттедже как об уединенном и комфортном семейном доме.

Таким он задумывался, таким был построен, когда Николай I создал «Собственную Её Величества дачу Александрию» в 1826–1829 гг. В облике Коттеджа отразилось общеевропейское увлечение английской готикой и мода на тихую уединенную жизнь образованного человека со вкусом, которой увлекались европейские монархи той эпохи. Георг III в Англии, Фридрих Вильгельм III в Пруссии и Франц II в Австрии, казалось, предпочитали публичным презентациям комфорт частной жизни.

Замысел создания подобного дома возник у Николая Павловича на основе впечатлений его английского путешествия.

Великий князь Николай Павлович, будущий император Николай I, завершая курс своего обучения, совершил тщательно спланированное и хорошо организованное образовательное путешествие в Великобританию. В этой поездке, в ноябре 1816 г. – марте 1817 г., состоялось его знакомство с городами и сельскими местностями Англии, Шотландии и Уэльса, с самыми разными сторонами жизни страны, которая политическим устройством, военными и технологическими успехами, бурным развитием промышленности и торговли, культурными достижениями и красотами природы привлекала множество путешественников из разных стран.

Посещение Великобритании, «этой достойнейшей внимания страны», по мысли матери путешественника, императрицы Марии Федоровны, должно было не только удовлетворить любопытство великого князя, но и обогатить его полезными познаниями и «изошрить при этом его суждения»⁴.

Именно Мария Федоровна руководила разработкой программы этого путешествия и привлекла к этому российского посла в Лондоне Х. А. Ливена, действительного и чрезвычайного посланника и полномочного русского министра в Копенгагене П. Николаи, мореплавателя И. Ф. Крузенштерна, русского ученого И. Х. Гамеля, находившегося тогда в командировке в Великобритании, лейб-медика шотландца А. Крейтона, а также кавалера великого князя Г. А. Глинку⁵.

Программа этого образовательного путешествия предусматривала широкое знакомство с самыми разными сторонами жизни островной державы. В стране, «славящейся своим богатством, просвещением

⁴ Шильдер Н. К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование. М. 2010. С. 58.

⁵ Об этом см. подробнее: Марисина И. М. «Довершить воспитание путешествиями...»: путешествие великого князя Николая Павловича в Англию в 1816–1817 гг. (по материалам переписки императрицы Марии Федоровны и Х. А. Ливена) // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы. Вып. 14. М. 2012. С. 137–153.

и законами»⁶, великому князю предстояло увидеть публичные заведения и общественные здания, суды, тюрьмы, больницы, благотворительные учреждения, школы, научные и художественные заведения, промышленные предприятия, «провинции и сельские местности, выдающиеся своей природой и культурой». Обращалось внимание и на знакомство с людьми «наиболее выдающимися в области наук, искусств, а также литературы». Путешественник должен был ознакомиться и с «королевскими замками в окрестностях Лондона»⁷.

Какие королевские резиденции увидел будущий император в Великобритании? Гостя из России принимал принц-регент Георг, старший сын короля Георга III, будущий король Георг IV⁸. Великий князь общался с братьями принца-регента – герцогами Йоркским, Кларенским, Кентским, Кумберлендским, Сассекским, Кембриджским, его матерью, королевой Шарлоттой и сестрами принца-регента. Важными с церемониальной и дипломатической целями было знакомство и встречи с дочерью принца-регента, наследницей трона Шарлоттой, которая незадолго до этого вступила в брак с герцогом Леопольдом Саксен-Кобургским⁹. Встречи эти происходили в столичных и загородных, официальных и частных резиденциях. Главной официальной лондонской резиденцией британских монархов был тогда уже считавшийся устаревшим и неудобным Сент-Джеймский дворец Генриха VIII, к которому прилегал Сент-Джеймский парк, старейший из королевских парков Лондона с тогда еще прямым каналом, сохранявшим регулярный стиль, созданный во времена правления Карла II французским садовым мастером Андре Молле. Н. М. Карамзин, побывавший в Лондоне в 1790 г., описал эту резиденцию следующим образом: «Сент-Джеймский дворец есть, может быть, самый беднейший в Европе. Смотри на него, пышный человек не захочет быть Английским Монархом. Внутри также нет ничего царского. Тут Король обыкновенно показывается чужестранным министрам и публике...»¹⁰.

Старинной резиденцией был и загородный Хемптон-корт, который Николай Павлович посетил в обществе принцессы Шарлотты и ее супруга принца Леопольда¹¹. Н. М. Карамзин писал об архитектуре дворца, как отчасти готической, но величественной, а сад характеризовал, как «напоми-

⁶ Свиньин П. П. Ежедневные записки о Лондоне. СПб. 1817. С. 206.

⁷ Марисина. Указ. соч. С. 142–143.

⁸ С принцем-регентом у Николая Павловича сложились более доброжелательные отношения, чем у Александра I, который за два года до этого посетил Великобританию с кратким визитом

⁹ Герцог Леопольд Саксен-Кобургский – брат великой княгини Анны Федоровны, первой супруги великого князя Константина Павловича.

¹⁰ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 349.

¹¹ Донесения Г. А. Глинки императрице Марии Федоровне. 15 (27) января 1817 г. / Путешествие великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича в 1816–1817 гг. // РА. 1877. Год 15. Вып. 6. С. 199.

нающий старинный вкус»¹². По желанию короля Вильгельма III дворец Генриха VIII в конце XVII – начале XVIII вв. частично перестроил архитектор Х. Рен. Прекрасная Королевская Капелла и величественный Большой Зал сохраняли облик эпохи Генриха VIII, здесь же можно было увидеть комнаты, залы и галереи, которые были оформлены по замыслу короля Вильгельма III и королевы Марии архитектором Реном. В Хемптон-корте тогда хранились, наряду со многими шедеврами живописи, знаменитые картины Рафаэля. При Вильгельме III архитектор Даниель Маро перед северо-восточным фасадом дворца создал сад Большого фонтана. Влияние Ленотра ясно читалось в знаменитом трехлучии с центральным каналом, которое, несомненно, напомнило Николаю Павловичу любимый им Петергоф.

Побывал великий князь и в заложенном Вильгельмом Завоевателем величественном Виндзорском замке, символе мощи британской монархии. Замок, сохраняя свой древний облик, претерпевал изменения и дополнения на протяжении многих столетий. Путешественники осматривали прекрасную готическую капеллу святого Георгия и королевские апартаменты дворца. О парке Виндзора русский путешественник П. П. Свиньин, посетивший его за два года до Николая Павловича, писал: «Лучшим украшением Виндзора по всей справедливости почитается прекрасная терраса из портлендского камня, проведенная по всей длине дворца и служащая вместе валом с двух сторон и обширные парки, его окружающие, из коих так называемый малый, дает понятие во всем смысле о великолепии и красоте Английских парков, коим весьма редко умеют подражать в Европе. Дремучие леса его наполнены оленями и дикими козами, а на злчных равнинах пасутся многочисленные стада овец и коров»¹³.

К новым королевским резиденциям относился дворец самого принца-регента в Лондоне – Карлтон-хаус, где Николай Павлович бывал несколько раз. Будущий король Георг IV увлекался архитектурным творчеством, изменяя и переделывая дворцы, павильоны и сады. Принца-регента отличали изысканный вкус и утонченное знание искусства. Его дворцы, интерьеры и сады, как и все у него, от его кареты до конца его галстука, были необычайно модными¹⁴. Карлтон-хаус был столичной резиденцией, оформленной с необычайной роскошью и вкусом в стиле Людовика XVI. Исполнял замыслы заказчика по строительству дворца архитектор Генри Холланд, сад был создан по замыслу Хемфри Рептона

и использовался для изысканных придворных празднеств¹⁵. В этом доме принца-регента хранилась его великолепная коллекция живописи.

По желанию принца-регента в это время архитектор Джон Нэш разрабатывал замысел грандиозного городского ансамбля – церемониального проезда, который должен был соединить Сент-Джеймский дворец, Карлтон-хаус и задуманный Риджент-парк через Риджент-стрит. Нэш был не просто архитектором, работавшим по указанию заказчика, но и советчиком, пользующимся доверием принца¹⁶. В то время принца-регента необыкновенно занимала идея создания летней резиденции с огромным парком площадью более ста гектаров, окруженной вилами близких друзей принца, построенными по единому замыслу. Мы вправе предположить, что молодой путешественник был осведомлен об этих замыслах. Видимо, совсем не случайно, приехав в Лондон в 1844 г. (это был его второй и последний визит в Великобританию), первым местом, которое отправился осмотреть Николай Павлович, был уже открытый для публики Риджент-парк¹⁷.

Еще одним архитектурным проектом, тогда очень занимавшим принца-регента, был его павильон в Брайтоне. С 1815 г. архитектор Дж. Нэш перестраивал для принца-регента его Морской павильон в экзотическую постройку с использованием индийских и китайских мотивов. Уже в это время павильон приобрел свой экзотический вид, сохранившийся и поныне. Великий князь по приглашению регента провел несколько дней в этом приморском городе в январе 1817 г.¹⁸

Лондонский Букингем-хаус был частной резиденцией короля Георга III, который модернизировал и расширил купленный им в 1762 г. дом. Для королевской семьи здесь работал архитектор Уильям Чемберс. Король перенес сюда многие произведения искусства из других дворцов. Кроме того, он закупил великолепное собрание картин, в основном итальянских художников. В то время, когда в Лондоне находился Николай Павлович, дом служил резиденцией супруги короля Шарлотты и ее незамужних дочерей. К дому, как и ныне, примыкал сад, но, по-видимому, им в то время занимались не очень активно. Любовью и утехой королевы Шарлотты были сады в Кью и Фрогморе.

О королевском Ботаническом саде Кью, предмете особой заботы королевы, страстной любительницы ботаники и садоводства, Карамзин писал «...мало, низко, без видов. Там Китайское, Арабское, Турецкое перемешано с Греческим и Римским. Храм Беллоны и Китайский павильон; храм Эола

¹² Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 379.

¹³ Свиньин П. П. Указ. соч. С. 200

¹⁴ Strong R. Royal Gardens. London. 1992. P. 79. 12 Карлтон хаус был разобран в 1825 г.

¹⁵ Mansbridge M. John Nash: A complete Catalog. Oxford. 1991. P. 12.

¹⁶ Mansbridge M. Op.sit. P. 10.

¹⁷ Татищев С.С. Император Николай Первый и иностранные дворы. СПб. 1889. С. 21.

¹⁸ The Times. 1817. 16 January; The Times. 1817. 20 January. The Times. 1817. 13 March.

и дом Конфуциев; Арабская пагода и Алгабра и Пагода!»¹⁹. Свиньян же обратил внимание на коллекцию сада: «...богатейший и, смело можно сказать, единственный на свете... Деревья и растения всех известных частей мира, экватора и полюсов, растут здесь во всем блеске красоты и силы. Горные травы и деревья посажены на нарочно сделанных для этого кремнистых скалах; для водяных растений поделаны болота и тонкие места; одним словом, каждому отведено приличное место и требуемый ему грунт земли. Прелестная, благоуханная магнолия разведена здесь во многих местах, я видел также несколько тюльпанных и пробочных дерев. Сад сей находится под смотрением знаменитого ботаника кавалера Банка, сопутствующего вокруг света славному капитану Куку. Недавно выстроена в новом вкусе новая огромная теплица, особенно для африканских растений»²⁰. Великий князь осмотрел Кью, его коллекции и постройки, возможно, он увидел и располагавшийся здесь Коттедж королевы Шарлотты. Этот скромный дом в стиле старых английских сельских построек, созданный в начале 1770-х гг., был одним из первых королевских домов в Великобритании, в котором отразились тенденции увлечения «простой жизнью» членов королевской семьи. Долгое время Коттедж в Кью был любимейшим местом отдыха короля Георга III и королевы Шарлотты. Еще один Коттедж был создан по желанию одной из их дочерей, принцессы Елизаветы в Старом парке Виндзора в 1812 г.

В начале XIX века любимым местом пребывания королевы Шарлотты стал ее частный загородный Фрогмор-хаус, еще один «сельский приют», располагавшийся в полумиле к югу от Виндзорского замка. Поместье приобрел для супруги Георг III в 1792 г. Архитектор Дж. Уайтт был приглашен для перестройки располагавшегося здесь дома. Новое здание, довольно скромное снаружи, было роскошно отделано внутри. В прилегающем парке по желанию королевы были сделаны Готическая Руина и Эрмитаж. Николай Павлович побывал во Фрогморе в начале марта²¹, когда в Англии уже господствует весна и можно было почувствовать всю прелесть и красоту этого дома на берегу озера. Несомненно, он видел и незаконченный дворец Кью, созданный Георгом III в содружестве с архитектором Джеймсом Уайттом в «готическом вкусе»²².

Во время пребывания в Великобритании трижды побывал Николай Павлович в Клермоне, «где был принят хозяевами со всеми знаками искрен-

него дружелюбия»²³. Клермон был одним из самых знаменитых тогда парков Европы. На протяжении многих лет он создавался великими английскими мастерами – Джоном Ванбругом, Чарльзом Бриджманом, Вильямом Кентом и Ланселотом Брауном²⁴. Именно здесь поселились после свадьбы в сентябре 1816 г. молодожены – принцесса Шарлотта и герцог Леопольд Саксен-Кобургский. Как писала принцесса Шарлотта, они были заняты перестановками и переделками в доме и в парке, где сооружались новые ворота, дома для работников, скамьи из мха в красивых местах, оранжереи, каретные, конюшни, псарня, птичник и т.п. Для молодой семьи здесь трудился архитектор Дж. Б. Папуорт, специализировавшийся на строительстве сельских домиков и садовых построек. Самой важной его работой в Клермоне в это время было создание чайного домика в «готическом вкусе» на высоком месте над озером, которое часто посещала принцесса. В части парка ниже Бельведера собиралась коллекция местных растений – предмет увлеченного занятия герцога. Парк для хозяев был постоянным и никогда не надоедающим источником удовольствия²⁵. Уже первый раз оказавшись в Клермоне вместе с великим князем в ноябре 1816 г., Г.А. Глинка описал его в письме жене как «прекрасный загородный дворец», говоря о нем «...дворец отнюдь не огромный, не столько даже великолепный, как, например, дворец Павловский, но удивительною опрятностью и совершенством отделки всех в доме частей и вещей в нем находящихся, далеко превосходит все виденное нами в России. Парк здешнего дворца очень хвалят...»²⁶.

Увлечение так называемой «простой жизнью», которой увлекались его родители, отразилось и в архитектурном творчестве принца-регента. Когда в 1811 г. принц Георг был назначен регентом своего тяжело болевшего отца, у него возникла настоятельная необходимость иметь дом, расположенный так, чтобы из него легко было добраться до Виндзора, где жил больной король, до Фрогмор-хауса королевы и, одновременно, до столицы. В Большом парке Виндзора располагались два дома XVIII столетия, один из них, Нижний дом или Фрост-лодж, был резиденцией помощника смотрителя королевского парка²⁷. Перестройка этого дома в cottage orné была произведена по же-

¹⁹ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 378.

²⁰ Свиньян П. П. Указ. соч. С. 191–192.

²¹ The Times. 1817. 13 March.

²² Создание дворца не было завершено в связи с болезнью короля, позже, признанный неудачным, дворец в Кью был разобран в 1828 г.

²³ Донесение Г.А. Глинки государыне императрице Марии Федоровне 15(27) января 1817 г. / Путешествия... С. 199. Эти визиты состоялись 16–17 (28–29) ноября 1816 г. (The Times. 1816. 2 December); 14–15 (26–27) января 1817 г. (См.: Письмо Г.А. Глинке жене. Клермон. 15 (27) января // РС. 1876. Т. XVII. Вып. 9. С. 92), 28 февраля (11 марта) 1817 г. (См.: The Times. 1817. 13 March).

²⁴ В подражание дворцу в Клермоне был создан Английский сельский дом в Верлице, в Дессау, а также дворец Шоненберг в Лэкене, Бельгии.

²⁵ Clermont. Surrey. [s.l., s.a.]. P. 47, 48.

²⁶ Письмо Г.А. Глинке жене. Клермон. 17 (29) ноября 1816 г. // РС. 1876. Т. 3. С. 90; The Times. 1816. 2 December.

²⁷ Его последним обитателем до своей смерти в 1798 г. был Томас Сандби, архитектор и художник, много и успешно работавший в парках, в частности в парке Виндзора, личный друг короля Георга III.

Главный фасад Коттеджа его светлости в Большом парке Виндзора. *Repository of arts, literature, commerce, manufactures, fashions, and politics. 1824. Vol. 1. Pl. 1*

ланию принца-регента архитектором Дж. Нэшем²⁸. Строительство, начатое в 1813 г., предполагало создание временной резиденции. Уже в 1815 г. принц-регент мог остановиться в нем на неделю во время проведения скачек в Аскоте. Как отмечают исследователи творчества Дж. Нэша, это дом «был коттеджем не более, чем Королевский павильон в Брайтоне был хижиной для купания»²⁹. Один из современников заметил, что, хотя этот дом и назывался коттеджем, ибо был крыт соломой, это была очень комфортабельная семейная резиденция. Графиня Д. Х. Ливен, которая жила в этом доме в конце 1820-х гг., находила здесь во всем «неиспорченную роскошь, которая создает чувство очаровательного блаженства»³⁰.

В архитектуре этого наиболее значительного и важного из всех «сельских жилищ» архитектора Нэша воплотились новые идеи того времени — аристократическое стремление к простой жизни, противопоставляемой величию больших домов. Жизнь в таких домах рассматривалась как особо соответствующая людям со вкусом, именно здесь создавалась идеальная обстановка для общения с друзьями и семейной жизни³¹. Это была эпоха, когда у монархов Европы на смену пышному величию предыдущих времен пришла мода на «простоту и равенство». Коттедж принца-регента

²⁸ Ко времени начала работ в Виндзоре Дж. Нэш в течение пятнадцати лет строил дома в живописном старинном английском стиле. Об архитекторе Нэше см. подробнее: Sommerset J. John Nash. Architect to the King George IV. London. 1949. Mansbridge M. John Nash: A complete Catalog. Oxford. 1991; Terence D. John Nash. The Prince Regent Architect. 1966.

²⁹ Terence D. Op. cit. P. 25.

³⁰ Sommerset J. Op. cit. P. 144.

³¹ Strong R. Op. cit. P. 86.

в Виндзоре был наиболее полным архитектурным образом этого явления, наиболее значительным и важным из всех английских «сельских жилищ».

Таким образом, общаясь с членами английской королевской семьи, посещая их в их столичных и загородных резиденциях, путешественник смог осмотреть древние и современные, парадные и частные, столичные и загородные резиденции — большие и малые дворцы, дома, павильоны и парки. Он познакомился с трудами выдающихся мастеров прошлого и увидел работы замечательных архитекторов и садовых мастеров того времени — Уильяма Чемберса, Джеймса Уайтта, Генри Холланда, Джона Нэша и Хемфри Рептона и др. В ходе образовательного путешествия у молодого человека накапливались аналитические наблюдения, чувственные переживания, формировались художественные вкусы и эстетические пристрастия. Биограф императрицы Александры Федоровны А. Т. Гримм писал, что впечатления заграничных путешествий Николая Павловича по Великобритании и Германии в его юные годы оказали огромное влияние на формирование его личности³².

Английские впечатления Николая Павловича отразились, в частности, при создании частной загородной резиденции рядом с Нижним парком Петергофа. В августе 1825 г., император Александр I незадолго до своего отъезда в Таганрог сообщил о своем решении подарить брату и его супруге земли для устройства загородной резиденции. Николай Павлович зафиксировал в своей записной книжке 29 августа/10 сентября 1825 г.: «...жена... объявляет мне, что Ангел³³ покупает нам Знаменское³⁴ или дарит нам Меншиков дом³⁵...»³⁶. Позже в своих записках великий князь писал, что на следующий день, пригласив брата сопровождать его в поездке в Александро-Невскую лавру, Александр I «...предварил, что хотел нам приобрести и подарить Мятлеву дачу, но что просили цену несбыточную, и что он, по желанию нашему, жалует нам место близ Петергофа...»³⁷. Уже в следующем году под руководством архитектора А. Менеласа началось строительство «Собственной Её Величества дачи Александрии».

Сходство Коттеджа принца-регента в Виндзоре и Коттеджа в Петергофе несомненно. Две летние частные загородные резиденции монархов

³² Grimm A.Th. Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. In 2 vol. Edinburg. 1870. Vol. 1. P. 41.

³³ Ангел — так чаще всего автор записок называет старшего брата, императора Александра I.

³⁴ Знаменское — усадьба Знаменка, принадлежавшая Мятлевым, будет приобретена императором у владельца десять лет спустя, в 1835 г. для супруги Александры Федоровны. См. Подробнее: Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. СПб. 2001. С. 230–231.

³⁵ Так в записных книжках великий князь называет местность бывшего Зверинца к западу от Нижнего парка, где будет создана «Собственная Её Величества дача Александрия».

³⁶ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М. 2013. С. 632.

³⁷ Николай I. Записки о вступлении на престол // Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб. 2008. С. 126.

были созданы в формах старой английской архитектуры, с подчеркнутой внешней скромностью, но их интерьеры были роскошны и комфортабельны. Роднит два Коттеджа открытость окружающему парку. В монарших «сельских домах» стеклянные двери, террасы и балконы соединяли комнаты с садом. Исследователи отмечают, что в это время стремление к созданию садов, соответствующих коттеджам, привело к возрождению цветочных садилов. Цветочные клумбы начали располагать близко к стенам домов, особенно там, где большие, т.н. французские, окна можно было широко распахнуть и наслаждаться ароматами и красотой цветов. Террасы создавали защищенное пространство для пребывания на природе, на них выставлялись цветы в кадках и горшках. Арки и колонны были опорой для вьющихся растений³⁸.

При создании «Собственной Её Величества дачи Александрии» в Петергофе соединились хорошо знакомые хозяевам примеры устройства загородных резиденций их родными в Царском Селе, Павловске, Гатчине и Потсдаме, а также увиденное Николаем Павловичем в ходе английского путешествия: образ жизни, занятия устройством дома и парка, которые вели семья наследницы английского престола принцессы Шарлотты в Клермоне и королева Шарлотта во Фрогморе. Архитектурным образцом для Коттеджа в Петергофе стал Коттедж принца-регента в Большом парке Виндзора. Он вскоре после его устройства и через три года после визита в Великобританию Николая Павловича был значительно перестроен. В 1820 г., когда принц-регент стал королем Георгом IV, началась первая переделка с целью увеличения размеров Коттеджа. Работы велись под руководством архитектора Джеффри Уайта и продолжались до 1823 г. Заказчик желал, чтобы даже увеличенный, Коттедж оставлял впечатление небольшой постройки и сад был спланирован так, чтобы гуляющие не видели дом полностью. Вальтер Скотт, который посетил Коттедж в 1826 году заметил, что это род коттеджа, пожалуй, несколько большой для этого стиля, но устроенный так, что во время прогулки вы всегда видите только часть его, он закрыт хорошо скомпонованными могучими деревьями. В 1830 г., после смерти короля Георга IV, дом был значительно перестроен еще раз. Оставив только столовую и оранжерею, на этом месте возвели новое здание. Ныне это, уже много раз перестраивавшийся и позже Королевский дом, который по-прежнему принадлежит королевской семье³⁹. Петергофский же Коттедж, лишь незначительно переделанный в те годы, когда в нем жили летом Александр Александрович и Мария Федоровна, став музеем, сохраняет свой облик и хранит память об эпохе, когда он был создан и о людях, которые жили в нем.

³⁸ Strong R. Op. cit. P. 86–87.

³⁹ См.: Strong R Op.cit. P. 87.

Памятные вещи из поездок семьи Александра III по России в коллекции оружия Гатчинского дворца

DOI: 10.48466/7904.2021.62.63.001

Родионов Евгений Александрович,
СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина»,
старший научный сотрудник

Гатчинский дворец, будучи любимой резиденцией императора Александра III и местом, где его семья проводила достаточно много времени, естественно содержал в себе массу материальных свидетельств обо всех сторонах их жизни. Это и личные вещи, и специально подобранные августейшими хозяевами дворца произведения искусства, и различные памятные подарки, все в комплексе наглядно характеризующие личности членов императорской фамилии и повествующие о связанных с ними исторических эпизодах.

В этой статье хотелось бы обратить внимание на сохранившиеся до наших дней предметы, связанные с путешествиями семьи Александра III по России и числящиеся в фонде оружия Гатчинского дворца-музея.

В 1887 году Александр III вместе с супругой, императрицей Марией Федоровной, старшими сыновьями, великими князьями Николаем и Георгием и великим князем Николаем Николаевичем старшим совершили поездку в Новочеркасск, столицу Донского казачьего войска. Прибыв туда 6 мая, император даровал войску грамоту, подтверждавшую все права и привилегии казаков, а великому князю Николаю Александровичу вручил пернач — символ власти атамана всех казачьих войск, которым тот являлся, будучи наследником. Торжественные мероприятия в Новочеркасске продолжались еще день, после чего высокие гости отправились в обратный путь, который лежал через Тулу¹.

В город русских оружейников императорская семья прибыла 9 мая и сделала остановку, продлившуюся четыре с половиной часа. От вокзала Александр III с супругой и сыновьями в открытом экипаже поехали в кремль, где посетили Успенский собор, после чего направились на расположенный совсем близко оружейный завод, который был роскошно

¹ Пребывание их императорских величеств с их высочествами в городе Новочеркасске. Новочеркасск, 1887.

украшен к высочайшему визиту. Императорскую семью встречали военный министр, командующий войсками московского округа генерал-адъютант Бреверн де ла Гарди, командир корпуса генерал-адъютант А. Д. Столыпин, инспектор оружейного и патронных заводов генерал-лейтенант В. В. фон Нотбек и начальник завода генерал-майор В. Н. Бестужев-Рюмин, который преподнес Марии Федоровне букет из роз и ландышей, перевитый лентами, на концах которых золотом был вышит герб завода.

Далее императора сопровождал генерал-лейтенант фон Нотбек, а императрицу — генерал-майор Бестужев-Рюмин. Экскурсию начали с ложевой мастерской, затем гости проследовали в штыковую, где также изготавливались и револьверы. Из мастерских прошли в турбинный домик, в котором находился двигатель, приводивший в движение все станки завода, после чего вернулись в приборную мастерскую и затем направились в полировочную и мастерскую для окраски лож. Император с императрицей осмотрели также кузницу, инструментальный отдел, замочную и ствольную мастерские. Особое внимание было уделено охотничьим моделям, Мария Федоровна даже приобрела одно ружье (о нем отдельно будет сказано ниже).

В ствольной мастерской, куда Александр III с супругой проследовали после, была соблюдена давняя традиция, в соответствии с которой важные посетители Императорского Тульского оружейного завода принимали символическое участие в производственных операциях, как правило связанных с изготовлением ружейного ствола. Впоследствии оружие, снабженное таким стволом, украшалось лучшими мастерами и преподносилось важному гостю, который обычно не принимал его, а с благодарностью возвращал на завод². Императору и императрице были предоставлены стволы винтовок системы Бердана-2 пехотного и драгунского варианта соответственно, на которых те собственноручно оттиснули штампами название завода и год посещения — «императорской тульской оружейный зав. 1887 г.»³.

После осмотра мастерских гости прошли в приемный покой заводского лазарета, где были приготовлены две комнаты для отдыха. Позже Александр III и Мария Федоровна посетили заводской музей и вписали свои имена в книгу памятных записей⁴.

² До визита Александра III с супругой в 1887 году в изготовлении оружия на Тульском заводе принимали участие граф Г. Г. Орлов (7 сентября 1767 г.), императрица Екатерина II (14 декабря 1775 г.), великий князь Николай Павлович и впоследствии он же, как император Николай I (28 июля 1816 г., 20 сентября 1826 г. и 5 сентября 1842 г.), император Александр I (1 сентября 1816 г.), великий князь Михаил Павлович (2 ноября 1817 г. и 10 сентября 1837 г.), великий князь Александр Николаевич и он же, уже как император Александр II (10 июля 1837 г. и 1 сентября 1875 г.).

³ Ремизова М. А. Визиты царской семьи на Тульский оружейный завод во второй половине XIX века // История. Историк. Источники. 2017. № 3. С. 114–121.

⁴ Книга для внесения имен высочайших особ и прочих лиц, посещающих Тульский оружейный завод с 21 сентября 1856 г. (собрание Тульского государственного музея оружия, инв. № Д-2046).

Высочайший визит закончился, началась работа тульских мастеров, которым из совершенно стандартного по своей конструкции армейского оружия предстояло сделать произведения искусства. В качестве главного мотива в декоре винтовок был избран популярный в то время так называемый неорусский (или псевдорусский) стиль, предполагавший свободную интерпретацию сюжетов средневекового русского искусства.

Все стальные детали винтовок были покрыты золоченым растительным орнаментом, очень эффектно смотрящимся на фоне вороненого металла. По верху стволов шли стилизованные под древнерусский шрифт золоченые надписи, сообщающие, что 9 мая 1887 года, во время посещения Тульского оружейного завода, государь император Александр Александрович (на стволе драгунской винтовки — императрица Мария Федоровна) собственноручно оттиснул название завода. Еще роскошнее были украшены ложи, выполненные из кавказского ореха. Работу над ними поручили Михаилу Ивановичу Степанову (1858–1942). Это был, хоть и малоимущий, но уже достаточно опытный мастер, с восьмилетнего возраста осваивавший ложевое дело у известных тульских оружейников Полиных, а впоследствии совершенствовавшийся в резьбе по дереву у Николая Морозова⁵. Работая в технике инкрустации, используя золотую и серебряную проволоку, а также слоновую кость, М. И. Степанов выполнил по всей поверхности стилизованный растительный орнамент, по мотивам переключившийся с изображенным на стволе, но более сложный и разнообразный; помимо этого, на левой стороне приклада была отображена дата высочайшего визита — «9 мая 1887», а на правой стороне — вензель самого императора (на ложе драгунской винтовки, соответственно, вензель императрицы, а в орнамент помимо растительных элементов были включены изображения птиц). Надо сказать, что со второй винтовкой (с вензелем Марии Федоровны) произошла неприятная история — когда ее ложа была уже закончена, один рабочий выкрал ее из мастерской, надеясь извлечь золотую проволоку. Это оказалось не так легко, и похититель просто порубил ложу топором и сжег в самоваре, а золото попытался продать зубному технику. Кража была раскрыта, преступник наказан, а Михаилу Ивановичу Степанову пришлось делать все заново⁶.

⁵ Шокарев Ю. В. Русское охотничье оружие. Мастера и фирмы. М., 2005. С. 230. Н. К. Морозов украшал резьбой ложу винтовки системы Бердана-2, изготовленной в память посещения Тульского оружейного завода Александром II в 1875 году.

⁶ Богомазов А. Н. Художественное мастерство тульских оружейников. Тула, 1967. С. 45–46. В указанном источнике история о похищении и уничтожении украшенной М. И. Степановым винтовочной ложи приводится только в отношении винтовки с вензелем Марии Федоровны, находящейся ныне в коллекции Тульского государственного музея оружия, однако нельзя исключать, что та же участь постигла и ложу берданки с вензелем Александра III, учитывая, что в гатчинский арсенал она поступила только 16 апреля 1890 года (РГИА, Ф. 491, оп. 3, д. 1358, л. 232), спустя почти три года после визита царской семьи в Тулу; такая задержка могла быть вызвана тем, что М. И. Степанову пришлось воссоздавать и ее. Особо подчеркнем, что на данный момент это только предположение.

Винтовка пехотная системы Бердана-2. Тула, ложа - мастер М.И. Степанов. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-1028-IX

Штамп с названием завода, отиснутый на стволе винтовки Александром III

После того, как все работы были завершены, пара винтовок оказалась разделенной — та, что оформлялась для императрицы Марии Федоровны, осталась в Туле и сейчас экспонируется в Тульском государственном музее оружия, а другая, с вензелем императора Александра III⁷, была в апреле 1890 г. доставлена в Гатчинский дворец и помещена в Оружейной галерее. К ней прилагался дубовый футляр с медными серебрёными углами, петлями, крючками, замком и гербом завода на крышке, а также шпилька, отвертка с рукояткой, украшенной инкрустацией золотом и слоновой костью, и штык вороненой стали, украшенный золоченым узором. Впоследствии винтовка находилась в витрине с ружьями в Передней и проходной Великого князя Михаила Александровича, а футляр с отверткой был помещен в Темной шкафной великой княгини Ксении Александровны и утрачен в период 1941–1944 г. Винтовка же была эвакуирована в 1941 г., впоследствии возвращена в Гатчинский дворец и ныне экспонируется в Оружейной галерее.

Теперь об охотничьем ружье, которое императрица Мария Федоровна купила на Тульском оружейном заводе. Хотя в доступных документах нет информации о том, как это ружье выглядело и при каких обстоятельствах попало в Гатчину, с большой уверенностью можно утверждать, что именно оно числилось в Описи Гатчинского арсенала за 1919 г. под инвентарным номером 727/оп. 1919 г. К сожалению, это ружье было изъято из коллекции петроградскими чекистами в 1921 г. (ордер П.Ч.К. от 27.XI.1921 г. за № 1893, протокол 28.XI.1921 г.) и его нынешнее местонахождение неизвестно. Так как вполне возможно, что оно сохранилось до сих пор, кажется уместным дать его краткое описание.

⁷ ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-1028-IX.

Русское охотничье двуствольное ружье (дробовое). Стволы — кругло-гладкие под булат, вороненые. На планке между стволами — надпись, выложенная золотом: «№ 664 Императорский тульский оружейный завод 1887 г.» и вензель из литер ДГ (?) под открытой короной. На обороте казенника выбиты повторяющиеся клейма: овальное, «кал. № 12», «ФК № 2781», «ЩД». Стволы откидные, на откидной части выбит номер «664». Ложа ореховая, полированная, на шейке с ромбовидной нарезкой. Замки ударно-игольчатые, плоские, с травленным спиральным орнаментом и выбитой надписью: «Императорский тульский оружейный завод». Оправа стальная, вороненая, с аналогичным рисунком⁸.

Осенью 1888 г. Александр III совершил путешествие на Кавказ, посетив Владикавказ, Екатеринодар, Новороссийск, Тифлис, Баку и ряд других городов и небольших населенных пунктов. Как и при упомянутом выше посещении Тулы, императора сопровождала супруга, Мария Федоровна, и сыновья — Николай и Георгий. Визит августейшей фамилии вызвал огромный энтузиазм местного населения, император принял по пути до двухсот делегаций, и всевозможные памятные подарки преподносились при каждой остановке. Уделим внимание тем из них, которые можно связать с предметами из фонда оружия Гатчинского дворца-музея.

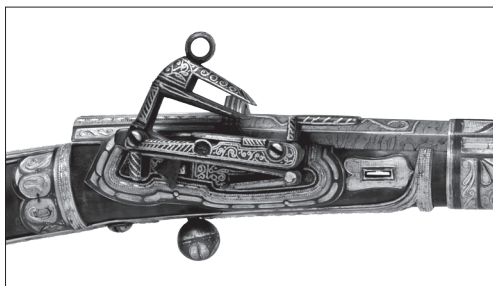
18 сентября, в воскресенье, царский поезд прибыл из Ростова-на-Дону во Владикавказ. Не будем перечислять все последовавшие торжественные мероприятия, интересующее нас событие произошло 20 сентября. В тот день перед домом наказного атамана, где размещалась императорская семья, были поставлены столы, вокруг которых собрались делегации от городов и обществ Терской области и прочих народов Северного Кавказа. На столах были разложены подарки, подношение которых началось в 9-30 утра. Тут были оригинально оформленные блюда с традиционным хлебом и солью, конская амуниция, костюмы, ювелирные изделия и, конечно, кавказское оружие. Из последнего выделим дар от чеченской делегации самому императору — ружье и шашку.

Кремневое ружье (винтовка) сохранилось в коллекции Гатчинского дворца до нашего времени⁹, и его идентификация не вызывает сомнений — уже в самых ранних музейных описях оно отмечено как ружье чеченской работы, поднесенное чеченцами императору Александру III и доставленное во дворец по предписанию № 4111 от 20 декабря 1888 г. В начале его поместили в Оружейной галерее у десятой ружейной арматуры

⁸ РГИА, ф. 491, оп. 3, д. 1358, л. 232; ГМЗ «Гатчина», научно-вспомогательный архив, д. 1261/1999, л. 124 об. — 125.

⁹ ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-1018-IX.

(небольшая группа ружей на торцевой стене Оружейной галереи, рядом с дверью в Предцерковную комнату), потом, вероятно, около 1920 г., перенесли в комнату за Греческой галереей¹⁰, на 1938 год оно находилось в шкафу в Передней и проходной великого князя Михаила Александровича, вместе с опи-

Замок кремневой винтовки, поднесенной чеченской делегацией Александру III во Владикавказе 20 сентября 1888 г. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-1018-IX

санной выше берданкой Александра III, а теперь экспонируется в Оружейной галерее. Это классическое кавказское ружье, с кремневым замком черкесского типа, узким прикладом с затыльником из моржового клыка, спусковым крючком без защитной скобы, граненым стволом из дамасской стали, крепящимся широкими ложевыми кольцами. Все детали прибора серебряные, украшенные ложной зернью и золочением. В книге Василия Александровича Потто, подробнейшим образом описывающей путешествие царской семьи на Кавказ, отдельно указывается, что оружие было изготовлено на территории Чечни, ствол — в ауле Мискир-Юрт, а детали прибора — в ауле Бачи-Юрт¹¹, что особо ценно, поскольку данную информацию невозможно получить путем осмотра самого ружья.

Поднесенная в комплекте с ружьем шашка с ножнами была украшена не менее роскошно, а на ее клинке инкрустированная золотом арабская надпись гласила «Лучше смерть, чем страх. Великому Александру Третьему, могущественному, по случаю прибытия на Кавказ, в 1304 году [дата по Хиджре — Е. Р.] от чеченского народа, обретшего защиту, радость, сердечную любовь»¹². Шашка отмечена в описи холодного оружия Гатчинского дворца за 1921 г. как чеченская, и перевод надписи приблизительно совпадает с тем, как он дан в книге В. Потто¹³. В 1928 году эта шашка вместе с еще более чем двадцатью предметами кавказского и азиатского холодного оружия, чтобы не быть проданной за границу, была передана из Гатчинского дворца-музея в Этнографический отдел Русского музея

¹⁰ ГМЗ «Гатчина», научно-вспомогательный архив, д. 1261/1999, л. 119.

¹¹ Потто. Царская семья на Кавказе 18 сентября — 14 октября 1888 года. Тифлис, 1889. С. 45–46.

¹² Перевод надписи дан по книге: Лютов М. А. Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2006. С. 135.

¹³ Потто. Указ. соч., с. 46. Надпись на клинке шашки воспроизводится следующим образом: «Великому императору Александру III, по случаю посещения Его Величеством Кавказа в 1888 году от чистых сердец, преисполненных любовью, благоденствующего под сенью Его Величества и обрадованного Его посещением подданного Ему чеченского народа».

(ныне Российский Этнографический музей)¹⁴, где и хранится до сих пор¹⁵.

Путешествие царской семьи по Кавказу продолжилось посещением Екатеринодара, столицы Кубанского казачьего войска, куда августейшие гости прибыли к вечеру 21 сентября. Конечно же, и здесь встреча была самой торжественной, упомянем лишь, что специально к этому визиту была выстроена триумфальная арка в неорусском стиле, ставшая одной из достопримечательностей города. На следующий день, 22 сентября, после осмотра войсковых регалий, посещения учебных заведений и больницы и приема подарков от различных депутатий, император с супругой и сыновьями осмотрели оружейную мастерскую Кубанского казачьего войска, где им также были сделаны подношения. Но перед тем, как перейти к их описанию, необходимо отметить, что в двух имеющихся в нашем распоряжении источниках сведений о посещении Екатеринодара императорской семьей в 1888 году — уже упомянутой книге В. Потто и составленном И. Дмитриенко «Пребывании их императорских величеств... в Кубанском казачьем войске в сентябре месяце 1888 года»¹⁶ — эти подарки перечисляются по-разному. Оба автора сходятся на том, что в оружейной мастерской самому государю была поднесена шашка, а императрице Марии Федоровне — веер из тонких железных пластин. При этом если у Потто описание шашки исключительно лаконичное («превосходная шашка, откованная из стали»¹⁷), то у Дмитриенко оно гораздо подробнее: «...шашечный клинок с ручкой из слоновой кости. На ручке вензель и золотая пластинка, на которой выгравировано: «Войсковая оружейная мастерская Кубанского казачьего войска»; ковка клинка — дамаск»¹⁸.

Шашка в футляре, поднесенная Александру III в оружейной мастерской Кубанского казачьего войска в Екатеринодаре 22 сентября 1888 г. ГМЗ «Гатчина», инв. №№ ГДМ-265-IX, ГДМ-266-IX

¹⁴ Подробнее об этом см. Нератова Е. И. Гатчинское оружие в собрании Российского Этнографического музея. К истории коллекции. <https://www.kreml.ru/ru/nc5m1/i2810/thesishistoricalweapon2010.pdf> (дата обращения 29.09.2020).

¹⁵ РЭМ, инв. № 5181 — 5 а, б.

¹⁶ Дмитриенко И. Пребывание их императорских величеств Государя императора Александра Александровича и государыни императрицы Марии Федоровны с августейшими детьми, наследником цесаревичем Николаем Александровичем и великим князем Георгием Александровичем, в Кубанском казачьем войске в сентябре месяце 1888 года. СПб., 1898.

¹⁷ Потто. Указ. соч., с. 83.

¹⁸ Дмитриенко И. Указ. соч., с. 54.

Ранее Ю. Г. Ефимовым уже высказывалось утверждение, что подаренная в Екатеринодаре Александру III шашка хранится ныне в коллекции оружия Гатчинского дворца¹⁹. Ее клинок откован из дамасской стали (что для шашек довольно редко), а рукоять из слоновой кости; правда, есть и расхождения — надпись «Войсковая мастерская Кубанского казачьего войска» имеется, но не на золотой пластинке на рукояти (такой пластинки вообще нет), а на двух инкрустированных золотом прямоугольниках на вороненой пяте клинка (участке у рукояти); вензель на рукояти тоже отсутствует, зато на другой стороне клинка, также на пяте, есть изображение креста с золоченым центром и серебрёными концами. Шашка не имеет ножен, а находится в деревянном футляре, обтянутом снаружи коричневой кожей с тисненными литерами «В.М.К.К.В.» (сокращение от «войсковая мастерская Кубанского казачьего войска»)²⁰. Впервые она упоминается в «Комнатной описи вещам, находящимся в 3-й комнате на половине в Бозе почившего императора Александра III, бывшей опочивальни великой княгини Александры Иосифовны», составленной в 1894 г.²¹ Принимая во внимание это, а также характер сходства и несовпадений вида шашки с описанием И. Дмитриенко, можно признать, что ее идентификация Ю. Г. Ефимовым как подарок кубанских казаков Александру III с очень большой вероятностью верна.

Возвращаясь к перечислению подношений великим князьям в оружейной мастерской Кубанского казачьего войска, мы сталкиваемся с разногласием в источниках — если у Потто говорится, что Николаю Александровичу подарили «арчак казачьего седла замечательной легкости», а его брату Георгию — «миниатюрную винтовку Бердана»²², то по Дмитриенко уже Николай получил винтовку Бердана, а Георгий — двуствольное ружье, при этом описание самих предметов, как и в случае с шашкой, заметно подробнее, что позволяет соотнести их с оружием из Гатчинского дворца. Вот что сообщается о берданке Николая Александровича: «... малокалиберная казачья винтовка системы Бердана в две трети настоящей величины. Все части ее, кроме затыльника и колец, стальные»²³. Ложа из чинара, полированная, очень изящная. К винтовке шесть латунных патронных гильз»²⁴.

¹⁹ Ефимов Ю. Г. Гатчинский арсенал. СПб., 2001. С. 183.

²⁰ ГМЗ «Гатчина», шашка инв. № ГДМ-265-IX, футляр инв. № ГДМ-266-IX.

²¹ РГИА, ф. 491, оп. 3, д. 1512, л. 45, РГИА, ф. 491, оп. 3, д. 1224, л. 112 об.

²² Потто. Указ. соч., с. 83.

²³ Здесь не очень понятно, что имелось в виду; в следующем предложении говорится, что ложа деревянная (из чинара), что уже противоречит предыдущей фразе, при этом материал затыльника и колец не уточняется; остаются ствол с затвором, которые не могут быть не-стальными (если оружие не бутафорское), и затыльник с кольцами, и если затыльник приклада теоретически мог быть изготовлен не из металла, то в случае с ложевыми кольцами это исключается; помимо стали материалом для ложевых колец могли быть разве что латунь или серебро, что выглядит совершенно невероятно; оставим этот пассаж на совести И. Дмитриенко.

²⁴ Дмитриенко И. Указ. соч., с. 54.

Этим характеристикам соответствует винтовка из коллекции оружия Гатчинского дворца под инв. № ГДМ-655-IX²⁵. Конструктивно она представляет собой казачий вариант винтовки системы Бердана-2 (без спусковой скобы и штыка, с более узким, чем у пехотного и драгунского вариантов прикладом), ее длину вполне можно определить в две трети от обычной (82,5 см в сравнении со 120 см), а ложа изготовлена из чинара. Еще одним аргументом в пользу принадлежности этой винтовки великому князю Николаю Александровичу можно считать то, что она хранилась в Оружейной галерее в шкафу с ружьями Николая II²⁶.

Казачья винтовка системы Бердана-2, поднесенная великому князю Николаю Александровичу в оружейной мастерской Кубанского казачьего войска в Екатеринодаре 22 сентября 1888 г. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-655-IX

Упомянутое Дмитриенко в качестве подарка великому князю Георгию Александровичу от оружейной мастерской Кубанского казачьего войска «двуствольное ружье, центрального боя, без курков, очень изящной работы»²⁷, может быть идентифицировано как ружье под инв. № 730/оп. 1919 г. по Описи Гатчинского арсенала за 1919 г. Как и охотничье ружье, купленное в Туле в 1887 году императрицей Марией Федоровной, оно в 1921 году было изъято из Гатчинского дворца петроградскими чекистами. Его описание таково:

Русское охотничье ружье, бескурковое, гладкоствольное. Стволы кругло-гладкие, коричневого воронения, с серебряной мушкой в виде дробинки. На планке между стволами выбита надпись: «оруж. мастер. куб. каз. войс.». Замки внутренние. На хвосте цевье вороненое, оно же служит и взводом курков. Хвост казенника стальной, черно-вороненый. Ствол откидной, откидывается с помощью отвода скобы. Полуложа ореховая, полированная, с двумя ромбовидными черными шагреньевыми наклейками по сторонам. Пятка немного вогнутая с подушкой. Оправа стальная, вороненая. Ружье с двумя петлями для ремня.»²⁸

²⁵ Отметим, что Ю. Г. Ефимов ранее уже идентифицировал винтовку инв. № ГДМ-655-IX как подаренную великому князю Николаю Александровичу в Екатеринодаре 22 сентября 1888 г.; Ефимов Ю. Г. Гатчинский арсенал. СПб., 2001. С. 183.

²⁶ РГИА, ф. 491, оп. 3, д. 477, л. 40; ГМЗ «Гатчина», научно-вспомогательный архив, д. 1261/1999, л. 125 об.

²⁷ Дмитриенко И. Указ. соч., с. 54.

²⁸ ГМЗ «Гатчина», научно-вспомогательный архив, д. 1261/1999, л. 125-125 об.

Таким образом, вариант списка подарков великим князьям от оружейной мастерской Кубанского казачьего войска, приводимый в книге Дмитриенко, в соответствии с которым обоим великим князьям поднесли оружие, кажется более достоверным, чем у Потто.

Царская семья продолжила поездку, побывала в Закавказье, вернулась на Черноморское побережье, откуда переехала в Крым, а затем в Петербург, чуть не погибнув в железнодорожной катастрофе в Борках 17 октября 1888 г. Многие из памятных подарков до нашего времени не сохранились, но некоторые еще, возможно, удастся выявить.

Великий князь и царственный дед: эпизоды из детства Александра III

DOI: 10.48466/3652.2021.47.70.001

Романов Павел Константинович,
СПбГУ, магистрант

Большинство сюжетов из жизни и правления императора Александра III, характеризующие его как личность и государственного деятеля, достаточно хорошо изучены. Вполне подробно освящены его отношения с родителями и ближайшими родственниками, однако эпизоды из раннего детства, связанные с его Незабвенным дедом — императором Николаем I, изучены недостаточно. Первые десять лет жизни, знакомство с окружающим миром, придворным церемониалом, получение первых военных званий и служебных обязанностей для будущего императора Александра III прошли именно тогда — в период царствования его деда, Государя Николая Павловича. Отдельная документальная фиксация их частых встреч была весьма редким явлением, но таких сюжетов достаточно, чтобы посвятить им очерк и добавить штрихи к портретам двух людей — деда и внука, которым Провидением было уготовано в свою очередь занимать Всероссийский престол.

Великий князь Александр, второй сын цесаревича Александра Николаевича, родился 26 февраля 1845 года. Младенец тут же занял определенное положение как член семьи как в кругу родных в частности, так и в российском обществе в целом как представитель царствующей династии. Согласно этим правилам регулировались его взаимоотношения и с императором Николаем, который относился к своему новорожденному внуку с одной стороны как любящий дедушка, а с другой — как император. Именно с эпохи Николая I царствующий дом перестает быть собранием августейших родственников, связанных друг с другом лишь официальными церемониями и обязанностями, а в повседневности живущих каждый своей жизнью и зачастую относящихся друг к другу с крайней холодностью и недоверием. Как отмечает исследователь российского императорского дома Ю. А. Кузьмин: «При Николае Павловиче полностью преодолел-

но недоверие монарха к своим родным, которое было свойственно предыдущим императорам»¹. К этому стоит добавить, что император Николай сам по себе был очень расположен к маленьким детям. Как отмечает специалист по николаевской эпохе Л. В. Выскочков: «С детьми, даже самыми маленькими, Николай Павлович легко находил общий язык»². Свидетелем подобной трогательной сцены станет адъютант шведского принца Оскара, посетившего Россию в 1846 году, Вольфганг Венцель Гаффнер, отразившейся в его воспоминаниях об обеде в Петергофе 26 июля 1846 года: «Потом вошли трое детей великого князя наследника цесаревича. Старшего из них императрица взяла к себе на колени, где ребенок и оставался в продолжение всего обеда. Император взял к себе двух других и дал им десерта. После обеда они играли на веранде»³.

Узнав о рождении своего второго внука, Николай I в полной мере разделил семейное счастье. «Радость августейшего деда была столь велика, что по случаю рождения внука Александра он повелел отменить траур по великой княгине Елизавете Михайловне⁴, жене герцога Адольфа Нассауского, скончавшейся 16 января 1845 года»⁵. В этот же день новорожденный получил от дедушки первые военные назначения. Александр Александрович стал шефом Астраханского Карабинерного полка, который достался ему случайно. «Существует рассказ, что августейший дед новорожденного великого князя, по получении известия о благополучном разрешении от бремени цесаревны Марии Александровны, изволил совершать свою обычную прогулку пешком по Невскому проспекту. В это время с какого-то караула возвращался отряд Астраханского Карабинерного полка. Подозвав офицера, Государь Император Николай Павлович приказал ему немедленно доложить командиру полка, что новорожденного внука своего он назначает шефом Астраханского Карабинерного полка»⁶. Одновременно с этим он был зачислен Государем в гвардейские полки: Гусарский, Павловский и Преображенский. «Его отец, цесаревич Александр Николаевич, встретив в этот день караул от л.-гв. Павловского полка, сказал начальнику караула прапорщику Гершельману: «Сегодня Бог дал мне сына, и Государь повелел зачислить его к вам в полк; когда придешь

в казармы, передай полковому командиру об этой новой милости Его Величества для объявления по полку»⁷. О рождении великого князя Александра Александровича император Николай I лично информирует древнюю столицу, Москву, в письме 27 февраля 1845 года к московскому генерал-губернатору А. Г. Щербатову. «Князь Алексей Григорьевич! Среди тяжких семейных горестей, коими Всевышнему угодно было испытать сердце наше в последнее время, ныне Милосердый Господь ниспослал нам отраду благополучным разрешением от бремени, в 26-й день сего февраля, любезной моей невестки, великой княгини Марии Александровны, супруги любезного моего сына наследника цесаревича — сыном, нареченным Александром. Я спешаю уведомить вас о сем, для извещения жителям любезноверной Первопрестольной столицы, оставаясь в полной уверенности, что в неизменных чувствах их верноподданнической любви и преданности, они вместе со мной вознесут мольбы о здравии и преуспевании новорожденного»⁸. Новорожденный великий князь очень импонировал императору одной необычной чертой, которая многих других членов династии весьма страшила. Как отмечает С. С. Татищев: «Чертами лица малютка немного напоминал прадеда своего императора Павла, что очень нравилось Государю Николаю Павловичу, благоговейно чтившему память отца»⁹.

В последовавшей 13 марта 1845 года церемонии Крещения Александра Александровича в Большой Церкви Зимнего дворца император Николай также принимал самое деятельное участие. Он станет восприемником крещаемого великого князя, к тому же, согласно утвержденной церемонии Крещения, «в надлежащее время Его Величество соизволит поднести Высоконоворожденного к Причастию Святых Божественных Тайн»¹⁰. После совершения Божественной Литургии и Крещения «во время пения: «да исполнятся уста наша», поднесен будет Государю Императору Канцлером Российских Императорских и Царских Орденов, на золотом блюде, орден св. Апостола Андрея Первозванного, который Его Величество и изволит возложить на Высоконоворожденного»¹¹. Также при Крещении будущим Александром III из рук деда получены ордена Александра Невского, Белого Орла и Святой Анны I степени. По случаю Крещения великого князя Александра Александровича почетным членом Императорской Академии

¹ Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия (1797–1917). Биобиблиографический справочник. Изд. 2-е, доп и испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 42.

² Выскочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 561.

³ Иностранцы о России // ИВ. 1914. Т. 135. С. 277.

⁴ Елизавета Михайловна — племянница Николая I, дочь его брата великого князя Михаила Павловича и Елены Павловны.

⁵ Барковец О., Крылов-Толстикевич А. Неизвестный Александр III: Очерки о жизни, любви и смерти. М.: Рипол Классик, 2003. С. 12.

⁶ Шевелев А. А. Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-мироотворца Александра III Александровича. Царь-мироотворец на войне 1877–1878 гг., его отношение к войне и военному делу в России. Вып. 3. М.: И. Голубев, 1903. С. 9.

⁷ Соколовский М. К. Военная служба императора Александра III (26 февраля 1845 – 2 марта 1881) // Александр III: pro et contra, антология / Сост. И. Е. Барыкиной, В. Г. Чернухи; вступ. статья В. Г. Чернухи; коммент. И. Е. Барыкиной. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 143.

⁸ Шевелев А. А. Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-мироотворца Александра III Александровича. Вып. 1. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1897. С. 83–84.

⁹ Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2002. С. 38.

¹⁰ Шевелев А. А. Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-мироотворца Александра III Александровича. Вып. 1. С. 94.

¹¹ Там же.

Наука по отделению русского языка и словесности Б. М. Федоровым было написано стихотворение, где фигурирует и имя Николая I как образец для подражания: «Как родом, так душой — будь Николаю внук!»¹².

По мере взросления Александр Александрович получает новые назначения. 7 июня 1845 года он становится шефом лейб-гвардии Финляндского стрелкового батальона, 1 августа 1846 года назначен покровителем Финляндского общества поощрения художеств, а 28 января 1848 года, в связи с торжествами по случаю 50-летия великого князя Михаила Павловича, будущий Александр III зачисляется в конную гвардейскую артиллерию¹³. Как полагает исследователь А. Л. Мясников: «По выбору деда Николая I, Александру предстояла карьера артиллера»¹⁴. Как отмечает исследовательница А. Н. Сидорова: «Сыновья императора Александра II воспитывались и обучались в соответствии с системой воспитания, принятой в семье Николая I»¹⁵. Данная система скрупулезно прорабатывалась при участии императора. Суть этой концепции заключается в организации качественного всестороннего системного образования, которое впоследствии должно было сместиться в профильное. Касательно воспитания императорских детей, то здесь им было необходимо привить лучшие качества, наиболее ценными из кото-

7 11 1 10 9 3 5 8 4 6 2
ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ ВЪ 1850 ГОДУ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

1) Императоръ Николай I, 2) наследникъ цесаревичъ Александръ, 3) императрица Александра Ѳеодоровна, 4) Николай Александровичъ, 5) Александръ Александровичъ и 6) Владимиръ Александровичъ—августѣйшія дѣти наследника цесаревича Александра Николаевича, 7) Константинъ Николаевичъ, 8) Александра Юсифовна, 9 и 10) принцъ Эрнестъ и Тереза Саксенъ-Альтенбургскіе, 11) принцъ Шверинскій.

Изображение семьи Николая I в 1850 году
Исторический вестник, 1916. Т. 143. С. 101.

рых считались чувство долга и ответственности. Обязательным элементом воспитания была доминирующая роль военного элемента. Как отмечает В. Г. Чернуха: «На этом настаивал дед-император, да и отец придерживался такой же точки зрения»¹⁶. Первые наставники юных князей были выбраны лично императором при добровольном согласии цесаревича. «Это он, Николай, утвердил своим внукам Николаю и Александру, воспитателей: знаменитого генерала, в прошлом директора Пажеского корпуса Николая Васильевича Зиновьева и выпускника Пажеского корпуса, помощника директора Института корпуса путей сообщения полковника Григория Федоровича Гогеля»¹⁷.

При этом характерной чертой воспитания детей, выработанной также николаевской системой воспитания, становится личное участие в процессе старших поколений и окружение детей родительской заботой, вниманием и любовью. Как отмечает Н. П. Грот, супруга воспитателя великих князей Николая и Александра Александровичей Я. К. Грота: «В первый год учения наследник и цесаревна и даже государь Николай Павлович часто приходили на уроки детей, хотя и ненадолго. Государь заходил к ним большей частью поцеловать их в восемь часов утра с прогулки, но иногда говорил несколько милостивых слов и преподавателю»¹⁸. «Внуки называли деда «An-Papa». Появление у Николая I этого прозвища было связано с тем, что они, будучи маленькими, никак не могли произнести grand-papa по-французски. По воспоминаниям близких, это самое «An-Papa» императора очень умиляло»¹⁹. Воспитание великого князя Александра Александровича началось одновременно со старшим братом Николаем. Оба великих князя очень любили дедушку — императора Николая I, который отвечал им взаимностью. В журналах воспитателей великих князей, адресованных их отцу цесаревичу Александру Николаевичу, можно встретить записи, подобные той, которая была сделана 26 августа 1850 года Г. Ф. Гогелем: «потом пошли гулять по Александрии и, услышав голос Государя Императора, тотчас бросились навстречу, опять как вчера, без всякого предупреждения, сняли фуражки и поздоровались очень ласково. Его Величество изволил гулять ¼ часа вместе с детьми, которые во все время прогулки были умны»²⁰. При этом Николай I активно контактировал с внуками и иным образом — участием в их играх. Для игр и развлечений приглашались сверстники великих князей из семей высших государственных сановников

¹² Бузини В. М. Император Александр III в русской поэзии. 26 февраля 1845 – 20 октября 1894. СПб.: Товарищество Р. Голики и А. Вильборг, 1912. С. 3

¹³ Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 547.

¹⁴ Мясников А. Л. Александр III. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 31.

¹⁵ Сидорова А. Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу» Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М.: Кучково поле Музеон, 2019. С. 272.

¹⁶ Чернуха В. Г. Александр III (1845-1894) // Александр III: pro et contra, антология. С. 6

¹⁷ Мясников А. Л. Александр III. С. 20.

¹⁸ Каменский Е. С. От детства до присяги (Из жизни августейших детей императора Александра II) // ИВ. 1916. Т. 143. С. 102.

¹⁹ Мясников А. Л. Александр III. С. 21.

²⁰ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 978. Л. 5.

и близких к царской семье лиц. Как отмечает С. С. Татищев: «В этих оживленных и всегда довольно шумных играх, к неизреченной радости детей, порою принимал деятельное участие сам император Николай, одушевлявший все маленькое общество и словом, и заразительным примером своей

Шварц Г. Открытие памятника Павлу I в Гатчине. 1851 г. Присутствуют император Николай I, цесаревич Александр Николаевич, внук Николая I великий князь Александр Александрович — на часах у подножия памятника.

веселости. Дети были вне себя от восторга, в высшей степени польщены и очарованы ласковым обращением с ними Государя, и все разделяли чувства беззаветного обожания, которые питали к нему нежно им любимые внуки»²¹. Однако, когда того требовали обстоятельства, и великие князья вели себя плохо, Николай Павлович проявлял строгость. Согласно записи Н. В. Зиновьева от 1 сентября 1850 года: «поехали с Императрицей на Царицын Остров, где Александр Александрович был непослушен, за что Государь изволил его ударить по руке»²². Особое внимание императором уделялось религиозному воспитанию внуков, при этом скидок на малолетний возраст практически не делалось. Как отмечает 3 сентября 1850 года, когда будущему Александру III было пять лет, Н. В. Зиновьев: «В 11 часов поехали в церковь, молились очень хорошо, Государь изволил однажды поправить Александру Александровичу правое плечо вперед»²³. Спустя два года из записки, сделанной 26 октября 1852 года, тем же Н. В. Зиновьевым следует: «В 11 часов ходили в церковь. Государь изволил заметить АА (Александру Александровичу — П.Р.), что он не прямо стоит»²⁴.

Не менее усердно Николай Павлович уделял внимание и военному обучению детей. Как отмечалось выше, с самых ранних лет воспитание великого князя Александра Александровича, по желанию деда и отца, проходило в военном русле. В 1850 году Александр Александрович вме-

сте со своим старшим братом присутствовал на параде Кавалергардского полка, шефом которого была его бабушка — императрица Александра Федоровна. В возрасте шести лет в 1851 году Александр Александрович впервые исполняет свои воинские обязанности: в форме рядового лейб-гвардии Павловского полка он стоял на часах при открытии памятника Павлу I в Гатчине. Бывали случаи и личной инспекции Николаем I военных навыков своего внука. Как следует из записки 17 октября 1852 года Г. Ф. Гогеля: «НА (Николай Александрович — П.Р.) учился ружейным приемам, также очень хорошо, а АА (Александр Александрович — П.Р.) собирался учиться, как вошел Государь Император и изволил сам смотреть АА под ружьем, заставя сделать несколько приемов. Его Величество остался доволен, найдя, что АА сделал успехи, как в стойке, так и в ружейных приемах»²⁵. При Николае I второму сыну цесаревича Александра Николаевича удалось дослужиться до подпоручика. Это звание он получил в 1853 году по случаю своего восьмого дня рождения, годом ранее он был произведен в прапорщики²⁶. Незадолго до этого, в день своего ангела 30 августа 1852 года, когда празднуется память великого князя Александра Невского, Александр Александрович получил от Николая Павловича в подарок «ящик с ружьем, пистолетом и со всем прибором, прекрасной работы тульского мастера Гольякова»²⁷.

С началом Крымской войны встречи и прогулки императора с внуками становятся все реже, а 18 февраля 1855 года император Николай скончался. Перед кончиной он успел попрощаться с каждым членом своей семьи, среди которых был и Александр Александрович. Горе утраты сплотило монаршую семью и подало пример преданности родителям для юного Александра. Как отмечает А. Ф. Тютчева в письме 19 марта 1855 года к воспитательнице императрицы Марии Александровны мадемуазель Гранси «Из-за похорон у великих князей были отменены уроки. Когда после этого Бажанов впервые пришел к ним на урок, он побеседовал с великими князьями о том, что произошло, и спросил, какие мысли и чувства вызвало у них это событие. Великий князь Александр ответил: «Оно научило меня пятой заповеди». Должна напомнить, что у нас «Возлюби отца своего» — пятая заповедь, а не четвертая. Не правда ли, замечательный ответ!»²⁸. Согласно послужному списку императора Александра III в память о Незабвенном деде «24 февраля 1855 г. — Объявлена Высочайшая

²¹ Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 53–54.

²² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 978. Л. 11.

²³ Там же. Л. 14 об.

²⁴ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 962. Л. 94 об.

²⁵ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 962. Л. 88.

²⁶ Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 547.

²⁷ ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 962. Л. 47.

²⁸ Тютчева А. Ф. Письма А. Ф. Тютчевой к m-лле Гранси // Николай I. Муж. Отец. Император. М.: Слово, 2000. С. 550.

воля сохранить Его Высочеству навсегда на мундире л.-гв. Гусарского Его Величества полка вензелевое изображение имени в Бозе почивающего Государя императора Николая I»²⁹.

Роль императора Николая I в судьбе юного великого князя Александра Александровича, ставшего впоследствии императором Александром III, не была определяющей. Тем не менее, благодаря активному участию Николая Павловича в воспитании и забавах великого князя Александра и проявляемая им любовь, безусловно, оставили след и часть теплых воспоминаний у Александра III, как о детстве, так и о памяти своего Незабвенного деда.

Встреча в Нарве императоров Александра III и Вильгельма II в августе 1890 г.

DOI: 10.48466/1218.2021.37.23.001

Смирнова Тамара Васильевна,
ГМЗ «Петергоф». экскурсовод

В конце XIX столетия обстановка в мире была достаточно сложной. Противоречия между великими державами: Англией, Германией, Францией, Австро-Венгрией и Россией становились все более значительными. Усиление националистических настроений, вооруженные конфликты в разных регионах, подталкивали ведущие страны к поиску союзников для решения собственных задач. В 70-х годах XIX в. создается Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и России, но ненадолго, поскольку Россия вынуждена была пойти на сближение с Францией. Отношения России и Германии становились всё более напряженными. Германия пыталась оказать экономическое давление, она закрыла для России выход на свой денежный рынок, и та вынуждена была обратиться с просьбой о займах к французской бирже.

В 1887 году обострились отношения между Францией и Германией. Александр III предпринял попытку примирения сторон и недопущения военных действий. Он обратился непосредственно к германскому императору и удержал его от нападения на Францию, что вызвало недовольство канцлера Германии Бисмарка, желавшего войны с Францией, и усугубило отношения с Россией. В 1889 г. российский государь отправился с визитом к кайзеру Вильгельму II. А в 1890 г. германский император нанёс ответный визит в Россию по приглашению Александра III. Встреча двух императоров состоялась в августе месяце в Нарве, накануне окончательного сближения России и Франции.

Нужно сказать, что очень скоро Европа убедилась в решительности и независимости внешней политики российского императора, в результате которой все 13 лет правления Александра III военных конфликтов в Европе не было. «Россию никто не теснит, но требую, чтобы и Россию никто не теснил»¹, — таким было кредо Александра Александровича во внешней политике.

²⁹ Полный послужной список наследника цесаревича Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. С. 547.

¹ Российские государи: 862–1917. – Смоленск: Русич, 2006, (Библиотека историка). С. 603.

«...Не прошло и года, — вспоминал вел. кн. Александр Михайлович, двоюродный дядя Николая Александровича, будущего императора Николая II, — по восшествии на престол молодого императора, как произошёл серьёзный инцидент на русско-афганской границе. Под влиянием Англии, которая со страхом взирала на рост русского влияния в Туркестане, афганцы заняли русскую территорию по соседству с крепостью Кушкою. Командир военного округа телеграфировал Государю, испрашивая инструкций. «Выгнать и проучить как следует», — был лаконичный ответ из Гатчины. Афганцы постыдно бежали, и их преследовали несколько верст наши казаки, которые хотели взять в плен английских инструкторов, бывших при афганском отряде. Но они успели скрыться.

Британский <...> посол Гирс получил предписание выразить в С.-Петербурге резкий протест и потребовать извинений.

— Мы этого не сделаем, — сказал император Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Св. Георгия III степени. — Я не допущу никакого посягательства на нашу территорию, — заявил государь.

Гирс задрожал.

— Ваше Величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

Хотя бы и так, — ответил Император.

Новая угрожающая нота пришла из Англии. В ответ на неё Царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей храбрости, ибо британский флот превышал наши морские силы по крайней мере в пять раз. Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для рассмотрения русско-афганского конфликта. Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины. Молодой русский Монарх оказался лицом, с которым приходилось серьёзно считаться...»².

Для проживания императоров и их свиты во время встречи в Нарве, государственный секретарь А. А. Половцов предоставил имение своей жены Надежды Михайловны, так называемую Крамовскую усадьбу, построенную известным в России и за рубежом финансистом А. Л. Штиглицем и оставившим усадьбу в наследство своей приемной дочери.

Предки Александра Александровича Половцова не принадлежали к древним аристократическим родам. Дворянства добился его дед, а бабушка по отцовской линии была дочерью простого лютеранского пастора. Но это не помешало молодому человеку из простого служащего превратиться в одного из самых значимых людей государства конца XIX — начала

XX века. Сергей Юльевич Витте, известный государственный деятель, министр финансов, говорил о том, что Половцов всегда для него оставался загадкой.

Александр родился в многодетной семье, у родителей его было 11 детей. Он был старшим. Когда мальчику исполнилось 13 лет, родители отдали его учиться в Императорское училище правоведения, созданное по инициативе М. М. Сперанского и готовившее государственных чиновников в основном для службы в судебном ведомстве. Первые десять лет службы в I-ом Государственном Департаменте не принесли особых изменений в судьбе Александра. Начало службы Половцова выпало на правление императора Николая I. Жалованье было невысоким, но работа — ответственная: разбирались жалобы населения по злоупотреблениям чиновников.

Переломный момент в его жизни совпал с переломным историческим моментом в жизни страны. 19 февраля 1961 года император Александр II подписал манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости в России, а за две недели до этого Александр женился на дочери известного банкира, мецената, управляющего Государственным банком барона А. Л. Штиглица, Надежде Июневой. Это событие оказало огромное влияние на всю его дальнейшую судьбу, т.к. благодаря своей супруге Половцов становится одним из самых богатых людей страны на тот период.

Жена его, Надежда Михайловна, в девичестве Июнева, была приемной дочерью барона А. Л. Штиглица и его супруги Каролины Логиновны. Семейная легенда Штиглицев рассказывает, что в июне 1844 г. барон с супругой у себя на даче обнаружили в кустах сирени корзину, в которой находился полугодовалый ребенок — девочка. Она лежала, завернутая в роскошные пелёнки, к которым была приколоты записка, где указывалось, что девочка родилась 10 декабря 1843 г. и что она крещена по православному обряду именем Надежда. Отчество у неё Михайловна. На шее у ребенка висел золотой крестик с жемчужиной. Очевидно, что эта девочка была непростого происхождения. Штиглицы, будучи бездетными, решили удочерить малышку, и дали ей фамилию Июнева, поскольку она была обнаружена ими в июне месяце.

Много есть версий по поводу удочерения этого ребенка. Поговаривали, что Надежда была внебрачным ребенком великого князя Михаила Павловича, брата императора Николая I, и что государь лично интересовался будущим малышки. Об этом семейном предании пишет и Маргарита Сергеевна Штиглиц, известный специалист в области промышленной архитектуры, являющаяся потомком рода Штиглицев³. Но как бы там

² Российские государыни: 862–1917. — Смоленск: Русич, 2006, (Библиотека историка). С. 603–604.

³ М. С. Штиглиц. Ст. Штиглицы. www.ghpa.ru

ни было, приёмные родители прекрасно позаботились о своей воспитаннице и оставили ей состояние в несколько десятков миллионов рублей, кроме того, недвижимое имущество: имения, особняки, фабрики, заводы, процентные бумаги.

Супруги Половцовы жили в роскошном особняке на Большой Морской ул. в Петербурге, много путешествовали. У них был особняк в Париже, имение в окрестностях Монте-Карло. Они приобрели в собственность Богословский горный округ в Верхотурском уезде Пермской губернии, названный Надеждинским в честь Надежды Михайловны. Город, основанный в этих местах, получил название Надеждинск.

А. А. Половцов и его супруга Н. М. Половцова (Июнева)

А. А. Половцов оставил после себя огромное число исторических и литературных документов. Он был инициатором и главным редактором Русского биографического словаря. Продолжая дело своего тестя, поддерживал училище технического рисования (Художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица), основанное бароном Штиглицем, и вместе с архитектором М. Е. Месмахером создал его музей. Он возглавлял Государственный совет, главный законотворческий орган. Половцов был статс-секретарём Александра III, что давало возможность поддерживать связи с императорской семьёй не только на уровне государственного чиновника, но в личных, более близких и теплых отношениях.

Государь сам занимался всеми бумагами и тянул государственный воз, дотошно вникая во все внутренние и политические вопросы, но деловых бумаг оказалось так много, что было принято решение каждый письменный доклад сопровождать запиской с тезисами. Послания Государственного совета, протоколы с запутанным канцелярским языком секретарь переводил на ясный и простой язык — так называемые мемории, которые прочитывались императором и затем уничтожались. Умный и наблюдательный, Половцов в течение всей своей жизни вел дневник, который был издан и является важным историческим документом.

К встрече императоров в августе 1890 года стали готовиться заранее. В дневнике Половцова есть запись, в ней он передает свой разговор с вел. кн. Владимиром Александровичем, братом императора, в котором упоминает, что имение своей жены он предоставляет для встречи государя с германским императором и ждет от него ответа.

2 мая 1890 г. он пишет в дневнике: «Получил от государя весьма лю-

безный ответ на моё предложение: «сердечно благодарим за любезное приглашение»⁴. 9 мая Половцов с женой уезжают в Нарву для приготовлений.

Усадьба, построенная бароном Штиглицем, получила название Крамовская, т.к. располагалась в Крамовском урочище на крутом изгибе реки Наровы. В 1845 г. А. Л. Штиглиц выкупил землю и фабрики Общества Нарвской мануфактуры и начал строительство в красивом месте, у Нарвских водопадов, двух мануфактур: суконной и льнопрядильной, а рядом — городка для рабочих по образцу английских фабричных поселений с больницей, столовой, школой и удобными квартирами для рабочих. Одним из видов продукции была парусина, выпускаемая для нужд флота, поэтому комплекс получил название «Парусинка». Это название сохраняется и до настоящего времени. Правда сейчас это место выглядит иначе, чем в те далекие времена.

Усадебный дом располагался на высоком берегу реки, перед ним находился полукруглый двор, к которому из города вела дорога, обсаженная дубами. Вдоль дороги — пять каменных флигелей различного назначения. В 1871 г. в имении началось строительство пятиглавой Троицкой церкви (архитектор А. И. Кракау). Возможно, он же проектировал и усадебные постройки. Во всяком случае М. С. Штиглиц пишет о том, что проектированием усадьбы занимался именно Кракау, который создавал для барона и другие постройки.

Усадьба Крамовская

Когда супруги Половцовы стали заниматься подготовкой имения к встрече, оказалось, что многое еще предстоит сделать.

«Я думал, — пишет Половцов в дневнике, — что для помещения двух императоров и их свит достаточно будет главной дачи и четырех довольно обширных домов, занятых управляющими и другими служащими на фабриках лицами. Но всего этого оказалось мало, так как пришлось позаботиться о помещении 112 человек, не считая прислуги, для которой построены были обширные барачные помещения. Провожу целый день в осмотре приготовленных квартир. На самой даче помещаются государь и императрица, дочь их Ксения, германский император с братом принцем Генрихом. Приемные комнаты оставлены без всякого изменения, а спальни вновь затянута и мебель обита ситцем <...>⁵.

⁴ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря в 2-х т. Том 2. 1887–1892. М. ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 298.

⁵ Половцов А. А. Указ. соч. С. 320.

2 [августа]. Четверг. Продолжаю осматривать помещения и распределять купленную для сего случая мебель, в особенности кровати и умывальные приборы, коих не могли получить достаточное число в Петербурге и в значительном количестве со всевозможною поспешностью выписали из Парижа...»⁶.

Для освещения дома и окружающей местности на территории имения была выстроена электростанция. 4 августа 1890 года Александр III и Мария Федоровна с многочисленной свитой на императорском поезде прибыли в Нарву. Для их приема была сооружена специальная железнодорожная платформа с башней в русском стиле, украшенной резьбой. Императорскую чету встречали великий князь Сергей Александрович, государственный секретарь Александр Александрович Половцов и еще ряд высших сановников, в том числе петербургский губернатор граф Сергей Александрович Толь, командиры полков, нарвский городской голова Александр Иванович Свинкин с представителями городской управы, депутация от купеческих гильдий и почетных лиц города.

В своем дневнике А. Половцов пишет об этом так: «К 7 час. еду на устроенную нами для этого случая деревянную железнодорожную станцию, где собрались встречать их величеств государева свита, нарвские жители, рабочие наших фабрик, кои расставлены по пути следования государя, по обе стороны дороги и притом так, что впереди стоят дети, потом женщины, а уже за ними мужчины. В 7 час. подходит императорский поезд и по счастью к этому времени дождь, ливший последние дни постоянно, прекращается и вся картина, испещренная толпою, флагами, мундирами и т. д., освещается веселым солнцем. По выходе на площадку их величеств им подносят хлеб и соль сначала депутация от г. Нарвы, потом депутация от ремесленного общества, затем рабочие и директора наших фабрик и, наконец, моя жена и я. Она передает государю золоченое блюдо, исполненное по рисунку одного из учеников нашего Рисовального училища, с такими надписями: «Нарва 4 августа 1890 г. Милости просим! Добро пожаловать!» Государь очень любезно приветствует мою жену...»⁷.

После этого Александр III, Мария Федоровна и сопровождающие их лица отправились на расположенную близ города в парке дачу, к которой была проложена прямая дорога с платформы. По описаниям современников, это был роскошный двухэтажный дом с великолепной обстановкой, с массой цветов и верандой с тепличными растениями. Дорога к даче освещалась электричеством, что еще было в новинку. На дороге были возведены три красивые триумфальные арки.

⁶ Половцов А. А. Указ. соч. С. 323.

⁷ Там же.

Вечером 4 августа Нарвское общество любителей пения устроило факельное шествие к даче и исполнило несколько песен для высоких гостей.

Вильгельм II прибыл на своей яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении крейсера «Ирене» в город Ревель в воскресенье, 5 августа, днем. Встречать его отправились великие князья Алексей Александрович и Владимир Александрович. Из Ревеля вместе с Вильгельмом II они поехали в Нарву на поезде.

Пока великие князья ездили в Ревель встречать Вильгельма II, Александр III побывал на богослужении в Преображенском соборе. Оттуда он отправился «по разукрашенным и наполненным народом городским улицам к месту закладки нового православного храма, сооружаемого Товариществом Кренгольмской мануфактуры» – величественного Воскресенского кафедрального собора. Торжественная закладка храма была приурочена к его приезду.

Закладка была совершена преосвященным Арсением, епископом Рижским и Митавским. Помимо императора Александра III, присутствовали: императрица Мария Федоровна, великая княгиня Ксения Александровна, великий князь Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна, великие князья Николай Николаевич старший и Александр Михайлович и многие другие высокопоставленные лица. Первый камень в фундамент положил сам император Александр III.

После окончания торжественной церемонии все отправились на речную пристань. Там уже стояла императорская яхта «Александрия». На ней отплыли в Гунгербург (Усть-Нарву), «где на пожертвования местных жителей сооружался православный храм во имя святого князя Владимира».

На причале Усть-Нарвской пристани императора встречали эстляндский губернатор Сергей Владимирович Шаховской, главный инспектор пограничной стражи и другие лица. От пристани до холма, на котором должна быть сооружена церковь, был проложен помост. Дети с цветами в руках приветствовали императора и его свиту. Тут же стояли волостные и сельские старшины, депутация от эстонских крестьян, которые преподнесли императорской чете хлеб-соль.

Александр III направился к месту закладки храма по осыпанному цветами помосту при пении гимна. На холме состоялось молебствие, и вслед за тем император «положил монету и первый камень, затем положили камни Ее Величество и прочие августейшие особы». После этого все отправились на яхте в обратный путь в Нарву.

Храм в настоящее время не сохранился. Он был взорван во время отступления гитлеровцев в 1944 г. Планируется его воссоздание. Воскресенский собор, заложенный при участии русского императора, во время Великой Отечественной войны незначительно пострадал и сейчас явля-

Встреча в Нарве императоров Александра III и Вильгельма II 5 августа 1890 г.

ется действующим собором в Нарве, главным православным храмом города.

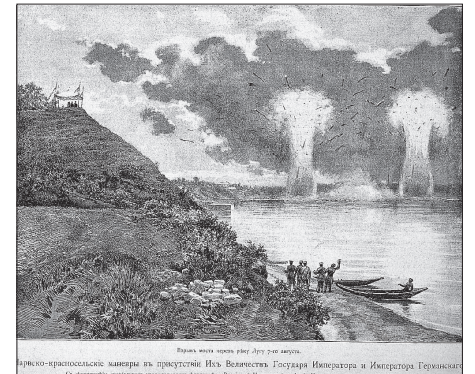
Вечером 5 августа все на той же временной платформе Нарвы состоялась торжественная встреча прибывшего из Ревеля германского императора. Российский государь был одет в прусскую форму, а германский император — в русскую. Свита Вильгельма II не была столь многочисленной, как российская. Вместе с ним прибыли канцлер, генерал Георг фон Лео и граф фон Каприви, выполнявший обязанности министра иностранных дел, а также принц Генрих и герцог Саксен-Альтенбургский.

После небольшого отдыха состоялся обед в честь кайзера Германии. Потом все отправились к вел. кн. Владимиру Александровичу, который поселился в доме директора фабрики Эдуарда Наполеоновича Пельтцера напротив Нарвских водопадов. Пили чай на террасе и любовались бенгальскими огнями над освещенным водопадом. А члены немецкого Общества пения исполнили несколько номеров своего репертуара. Завершился вечер пением русского хора.

Утро 6 августа началось с парада лейб-гвардии Преображенского полка, частей артиллерии и др. подразделений. После чего был накрыт завтрак для императоров и их свиты в большой палатке. Для рабочих нарвских мануфактур устроили празднества. Затем высочайшие особы и сопровождающие их лица посетили Ивангородскую крепость и старинную Успенскую церковь на её территории. Из крепости все отправились в здание ратуши. Здание было украшено флагами и венками. У входа в здание ратуши императоров встречал городской голова А. И. Свинкин. В зале заседаний Городской думы он преподнес императрице и Вильгельму II альбомы с видами города Нарвы. В зале, где висели портреты всех Российских императоров, были выставлены старинные грамоты, подаренные Нарве российскими императрицами Анной Иоанновной, Елизаветой Петровной, Екатериной Великой. После этого Их Величества отправились в зал бывшего Нарвского магистрата, где были установлены старинные кресла бургомистров и ратсгеров. Залу придали первоначальный вид, когда там проходили заседания магистрата. Внимание Их Величеств привлекла старинная немецкая библия и старое зеркало. В ходе встречи императрице Марии Федоровне был поднесен букет цветов, а императору

Вильгельму II экземпляр книги Г. Ганзена по истории Нарвы на немецком языке "Geschichte der Stadt Narva".

7 и 8 августа состоялись большие манёвры российской армии под Ямбургом, получившие название Нарвско-Красносельских. Недалеко от с. Ново-Пятницкое были устроены сапёрами через р. Лугу два моста. Дабы неприятель не смог воспользоваться мостами, под ними заложили фугасы. Участникам манёвров поставили боевую задачу: Западный корпус должен был разбить Восточный и овладеть г. Ямбургом (совр. Кингисепп). Императоры присутствовали при завязке боя, на их глазах были взорваны мосты. После чего проследовали в имение Романовка к памятнику героя Отечественной войны 1812 г. Бистрома Карла Ивановича, сооруженного на его могиле по модели скульптора Петра Клодта. После посещения Романовки императоры спустились к реке и на пароме переправились на противоположный берег, где с высокого крутого берега реки наблюдали за дальнейшими действиями.

Нарвско-Красносельские маневры в присутствии Их Величеств Государя Императора и Императрицы
Нарвско-Красносельские маневры 7–8 августа 1890 г.

9 [августа]. Четверг. В 10 час. оба императора со свитами приезжают осматривать льнопрядильную и суконную мануфактуры. По моему распоряжению, директора стараются показать лишь существенное, не обременяя их величеств излишними подробностями, но наш государь настаивает на том, чтобы осмотреть каждый угол и показаться каждому рабочему, Вильгельм заказывает на суконной фабрике 600 метров сукна для своего любимого гвардейского батальона. По мере того, как комнаты были осмотрены высокими посетителями, рабочие, освобожденные на этот день от работы, выходят на улицу, и здесь, по выходе их величеств, встречают их государя, сопровождая его до пределов окружающего дома сада. Такой прием, сделавшийся редким за последние смутные годы, приятно поражает государя, особенно ввиду сопровождающего немца. Вильгельм подходит ко мне и, поблагодарив за гостеприимство, говорит, что так как я любитель искусства, то он делает мне подарок, имеющий художественную ценность, — мраморный свой бюст, очень хорошо исполненный. Я отвечаю, что я ценитель не только искусства, но и всего, что любезно, возвышенно, а потому премного благодарю его за подарок. Вильгельм прибавляет, что он собственноручно установил бюст свой на камине в доме, где жил. Все это сказано весьма человечно и мило, без всякого чванства <...>

В 2 часа отъезд с нашей железнодорожной станции. Государь еще усиленно благодарит меня и жену. <...> Поезд движется при криках «ура», я восклицаю «уф!», как неаполитанский король, потеряв из виду коляску прогостившего несколько дней в Неаполе императора Николая. По счастью, все сошло без особых приключений <...>.

Уезжаем из Нарвы в 5 час. и около 11 пересев в Гатчине на тройку, достигаем отдохновения в Царском Селе»⁸, — так описывает в своем дневнике Половцов завершающий день встречи двух императоров в Нарве.

Но торжества по этому случаю не закончились, они продолжились в Петергофе. 11 августа в Большом Петергофском дворце давали парадный обед в честь кайзера Германии Вильгельма II. В 10 ч. 20 мин. вечера император германский со своей свитой отбыл на яхте «Александрия» в Кронштадт, где их ждала собственная яхта Вильгельма II «Гогенцолерн».

Встреча в Нарве в августе 1890 г. имела огромное политическое значение, она должна была выявить ясность отношений Германии и России и определить дальнейшие шаги России. Место, где происходила встреча, в настоящее время находится в тяжелом состоянии. Усадебный дом не сохранился. В руинированном состоянии и бывший рабочий поселок «Парусинка». В парке старинной усадьбы до сих пор живет дуб, который посадил там сам император Александр III. Восстановлена Троицкая церковь, в которой проводятся службы, как и прежде в ней находится усыпальница, где были похоронены барон Штигиц с супругой, их приемная дочь Надежда Июнева и А. Половцов.

Потомки барона Штигица создали фонд имени барона и планируют воссоздание усадебного дома на фундаменте, обнаруженном в парке, а также восстановление фабричного и всего усадебного комплекса. Думаю, что в будущем нам удастся увидеть возрожденную в былой красоте усадьбу, где происходили важные для нашей страны события и где бывал Государь Александр III.

⁸ Половцов А. А. Указ. соч. С. 330.

Привести в образцовый порядок

DOI: 10.48466/6306.2021.44.35.001

Фёдорова Валентина Владимировна,
СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина»,
советник директора

Гатчина при Александре III (1881–1894) — важнейший период не только в истории загородной императорской резиденции, но и ее уникального дворцово-паркового ансамбля. По значению его можно сравнить с «павловским» периодом (1783–1796). Совпадает даже мистическое число — 13 лет! И, если при великом князе Павле Петровиче, затем императоре Павле I, Гатчинский дворцово-парковый ансамбль был полностью сформирован и считается «расцветом», «наивысшим периодом» в его развитии, то при Александре III он был не только сохранен, но и приведен в «образцовый порядок».

В настоящее время изучение масштабного объема проведенных работ на территории парков во 2-й половине XIX века приобретает особую ценность по следующим причинам:

во-первых, потому что сохранились многочисленные исторические материалы: архивные документы, подробно фиксирующие ремонтные работы в парках, иконография, литературные источники;

во-вторых, по требованию Александра III работы проводились по принципу «как было раньше», что позволяет дополнить наши сведения о первоначальном этапе создания Гатчинского дворцово-паркового ансамбля конца XVIII века и сравнить с изменениями, прошедшими за предыдущее 100-летие;

и, третье, самое главное, эти материалы служат основой для восстановительных работ на современном этапе.

Из наиболее важных документов этого периода следует выделить: «Обзор деятельности министерства императорского двора и уделов за время царствования в бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894 годы», «Столетие города Гатчины 1796–1896 гг.» под редакцией С. Рождественского, а также многочисленные чертежи парковых сооружений и планы Гатчины 2-й половины XIX века, хранящиеся в фонде чертежей ГМЗ «Гатчина» и выявленные в фондах РГИА.

Также необходимо подчеркнуть, что в 80-90-е годы XIX века в Гатчине выполняли заказ царственного владельца три архитектора, которые своим талантом, знаниями и стараниями смогли привести парки в «образцовое состояние».

Еще в 1877 году при Александре II главным архитектором Гатчинского Дворцового Правления был назначен академик архитектуры Людвиг Францевич Шперер (1835–1898). В Гатчине ему принадлежал собственный дом на Багговутовской улице (сейчас ул. Карла Маркса)¹, а также сохранилась могила архитектора на городском кладбище.

Второй архитектор – это Николай Всеволодович Дмитриев (1885–1902). Он сменил Л. Ф. Шперера на посту главного архитектора в 1885 году. Надо отметить, что графическое наследие Дмитриева значительное: сохранилось более двух десятков его чертежей по парковым объектам. Также в Гатчине по его проектам были построены Церковь Во имя Всех Святых на городском кладбище², здания Придворных конюшен вблизи дворца³ и здание Реального училища на ул. Люцевской⁴. В 1901 году Н. В. Дмитриеву было присвоено звание «Почетного гражданина Гатчины».

Третьим архитектором стал Сергей Иосифович (Осипович) Шестаков, о котором сохранилось мало сведений⁵. Л. К. Абрамов сообщает, что архитектор С. И. Шестаков в 1882 году «согласно прошению был отчислен от Министерства Внутренних Дел и, по преобразовании главного дворцового управления, определен смотрителем Елагиноостровского дворца, собственной Его Величества дачи на Каменном острове и дворца на Петровском острове и архитектором главного дворцового управления, а в 1885 г. переведен на такую же должность в г. Гатчину»⁶. В отличие от главного архитектора Дмитриева, ему поручались менее значимые объекты в городе. Однако чертежей Шестакова тоже сохранилось достаточно большое количество.

Как известно, предыдущие императоры ненадолго приезжали жить в Гатчинскую резиденцию. Например, Александру II она служила местом для императорских охот. Поэтому, как вспоминал генерал от инфантерии,

¹ Дом не сохранился.

² В настоящее время в руинированном состоянии.

³ В настоящее время в здании находится Музей истории авиационного двигателестроения и ремонта.

⁴ Сейчас – общеобразовательная средняя школа № 4.

⁵ НА ГМЗ «Гатчина». Д-1778. Абрамов Л. К. Проблема изучения наследия русской архитектуры и современные задачи проектно-восстановительных работ по дворцу и паркам Гатчины: «1 января 1872 года он поступил на службу в Департамент уделов. По-видимому, это обязывало его интересоваться ходом всяких работ в Гатчинском дворце».

⁶ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896 / Под ред. С. Рождественского. Том первый. Издание Гатчинского Дворцового Управления, 1896. С. 289.

военный историк Н. А. Епанчин, который жил в Гатчине на даче у отца на ул. Люцевской, к середине XIX века: «Гатчина потеряла характер Царской резиденции; там царила тишина и патриархальность. Со своими чудными парками она походила на спящую красавицу»⁷.

Нельзя отрицать, что в предыдущие десятилетия в парках проводились работы по осушению территории, ремонту дорог, мостов и других парковых сооружений, но к 80-м годам XIX века многое было не завершено, и накопилось множество проблем, которые пришлось решать уже новому владельцу.

Несмотря на занятость и загруженность государственными делами, император сразу же после переезда в Гатчину начал приводить ее в должное состояние, при этом показав себя «настоящим хозяином». Как известно, для Александра III «милая Гатчина» стала любимой резиденцией и настоящим «домом» для царской семьи.

Уже в 1881 году, в первый год пребывания в Гатчине, «обозревая 4-го июня Дворцовый сад и Зверинец» император сам наметил ряд необходимых работ. В указанном юбилейном издании по истории Гатчины отмечается, что «наряду с тем как благоустроивался и улучшался город, приобретая все более и более обновленный вид Государь Император Александр Александрович обратил внимание и на гатчинские сады, требовавшие значительных улучшений»⁸.

В отличие от настоящего времени, когда у города и парков разные владельцы и источники финансирования, тогда такого разделения не было, что, бесспорно, способствовало успешному проведению всех работ⁹. Исторически гатчинские парки общей площадью более 700 га представляли собой единый ансамбль. При Александре III их размеры и границы даже увеличивались. Например, была благоустроена территория между Балтийской железной дорогой и дворцом и спланирована красивая аллея с рядами лип и куртинами деревьев по сторонам от нее.

К сожалению, в рамках статьи невозможно даже перечислить весь объем проделанной в тот период работы, поэтому придется выделить наиболее важные и интересные, на наш взгляд, примеры.

По сей день протяженная водная система остается главным элементом, объединяющим гатчинские парки. Она начинается за пределами города каналами от Колпанского озера, проходит по территории всех парков и заканчивается тоже за городом – реками Парицей и Ижорой. Уни-

⁷ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. М.: Наше наследие, 1996. С. 174.

⁸ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896 / Под ред. С. Рождественского. Том первый. Издание Гатчинского Дворцового Управления, 1896. С. 289.

⁹ Дворцовый парк, парк «Зверинец» и небольшая часть территории Приоратского парка принадлежит С.-Петербургу (ГМЗ «Гатчина»); большая часть Приоратского парка – Ленинградской области («Парковое агентство»).

кальная по своим масштабам и строению гидросистема, созданная тоже в «павловское» время, включала все водоемы парков: озера Филькино, Черное, Белое, Серебряное, реки Гатчинка, Колпанка, а также ряд искусственных каналов, прудов и гидросооружений. Ее можно назвать «кровеносной системой» всего Гатчинского дворцово-паркового ансамбля¹⁰.

План города Гатчины и парка, включая Малую Гатчину, Малую Загвоздку, Ремиз и Мариенбург. Фрагмент. Начало XX века (на основе топографической съемки 1886-1887 гг.). ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-22-ХII.

Естественно, что сложная водная система требовала постоянного ухода. И к середине XIX века потребовался капитальный ремонт многих ее частей, прежде всего, плотин и водопропускных сооружений, регулирующих уровень воды. Для этого необходимо их перечислить:

¹⁰ Ее можно рассмотреть уже на одном из ранних планов «Плане города Гатчина около онаго лежащую окрестностию» конца 1790-х гг. Она зафиксирована также на многих поздних планах. В настоящее время гидросистема Гатчины находится в аварийном состоянии. Однако разрабатывается проект по очистке ряда водоемов.

- плотина из Колпанского озера в Водопроводный канал,
- плотина из Филькина озера в «водотечный» канал,
- плотина из водоема в Приоратском парке, который по первоначальному замыслу был продолжением Карпина пруда¹¹,
- плотина со шлюзом в истоке реки Теплой или Гатчинки из Белого озера,
- плотина у Холодной ванны,
- шлюз с каскадом на Карпином пруду под Карпиным мостом,
- плотина с каскадом на речке Колпанке у павильона «Птичник».

Также важными объектами гидросистемы были Холодная ванна, колодцы с родниковой водой, трубопроводы, туннели, мосты, переправы, террасы-пристани, дренажи ливневой канализации, водонапорная башня с насосным оборудованием и берегоукрепление в виде шпунтовых рядов.

В 1886 году на берегу Серебряного озера был реставрирован Восьмигранный колодец, который наполнялся за счет выхода из-под земли мощных родников: «Капитально отремонтирован восьмигранный колодец в дворцовом саду (2819 р. 33 к.), ремонт этот заключался в том, что колодец был весь разобран и затем по исправлению фундамента были изготовлены и подлиты 4 ряда цоколя из местного камня и на них подлиты два гранитной облицовки, при чем гранит весь перекован и добавлена часть нового, за всеми же шестью рядами облицовки сделана забутка из местной плиты; вся каменная кладка колодца произведена на порландском цементе. Для возможности производить эти работы явилась необходимость воду, получаемую из ключей, отвести, для чего часть дороги, отделяющей колодец от пруда пришлось перекопать и образовав канаву для отводу воды»¹². Чертеж колодца был составлен архитектором Н. В. Дмитриевым¹³.

К сожалению, в настоящее время в одном из самых ранних сооружений парка – Восьмигранном колодце – уже давно нет воды, а сам он находится за ограждением на закрытой территории организации «Гатчинский водоканал»¹⁴.

Не менее важным на современном этапе восстановления парков является то, что в строительных документах периода Александра III содержатся сведения о сооружениях, которые со временем были утра-

¹¹ Федорова В. В. Карпин пруд в Гатчине и Гранд канал в Шантийи // Россия – Франция. Сборник XXII Царскосельской научной конференции. СПб., 2016. С. 351–364.

¹² Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 292.

¹³ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-106-ХII. План, фасад, разрез Восьмигранного колодца. Из комплекта чертежей «К отчету за 1886 г.». Архитектор Н. В. Дмитриев.

¹⁴ Из-за активной откачки воды из Серебряного озера колодец пересох.

чены. Например, о Малом колодце, который находился рядом с Восьмигранным, есть упоминание в перечне работ за 1886 год. Работа по его ремонту стоила 165 р. 58 к. и «состояла в том, что все стенки колодца и верхняя перекрышка облицованы были новым камнем из местной плиты на цементе и около колодца сделана площадка, вымощена путиловской плитой»¹⁵.

Александр III смог успешно решить и существовавшую в то время в Гатчине проблему попадания грязных уличных и сточных вод в парковые озера. Поэтому первоочередной задачей владельца резиденции посчитал устройство городской канализации и водопровода: «Последовательный ход канализационных сооружений производился в следующем порядке: до 1884 года устраивались дренажи для осушки местности, прилегающей к городу со стороны Егерской слободы и Зверинца и только по окончании этих работ приступили к канализации собственно города»¹⁶. После «благоусмотрения Государя Императора» был построен главный городской коллектор длиной 3048,5 сажень, и помимо зданий Госпитального городка, Сиротского института и воинских казарм к нему были подключены дома многих городских жителей. Работами руководил гидротехник генерал-лейтенант Жилинский.

Одновременно проводились промеры парковых озер¹⁷ с последующей их очисткой. Приведём любопытный исторический факт, связанный с императорской семьей: сохранился план с промерами Белого озера в Дворцовом парке, выполненный самим великим князем Георгием Александровичем, сыном Александра III¹⁸.

В 1889 году было очищено и углублено Черное озеро в Приоратском парке с помощью двух наносов и паровых машин, которые в сутки откачивали не менее 500 000 ведер воды, было вынута со дна около 60 000 куб. м¹⁹.

Вслед за канализацией в 1888 году был проведен городской водопровод. Для этого по проекту архитектора Н. В. Дмитриева вблизи Серебряного озера была возведена водонапорная башня с машинным отделением²⁰.

В дополнение к этим сведениям в фонде РГИА был обнаружен план участка парка вблизи дворца с «забирной» водопроводной трубой дли-

¹⁵ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 292.

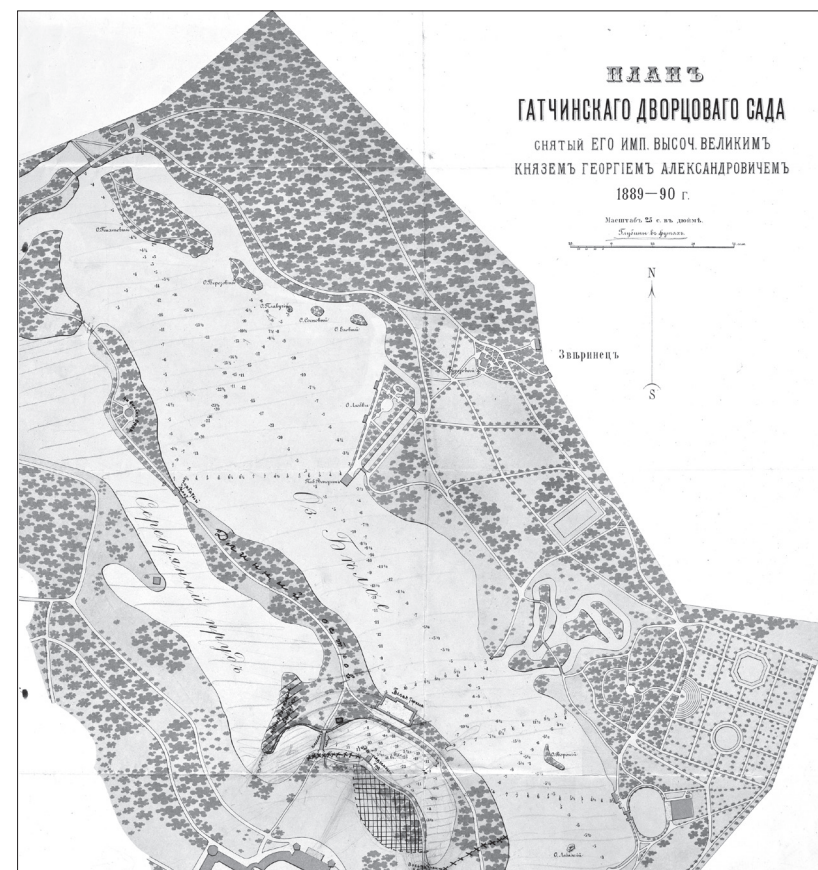
¹⁶ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 262.

¹⁷ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-250-ХII. Жилинский. План Белого озера с указанием промеров.

¹⁸ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-1221-ХII. План Гатчинского Дворцового сада снятый Его Имп. Высоч. Великим кн. Георгием Александровичем, 1889–90 г.

¹⁹ НА ГМЗ «Гатчина». Инв. № Д-1241. И. Алаберг. Озера и ключи Гатчинского парка. Бюллетень № 9. 1940.

²⁰ Башня была разрушена во время оккупации Гатчины немецкими войсками.

Руднев Д., Романов Г. А. План Гатчинского Дворцового сада снятый Его Имп. Высоч. Великим кн. Георгием Александровичем. 1889–1890 г. ГМЗ «Гатчина», инв. № ГДМ-1221-ХII.

ной 120 сажень, проведенной к водонапорной башне по проекту Дмитриева²¹. В литературе по Гатчине существует ошибочное мнение, в котором подменяют данную башню другой, которая сохранилась в руинированном виде в Приоратском парке²².

При изучении вышеуказанного плана Дворцового парка 1889–90 годов с промерами озер был обнаружен новый важный факт в истории строительства насосной станции на берегу Серебряного озера. На плане сохранились пометки тушью, сделанные после 1929 года, когда Гатчина была Красногвардейском²³, где указана «площадка про-

²¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 547. Л. 77а–78б.

²² Башня в Приоратском парке была построена уже в послевоенное время.

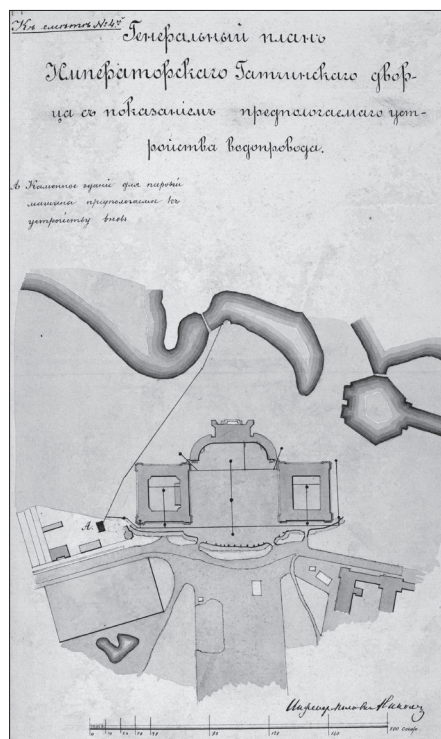
²³ В 1944 году после освобождения от немецких войск город вновь стал называться Гатчиной.

ектированной городской водопроводной станции» на берегу Серебряного озера, «зона строгого режима» и «проволочное ограждение» вокруг нее, а также пространство для катания на лодках по Белому озеру²⁴.

К этой печальной истории следует добавить, что прошло почти 100 лет, но ГМЗ «Гатчина» до сих пор не удается решить проблему исключения Серебряного озера – «сердца» Дворцового парка – из водоснабжения Гатчины, несмотря на бесчисленные обращения в соответствующие инстанции на протяжении многих лет.

Дворцовый парк был предназначен только для императорской семьи, и его в первую очередь стали приводить в порядок. В результате за период с 1881 по 1896 годы парк «значительно улучшился и благоустроился согласно последним требованиям культуры»²⁵. Был произведен ремонт дорог, и часть пешеходных дорог сделали проезжими «на манер шоссе» «наподобие дорог в Петергофе». Для поднятия полотна использовался «резинский песок» (вероятно, из деревни Рейзино), который «имел вид крупного гравия»²⁶. При этом «круговые» дороги стали «комбинированными». Они «перекирковывались», и по их середине прокладывали ряд из цокольной плиты для разделения «проезжей» части от «ездовой», оставляя половину дороги «мягкой» для копыт лошадей с ездоками: «Из рапорта садового мастера Шестаковского известно, что подрядчик – крестьянин Даель перекирковал дороги на протяжении 3148 пог. м при ширине дороги 5,1 метра, начиная от дворца,

Генеральный план Императорского Гатчинского дворца с указанием предполагаемого устройства водопровода. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 28. Л. 127.

²⁴ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-1221-XII. План Гатчинского Дворцового сада снятый Его Имп. Высоч. Великим кн. Георгием Александровичем, 1889-90 г.

²⁵ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 290.

²⁶ НА ГМЗ «Гатчина». Инв. № Д-1778. Абрамов Л. К. Проблема изучения наследия русской архитектуры и современные задачи проектно-восстановительных работ по дворцу и паркам Гатчины. С. 322.

по направлению к лесной оранжерее, через Малый и Большой каменные мосты, до Березовых ворот»²⁷.

По праву гатчинские каменные мосты за красоту, совершенство форм и гармоничное слияние с окружающим ландшафтом причисляют к лучшим образцам парковой архитектуры и инженерного искусства. Из описи 1882 года²⁸ известно, что в Дворцовом парке каменных мостов было пять, в Приоратском парке – один, в парке «Зверинец» – один. В списке не оказалось ещё двух мостов: Адмиралтейского и Захарова или Львиного, которые построили тоже в «павловское» время. Возможно, из-за того, что мосты были расположены на границе двух парков на Большом проспекте (сейчас пр. 25 Октября)²⁹.

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что при Александре III был осуществлен капитальный ремонт почти всех каменных мостов. Например, на ремонт Горбатого мостика, который своей изящной формой напоминает знаменитые венецианские мосты, затратили значительную сумму – 9152 руб. 14³/₄ коп.³⁰ Проекты были подготовлены как архитектором Н. В. Дмитриевым³¹, так и С. И. Шестаковым³². При этом последовало важное указание: «Весь мост перестроить из того же местного камня, который будет употреблен на возобновление обелиска»³³. Имеется в виду обелиск Коннетабля, который был разрушен ударом молнии в 1881 году и вновь восстановлен.

Также был реставрирован Плоский мост, который еще называли Поцелуевым. Расположенный в одном из самых живописных мест парка, он соединял Придворцовую часть с Длинным островом. Ремонт моста обошелся в сумму 3779 р. 98 коп., и «состоял в том, что вся балюстрада с тумбами, а также и весь карниз были сняты, разрушенные действием сырости и мороза камни в сводах и устоях заменены новыми, все старья части накованы, швы расшиты цементом и карниз весь перекован и подлит на цементе на место, при чем часть его добавлена из новаго камня. Тумбы и поручень балюстрады сделаны из новаго местнаго камня, а балюсины сделаны тоже вновь из бетона, длина этого моста 16¹/₂ саж., ширина

²⁷ Абрамов Л. К. Проблема изучения наследия русской архитектуры... С. 322-323.

²⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1. Л. 89-104. Список императорскому дворцу и прилегающим к нему зданиям, садам, оранжереям, паркам и прочему недвижимому имуществу Гатчинского дворцового ведомства.

²⁹ В период немецкой оккупации Гатчины все мосты, за исключением Горбатого, были взорваны. Восстановлен только Карпин мост в 1980-х гг.

³⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 159. Л. 10. 1894.

³¹ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-124-XII. Фасад, разрез. план Горбатого моста. Из комплекта чертежей «К отчету за 1885 г.»; ГДМ-107-XII. Фасад и план Горбатого моста. Из комплекта чертежей «К отчету за 1887 г.».

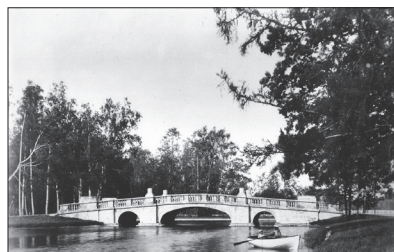
³² ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-108-XII. Фасад и план Горбатого моста.

³³ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 159. Л. 10. 1894 г.

вместе с карнизом 7 аршин»³⁴. Автор проекта реставрации – тоже главный архитектор Гатчины Н. В. Дмитриев³⁵. Несомненно, эти сведения будут иметь важное значение при будущем воссоздании утраченного моста.

Малый каменный мост Фото до 1917.
ГМЗ «Гатчина».

Большой каменный мост. Фотография до 1917.
ГМЗ «Гатчина».

К сожалению, не существует в настоящее время в Дворцовом парке и Малого каменного моста. С послевоенного времени на его месте периодически возводится временный пешеходный мост.

Малый каменный мост с одной аркой и парный к нему Большой каменный трехарочный мост³⁶ соединяли Захаров остров с материковой частью парка, по которому проходила одна из главных и красивейших парковых дорог – Круговая, спланированная еще в «орловские» времена вокруг Белого озера. Реставрация Малого каменного моста стоила 6623 руб. 70 коп. и заключалась в замене облицовочного камня: «Вся облицовка оба устоя и все перила сделаны вновь из местного камня на цементе»³⁷. Руководил работами тоже архитектор Н. В. Дмитриев³⁸.

Помимо каменных мостов, в гатчинских парках было множество деревянных мостов разных форм и размеров. Этому способствовало обилие воды, островов и полуостровов. Однако в 1881 году архитектор Л. Ф. Шперер представил проект металлических, балочных, однопролетных мостов на замену деревянным. В фонде ГМЗ «Гатчина» сохранился чертеж архитектора «Фасад и план пешеходных железных мостиков вместо существующих деревянных в Гатчинском Дворцовом саду» со следующей резолюцией Александра III: «Высочайше утверждаю, кроме фонарей, которых повелеваю не ставить вовсе 30 июня 1881 г.»³⁹ Как видим,

император не просто утвердил проект, а детально рассмотрел и упростил его. В результате в Дворцовом парке семь мостиков с вариантами рисунка металлических перил украсили остров Любви, Водный лабиринт, протоку у Адмиралтейства и район Холодной ванны. Также аналогичные металлические мосты были возведены через речку Гатчинку в парке «Зверинец»⁴⁰.

Для «увеселительных прогулок по островам» в конце XVIII века было построено несколько паромных переправ. В отчетах за 1885 год читаем, что они ремонтировались с условием сохранения прежнего облика: «Выстроены в дворцовом саду паромные пристани в том же самом виде, как они были раньше, но камень весь заменен новым из Черницких ломок, стоимость постройки 1778 р.»⁴¹.

Исторически, в отличие от многочисленных мостов, террас, пристаней, паромных переправ, в Дворцовом парке существовало небольшое количество парковых павильонов. По документам известно, что, например, в 1885 году под руководством архитектора С. Шестакова был реставрирован павильон Орла или Круглая беседка. В павильоне произвели частичную замену цоколя, ступеней из путиловской плиты, покраску и побелку, и, что было нововведением, положен асфальтовый пол.

В 1887 году в павильоне Венеры на острове Любви были заменены сгнившие венцы, а вместо первоначально простого деревянного пола был настлан наборный паркет, «снятый из Белого зала дворца»⁴². Паркет оставался в павильоне до 1941 года, но после войны в 50-х годах был разобран и, как рассказывали, был вместо дров сожжен в печках Дирекции парка в здании «Птичник»⁴³.

В одном из ранних парковых павильонов – Березовом домике была исправлена печь. Как выглядел «затейливый» домик в 80-е годы XIX века было зафиксировано на чертеже архитектора Н. В. Дмитриева⁴⁴. Надо отметить, что на основе этого чертежа, как и других документов, проводилось воссоздание Березового домика в 1975 году по проекту архитектора А. А. Кедринского.

Еще одно свидетельство, что работы в парке велись по «непосредственным указаниям Государя» – это реставрация Чесменского обелиска, возведенного в «орловское» время. На чертеже архитектора Н. В. Дмитриева, недавно обнаруженного в фонде РГИА, есть следующая надпись: «Ево Величеству Государю Императору благоугодно было сего 22 мая

³⁴ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 292.

³⁵ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-125-XII. Дмитриев Н.В. Фасад, план, разрез каменного «плоского» моста на Длинный остров. Из комплекта чертежей «К отчету за 1886 г.».

³⁶ Большой каменный мост был взорван во время войны. Не восстановлен.

³⁷ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 293.

³⁸ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-113-XII. Дмитриев Н. В. Фасад, план, разрез Малого каменного моста. Из комплекта чертежей «К отчету за 1887 г.».

³⁹ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-126-XII.

⁴⁰ Из всех мостов частично сохранился один – Северный.

⁴¹ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 295.

⁴² Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 293.

⁴³ В «Птичнике» находилась Дирекция Дворца-музея и парка.

⁴⁴ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-98-XII. Фасад, разрез и план Березового домика. Из комплекта чертежей «К отчету за 1887 г.».

1891 года повелеть: Обелиск реставрировать, для чего разобрать его до основания и вновь собрать употребив в дело тот же материал с добавлением необходимой части нового материала»⁴⁵. В том же деле сохранилась смета, составленная скульптором К. О. Гвиди на ремонт Чесменского обелиска⁴⁶.

До сих пор недалеко от дворца в руинированном состоянии находится каменное здание бывшей Лесной оранжереи⁴⁷. Построенная в 90-х годах XVIII века в стиле французского барокко, она была предназначена для выращивания цитрусовых и лавровых деревьев. Здание считается одним из лучших парковых построек «павловского» времени. В 1884–1885 годах Лесная оранжерея была капитально отремонтирована и продолжала использоваться по назначению. Смету на 1075 руб. и чертеж выполнил архитектор С. И. Шестаков⁴⁸.

Интересно проследить, как менялось в то время назначение некоторых сооружений Дворцового парка. Например, Земляной амфитеатр, который остался незаконченным со времен императора Павла I, во 2-й половине XIX века превратился в красивую парковую декорацию. Через его арену была проложена «комбинированная» дорога, по которой можно было проехать и верхом, и в карете.

Также изменилось использование Ботанической оранжереи, построенной с 1799 по 1801 годы под руководством Адриана Захарова на участке Ботанических садов⁴⁹. После перестройки здание было отдано для размещения матросов гатчинской флотилии и охраны парка. Поэтому стало называться «матросским» или «караульным» домиком.

О перестройке бывшей Ботанической оранжереи свидетельствуют впервые обнаруженные в РГИА архивные и графические документы. Так, в апреле 1881 года садовым мастером Шостаковским был составлен рапорт в Гатчинское Дворцовое Правление о неудовлетворительном состоянии здания: «Имею честь донести в Дворцовое Правление, что Ботаническая оранжерея совершенно пришла в ветхость как равно и находящиеся при ней постройки, сарай и отхожее место грозят совершенным падением», «несколько шпал с рамами обрушились, чем придают безобразный вид той местности»⁵⁰. В августе того же года Александр III «во время пребывания здесь изумился разрушенному состоянию так называемой Ботанической оранжереи, что возле Института...», — из письма управляющего

⁴⁵ РГИА. Ф. 491 Оп. 3. Д. 362. Л. 55, 1891 г.

⁴⁶ РГИА. Ф. 491 Оп. 3. Д. 362. Л. 56, 1891 г.

⁴⁷ Разрушена во время Великой Отечественной войны.

⁴⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 173. Л. 1-4.

⁴⁹ А. Захаров был главным архитектором Гатчины.

⁵⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 945. Л. 377. 1881 г.

Дворцовым Правлением Багговута архитектору Шпереру⁵¹. Вскоре поступило распоряжение «привести оранжерею в «сносную благоденность» и «исправить ее самым дешевым образом». В 1885 году производился уже «ремонт караульного домика на сумму 422 р. 61 к.»⁵², и в 1887 году «ремонт бывшей ботанической оранжереи, обращенной в караульный дом — 83 р. 53 коп.»⁵³.

Новое назначение бывшей Ботанической оранжереи было связано с тем, что к этому времени в парке недалеко от дворца успешно действовал обширный оранжерейный комплекс.

В графическом фонде ГМЗ «Гатчина» имеется чертеж архитектора Н. В. Дмитриева «План, фасад, разрез караульного дома»⁵⁴, датированный 1888 годом, и ценнейшим дополнением к нему стали обнаруженные в РГИА 3 чертежа (без названия и подписи), выполненные в 1899 году: первый — с фасадом караульного домика⁵⁵, второй — с планом участка и зданий на нем⁵⁶ и третий — с фасадом служебного дома и ледника на территории бывшей Ботанической оранжереи⁵⁷. В настоящее время эти материалы также используются для составления проекта реставрации всего комплекса зданий на территории бывшей Ботанической оранжереи. Территория была возвращена ГМЗ «Гатчина» в 2012 году⁵⁸.

В период благоустройства Дворцового парка не было обойдено вниманием и состояние каменных лестниц в Ботанических и Придворцовых садах. В графическом отделе ГМЗ «Гатчина» сохранились около двух десятков чертежей этих лестниц.

По известным причинам после переезда Александра III в Гатчину были приняты усиленные меры для безопасности царской семьи. В связи с этим было установлено дополнительное парковое ограждение.

Надо сказать, что в конце XVIII века по границе Дворцового парка вдоль Большого проспекта существовал лишь ров с валом и обсадкой из кустарника. Первая металлическая ограда вдоль главной городской дороги появилась только в 20-е годы XIX века⁵⁹. Как следует из отчетов, в 80-е годы XIX века «ставилась металлическая решетка вдоль дворцо-

⁵¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 945. Л. 42-7. 1881 г.

⁵² Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 291.

⁵³ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 292.

⁵⁴ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-669-XII. Дмитриев Н.В. План, фасад, разрез караульного дома. 1888.

⁵⁵ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 547. Л. 108.

⁵⁶ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 547. Л. 109.

⁵⁷ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 547. Л. 110.

⁵⁸ НА ГМЗ «Гатчина». Инв. № Д-2282. Федорова В.В. Историческая справка. Ботаническая оранжерея Дворцового парка.

⁵⁹ НА ГМЗ «Гатчина». Инв. № Д-504. Федорова В. В. Историческая справка. Ограждение Дворцового парка.

вого сада и приоратского парка» по «образцу вокруг Дворцового сада»⁶⁰. Также был «поставлен частокол, отделяющий дворцовый сад от дороги»⁶¹. Одновременно реставрировались прежние каменные ворота и дополнительно ставились новые.

В обнаруженной смете с чертежом архитектора С. И. Шестакова 1883 года⁶² говорится об установке кирпичного забора от Большого проспекта до Куракинских ворот на протяжении 242 сажень⁶³.

Ранее, по дороге на Кипень, под руководством архитектора Л. Ф. Шперера вдоль парка Сильвия был поставлен забор из красного кирпича с Чёрными воротами. Пилоны ворот украшали фонари, а красивые металлические створки — Малый государственный герб, принятый при Александре III⁶⁴. Похожие ворота служили входом с Большого проспекта и в Приоратский парк⁶⁵. К сожалению, придется привести пример современного вандализма: два пилон ворот несколько лет назад еще стояли на своем историческом месте, но затем были разрушены проезжающей машиной.

В 1881 году для охраны всех парков было решено построить восемь каменных караулок взамен прежних деревянных⁶⁶. Они представляли собой одноэтажное здание площадью 52,8 кв.м, сложенное из красного кирпича. Проект караулок исполнил архитектор Л. Ф. Шперер⁶⁷, а строительством руководил архитектор и военный инженер И. К. Клодницкий⁶⁸. В 1882 году И. К. Клодницкий получил залог на постройку караулок в размере 5000 руб.⁶⁹

Если Дворцовый парк был «царским», то Приоратский парк предназначался для отдыха горожан. По указанию Александра III он тоже был при-

Гатчина. Чёрные ворота. Царское. La porte noire. Чёрные ворота. Открытка. До 1917. ГМЗ «Гатчина».

веден в «образцовый порядок». До этого времени жители Гатчины не особенно беспокоились о состоянии парка, например, из письма Управляющему г. Гатчиной 1882 года узнаем, что владельцы домов, прилегающих к Люцевской улице, через свои калитки «выбрасывали мусор и делали тропинки зигзагами по газонам, чрез что местность имеет безобразный вид»⁷⁰.

Благоустройство Приоратского парка началось с осушения территории. Была создана новая разветвленная сеть дренажных канав, а для стока воды из них проложены бетонные трубы под Водопроводным каналом, который снабжал водой Филькино озеро⁷¹. В настоящее время еще встречаются остатки этих труб, но вся дренажная система находится в разрушенном состоянии.

Одновременно был углублен Колпанский канал, а также прокладывались взамен деревянных каменные подземные трубы для водосброса в Черное озеро и рвы Коннетабля.

Филькино или Глухое озеро является искусственным водоемом. Поэтому для регулирования уровня воды в озере, и чтобы оно не пересыхало в летние засухи, было заново построено 2 водопропускных сооружения:

первое, из Колпанского озера у выхода Водопроводного канала — «земляная плотина с чугунным водоемом, состоящим из запорного крана, помещенного в бетонном колодце, покрытом чугунной крышкой»⁷²,

второе, из Филькина озера вместо деревянного водоспуска «устроены чугунный водоем и бетонная поддорожная труба той же самой конструкции, как на Колпанском озере»⁷³.

В фонде ГМЗ «Гатчина» хранится чертеж архитектора Н. В. Дмитриева «Планы и разрезы шлюза на Глухом озере в Приорате»⁷⁴. В дополнение к плану также была обнаружена «Смета на переделку шлюза при Филькином озере», но уже с чертежом архитектора С. И. Шестакова 1885 г.⁷⁵

Как и в Дворцовом, в Приоратском парке также появились «шоссированные» дороги, и благоустроены живописные аллеи, на которых были поставлены скамейки в «достаточном количестве» и в «нужных местах»⁷⁶.

В то же время были определены места для купания. Так, в 1885 году

⁶⁰ НА ГМЗ «Гатчина». Инв. № Д-504. Федорова В. В. Историческая справка. Ограждение Дворцового парка.

⁶¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 861. Л. 12

⁶² РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 159. Л. 7а. Проект кирпичного Забора в Дворцовом саду. Гатчина.

⁶³ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 159. Л. 5–6а.

⁶⁴ НА ГМЗ «Гатчина». Фото ворот. без / нег. Пересъемка.

⁶⁵ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-280-ХII. Дмитриев Н.А. Чертеж ворот при въезде в Приоратский парк.

⁶⁶ РГИА. Оп. 3. Д. 244. Л. 359–370. Смета на постройку 8 каменных караулок взамен деревянных в дворцовом саду, Зверинце и зоопарке. 1881 г.

⁶⁷ РГИА. Ф. 491 Оп. 2. Д. 996. Л. 22. (25) 22 ноября 1887 г.

⁶⁸ И. К. Клодницкий работал в Гатчине с 1878 по 1891 год.

⁶⁹ РГИА. Ф. 491. Оп. 5. Д. 543. Л. 39 об. 1882 г.

⁷⁰ Дворец и парк Гатчины в документах письмах и воспоминаниях. 1881–1917. СПб.: ООО «Союз-Дизайн», 2008. С. 138.

⁷¹ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-278-ХII. Дмитриев Н.В. План и разрез водослива в Приоратском парке.

⁷² Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 265.

⁷³ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 265.

⁷⁴ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-277-ХII.

⁷⁵ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 244. Л. 341–345. 1885 г.

⁷⁶ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 265.

на Филькином озере были построены две купальни: одна для служащих Дворцового правления, другая для воспитанников Николаевского сиротского института, а на Черном озере вместо прежнего старого купального павильона появилась лодочная станция.

Благодаря заботе августейшего владельца в конце XIX века Приоратский парк стал «одним из приятнейших уголков Гатчины» и гуляющая публика «во время белых ночей покидает этот прекрасный парк далеко за полночь»⁷⁷.

В настоящее время парк находится в запущенном состоянии, но в 2020 году было создано «Парковое агенство» Ленинградской области. Оно будет заниматься благоустройством Приоратского парка, а ГМЗ «Гатчина» — небольшой территорией у Приоратского дворца.

Еще один парк с названный «Зверинцем» площадью более 400 га во времена Александра III оставался местом для охоты — любимой «царской забавы». В 1881 году по Высочайшему повелению парк был передан в егермейстерское ведение, и составлен перечень зданий и сооружений на его территории⁷⁸: «егерский домик, казармы с сараем, сарай для оленей, сарай для зубров, два сенных сарая — большой и малый, амбар, конюшня, сарай для хранения рогов и два колодца», а также

- 3 караулки
- каменная ограда у Сильвии на протяжении 174 саж.
- 45 саж. железной решетки, шлюз из Белого озера, 4000 саж.
- изгороди вокруг зверинца построенной из жердей по 2½ саж. высоты каждая,
- 285 саж. деревянного полисада со стороны Кипенской дороги,
- 1075 саж. такого же полисадника, отделяющего зверинец от дворцового сада,
- ворот 4,
- мостов: каменных — 1, деревянных — 13 и железный — 1,
- один каскад с шлюзом и пешеходным мостом,
- дорог пешеходных 12 пог. саж.,
- ежалых 4970 пог. саж.
- для верховой езды 5478 пог. саж.

Кроме этого в «Зверинце» числилось «347 экземпляров различных животных».

В 2020 году парк «Зверинец» был передан «в постоянное, бессрочное пользование» ГМЗ «Гатчина», и предстоит большая работа по его благоустройству. В предшествующей этому исследовательской работе, не-

⁷⁷ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 290.

⁷⁸ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 295–296.

сомненно, помогут вновь обнаруженные в РГИА планы середины и второй половины XIX века. Они свидетельствуют, что историческая планировка парка при Александре III оставалась прежней.

Расположенный по обоим берегам реки Гатчинки «Зверинец» представлял собой лесопарк с регулярной планировкой: три продольные, три поперечные и диагональные просеки взаимно пересекались, а в местах их пересечения находились круглые смотровые площадки, на которые во время охоты загонялись звери. Одна из прямых просек Цагове вела к Егерскому домику с казармами и загоном для зверей, другая извилистая дорога Гундиуса — к бывшему Орловскому дому.

Надо добавить, что в тот период парк «Сильвия» и Мартяжкин луг тоже относились к парку «Зверинец»⁷⁹. В «Сильвии» на берегах реки Колпанки располагались хозяйственные постройки: Дворцовая ферма и Птичий двор. В 1882–1884 гг. каменное здание «Птичника» было реконструировано с созданием отделения для содержания фазанов под руководством С. И. Шестакова. В 1885 году ремонтировалась плотина на реке Колпанке: «На переделку Каскада в Гатчинском парке близ Птичьего дома со шлюзом и устройством через оный пешеходного моста — 1556 руб. 68¼ коп.»⁸⁰.

Еще в предыдущий период, т.е. в 50–60 годы XIX века, были приняты меры для осушения сильно заболоченной территории парка «Зверинец», на которые потребовались значительные средства: «Результаты прежних исследований над характером болота Гатчинского Дворцового парка или Зверинца, привели к тому убеждению, что совершенную осушку онаго без употребления значительного капитала, невозможно, потому что болота это есть котловина дно которой гораздо ниже русла протекающей посреди этаго болота реки Гатчинки так равно и главного водоприемника реки Ижоры... подлежит ныне только думать об осушении верхняго слоя болота»⁸¹.

Для этого потребовалось расширение истока реки Гатчинки, и было выкопано озеро «на болотистом месте в зверинце на пространстве 6353 кв. саж. глубиною 1½ аршина, работы обошлись в 1757 р. 40 к.»⁸².

При Александре III дальнейшее осушение территории «Зверинца» было продолжено⁸³.

Также в первый же год после переезда императора в Гатчину в «Зверинце» начали приводить в порядок старые и прокладывать новые доро-

⁷⁹ Сейчас городская застройка Хохлова поля.

⁸⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 322. Л. 1.

⁸¹ РГИА. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1749. Л. 2–4. 1859 г.

⁸² Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 156.

⁸³ Сейчас через 100 лет перед ГМЗ «Гатчина» тоже стоит такая же задача.

ги. Однако, как следует из акта 1882 года, состояние дорог в парке «Зверинец» оказалось в неудовлетворительном состоянии, а именно, грунт «на всем протяжении состоит из глины и чернозема», и «вследствие низкого положения парка почва большую часть года находится в весьма сыром состоянии», также «насыпный на неукрепленный грунт песок с значительным количеством щебня перемешивается с глиной и черноземом и образует массу, которая при ненастной погоде превращается в грязь, при хорошей — в пыль»⁸⁴. В результате, по распоряжению императора, дороги были вновь переделаны.

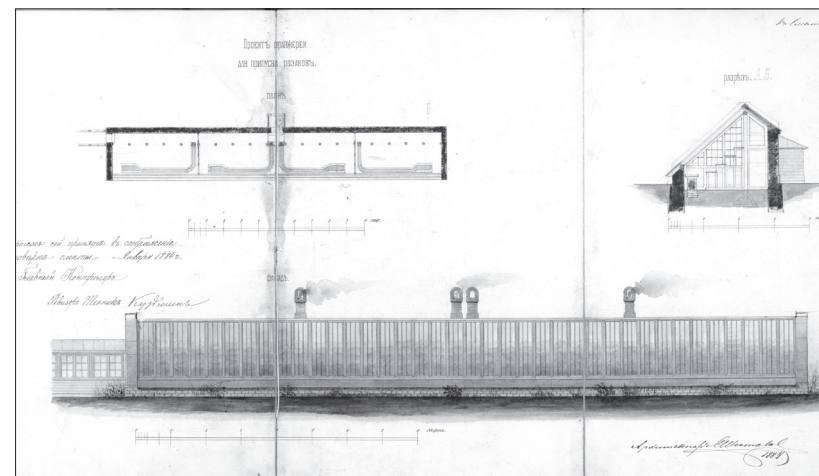
Из сохранившихся документов того времени большое количество относится к ремонтным работам по комплексу Больших дворцовых оранжерей, что свидетельствует о значении, которое придавалось этому хозяйству в императорской резиденции.

Существование оранжерей на территории парка известно еще с «орловских» времен. В 90-е годы XVIII века комплекс Дворцовых оранжерей был построен, предположительно, по проекту архитектора В. Бренны. Он состоял из одноэтажных корпусов оранжерей и теплиц, расположенных «линиями», а также домов служителей.

При Александре III часть оранжерей была перестроена по проекту архитектора С. И. Шестакова⁸⁵. На фасаде одного из зданий до сих пор сохранилась дата «1885»⁸⁶. Известна лишь одна фотография до 1918 года с видом на Дворцовые оранжереи.

Однако в настоящее время нами были выявлены новые материалы по капитальному ремонту Больших оранжерей в 80-е годы XIX века. Например, в 1882 году императрица Мария Федоровна обратила внимание на ветхость комплекса оранжерей.

Работы начались с перестройки Абрикосовой оранжереи. В 1885 году архитектор С. И. Шестаков составил 2 проекта. По 1-му планировалось строительство новой оранжереи для припуска розанов⁸⁷, но он, вероятно, не устроил царственную заказчицу. Была утверждена другая смета архитектора на перестройку старого здания на сумму 15 945 руб. 33 коп. с прилагаемым чертежом⁸⁸. По данному проекту бывшая Абрикосовая оранжерея длиной 36 саж. шир. 4,87, была разделена на две части: одну оставили под выращивание абрикосов, а вторую приспособили «для припуска ро-

С. И. Шестаков. Проект оранжереи. 1882. РГИА Ф. 491. Оп. 3. Д. 159.

занов и разных цветов». Требования, как и в других случаях, предусматривали после разборки старого здания возводить новое «с употреблением материалов, оставшихся от старой оранжереи».

Также хозяйка Гатчины «во время Высочайшего посещения Гатчинских оранжерей в апреле 1884 года изволила напомнить об устройстве сарая для вишневых деревьев»⁸⁹.

О существовании парников свидетельствует обнаруженный чертёж С. И. Шестакова «Парник при оранжереях Гатчинского Императорского дворца» 1883 года⁹⁰.

В это же время на границе комплекса оранжерей был построен кирпичный забор по проекту Н. В. Дмитриева «Фасад и фрагменты фасада кирпичного забора у оранжерей»⁹¹, деревянные ворота по проекту С. Шестакова⁹², а при въезде в оранжерею — деревянная караулка⁹³.

Сохранились сведения о том, что выращивали в Дворцовых оранжереях в 1891 году: «По количеству отдельных экземпляров первое место занимают отделения цветущих растений, которых насчитывается до 8000 сортов, за ними следуют декоративные растения (до 6000 экземпляров). В питомнике содержится до 1500 деревьев различных лиственных и хвойных пород и до 3000 различных кустарников». Также разведены «150 пород фруктовых деревьев в теплицах» и «на воздухе разводятся

⁸⁴ НА ГМЗ «Гатчина». Инв. № Д-1778. Абрамов Л. К. Проблема изучения наследия русской архитектуры и современные задачи проектно-восстановительных работ по дворцу и паркам Гатчины. Приложение № 169.

⁸⁵ НА ГМЗ «Гатчина». Инв. № Д-2765/1. Проектная документация. 2017 г. Л. 6.

⁸⁶ Последняя цифра исчезла в 2020 году.

⁸⁷ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 244. Л. 327 об., 328. 1885 г.

⁸⁸ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 159. Л. 22-30, и 31 а.б.в. 1884 г.

⁸⁹ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 244. Л. 352.

⁹⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 244. Л. 378.

⁹¹ ГМЗ «Гатчина». Инв. № ГДМ-293-XII.

⁹² РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 112. Л. 11. С. Шестаков. Проект ворот при въезде в оранжерею Дворцового сада. 1885 г.

⁹³ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 112. Чертеж Шестакова Л. 4 б.

Фасад одного из зданий Дворцовой оранжереи. Фото 2019.

следующие плодовые деревья: яблони, вишни, около 1000 кустов малины, крыжовника и смородины...до 60 гряд земляники и 200 кустов зимующих многолетних растений»⁹⁴.

Во время Великой Отечественной войны сохранилась лишь часть зданий комплекса. В послевоенное время они были заняты различными городскими организациями.

В настоящее время оранжерейный комплекс состоит из корпусов, расположенных на четырёх линиях. Из них пять пять зданий на двух линиях находятся в оперативном управлении ГМЗ «Гатчина»⁹⁵.

В заключение надо сказать, что к концу XIX века, благодаря Александру III, который «неустанно и щедро изливал Свои царственные заботы», Гатчинский дворцово-парковый ансамбль стал «настолько благоустроен, что не требовались большие затраты в будущем» на его содержание.

«Пусть меня ругают, и после моей смерти будут еще ругать, но может быть и наступит тот день, когда и добром помянут»⁹⁶, — написал Александр III в 1883 году в письме обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву. И вот в год 175-летнего юбилея российского императора мы благодарим царственного владельца Гатчины за его огромный вклад в сохранение замечательных гатчинских парков.

⁹⁴ Столетие города Гатчины 1796 11/XI 1896... Том 1. С. 94.

⁹⁵ Часть построек находится в руинированном состоянии, а часть перестроена.

⁹⁶ Рыженко И. Э. Александр III в Гатчине. СПб.: Лики России, 2011. С. 22.

Выступления Придворного оркестра в Гатчине в 1891–1894 гг.

DOI: 10.48466/8846.2021.86.48.001

Шукурова Айсулу Эркиновна,
СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина»,
старший научный сотрудник

Положение о «Придворном музыкантском хоре» было подписано Александром III 16 июля 1882 года. А уже 30 августа вновь созданный коллектив был укомплектован военными музыкантами, и с тех пор день тезоименитства государя, который приходится на день перенесения мощей святого князя Александра Невского, считается днем образования хора¹. И на следующий день, 31 августа, новый оркестр уже сыграл свой первый концерт².

Сначала, видимо, был сформирован состав духового оркестра. А в сентябре 1882 года появился и струнный оркестр, который дал свой первый концерт в Гатчине в Арсенальном зале во время обеда³.

Кроме официальных документов Министерства императорского двора, сохранился очень интересный внутренний документ оркестра, «Книга программ 1891 1894», которая хранится в Библиотеке филармонии. Это — рукописная книга, в которой записаны все выступления Придворного оркестра в указанные годы.

Каждое выступление придворного оркестра подробно фиксировалось. Мы можем почерпнуть из этих записей следующие сведения:

Дата выступления, день недели

Место выступления

Санкт-Петербург, Гатчина, Петергоф (Большой дворец, Нижний сад, Александрия, Ферма). В Санкт-Петербурге дополнительно указывался дворец: Зимний, Собственный. Иногда это были «репетиции с гостями».

¹ Кошелев В. В. К истории традиции музицирования в жизни Государей российских (XVI–XX вв.)// «Музыка все время процветала» Музыкальная жизнь императорских дворцов Материалы научно-практической конференции 22–23 октября 2015 г. — СПб.,: Свое издательство, 2015. С. 135–136.

² Только в 1897 году название «Придворный музыкантский хор» было заменено на «Придворный оркестр». Там же. С. 137.

³ Хухка И. Музыкальная жизнь Гатчинского Дворца. Там же. С. 251.

Место расположения музыкантов

Например, в Гатчине: во время завтрака – Лестница Арсенального зала, во время обеда – Арсенальный зал.

Повод

Чаще всего простая привязка к протокольному мероприятию – «за завтраком», «за обедом». Кроме того, обязательно указывались причины более торжественные – тезоименитства или дни рождения членов императорской семьи, дипломатические (приемы высоких гостей, проводы послов), балы.

Состав оркестра

Духовой или струнный. Иногда – двумя составами. В случае выступления, например, во время бала приводится полный инструментальный состав оркестра.

Капельмейстер

В интересующее нас время их было два:

Герман Карлович Флиге⁴, дирижировавший струнным оркестром, Гуго Иванович Варлих⁵, руководивший духовым составом.

В случае замены капельмейстера или исполнения какого-либо произведения сводным составом об этом обязательно делалась запись.

Программа выступления по отделениям

Кроме самой программы, обязательно указывалось, какие номера игрались сверх программы по приказу члена царской семьи (императора, императрицы или наследника), в случае торжественных поводов – в какой момент произносились тосты, игрался туш, марши того или иного полка и т.д.

Время начала и завершения выступления

В некоторых случаях оговаривались причины, почему не состоялось выступление, например, «отъезд Государя в СПб». Или наоборот – «по экстренному вызову».

Когда выступления Придворного оркестра проходили в Гатчине, то, кроме особенных случаев, во время завтрака музыканты находились на Лестнице Арсенального зала, во время обеда – в Арсенальном зале.

Эти записи представляют очень важный материал для исследования повседневной жизни Гатчинского дворца в последние годы правления Александра III. Даже поверхностный анализ дает возможность более точно определить музыкальные вкусы императора и его близких, осветить подробности дворцового церемониала.

В 1891 году в Гатчинском дворце состоялось только одно выступление – 31 марта, во время воскресного обеда.

⁴ Флиге Г. К. (1829–1927), немецкий и российский дирижер и композитор.

⁵ Варлих Г. И. (1856–1922), российский и советский дирижер чешского происхождения.

В 1892 году из четырнадцати выступлений четыре пришлось на март и май, остальные десять – на осень. Причем особого внимания заслуживает официальный торжественный прощальный обед Германскому послу, генералу Г. Л. Швейнцу⁶ 3 декабря.

В 1893 году из четырнадцати выступлений два пришлось на май–июнь, остальные десять – на осенние и зимние месяцы.

В 1894 году Придворный оркестр выступал в Гатчине только восемь раз, последнее пришлось на 27 апреля – день рождения великого князя Георгия Александровича.

Если посмотреть, какие произведения исполняли в Гатчине в эти годы, то можно с уверенностью сказать, что здесь была представлена практически вся музыкальная Европа. Премьеры Парижа, Мюнхена, Дрездена, Вены очень скоро включались в репертуар придворных выступлений. В Арсенальном зале звучали увертюры и отдельные номера из опер Жюль Массне⁷, Амбруаза Тома⁸, Рихарда Вагнера⁹.

Значительное место, естественно, занимала танцевальная легкая музыка, особенно вальсы. Многие из них популярны до сих пор, их узнают и наши современники, например, произведения Карла Михаэля Цирера¹⁰, последнего распорядителя императорских балов Вены, или Эмиля Вальдтефеля¹¹, капельмейстера Наполеона III, личного пианиста императрицы Евгении, и, конечно, польки и вальсы Иоганна Штрауса-сына¹².

Но самым любимым композитором, произведения которого исполнялись чаще всего, был Петр Ильич Чайковский¹³. Его слушали много и с удовольствием, неизменно просили исполнить его произведения сверх программы или повторить. В 1891–1892 гг. безусловными фаворитами гатчинских концертов были номера из балетов «Спящая красавица» и «Щелкунчик». Ни одна мелодия не звучала так часто, как «Панорама» из «Спящей красавицы».

Еще до официальной премьеры в Арсенальном зале Гатчинского

⁶ Швейнце Ганс Лотар фон (1822–1901), прусский, затем германский, генерал от инфантерии, дипломат. В 1876–1892 гг. был послом в Петербурге, известен как сторонник Пруссии и России. Был доверенным лицом императоров Вильгельма I.

⁷ Массне Жюль Эмиль Фредерик (Jules Émile Frédéric Massenet, 1842–1912), французский композитор.

⁸ Тома Шарль Луи Амбруаз (Charles Louis Ambroise Thomas, 1811–1896), французский композитор, директор Парижской Консерватории.

⁹ Вагнер Вильгельм Рихард (Wilhelm Richard Wagner, 1813–1883), немецкий композитор, дирижер и теоретик искусства.

¹⁰ Цирер Карл Михаэль (Carl Michael Ziehrer, 1843–1922), австрийский композитор и дирижер.

¹¹ Вальдтейфель Эмиль (Émile Waldteufel, 1837–1915), французский композитор.

¹² Штраус-сын Иоганн Батист (Johann Baptist Strauss II, 1825–1899), австрийский композитор, дирижер.

¹³ Чайковский Петр Ильич (1840–1893), русский композитор, педагог, дирижер.

дворца уже звучали ариозо Короля из оперы «Иоланта» и «Увертюра» и танцы из балета «Щелкунчик». Напомним, что первое исполнение этих оперы и балета состоялось в декабре 1892 года, а в императорской резиденции первое исполнение отдельных номеров состоялось в октябре 1892 года.

В 1893 г. подбор произведений П. И. Чайковского претерпел некоторые изменения, больше стало исполняться инструментальной музыки: *andante* из «Струнного квартета», элегия и вальс из «Серенады для струнного оркестра», «Баркарола» и «Осенняя песня» из цикла «Времена года».

Уже отмечалось, что капельмейстеры «Придворного хора» при составлении программ выступлений учитывали вкусы своей высочайшей публики. Иногда это было повторение отдельной песни или романса, а иногда – части концертов. Так, по выбору императрицы Марии Федоровны было составлено два выступления, которые мы можем сравнить: 17 декабря 1893 г., когда оркестр был экстренно вызван в Гатчину и играл после обеда, и последний концерт, который прозвучал в Гатчине 27 апреля 1894 года.

Конечно, государыне дороги были произведения скандинавских композиторов, прежде всего, датчан Г. Х. Лумби¹⁴ (марш, написанный в честь её дорогого *pará* – «Король Христиан IX»), Н. Гаде¹⁵ и норвежца Э. Грига¹⁶. Особенно августейшие слушатели отличали романс «Люблю тебя», который был написан на слова Ганса Христиана Андерсена. Но оба концерта включали и произведения П. И. Чайковского. Императрица просила исполнить *andante* из «Струнного квартета». И, может быть, тогда она вспоминала давний благотворительный концерт в пользу студентов Петербургской консерватории в марте 1880 года, когда была ещё великой княгиней и вместе с великим князем Константином Константиновичем смотрела, как из рукоплещущей толпы вытащили на поклон смущенного автора, Петра Ильича, который приехал из-за границы?

И, наконец, с Гатчиной и Александром III связаны проникновенные строки из мемуаров графа С. Д. Шереметева, которые часто цитировались исследователями: «Однажды в 1893 г. глава государства был как-то особенно музыкально настроен и потребовал, чтобы сыграли оду из пьес Чайковского. Хор играл в этот день особенно хорошо, и впечатление было сильное... Все разошлись несколько позднее обыкновенного и под чудным настроением, а на другой день узнали, что в то самое время, когда

это происходило в Гатчине, умирал Чайковский. Казалось, мы слышали его лебединую песнь. И тот, кто слушал её так внимательно и так наслаждался ею, недолго пережил его...»¹⁷. Эту фразу использовали очень часто, но какие же именно произведения П. И. Чайковского слушали тогда в Гатчине, что именно было той «лебединой песнью» в последние дни октября 1893 года, оставалось неизвестным.

Благодаря «Книге программ 1891–1894» Придворного хора у нас есть возможность точно узнать, что исполнялось в Гатчине в день, когда умирал П. И. Чайковский. Ухудшение наступило 24 октября, это было воскресенье, а в понедельник, 25 октября, все петербургские утренние газеты вышли с сообщением о смерти композитора. И так, 24 октября, во время обеда (граф отметил, что присутствующие «разошлись позднее обыкновенного»), сверх программы было исполнено ариозо Наташи из оперы «Опричник».

«Опричник», одна из ранних опер Чайковского, для современного слушателя малознакома, находится в тени его последующих произведений. Однако она интересна как опыт разработки типа большой «французской» оперы на русском материале. Поставил её в Мариинском театре в 1874 году Э. Ф. Направник¹⁸, который внес некоторые изменения в зависимости от возможностей певцов.

По беглому обзору этого материала можно, во-первых, отметить особенности репертуара «протокольного» характера, во-вторых, выделить круг любимых композиторов Александра III и его семьи.

Во время выступлений Придворного оркестра в Гатчинском дворце практически неизменно соблюдались следующие правила. За завтраком играл духовой оркестр, который находился на нижней площадке Мраморной лестницы, около Арсенального зала, по воскресеньям программу открывал марш одного из полков императорской армии. Единственное исключение – празднование дня рождения великой княжны Ольги Александровны.

На первом месте стоит, вне всяких сомнений, Петр Ильич Чайковский. Из его произведений, в свою очередь – музыка из балетов «Спящая красавица» и «Щелкунчик».

Следом за Чайковским идут Жюль Массне, Пьетро Маскани¹⁹, Рихард Вагнер, а с 1893 г. – Руджеро Леонкавалло²⁰. Маскари и Леонкавал-

¹⁴ Лумби (Лусбю) Ганс Христиан (Lumbye Hans Christian, 1810–1874), датский композитор и дирижер.

¹⁵ Гаде Нильс Вильгельм (Niels Wilhelm Gade, 1817–1890), датский органист, скрипач, дирижер, композитор.

¹⁶ Григ Эдвард Хагеруп (Edvard Hagerup Grieg, 1843–1907), норвежский композитор, пианист, дирижер. Григ был дружен с П. И. Чайковским, с которым познакомился в 1888 г. в Лейпциге.

¹⁷ Мемуары графа С. Д. Шереметева: Дворец и парк Гатчины в документах. Книгах и воспоминаниях. 1881–1917. – СПб, ООО «Союз-Дизайн», 2008. 472 с. С. 112.

¹⁸ Направник Эдуард Францевич (Eduard Nápravník, 1839–1916), чешский и русский композитор и дирижер. Почти пятьдесят лет был главным дирижером Мариинского театра.

¹⁹ Маскани Пьетро (Pietro Mascagni, 1863–1945), итальянский оперный композитор.

²⁰ Руджеро Леонкавалло (Ruggero Leoncavallo, 1857–1919), итальянский композитор, пианист.

ло — композиторы «одной оперы», «Сельской чести» и «Паяцев». Массне и Вагнер были представлены практически всеми своими крупными произведениями. Однако весьма красноречиво, что музыку Вагнера ни разу не исполняли сверх программы.

Кроме Чайковского, из русских композиторов августейшие хозяева дворца много слушали произведения М. И. Глинки²¹, Н. А. Римского-Корсакова²², А. Г. Рубинштейна²³.

В целом, репертуар выступлений Придворного оркестра гармонично включал в себя музыку и «серьезную», и танцевальную (вальсы, польки), и военную (марши). Видимо, вкусы Александра III в музыке соответствовали его пристрастиям в живописи: он любил современную школу. Безусловно, классикам он также отдавал должное — В. А. Моцарт, Л. Бетховен были включены в программу, но все-таки предпочтение отдавалось композиторам XIX века, несколько академического толка. Пристрастия императрицы Марии Федоровны тоже прочтываются вполне ясно: ей нравились произведения скандинавских композиторов, П. И. Чайковского и Ф. Мендельсона.

Надеемся, в Гатчинском дворце по-прежнему будет звучать музыка, которая была близка его обитателям.

²¹ Глинка Михаил Иванович (1804–1857), русский композитор.

²² Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908), русский композитор, дирижер, педагог.

²³ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), русский композитор, пианист, дирижер, педагог.

Уточнение атрибуции накидки по форме Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка из коллекции ВИМАИВиВС

DOI: 10.48466/6478.2021.65.77.001

Юркевич Евгений Иванович,
Военно-исторический музей артиллерии, инженерных
войск и войск связи,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук

Русские императрицы, великие княгини и княжны с давних пор были Шефами полков Русской Императорской Армии — как Гвардейских, так и армейских¹. Как Шефам, им полагались и мундирные платья — очень интересный вид женской одежды, сочетающий в себе как элементы собственно женского платья (прежде всего, покрой), так и элементы военного мундира (цвет, воротник и обшлага, пуговицы, эполеты (погоны) и др.)² Иногда эти платья имеют очень интересную историю, как то, о котором пойдет речь — накидка по форме Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка³, к которой прилагается пара обшлагов⁴ в специальном футляре⁵. Эта накидка находится в коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Накидка экспонировалась на выставке «Император Александр III, Императрица Мария Федоровна» в ЦВЗ «Манеж» (2006), а также на внутримузеевых выставках в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС): «Романовы и армия» (2013) и «Указали Мы... учредить от кавалерии кирасирский полк!»: Из истории кирасирских полков Русской Императорской Армии» (2018).

По данным «Книги поступлений исторических фондов ВИМАИВиВС

¹ См.: Фаллер О. В., Мальцева О. Л. Августейшие покровительницы российских полков. М., 2019. С. 296–299; Юркевич Е. И. Представительницы Династии Романовых — Шефы полков Русской Императорской Армии // Россия и Европа: Междинастические браки и их роль в истории: Материалы научно-практической конференции 21–22 ноября 2019 года. Гатчина, 2019. С. 360–376.

² Зимин И. В. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора: Вторая четверть XIX — начало XX в.: Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010. С. 84–97; Хорошилова О. А. Война и мода: От Петра I до Путина. М., 2018. С. 348–358; Фаллер О. В., Мальцева О. Л. Августейшие покровительницы российских полков. С. 264–289.

³ ВИМАИВиВС. Инв. № 2ИФ 12/1616 (1).

⁴ ВИМАИВиВС. Инв. № 2ИФ 12/1616 (2, 3).

⁵ ВИМАИВиВС. Инв. № 2ИФ 12/1616 (4).

№ 1», а также в соответствии с каталожным описанием, накидка, или «колет офицерский женского покроя с обшлагами» принадлежала супруге императора Александра III императрице Марии Федоровне (1847–1928) и поступила в музей в 1937 г. «из собрания Л.-Гв. Кирасирского полка»⁶.

Накидка изготовлена из белого сукна и представляет собой плащ без рукавов. Воротник, борта и подол обшиты галуном золотистого цвета и двумя кантами из синего сукна. Под галуном на воротнике имеются две вышитые металлизированной золотистой нитью петлицы. Колет застегивается на десять металлических крючков и петель. Ниже воротника имеются две позолоченные пуговицы с изображением Государственного герба и плетеная петля из металлизированной золоченой нити. Подкладка из шелка кремового цвета. Размер: длина по спинке 141 см. Материал: сукно, металл, галун, ткань подкладочная, нить металлизированная.

Обшлага из синего сукна с шитьем из металлизированной золоченой нити и двумя позолоченными пуговицами с изображением Государственного герба. Подшит темно-синим бархатом, застегивается на два металлических крючка и три пары нитяных петель. Размер: длина 16,5 см, ширина 6,1 см, диаметр пуговиц 1,4 см. Материал: сукно, нить металлизированная, бархат, металл.

Воротник, обшлага и металлический галун, которым отделана накид-

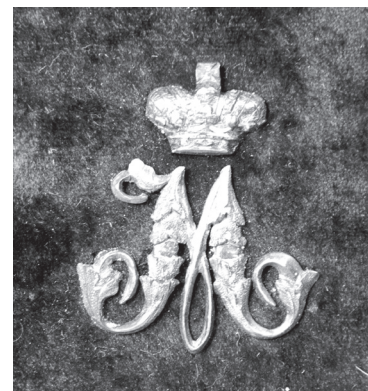

Накидка, общий вид.

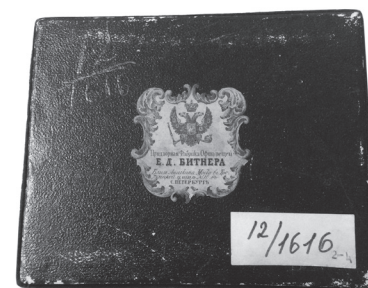

Обшлага в футляре.

⁶ Книга поступления исторических фондов ВИМАИВиВС КП ИФ 1: № 1 – 3800. Начата 16 июня 1937 г. Окончена 12 августа 1937 г. Л. 125. Император Александр III, Императрица Мария Федоровна: Каталог выставки. СПб., 2006. С. 364.

Вензель на крышке футляра.

Картуш Придворной фабрики офицерских вещей Е. Д. Битнера

ка, полностью соответствуют таким же деталям на колетах офицеров Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка обр. 1857 г., носившихся до начала XX в.⁷

Футляр обтянут темно-синим бархатом, на его крышке в центре накладной вензель «М» под императорской короной из белого металла. Внутренняя поверхность футляра обтянута шелком белого цвета. Футляр закрывается на замок с кнопкой. На нижней части футляра приклеен бумажный ярлык в виде картуша с изображением Государственного герба и надписью в пять строк «Придворная Фабрика Офиц. вещей / Е. Д. Битнера / Близь Аничкина Моста въ Тро / ицкой улицъ №10 въ / С. Петербургъ». Размер: длина 15,3, ширина 12,2 см, высота 8,2 см. Материал: бархат, металл, шелк.

Для начала попытаемся выяснить, как же накидка попала в коллекцию Артиллерийского музея.

В январе–мае 1918 г. в Артиллерийский исторический музей поступили фонды 27 полковых и училищных музеев, прежде всего полков Гвардии, квартировавших в Петербурге и окрестностях, в том числе и предметы из музея Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка, позднее влившиеся в состав Военного историко-бытового музея (ВИБМ), фонды которого в 1937 г. влились в состав Артиллерийского исторического музея (АИМ)⁸. В числе поступивших из ВИБМа предметов была и женская накидка по форме кирасир Ея Величества.

В архиве ВИМАИВиВС, в деле, озаглавленном: «О принятии ценного имущества от Л.-гв. Кирасирского (Ея Величества) полка» есть акт, который гласит:

⁷ «За веру и верность»: Три века Российской Императорской Гвардии. «Их золотцу, шитью – дивятся будто солдцям!»: Каталог выставки. Выпуск 2. СПб., 2003 (Государственный Эрмитаж). С. 213; Ключков Д. А. Обмундирование, снаряжение и вооружение Российской Императорской армии 1914–1917 гг.: Гвардейская тяжелая кавалерия. М., 2015. С. 243.

⁸ Баженов С. В. Перенесение коллекций войсковых музеев в государственные хранилища: Январь–май 1918 г. // Сборник исследований и материалов Военно-исторического ордена Красной Звезды музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Выпуск V. Л., 1990. С. 196–207; Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: Путеводитель. СПб., 2018. С. 15–16.

«Сего 12 августа 1918 года, мною, комиссаром полковых музеев Гущиком, принято на месте, в Гатчине, во Дворце-музее, в комнатах бывшего царя Николая II-ого ценное имущество бывшего Л.-Гв. Кирасирского / Ея Величества / полка, состоящее в следующем:

1/ 7 / семь / исторических штандартов.

2/ 6 / шесть / штандартов последнего времени.

3/ 1 / одни / литые литавры из серебра / два барабана /

4/ 31 / тридцать одна / серебряная труба.

5/ 4 / четыре / витрины⁹ с историческими мундирами.

По принятии означенного имущества на него мною, Комиссаром полковых музеев Гущиком, были наложены мои печати.

При передаче присутствовали и расписались:

/ Подпись / Комиссар / Гущик.

Представитель Государственного Контроля / подпись / Будный.

По заявлению дирекции Дворца-Музея литавры Кирасирского полка по акварелям Гатчинского Дворца значатся за ним 1878 года.

/ Подпись / Комиссар Гущик.

Хранитель дворца / подпись / В. Макаров.

Представитель / Государственного Контроля / подпись / Будный¹⁰.

В данном документе для нас важен последний пункт — о витринах с историческими мундирами. В одной из них, несомненно, и находилась интересующая нас накидка. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что она попала в Артиллерийский музей в составе музея Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка в конце августа 1918 г.

Инвентарные книги полкового фонда Военного историко-бытового музея не сохранились — они были уничтожены в начале 1950-х гг., поэтому следующим документом, где мы встречаем упоминание об интересующей нас накидке, является уже упомянутая Книга поступлений исторических фондов, в которой накидка уже зафиксирована как поступившая в 1937 г. из ВИБМа в фонды АИМ. Таким образом, накидка, попав в АИМ в августе 1918 г., оставалась там до 1932 г., когда была включена в состав ВИБМа (имущество которого, упакованное в ящики, размещалось в Артиллерийском историческом музее), а в 1937 г. вместе с другими предметами из полкового фонда ВИБМа влилась в состав фондов АИМ.

Скажем теперь несколько слов о Лейб-Гвардии Кирасирском Ея Величества полку и его Шефах-дамах.

Лейб-Гвардии Кирасирский Ея Величества полк ведет свою историю с 1704 г. Он был создан как драгунский, в 1733 г. стал кирасирским. Полк

⁹ Так в документе.

¹⁰ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 52. Оп. 110/2. Д. 47. Л. 14.

участвовал в Северной (1700–1721), Семилетней (1756–1763), Русско-турецкой (1787–1791) войнах, Голландской экспедиции (1799), в кампании с французами 1805 г., в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах (1813–1814), в усмирении Польши (1831) и Венгрии (1849), прикрывал западную границу России в 1854–1856 гг. За отличие в войне 1812 г. полку были пожалованы 22 серебряные Георгиевские трубы¹¹.

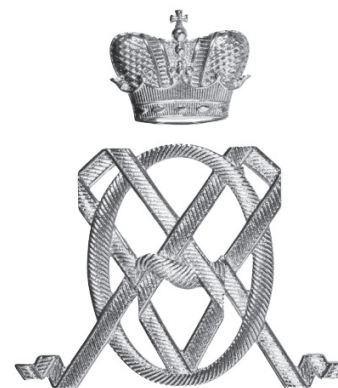
Полк неоднократно имел Шефами (не считая императриц Анну Иоанновну, Елизавету Петровну и Екатерину II Алексеевну, бывших в XVIII в. Шефами полка как Лейб-Кирасирского) представительниц Дома Романовых. Так, с 17 ноября 1796 г. по 24 октября 1828 г. Шефом полка была супруга императора Павла I императрица Мария Федоровна, с 19 февраля 1855 г. по 22 мая 1880 г. — императрица Мария Александровна, супруга императора Александра II, а с 31 мая 1880 г. по 4 марта 1917 г. — Цесаревна, а впоследствии императрица Мария Федоровна, супруга императора Александра III¹².

Но вернемся к накидке. Ее принадлежность именно императрице Марии Федоровне вызывает ряд серьезных вопросов.

Прежде всего, странно, что мундирное платье живого Шефа оказалось в собрании (музее) полка. Согласно существующей традиции, в полк (для хранения в полковой церкви или музее) передавались только мундиры умерших Шефов, причем решение о передаче в полк мундира принималось лично императором. Так, 19 февраля 1829 г. полку по повелению императора Николая I были пожалованы два мундира «покойного Шефа».

21 февраля мундиры были привезены в Гатчину, где «они с церемониею были перенесены в церковь гарнизонного батальона, а теперь хранятся в полковой», — писал полковой историограф полковник М. А. Марков¹³.

Кроме того, обращает на себя внимание вензель на крышке футляра для обшлагов. Это буква «М» под императорской короной. Вензель же

Вензель императрицы Марии Федоровны для ношения на офицерских погонах. 1881–1917 гг.

¹¹ Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1910. С. 135–137.

¹² Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. С. 136; Баумгартен фон А. А., Литвинов А. А. Памятка Кирасир Ея Величества за время Гражданской войны 1917–1920 гг. Приложение № 3. [Берлин], [1927]. С. VII.

¹³ Марков М. А. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка. Т. 1. СПб., 1884. С. 368.

Марии Федоровны, в том числе принятый в армии – это наложенные друг на друга буквы «М» и «Ф», увенчанные Императорской короной¹⁴. Так что вензель на крышке футляра, скорее всего, не Марии Федоровны, а императрицы Марии Александровны, бывшей Шефом полка ранее.

Интересна и наклейка на нижней части футляра для обшлагов. Фабрика (магазин офицерских вещей) Е. Д. Битнера существовала в Петербурге с начала XIX в. до 1860-х гг.¹⁵ Важно в данном случае и изображение в картуше на наклейке футляра государственного герба – его поставщики Двора Ея Величества получили право ставить на изготовленных ими вещах лишь с 1856 г.¹⁶

Таким образом, если исходить из вензеля на футляре и, прежде всего, наклейки на нем же с картушем фабрики офицерских вещей, то накидка и обшлага были изготовлены в мастерской Е. Д. Битнера не ранее 1856 г. и не позднее конца 1860-х гг. Следовательно, этот комплект принадлежал не императрице Марии Федоровне, а именно императрице Марии Александровне.

Окончательно подтвердить, что накидка и обшлага принадлежали Марии Александровне, помогут страницы полковой истории.

«Вместе с библиотекою [императрицы Марии Александровны – Е. Ю.] Государь Император пожаловал полку мундирную накидку покойного Шефа, которую Государыня надевала в торжественных случаях, касавшихся полка, и которая своим цветом и украшениями соответствовала мундиру полка.

Ротонда эта, положенная в ящик со стеклом, была торжественно внесена офицерами в полковую церковь в присутствии коменданта города Гатчины генерал-лейтенанта Багговута, командира полка, всех офицеров и при сборе нижних чинов, которые на отслуженной панихиде еще раз помолились о упокоении души незабвенной Государыни», – писал полковник М. А. Марков о траурных мероприятиях, проходивших в полку после смерти Марии Александровны в мае 1880 г.¹⁷

Обратим здесь внимание – М. А. Марков называет мундирную накидку Марии Александровны ротондой. Если говорить о женской одежде XIX в., то ротонда – это накидка без рукавов¹⁸. То есть одежда именно того покроя, что представляет собой предмет нашего исследования.

¹⁴ Правила ношения форм одежды офицерами всех родов оружия и Гражданскими Чинами Военного Ведомства / Сост. полковник В. К. Шенк. СПб., 1910. С. 148.

¹⁵ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб., 2014. С. 515, 519.

¹⁶ Зимин И. В. Повседневная жизнь Российского Императорского Двора: Вторая четверть XIX – начало XX в.: Взрослый мир императорских резиденций. С. 16.

¹⁷ Марков М. А. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка. Т. 1. С. 482–483.

¹⁸ Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М.; СПб., 2006. С. 127.

Мундирное платье императрицы Марии Федоровны

Принадлежность накидки именно императрице Марии Александровне объясняет и присутствие ее в числе полковых реликвий.

Что же касается мундирного платья Синих Кирасир, бесспорно принадлежавшего последнему Шефу полка – императрице Марии Федоровне, то оно тоже сохранилось. Комплект представляет из себя офицерский колет обр. 1857 г. (без эполет, так как Мария Федоровна не имела офицерского чина)¹⁹ и юбку из белого сукна, обложенную по низу таким же полковым галуном, что и колет²⁰. До 1941 г. это мундирное платье хранилось в Гатчинском дворце и относилось к предметам гардероба Марии Федоровны (что было совершенно закономерно, так как в 1918 г. императрица еще здравствовала), а после войны попало в коллекцию Павловского дворца-музея, где находится и ныне²¹.

«Известно, что мундирное платье по форме лейб-гвардии Кирасирского полка было создано в мастерской «Моды и платья А. Т. Ивановой», располагавшейся на набережной реки Фонтанки в доме № 68. Иванова, именовавшаяся поставщицей Ея Императорского Величества, была одной из лучших столичных мастериц. Она скроила колет из белого сукна по лекалам французской моды того времени: он притален, имеет узкую талию, которой славилась Мария Федоровна, и отделан в соответствии с регламентом – галуном и золотыми петлицами с пуговицами. Такой же галун украшает низ юбки. Вероятнее всего, это платье по форме было «построено» в 1904 году или чуть раньше, специально для участия императрицы в праздновании двухсотлетия лейб-гвардии Кирасирского ее имени полка. Крой лифа в полной мере соответствует модному силуэту тех лет. Кроме того, императрица впервые позировала в этом платье для

¹⁹ ФГБУК «ГМЗ «Павловск». Инв. № ЦХ-2837-II.

²⁰ ФГБУК «ГМЗ «Павловск». Инв. № ЦХ-2836-II.

²¹ «За веру и верность»: Три века Российской Императорской Гвардии. «Их золотцу, шитью – дивятся будто солнцам!»: Каталог выставки. С. 221, 261; Спасенные коллекции Гатчинского дворца: Сводный каталог музейных предметов, сохранившихся в период Великой Отечественной войны / Сост. Е. А. Родионов, А. Э. Шукурова. СПб., 2010 (Государственный музей-заповедник «Гатчина»). С. 95.

фотографий именно в 1904 году», – пишет современный историк моды О. А. Хорошилова²².

Наличие вышеописанного полкового мундирного платья у императрицы Марии Федоровны также позволяет усомниться в том, что накидка с обшлагами принадлежала ей.

Почему же при поступлении накидки музей ее владелицей была названа именно Мария Федоровна? Думается, ответ прост. К 1918 г. императрица была Шефом полка уже почти 40 лет, и именно ее имя прочно с ним слилось. А к 1937 г. вообще едва ли кто-то из сотрудников знал, что когда-то Шефом полка была императрица Мария Александровна. Поэтому, найдя среди полковых реликвий предметы женской одежды, их автоматически приписали последнему Шефу полка.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно с полной уверенностью утверждать, что накидка (ротонда) с обшлагами по форме Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка из коллекции ВИМАИВиВС была изготовлена на Придворной фабрике офицерских вещей Е. Д. Битнера не ранее 1856 г. и не позднее конца 1860-х гг. и принадлежала предпоследнему Шефу полка – императрице Марии Александровне.

---

²² Хорошилова О. А. Война и мода: От Петра I до Путина. С. 354.